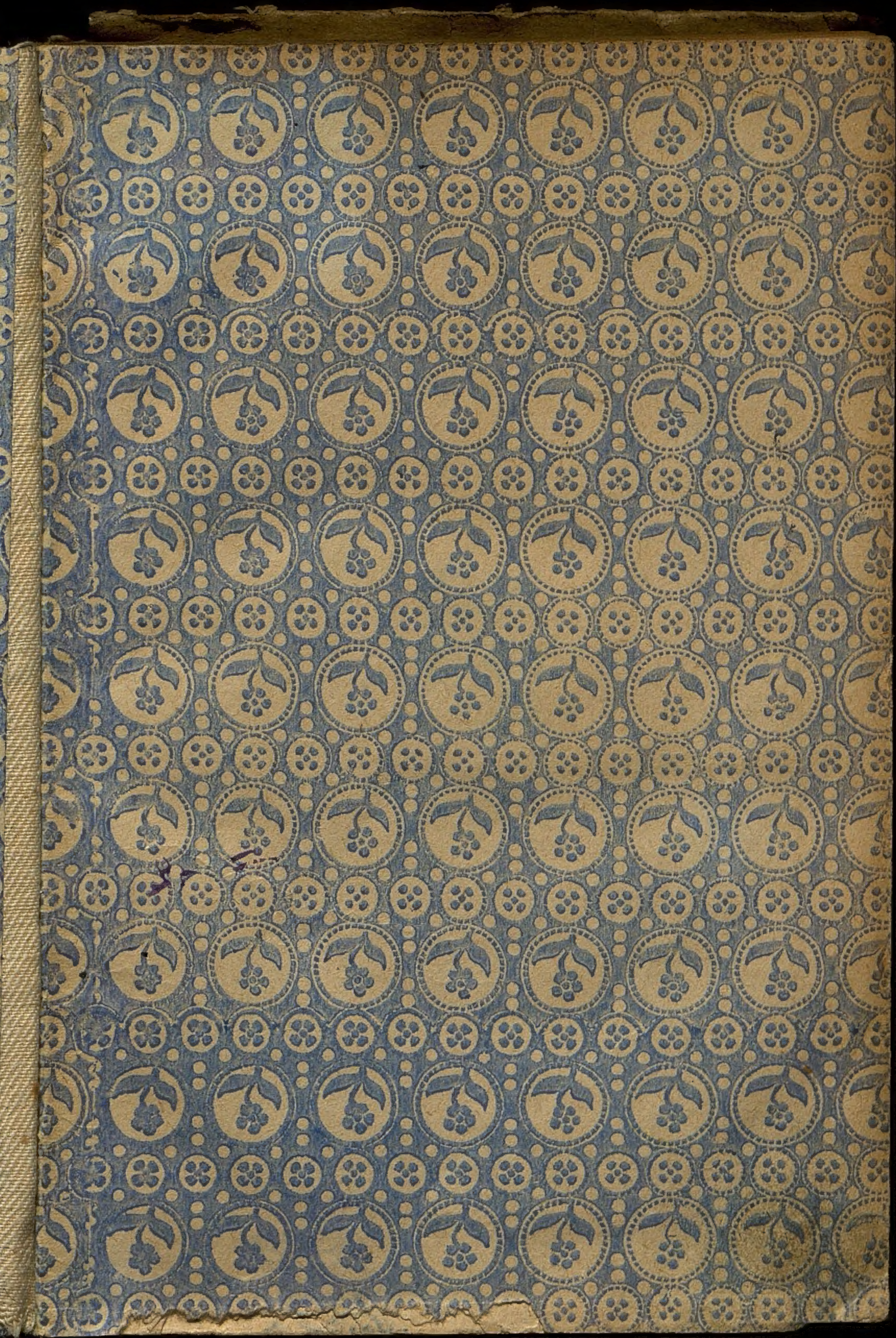
КАРА

И ДРУГИЕ ТЮРЬМЫ НЕРЧИНСКОЙ КАТОРГИ

ИЗД-ВО ПОЛИТ-КАТОРЖАН
МОСКВА 1927

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН и ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „КАТОРГА И ССЫЛКА“

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДРУГ. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

КНИГИ
XXVIII—XXIX

МОСКВА

КАРА И ДРУГИЕ ТЮРЬМЫ НЕРЧИНСКОЙ КАТОРГИ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ, ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Редакция **А. Диковской-Якимовой** и **В. Плескова**

Предисловие **Ф. Кона**

С иллюстрациями, планом Карийской тюрьмы и картой расположения тюрем Забайкалья

1927

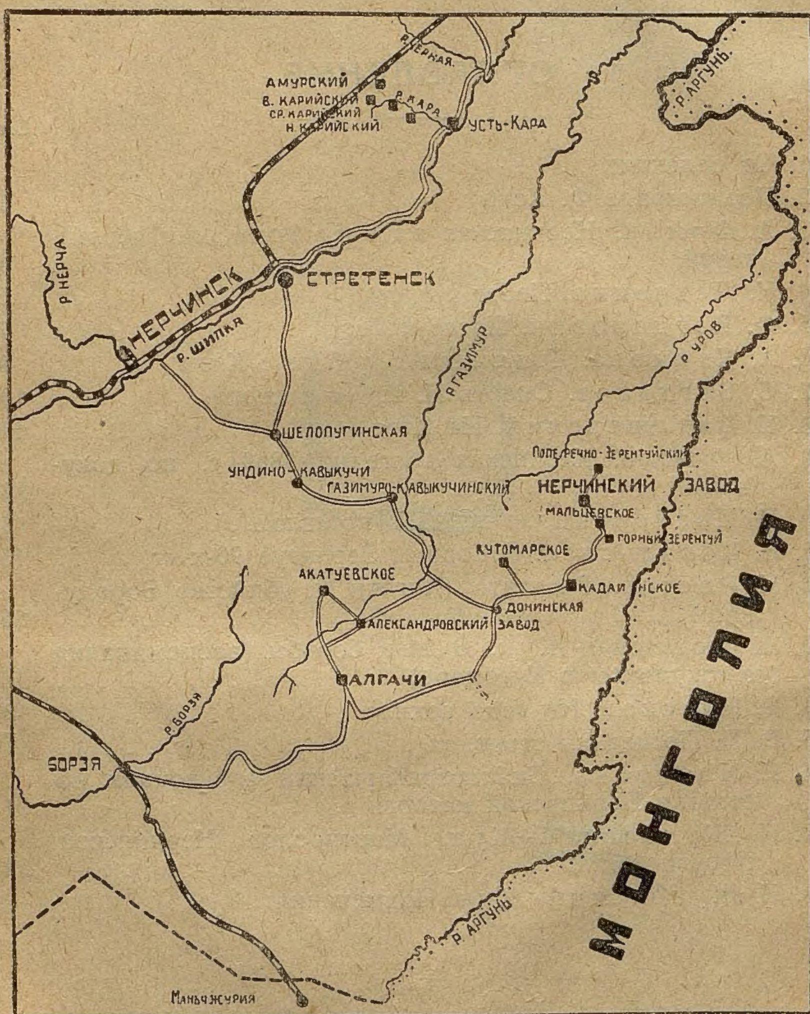
ГЛАВЛИТ № 80.504
ТИРАЖ 10.000 экз.
№ 1016

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. От редакции 9
2. Предисловие Ф. Кона 11
3. А. Фомин. Нерчинская каторга последних десятилетий 15
4. Н. Левченко. Побег с Кары 55
5. Ф. Богданович. После побега 73
6. А. Якимова. Документы о побеге с Кары 92
7. С. Богданов. Смерть П. Г. Успенского 101
8. Н. Виташевский. На Каре 110
9. А. Фомин. Карийская трагедия 1889 г. по документам 120
10. П. Ивановская. Письма о прошлом 138
11. Е. Ковальская. В Горном Зерентуе 90-х гг. 151
12. Н. Ростов. Расплата (Алгачи и убийство Бородулина) 161
13. Жуковский-Жук. В дни борьбы (воспоминания и документы о Кутомаре) 168
14. В. Плесков. Из недр архива 183
15. В. П. Последняя страница . . . . , 212
16. Е. Никитина. Библиографический справочник по истории Нерчинской каторги . . . . , ... 213
17. И. Жуковский-Жук. Мартиролог Нерчинской каторги 227
18. И. Жуковский-Жук. Примечания . . . . —

КАРТА РАСПОЛОЖЕНИЯ ТЮРЕМ ЗАБАЙКАЛЬЯ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

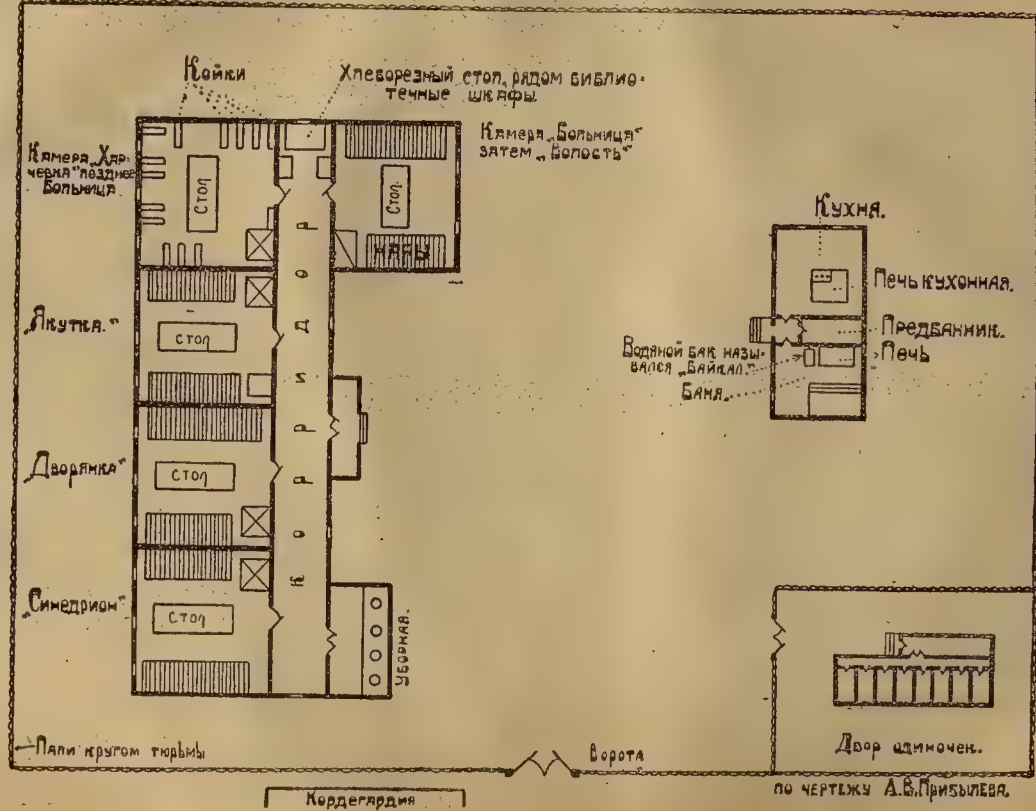
- ТЮРЬМА
- ЖЕЛЕЗН. ДОРОГА
- ТРАКТ
- ГРАНИЦА

REQUIEM AETERNAM

В 10-ю годовщину революции 1917 года посвящаем наш коллективный труд памяти тех, кто погиб в тюрьмах Нерчинской каторги, чей прах покоится в безвестных могилах среди сопок и падей Забайкалья.

Нерчинское землячество

1927 год. Март,
г. Москва.

ПЛАН КАРИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЮРЬМЫ
Койки
Хлеборезный стол, рядом библиотечные шкафы
Камера „Харчевня" позднее Больница
Камера „Больница" затем „Волость"
Стол
Стол.
Шкафы
Коридор
„Якутка."
„Дворянка"
„Синедрион"
Уборная.
Кухня.
Печь кухонная.
Предбанник.
Печь
Водяной бак назывался „Байкал."
Баня.
Двор одиночек.
Палi кругом тюрьмы
Ворота
Кордегардия
по чертежу А.В.Прибылева.

ОТ РЕДАКЦИИ.

О Нерчинской каторге всех ее периодов имеется очень большая литература, как увидит читатель из обширной библиографической работы Е. Никитиной в конце этой книги. Тем не менее, Нерчинское землячество Общества политкаторжан признало необходимым приступить к систематической обработке и опубликованию различных новых материалов по истории Нерчинской каторги.

Решение это достаточно обосновано.

Свыше 100 лет огромный район Забайкалья с десятком тюрем разного размера и устройства служил местом, куда надолго, а часто и без возврата, попадали побежденные в неравной борьбе с царизмом.

Начиная от декабристов и кончая тысячами участников „генеральной репетиции“ 1905 г. и массового движения позднейших лет, различные поколения революционеров по-своему приспосабливались здесь к условиям длительной подневольной жизни, создавали оригинальные формы и черты каторжного быта и по-разному оберегали свое право на человеческую жизнь от покушений тюремщиков, всеми силами стремясь вернуться в ряды борющихся.

Многие моменты этой вековой — по существу всегда трагической—эпопеи до сих пор либо вовсе не освещены в печати, либо страдают неполнотою, неточностью и внутренними противоречиями. А между тем, огромное количество документов в ленинградских и сибирских архивах ждут своих исследователей. Годы уходят, редеют ряды товарищей, стариков и „молодых“ каторжан, которые одни только и могут с исчерпывающей полнотой прокомментировать архивные документы и по следам своей памяти восстановить картины и все детали жизни и событий на каторге.

Нужно ли доказывать, что эти моменты представляют громадный исторический и общественный интерес не только для исследователя и бытописателя прошлого, но и для всякого, интересующегося этапами классовой борьбы и ее отзвуками в тюрьмах дореволюционной России.

Эта важная научно-исследовательская попытка Нерчинского землячества—исторически осветить свое прошлое—должна завершиться исчерпывающей „Историей Нерчинской каторги“, от начала ее возникновения и до последнего года существования, большим коллективным трудом, к составлению которого необходимо привлечь нерчинцев.

Предлагаемый читателю сборник составился из материалов двоякого рода: одни из них, главным образом, по Каре и старому Акатую, выделены из портфеля редакции „Каторга и Ссылка“- другие—написаны и составлены товарищами специально по заданиям землячества и редакции сборника. Обилие поступившего материала привело к необходимости отложить часть рукописей, использовав их в дальнейшем на страницах нашего журнала либо в других изданиях общества.

Целый ряд причин технического характера, в том числе и невозможность задерживать долее об‘явленное издание книги, не позволили нам произвести предварительную читку рукописей на собраниях землячества для внесения необходимых фактических поправок и дополнений. В особенности это важно было бы сделать в отношении примечаний в конце книги и мартиролога, которые несомненно потребуют исправлений и дополнений. Мы приглашаем товарищей выполнить эту работу по выходе сборника в свет, прислав все свои замечания и поправки, которые будут использованы при дальнейшей обработке мартиролога и истории Нерчинской каторги.

Статьи по истории Нерчинской каторги просмотрены нашими ветеранами революции: М. М. Чернавским, А. В. Прибылевым, Е. П. Ковальской, А. В. Якимовой, М. Ф. Фроленко и в необходимых случаях снабжены их ценными примечаниями и раз‘яснениями.

Редакционная обработка и подготовка материалов к печати проделана частично т. А. В. Диковской-Якимовой, а в основной части В. А. Плесковым.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

„Если вы и здесь вздумаете бунтовать, то не пуля вас ждет и не виселица, а кнуты, которыми я вас до смерти засеку".

Этими словами были встречены каторжане—повстанцы 1831 года, как только они очутились по ту сторону Урала.

С декабристами царское правительство еще считалось, с повстанцами 1831 года оно это уже сочло излишним. И повстанец ксендз Сиротинский пал замертво под ударами шпицрутенов, а доктор Шокальский, проведенный сквозь строй, а затем сосланный на Кару, морально и физически разбитый, покончил жизнь самоубийством.

По отношению к т.-н. „государственным преступникам", которых царское самодержавие строго отличало от „политических", главным образом, польских повстанцев, меры, принимаемые по указанию из центра местной администрацией, носили менее откровенный характер.

С повстанцами, изолированными от родины, было легко справиться, хотя и они в лице деятелей 1831 года ухитрились войти в близкий контакт с местным сибирским населением и заронить в Сибири искру бунта. Но для „бунтовщической" работы поляка-патриота в Сибири не было почти никакой почвы. Несравненно большую опасность для самодержавного строя представляли ссылаемые в Сибирь на каторгу и поселение социалисты. Правительство знало, что их девизом было:

„Где горе слышится,
Где тяжко дышится,
Будь первый там".

А „проклятая" страна, найденная Ермаком, страна, служившая местом свалки уголовных элементов, страна спаиваемых, обираемых и угнетаемых малокультурных национальностей, страна произвола всевозможного чина и ранга администраторов, не могла не представлять весьма благодарной почвы для тех, кто поднял знамя борьбы против всякого гнета, всякого насилия, всякой эксплоатации.

Правительство сознавало это и его главнейшей заботой было изолировать ссыльных-социалистов от всего живого мира, лишить

их возможности общения с ним. Из Белгородского централа, даже из Петропавловки, прорывались голоса: „от мертвого к живым“, и, преследуя эту цель изоляции, царское правительство одних живьем замуровывало в казематах Шлиссельбурга, других ссылало буквально за тридевять земель в Нерчинский округ, где среди сопок в первый период существования каторги терялась знаменитая Кара. Изолировать от всего живого мира, отгородить тюремной решеткой и надежным жандармским караулом от всех, на кого заключенные могли бы повлиять, не допускать общения даже с уголовными, хотя бы для этого пришлось „государственных“ освободить от работ,—вот та основная цель, которая неукоснительно проводилась по непосредственному указанию из центра тюремной администрацией. Ради этой цели правительство продолжительное время сквозь пальцы смотрело на то, что происходило внутри тюрьмы, лишь бы происходящее там не выходило за пределы тюремной ограды. И только впоследствии, когда стало ясным, что благодаря изоляции от внешнего мира укрепляется внутри тюрьмы и, так сказать, консервируется тот революционный дух, с которым заключенные пришли на каторгу, что все помыслы заключенных направлены на то, чтобы вырваться на волю и вновь приняться за революционную деятельность, что крепнет среди заключенных внутренняя связь и солидарность и что при малейшем столкновении кого бы то ни было с администрацией солидарно реагирует на это вся тюрьма, в политике администрации наступило резкое изменение. Все усилия были направлены на то, чтобы сломить этот дух. Попытки ввести телесное наказание, держать годами заключенных под угрозой этих наказаний и этим принудить хотя бы только к компромиссам,—это была первая стадия этого нового курса. Каторжане поняли это и, лишенные возможности реагировать активно, протестовали пассивно: голодовками, самоотравлениями. Отдельные активные выступления—Сигиды, Фомичева, Санковского—свидетельствовали о том, что мысль о переходе от пассивных протестов к активным зреет. Об этом же свидетельствовали и показания травившихся в связи с наказанием Сигиды.

Учитывая все это, сознавая притом, что до тех пор, пока политкаторжане будут оставаться в своей среде, правительству не удастся достигнуть намеченной цели, оно решилось на то, чего так опасалось в предшествующем периоде: заключить политкаторжан в одну тюрьму с уголовными, распределить их по 2—3 человека по камерам вместе с 20 уголовными, установить строжайший режим, указывая на то, что режим этот обусловлен пребыванием неподчиняющихся администрации „бунтовщиков“, и натравить уголовных против политических, использовывая раздражение уголовных для более успешной расправы с политиками.

Перевод 13 человек из Кары в Акатуй в конце 1890 г. положил начало этой „новой эре“, стоившей жизни многим лучшим революционерам.

Правительство вернулось к той системе, которую раньше применяло к польским повстанцам. И чем шире разливалась волна революционного движения, чем более движение принимало массовый характер и чем большее число революционеров оказывалось за стенами каторжных тюрем, тем менее правительство считалось с необходимостью изолировать заключенных,—что уже становилось неосуществимым,—тем более оно сосредоточивало свое внимание на единственном ржавом оружии, оставшемся еще в его распоряжении,—на кнуте, тем больше людей гибло в каторжных тюрьмах, тем больше могил борцов вырастало среди сопок и падей Забайкалья.

Предлагаемый читателю сборник воспоминаний хоть до некоторой степени знакомит с той борьбой, которая происходила за стенами Нерчинских каторжных тюрем,—борьбой, какую вела горсть закованных в кандалы, заброшенных на край света борцов с самодержавием, борьбой, отголоски которой лишь изредка и глухо доносились до живого мира, но которая и свою роль сыграла в низвержении царизма.

Феликс Кон.

КАРИЙСКАЯ МУЖСКАЯ ТЮРЬМА

А. А. Фомин.

Нерчинская каторга последних десятилетий[1] (1888—1917 г.г.).

В секретных делах Нерчинской каторги и Читинской тюремной инспекции имеется богатый материал о порядках, царивших в каторжных тюрьмах. Разными путями слухи о тюремных эксцессах проникали порой в печать и в общество. В этих случаях главное тюремное управление запрашивало забайкальского губернатора, губернатор запрашивал начальника Нерчинской каторги, а тот, в свою очередь, начальников тюрем. Последние „отписывались“,—и все оставалось по-старому, шито-крыто, а начальство получало чины, награды и повышения по службе за решительное и неуклонное исполнение приказов высшей и местной администрации. Так было и во времена Государственной Думы всех созывов.

Только немые свидетели былых деяний—эти предписания, отношения и донесения за такими-то и такими №№, эти лаконически краткие телеграммы—только они одни говорят нам о той страшной действительности, которая царила в этих тюрьмах и о которой тюремщики стыдились открыто сказать правду, а предпочитали лгать и изворачиваться, чтобы снова и снова творить свое злое и позорное дело. Они не ожидали, что карающая рука Немезиды раскроет все их тайны и потребует ответа за пролитую кровь, а имена их история предаст вечному позору[2].

[1] После февраля 1917 года, когда революционная власть заняла все учреждения г. Читы, было предложено желающим членам революционных организаций заняться разборкой архивов и ознакомлением с ними.

От организации партии социалистов-революционеров занялись этим делом я и А. А. Фомин. Я проработала там очень короткое время, так как в начале июня уехала в Россию. А. А. работал в архиве довольно долго.

Алексей Александрович в 1883 г. судился в Петербурге военным судом за пропаганду среди солдат (он был офицер), за побег из военной тюрьмы и за принадлежность к партии „Народная Воля“; он был приговорен на 20 лет каторжных работ. Каторгу отбывал на Каре, а поселение в Чите.

А. Якимова.

[2] В ст. тов. Фомина сделаны по необходимости значительные сокращения и перестановки материала. — *Ред.*

1. Акатуйская тюрьма[1].

Из истории Акатуя (1).

Как известно, все государственные преступники, сосланные в Сибирь на каторгу до 1890 года, отбывали срок наказания на Карийских золотых приисках и находились в ведении департамента полиции. Непосредственное наблюдение за жизнью политических заключенных было возложено на жандармского офицера, при котором состоял для несения внутренней тюремной службы штат жандармов. Такое привилегированное положение политических ссыльных давно уже вызывало неудовольствие правительства, и оно искало лишь благовидного предлога, чтобы навсегда покончить с этим, по его мнению, ненормальным положением.

Случай этот скоро представился. В 1889 году, по распоряжению приамурского генерал-губернатора барона Корфа (2), была подвергнута телесному наказанию Н. Сигида[0]) за нанесение оскорбления действием заведующему политическими заключенными подполк. Масюкову. В ответ на это наказание в женской политической тюрьме умерло от самоотравления 4 заключенных, в мужской тюрьме—двое. Это событие в связи с целым рядом волнений в мужской и женской тюрьмах заставило правительство поспешить с исполнением давно уже задуманного плана — полного уравнения государственных преступников с общеуголовными.

Еще в 1888 году, в ноябре месяце, министру внутренних дел графу Толстому (3) был представлен доклад о всех условиях внешней и внутренней жизни сс.-каторжных государственных преступников, содержащихся в Карийской тюрьме и предназначенных к переводу во вновь отстроенную Акатуйскую тюрьму, с ходатайством о разрешении: 1) передать Акатуйскую тюрьму в заведывание главного тюремного управления, с подчинением этой тюрьмы, в порядке местного управления, надзору забайкальского военного губернатора и приамурского генерал-губернатора; 2) представить на утверждение в законодательном порядке штат управления Акатуйскою тюрьмою, обратив на пополнение расходов по новому штату суммы, в настоящее время ассигнуемые на содержание жандармской команды на Каре, и 3) произвести тщательный разбор всего нынешнего населения Карийской тюрьмы, чтобы выделить из числа заключенных, подлежащих переводу в Акатуй, тех, которые окончили срок испытуемости и которые по поведению своему заслуживают перечисления в разряд исправляющихся.

Министр внутренних дел оставил открытым вопрос о переходе в главное тюремное управление заведывания сс.-каторжными государственными преступниками, содержащимися на Каре, впредь до выяснения путем совместного обсуждения с департаментом поли-

[1] См. карту тюрем Забайкалья. Цифрами в тексте ( ) отмечены по порядку все примечания в конце книги, а знаком [0]) — фамилии из мартиролога. — *Ред.*

ции и главным тюремным управлением всех подробностей содержания этих преступников в Акатуйской тюрьме и организации тюремного управления и надзора.

По обсуждении обстоятельств настоящего дела, главным тюремным управлением и департаментом полиции признано возможным установить следующие положения:

„1) Передача государственных преступников, содержащихся ныне в Карийской тюрьме, в ведение главного тюремного управления должна иметь место лишь при условии коренного изменения в общем взгляде на преступников этого рода и признания необходимости подчинить их в полном об'еме действию общих законоположений о ссыльно-каторжных, изложенных в уставе о ссыльных. Опыт такого применения общих законов о ссыльных государственных преступниках уже последовал на Сахалине и дал благоприятные результаты. Изменение к лучшему и устранение несоответствий, обнаруженных в последнее время департаментом полиции на Каре, может последовать только в том случае, если одновременно с перемещением арестантов в новую тюрьму произойдет самое решительное изменение во всех условиях их внутреннего быта, и на место нынешних исключительных порядков, допускающих неоправдываемые законом льготы, будут водворены в полном об'еме постановления устава о ссыльных относительно каторжан, определяющие рядом с тяжелыми ограничениями целый ряд облегчений, направленных к конечной цели возможности возвращения тяжких преступников к трудовой жизни.

2) При подчинении политических сс.-каторжных общему порядку содержания, невозможно слить их с общею массою сс.-каторжных и распределить по всем местностям сосредоточия общеуголовных каторжан, так как состояние тюрем для преступников этого рода не обеспечивает правильного надзора и не устраняет возможности побегов. Поэтому надлежит признать более осторожным сосредоточить политических каторжан в одном пункте, с принятием всех необходимых мер к организации надзора и строгого порядка содержания. Таким пунктом представляется вновь отстроенная Акатуйская тюрьма.

3) Улучшение в порядке содержания политических преступников может быть достигнуто только при организации обязательного и производительного труда. В Акатуйской тюрьме может быть размещено 100 арестантов, а такое же количество имелось в виду приурочить к обработке находящегося в Акатуе рудника на основании общего плана восстановления Нерчинских серебро - свинцовых рудников. Между тем, в Карийской тюрьме содержится в настоящее время 56 политических каторжан, из которых при переводе в Акатуй многие, вероятно, окажутся неспособными к каторжным рудниковым работам. При таких условиях действительные работы на руднике едва ли будут возможны за неимением достаточного количества рабочих рук. Поэтому необходимо, одновременно с переводом в Акатуй государственных преступников,

перевести туда же такое количество обыкновенных преступников, какое потребуется для дополнения комплекта тюремного населения до требуемой, по соглашению с кабинетом его величества, нормы. Затем, по мере убыли политических сс.-каторжных, переводом в Акатуйскую тюрьму общеуголовных преступников постоянно поддерживать число заключенных в том количестве, которое необходимо для правильной разработки рудника. Этою мерою достигается возможность устройства рудничных работ и полное уничтожение различия между политическими и уголовными арестантами, отнимая от первых основание считать себя привилегированной группой, из'ятой от действия общего закона. Местное сибирское начальство должно будет производить тщательный выбор обыкновенных каторжан, подлежащих переводу в Акатуй, назначая туда таких, которые не могут внушить опасения подпасть влиянию учений политических каторжан.

4) Сформированная таким образом и приуроченная к разработке рудника, Акатуйская тюрьма должна служить местом заключения, в котором имеет быть установлен только один общий для всех содержащихся порядок, в силу которого все преступники одинаково, без деления на политических и общеуголовных, пользуются льготами и подлежат стеснениям и ограничениям, точно установленным специальным законом о ссыльных.

Все отличие Акатуйской тюрьмы от прочих тюрем Нерчинского округа должно заключаться в том, что эта тюрьма, как место содержания важных преступников, будет подчинена наилучшему в качественном и количественном отношениях надзору.

5) Составление особой инструкции, которая определяла бы в мельчайших подробностях порядок содержания преступников в Акатуйской тюрьме, признается в данном случае совершенно излишним, так как опыт показал, что все попытки в этом отношении не достигали цели и не разрешали затруднений, встречающихся на практике. Наоборот, применение общего закона о ссыльных представляет то преимущество, что создает по крайней мере твердую почву для действия исполнительной власти (остров Сахалин), оставляя ее ответственною за все распоряжения и избавляя от нерешительности и колебаний, одинаково нежелательных, в какую бы сторону они ни направлялись.

6) Предполагаемый по докладу 24 ноября разбор арестантов Карийской тюрьмы, с целью выделения одних—на остров Сахалин, других—в Акатуйскую тюрьму, имел бы значение лишь при условии устройства в Акатуе тюрьмы исключительно для политических сс.-каторжных, при чем из наличного состава карийских арестантов предполагалось возможным большее число отправить на остров Сахалин и этим способом достигнуть слияния их с массою общеуголовных каторжных, а наименьшее число перевести в Акатуйскую тюрьму, подчинив ее действию общих законов о ссыльных. В настоящее же время, при установлении, по соглашению с главным тюремным управлением, нового плана сформирова-

ния Акатуйской тюрьмы, в которой политические и обыкновенные каторжные будут слиты в общую массу, подчиненную действию устава о ссыльных, не представляется уже надобности в сортировке карийских арестантов и устраняется необходимость в дорогой и затруднительной по местным условиям перевозке их из Забайкальской области на остров Сахалин.

7) Чтобы избежать хотя на первое время серьезных затруднений при водворении в Акатуе новых порядков тюремного заключения, необходимо устранить из тюремного населения все элементы, наиболее упорствующие и противодействующие введению строгого порядка. На Каре, кроме преступников, содержащихся в тюрьме, находится еще так - называемая вольная команда, образованная из ссыльно-каторжных государственных преступников, не окончивших сроки работ, но живущих вне тюрьмы. Эти лица имеют некоторое домообзаведение и пользуются сравнительной свободой, хотя и живут подле тюрьмы и находятся в полном подчинении у тюремного начальства. Перемещение вольной команды в Акатуй, независимо от материального ущерба, который понесут ссыльные при расстройстве их домообзаводства, немедленно создаст для акатуйской тюремной администрации серьезные затруднения при необходимости подчинить преступников этой категории новому порядку, в основе которого будет положен принудительный труд по разработке рудника. Поэтому подлежит предоставить сибирскому начальству временно не переводить вольную команду из Кары, где подчинить ее надзору, существующему за общеуголовными преступниками каторжного разряда. В таком же положении должны быть оставлены на Каре сс.-каторжные женщины (11), которые, в случае надобности, могут быть помещены в нынешней мужской тюрьме. Перевод государственных преступниц в Акатуй, при невозможности полного разобщения их от мужчин (мужская тюрьма и женская находятся в близком расстоянии друг от друга), несомненно отразится крайне вредно на тюремной дисциплине, так как влияние женщин в этом направлении замечалось и на Каре, несмотря на отдаленность женской тюрьмы от мужской (15 верст)".

Настоящий доклад был утвержден министром внутренних дел, и все политические ссыльно-каторжные, не окончившие срока испытания, были переведены осенью 1890 года в Акатуйскую тюрьму.

С первых же дней перевода политические были подчинены временным правилам о содержании сс.-каторжных в Акатуйской тюрьме. Правила эти в виде опыта были введены на один год с тем, чтобы, по окончании этого срока, начальник тюрьмы вошел с представлением к заведующему Нерчинской каторгой об окончательном утверждении их в том же или измененном виде.

Чтобы дать представление о тех условиях, в которых приходилось жить политическим заключенным в Акатуйской тюрьме,

приведем здесь эти правила, за исключением тех пунктов, которые не имеют прямого отношения к содержанию заключенных.

РАЗНЫЕ ВИДЫ СОДЕРЖАНИЯ КАТОРЖНЫХ.

1) Каторжные, на основании произнесенных над ними приговоров, разделяются: на каторжных 1-го разряда, осужденных в работы без срока и на срок от 12 до 20 лет; второго разряда — осужденных от 8 до 12 лет и третьего разряда—осужденных на 8 лет и меньше.

2) Сс.-каторжные, кроме того, разделяются на три разряда: а) испытуемый, б) исправляющийся и в) внетюремный. Первые два разряда содержатся в тюрьме и подвергаются бритью половины головы—за исключением женщин—каждый месяц один раз.

3) Бессрочные ссыльно-каторжные содержатся в ножных и ручных кандалах, прочие арестанты—в одних лишь ножных. Женщины, осужденные в каторжные работы без срока, также содержатся в оковах ножных и ручных, но менее тяжелых.

При тяжелых и изнурительных работах, удостоверенных врачем, по распоряжению заведующего Нерчинской каторгой, оковы могут быть снимаемы.

4) Время испытания постановляется в следующих размерах:

а) бессрочным		8 лет
б) осужденным на время	с 15 до 20 л. . .	4 года
в) „ „ „	„ 12 „ 15 л. . .	2 года
г) „ „ „	„ 6 „ 12 л. . .	$1^1/_2$ года
д) „ „ „	„ 4 „ 6 л. . .	1 год
е) „ „ „	„ 2 „ 4 л. . .	6 месяцев
ж) „ „ „	„ — до 2 л. . .	3 месяца.

Перевод в разряд исправляющихся.

5) Подавшие в течение этого времени надежду на исправление доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбия, с разрешения заведующего Нерчинской каторгой, переводятся в разряд исправляющихся.

6) Исправляющиеся каторжные содержатся без кандалов.

7) Каторжные первого разряда через три года, второго через два года и третьего через один год после перевода в разряд исправляющихся, при одобрительном поведении, с разрешения заведующего каторгой, могут быть перемещены во внетюремный разряд и жить в своих домах или в казенных зданиях.

8) Сс.-каторжным второго и третьего разрядов, находящимся в Нерчинской каторге, срок назначенного по суду наказания, за исключением времени, проведенного в пути, сокращается на одну треть.

9) Всем сс.-каторжным исправляющегося разряда, которые с самого поступления в этот разряд не подвергались никакому наказанию, срок работ сокращается на $^1/_6$ т. е. 10 месяцев считаются за год действительных каторжных работ.

Увольнение от работ на поселение.

10) С окончанием сроков, положенных по судебным приговорам, каторжные освобождаются вовсе от работ и переводятся в разряд сс.-поселенцев.

11) Осужденные в каторжную тюрьму без срока могут быть освобождаемы от работ с утверждения военного губернатора и, во всяком случае, не прежде истечения двадцати лет со дня поступления их в каторгу.

12) Сс.-каторжные распределяются на поселение в строгой зависимости от поведения их в тюрьме и степени проявленного ими раскаяния с тем, чтобы более упорствующие были поселены в пределах Якутской области, а наименее строптивые и доказавшие свое исправление, оставлены в таких пунктах Приамурского и даже Иркутского края, где им явится возможность зарабатывать пропитание.

Разделение работ.

13) Все каторжные занимаются работами обязательно по назначению тюремного начальства внутри тюрьмы или вне ее, как-то: в рудниках, на заводах, тюремных мастерских, на строительных и разных хозяйственных работах.

Порядок употребления работ.

14) Каторжные тюремного разряда выводятся из тюрьмы на работы при военном карауле.

15) Каторжные внетюремного разряда работают под непосредственным наблюдением тюремного надзора.

16) Работы продолжаются в сутки не свыше одиннадцати часов летом и десяти зимою. Если работа дана на урок, то работа прекращается по окончании его.

Каторжные, особо выбранные для хозяйственных и внутренних работ.

24) Тюремный староста назначается начальником тюрьмы из числа камерных старост. К его обязанности относится: а) наблюдение за исправным и своевременным выполнением домашних и хозяйственных работ назначенными для того каторжными; б) наряд каторжных на домашние работы; в) отметка по группам работ в выданном ему из тюремной канцелярии списке, согласно данных указаний, всех каторжных, наряжаемых ежедневно как на внутренние, так и на наружные работы; г) приемка, совместно с одним из камерных старост, продовольственных припасов от надзирателя, ведающего хозяйственною частью тюрьмы, и закладка их, в присутствии того же камерного старосты и дежурного надзирателя, в котел; д) вырезывание мясных порций, сообразно количеству выведенных на разные работы людей, и раздача пищи, хлеба, мясных порций по камерам.

25) Камерные старосты назначаются по одному на камеру; на их обязанности лежит уборка помещения, топка печей. Ко времени обеда, утреннего и вечернего чая камерные старосты должны быть на кухне, где и получают пищу и мясные порции, которые и разносятся ими по камерам.

Общие правила содержания в тюрьме.

47) Каждый каторжный обязан безропотно и беспрекословно исполнять: а) все приказания тюремного начальства—заведующего каторгой, смотрителей и начальников тюрем, их помощников, а также тюремных надзирателей, тюремных и камерных старост, поскольку это относится к исполнению их обязанностей по содержанию тюрьмы, себя, своей одежды и обуви в полной чистоте и опрятности, б) все установленные на Нерчинской каторге правила внутреннего быта и жизни в тюрьме.

48) По утреннему звонку каждый должен встать, убрать (свернуть) свою постель и умыться, затем построиться на тюремном дворе для поверки и молитвы. По второму звонку, подаваемому за $^1/_4$ часа до начала работ, все немедленно должны выходить на двор, где и строиться по группам, согласно об'явленного на вечерней поверке наряда на работы, в ожидании прибытия конвоя.

49) Чувствующие себя больными и слабыми должны тотчас после поверки заявить о своей болезни дежурному надзирателю для отправления их в лазарет, где они свидетельствуются фельдшером или врачем, и только по их свидетельству могут быть освобождены от работ.

50) По прибытии конвоя, каторжные отправляются на работы, при чем во время следования на работы и с работ, а также во всех других случаях, когда идут партией, должны итти строем по четыре человека в шеренге, для чего при начале движения подаются команды, исполнение которых для всех обязательно.

51) При входе и выходе в тюрьму каторжные подвергаются дежурным надзирателем обыску.

52) Каторжные, не выведенные почему-либо на работы, выходят ежедневно на $1^1/_2$ часа на прогулку, которая совершается в тюремном дворе, в полной тишине и порядке, без разговоров и притом военным строем.

53) Сс.-каторжным, находящимся в тюрьме, воспрещается: всякий крик, ссоры, пение всякого рода, игры и забавы. Пение духовных песен и молитв, а также спевка певчих, допускается, но с разрешения начальника тюрьмы, в свободное от работ время.

54) По звонку, подаваемому в 11 часов дня, все находящиеся на работах (наружных) собираются в тюрьму на обед.

55) Всем каторжным после обеда разрешается отдых, для чего опускаются нары. По звонку каторжные снова выходят на работы, на которых остаются все время до вечернего звонка.

56) По вечернему звонку, возвещающему окончание работ, все каторжные, находящиеся на наружных работах, сдав надзирателям инструменты и заданные им уроки, возвращаются в тюрьму и ужинают.

57) По второму звонку, возвещающему окончание тюремного дня, все каторжные выходят из камер для поверки на тюремный двор, где и строятся по-камерно, при этом производится поверка всех каторжных и хранящейся у них на руках казенной одежды, читается приказ, об'является наряд на работы на следующий день, поется молитва, и затем все арестанты разводятся по камерам, где, построившись в две шеренги, ждут второй поверки, после которой камеры запираются на всю ночь.

58) Камеры должны быть заперты днем и ночью, за исключением времени, назначенного для прогулки, при чем даже и на это время не должны выпускаться из камер все каторжные, а лишь по одной или по две камеры.

59) Час спустя после второй поверки и не позже 9 часов в зимнее время, каторжные должны раздеться и лечь спать, после чего всякий шум и разговоры, хотя бы и шопотом, строго воспрещаются.

60) В течение всей ночи, летом и зимой, в камерах и коридорах горят лампы.

61) Каторжные, при входе в камеру начальника тюрьмы, его помощника или высшего начальства, должны встать с своих мест, если сидели или лежали, стоять смирно; если последует приказание построиться, то должны спокойно и немедленно построиться, как будет указано.

Примечание: Команда „смирно“ подается надзирателем, сопровождающим начальство.

62) При входе начальствующих лиц в мастерскую, штольню или другие места, где работа производится с инструментами в руках, сопровождающий начальствующее лицо надзиратель подает свисток, по которому все каторжные обязаны немедленно прекратить работу и отложить в сторону инструменты. По команде „смирно“, „шапки долой“ все должны снять шапки и не надевать их, пока не последует на это распоряжения или приказания „накройсь“.

63) Если при входе начальствующих лиц надзирателя с ними не будет, то команда „смирно“, „шапки долой“ должна последовать в камерах—от камерного старосты, а на работах—от старшего в артели каторжного.

64) При входе начальствующих лиц в тюремный двор, когда на нем совершается прогулка или, вообще, когда на нем находятся каторжные, то по свистку надзирателя каторжные обязаны немедленно остановиться, если ходили, и, сняв шапки, не сходить со своих мест, пока не получат на то разрешения; это же правило должно соблюдаться и при входе начальствующих лиц в здание тюрьмы, когда каторжные находятся не в камерах, а почему-либо в коридоре.

65) На приветствие начальствующих лиц отвечают: „здравия желаем“, прибавляя: „г. начальник, г. помощник, г. заведующий, ваше превосходительство“.

Примечание: Эта же форма обращения должна быть употребляема при обращении к надзирателям, фельдшеру, доктору и т. д.

66) При разговоре с начальствующими лицами отвечать на вопросы вежливо, ровным и спокойным голосом, не возвышая тона, не размахивая

руками и не сходя с места. Всякое уклонение каторжных от правил вежливости и приличия преследуются с неослабною строгостью, без различия категорий и сословий, к которым принадлежат и принадлежали преступники.

Переписка.

67) Каторжным дозволяется вести переписку, но не более одного раза в месяц, с родителями, ближайшими родственниками, супругами, детьми, братьями и сестрами, но с тем, чтобы как отправляемые, так и получаемые письма подвергались тщательному пересмотру начальника тюрьмы.

Свидания.

68) Свидания каторжным разрешаются в воскресенье и праздничные дни с семействами их, добровольно последовавшими в ссылку, а также с родственниками, имеющими на то разрешение заведующего каторгой.

Чтение книг.

69) Чтение книг и журналов строго научного содержания (последние не должны иметь отделов внутреннего и политического обозрения) разрешается в свободное от работ время, в виде поощрения к труду и за хорошее поведение.

Собственные деньги и вещи.

72) Каторжным тюремного разряда разрешается иметь при себе теплые фуфайки, подстилки, деревянную чашку и ложку, а также книги.

Все деньги и остальные вещи отбираются при поступлении каторжных в тюрьму. Вещам этим составляется опись, и они хранятся в тюремном цейхгаузе, а деньги—в тюремном денежном ящике. С дозволением жить вне тюрьмы возвращаются все отобранные вещи и деньги.

74) С разрешения начальника тюрьмы, в поощрение за хорошее поведение всей тюрьмы или некоторых из ее камер, разрешается покупка чая, сахара, хлеба и табаку, на что может быть расходовано каждым не свыше 3 рублей в месяц. Строго воспрещается производить какие-либо другие расходы, а равно и передавать эти деньги другим.

Маловажные проступки и преступления.

78) За маловажные проступки и преступления каторжные подвергаются следующим наказаниям:

1) наказанию плетьми, не свыше 20 ударов, и розгами, не свыше ста ударов.

2) Продолжению определенного по судебному приговору срока работ на более или менее долгое время, а именно: для каторжных 1 разряда до 2 лет и для каторжных 2 и 3 разрядов до одного года.

3) Для каторжных, находящихся в разряде испытуемых: продолжение назначенного законом срока на время до одного года и наложение вновь оков.

4) Для каторжных разряда исправляющихся: а) продолжение на время до одного года сроков, назначенных для выпуска на жительство вне тюрьмы, б) содержание в оковах в течение нескольких недель или месяцев и до одного года, а если виновный принадлежит к разряду каторжных бессрочных, то и перевод в разряд испытуемых на срок 4-х лет.

5) Для каторжных разряда исправляющихся, выпущенных на жительство вне тюрьмы,—перевод в тюрьму в разряд исправляющихся на время до одного года.

Примечание 1-е: Меры взыскания в п.п. 2 и 5 могут быть, по усмотрению начальства, назначены виновному — без телесного наказания или же в соединении с ним.

Примечание 2-е: Наложение оков и наказание плетьми или розгами по пунктам 1, 2 и 4 определяется и производится местным тюремным начальством, при чем наказания должны быть записаны в штрафной журнал.

Примечание 3-е: Прочие меры наказания, в п.п. 3, 4 и 5 налагаемые, определяются и приводятся в исполнение по распоряжению заведую-

щего каторгой, увеличение же назначенного по судебному приговору срока каторжных работ, на основании 2 пункта сего параграфа, может быть разрешено только начальником области.

6) Сверх означенных наказаний, каторжные могут быть за проступки заключены в одиночную камеру на срок до двух месяцев, с более или менее суровым содержанием.

7) Кроме наказаний, каторжные могут быть на более или менее продолжительное время лишены свиданий с родными, переписки с ними, чтения книг, права иметь свой чай, сахар, табак. Лишения эти начальником тюрьмы могут быть распространены как на отдельных личностей, так и на целые камеры и на всю тюрьму.

Такова была первоначальная инструкция для содержания политических в Акатуе. Принцип уравнения их с уголовными проведен в ней полностью. Но что было легко написать на бумаге, то было очень трудно провести в жизнь. Высшая тюремная администрация хорошо это сознавала и старалась примирить непримиримое.

Заведующий Нерчинской каторгой капитан Томилин ([4]) в своем предписании начальнику Акатуйской тюрьмы от 31 августа 1890 г. говорит, что новая категория каторжных, поступающая в его распоряжение, по своему развитию, по той сплоченности, какая неоднократно проявлялась между членами этой категории, требует особенно внимательного к ней отношения, так как переход к новому порядку содержания будет для них очень резок и может вызвать с их стороны попытку изменить в чем-нибудь в свою пользу новый порядок содержания их, может вызвать и попытки неподчинения новому порядку, единичные или сообща. Исходя из этих соображений, он советует строго придерживаться буквы закона и законных указаний, проявлять в таких случаях спокойную твердость, но ни в каком случае не проявлять грубых действий, задевающих самолюбие, унижающих достоинство человека, быть предупредительным в обращении, не допускать грубого тона, но в то же время не делать никакого различия между государственными заключенными и уголовными, без употребления местоимения „вы“ и т. д. Одновременно с этими мерами он предписывает, в случае угроз со стороны преступников лишить себя жизни и даже при самых попытках к этому, не изменять в чем-либо установленного порядока содержания и надзора. Это была попытка, руководясь которой, заведующий каторгой хотел, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Он грубо ошибся в своем расчете.

С самого начала введения инструкции об уравнении политических с уголовными до самых последних дней падения старого строя шла непримиримая борьба между политическими заключенными и тюремной администрацией,—борьба, от которой иногда у администрации опускались руки и она сдавала свои позиции, пока снова с приездом какого-нибудь начальства не набрасывалась на сданные позиции. Надломить, но не сломить упорное сопротивление политических заключенных на почве подчинения тюремному режиму администрации, правда, иногда удавалось. Но это стоило таких усилий, что она готова была итти на всякие компромиссы,

в роде избежания при обращении к политическим местоимений „ты“, игнорирования отказа петь молитвы, снятия при встрече заключенных с начальством шапок и т. д., чтобы только сохранить какой-нибудь декорум власти, которою на бумаге наделило администрацию главное тюремное управление [1].

Акатуй после революции 1905 г.

Под напором освободительного движения 1905—1906 г.г. условия жизни в Акатуйской тюрьме изменились до неузнаваемости; сами заключенные называли эти порядки „республиканскими“. Такой порядок продолжаться долго не мог; с подавлением освободительного движения круто изменились и условия жизни в тюрьме, в смысле возврата к прошлому. Характеристика этих условий видна из приводимых ниже нескольких документов.

Военный губернатор Забайкальской области Эбелов в предписании своем нач. Нерч. каторги от 6 января 1907 года за № 7 предлагает указанные начальником главного тюремного управления в письме от 16 декабря 1906 года за № 799 меры вводить в должной постепенности, соответственно их важности, в Акатуйской тюрьме, предназначенной исключительно для содержания присужденных к каторжным работам за государственные преступления. Меры эти следующие:

„1) Перевести всех находящихся в этой тюрьме арестанток-женщин в Мальцевскую тюрьму, приспособив для содержания их обособленное от других каторжных женщин помещение с назначением для надзора над ними наиболее надежных надзирателей и установлением через заведующего конвойной командой караула.

2) Озаботиться назначением наиболее энергичных, честных и тактичных людей для исполнения обязанностей старшего и младшего помощника начальника, по выбору которого замещать должности надзирателей наиболее благонадежными лицами, доведя число их немедленно до 16 человек.

3) Принять все указанные законом меры к установлению в тюрьме надлежащего внутреннего порядка, держать камеры запертыми, подвергать виновных в нарушении порядка установленным взысканиям, не разрешать арестантам приобретать припасов для своих товарищей по заключению, а также иметь на руках деньги, собственную кухню и прочие неразрешенные законом удобства жизни. Собственную арестантскую лавку закрыть, перечислив полученные деньги в собственность тех, которым эти деньги принадлежат по праву.

4) Немедленно переодеть всех арестантов каторжного разряда в установленную для них одежду и озаботиться, чтобы они пользовались исключительно казенными постельными принадлежностями.

5) Освобождать впредь сс.-каторжных от кандалов не иначе, как в случаях, указанных в ст.ст. 236, 296, 302 и 304 устава о ссыльных, и с разрешения начальства. На арестантов, не подлежащих таковому разрешению, немедленно наложить кандалы.

6) Отобрать у арестантов хранящиеся в камерах излишние вещи: собственное платье, постельное белье и проч. и хранить эти вещи в цейхгаузе.

7) Выпускать арестантов на прогулки возможно меньшими партиями, в числе не более 40—50 человек внутри ограды.

[1] См. ст. П. Ивановской „Письма о прошлом“, 1. Н. Санковский. (Из жизни Акатуя).—*Ред.*

8) Давать свидания каторжным в особой комнате в определенные дни, с разрешения начальника тюрьмы, только с женами и детьми, добровольно последовавшими и, с вашего разрешения, с ближайшими родственниками.

9) Переводить в разряд исправляющихся и давать разрешение на жительство вне тюрьмы с особою осторожностью.“

Переход от полной распущенности к строгому тюремному порядку содержания арестантов, особенно в Акатуйской тюрьме, может вызвать сопротивление арестантов, но чины управления Нерчинской каторгой, тюремной администрации и надзора должны настойчиво и твердо стремиться к поддержанию дисциплины среди арестантов. В случае же, когда дерзость их дойдет до открытого сопротивления тюремному начальству, каждый начальник тюрьмы должен во-время употребить силу оружия для решительного и скорейшего подавления такого сопротивления, каких бы человеческих жертв это ни стоило.

Начальником Нерчинской каторги Метусом ([5]) была подана от 2 февраля 1907 года на имя начальника Акатуйской тюрьмы следующая телеграмма:

„Предписываю к 15 февраля привести окончательно в исполнение предписание сообщенного вам 23 января № 8 и 6 февраля № 15 порядка содержания арестантов. Губернатор телеграфирует следующее: заковать всех испытуемых мужчин и женщин в кандалы, а *в случае активного сопротивления арестантов открыть против них сильный ружейный огонь всем составом конвойной команды впредь до полного подавления беспорядков* (Курсив наш.—*Ред.*). Такое мое приказание сообщить через начальников тюрем начальникам соответствующих конвойных команд. Обращаю ваше особое внимание на перевод из Акатуя в Мальцевскую тюрьму к указанному сроку всех женщин. Промедление в этом ляжет на ответственность вашу и начальника тюрьмы. *Довольно этих нежностей с акатуйцами, незаконно там живущими по слабости начальства. У кого слабые нервы, тому теперь лучше не служить.* Дополнительно телеграммою губернатор приказал отправить женщин из Акатуя в Мальцевскую тюрьму ([6]), минуя всякие препятствия и *не обращая никакого внимания на заявления о болезни.* Давая знать об этом для точного и строгого исполнения, добавляю, что шелапутинский конвой прибудет в Александровский завод ([7]) 11 февраля и что 12-го партия вместе с Коганом должна быть сдана на завод. Никаких отписок и отговорок не принимаю. Настоящую телеграмму сообщить начальнику Мальцевской тюрьмы. Командирую вам помощника Кузнецова. Ожидаю срочной телеграммы исполнения“.

На эту телеграмму начальником Акатуйской тюрьмы была отправлена начальнику каторги Метусу следующая телеграмма:

„Женщины—Измайлович ([8]), Биценко ([9]), Давидович ([10]), Фиалка ([11]),—имеют выступить завтра Александровский завод вместе с Коганом. Спиридонова ([12]), Езерская [0]), Школьник ([13]) больны, следовать отказались. Окончательно привести в исполнение предписание 8, телеграф 1108 лишен возможности—отсутствие средств, нет одежды. Благоволите возможно скорее назначить, кому сдать тюрьму. Если не рапортуюсь больным, то под влиянием возложенных на одни плечи задач, вряд ли выдержу долго.

Зубковский“.

Военный губернатор предписал заведующему Нерчинской каторгой 27 января 1907 г. за № 161 следующее:

„По сообщению мне прокурора Читинского окружного суда, от 5 января с. г. за № 21, в Акатуйской тюрьме образовались партии: соц.-демократич.;

анархистов-террористов, социалистов-революционеров и умеренная. В этой тюрьме осталось еще 24 арестанта (бывшие матросы) и 10 общеуголовных.

Сильное влияние на арестантов—бывших матросов—имеют анархисты-террористы, стремящиеся составить из этих простых полуграмотных людей кадр „борцов за свободу", могущих создать серьезные беспорядки.

Предписываю упомянутых 24 политических арестантов, 10 уголовных, а также двоих арестантов из Александровской тюрьмы перевести в кандалах в Зерентуйскую тюрьму (14) и об исполнении мне донести.

Не освобождать во внетюремный разряд арестантов анархистов, во избежание с их стороны активных действий для освобождения своих товарищей тюремного разряда.

Предлагаю мне донести, угрожают ли сохранению должного порядка и спокойствия в Акатуйской тюрьме анархисты-террористы, партии одесского „черного ворона" и шлиссельбуржцев, как об этом сообщил упомянутый прокурор.

В утвердительном случае их придется перевести только в Алгачинскую (15) тюрьму, где заключен, в числе 294 человек общеуголовных, лишь один политический и где наиболее надежный и твердый волею начальник тюрьмы.

На этот запрос последовал ответ начальнику каторги.

Акатуй, 7 февраля 1907 г.

№ 208.

„Доношу, что в тюрьме арестанты разбились на партии, соответственно их принадлежности к революционным партиям до суда, и часть беспартийных. На жизнь в тюрьме имеет преобладающее влияние партия социалистов-революционеров, представителей коих здесь большинство, за исключением беспартийных, угрожающей порядку является группа анархистов, как самая непримиримая и при всяком случае возбуждающая к беспорядкам. Анархистов поддерживают социал-демократы, при чем при прежнем составе тюрьмы с преобладающим беспартийным и неразвитым элементом солдат, эта протестующая группа имела значительное влияние, так как чувствовала иногда за собой солдат. В данное время некоторые из анархистов являются безусловно опасными суб'ектами, способными на террористический акт. Численность анархической группы около 10 человек, все они имеют короткие сроки, из коих некоторые, как Коган, кончают сроки в октябре текущего года. Кстати о Когане. Этого суб'екта удалось отправить из Акатуя до Александровского с целью высылки его дальше в Зерентуй, но г. Макаров, очень осведомленный, поскольку было трудно этого анархиста водворить мирным путем, возвратил его обратно в Акатуй, создавши целый вопрос вновь".

12 октября 1907 г. начальнику Акатуйской тюрьмы последовало новое указание за № 239.

„До сведения военного губернатора дошло, что вообще начальники тюрем и в частности врачи каторги слишком широко пользуются предоставленным им правом помещения в лазарет как общеуголовных, так и политических ссыльных, предоставляя этим самым арестантам, под видом болезни, пользоваться известными льготами, сопряженными с пребыванием в лазарете.

А потому его превосходительство приказал немедленно принять меры к устранению такого ненормального порядка, приказав отнюдь не допускать помещения в лазарет как общеуголовных, так и политических, согласно одним лишь голословным их заявлениям, при чем вменить в непременную обязанность, чтобы политические арестанты помещались в лазарет исключительно по особым на каждый раз актам врачей о состоянии больного, коими и удостоверялось бы, что больной действительно требует безусловного лечения по роду своей болезни и какой именно и что в противном случае больному могут угрожать серьезные последствия для жизни".

Из этого и им подобных примеров видно, что уравнение политических в правах и обязанностях с уголовными было в действительности фиктивным: там, где это уравнение могло послужить к облегчению положения политических заключенных, немедленно издавались особые распоряжения, которыми это уравнение ограничивалось во вред указанной категории арестантов, в роде составления особых актов о болезни, права выбирать своих старост, ограничения права выпуска в вольную команду, права получать деньги, посылки, письма от знакомых, ограничения права родным политических заключенных жить в той местности, в которой находится тюрьма, и т. д. и т. д.

Жизнь в Акатуе в 1907—1910 г.г. видна из следующих документов, которые приводятся почти без сокращений.

„Г-ну министру юстиции.

Сс.-каторжного, содержащегося в Акатуйской тюрьме, Петра Александровича Куликовского [0]). 23 апреля 1909 г.

Жалоба.

По весьма важным причинам я решил беспокоить вас. Будучи сторонником мирной тюремной политики и всегда с успехом проводя ее в жизнь, я, в качестве бывшего старосты в Акатуйской тюрьме, направлял товарищей на этот корректный путь. Все заключенные последовали моему совету и стали в корректные отношения к новому начальнику тюрьмы, штабс-капитану Шматченко ([16]).

Не так отнесся к заключенным новый начальник. Грубость и оскорбления посыпались с первого шага нового администратора. Я не говорю об ужасном режиме—с ним приходилось мириться. Я говорю о совершенно немотивированных оскорблениях, грубости и ругательстве начальника тюрьмы.

Начальник тюрьмы не устраивает пока таких насилий, как некоторые его коллеги, а действует „тихо", по „закону", но от этого заключенным не легче. Законности в действиях, конечно, нет. Результат от этого для Акатуя печальный: заключенные стали наполовину трупы, грудные болезни развиваются быстро. В течение одного года 8 месяцев я не помню ни одного справедливого наказания, наложенного начальником. Что же касается словесных оскорблений, то они расточаются начальником чрезвычайно щедро. Я один из числа немногих, лично не оскорбленных начальником тюрьмы. Это обстоятельство делает мою жалобу более об'ективной. Тюрьма желает лишь одного, чтобы начальник перестал оскорблять заключенных. Ругает „Иванами", „глупцами", „истуканами", „свиньями". Надзиратели идут, конечно, за начальством. Быть может, вам известна история Алешкера [0]), которого осудили на бессрочную каторгу за то, что он ответил на удар надзирателя ударом же. В этом виноват начальник тюрьмы. Его просили убрать буяна, но он не убрал. Я много думал, что заставляет так оскорблять заключенных, и все-таки не мог понять удивительной личности начальника Шматченко. Другой начальник, даже самый жестокий, был бы совершенно доволен поведением заключенных. С грустью приходится вспоминать о ходатайстве, кажется, Якубовича [0]) перед вашим превосходительством за Акатуй. Помнится, вы обещали вежливое обращение с заключенными.

Если бы моя жалоба вызвала запрос Шматченко, то он, конечно, ответит, что действует по закону. Он скажет, что с ним не здороваются, а потому и называет „арестантами". Штабс-капитан не знает пределов. Он даже решился обвинять нас в том, что мы пьем его кровь. Удивительное дело: жертва стала палачем. После долгого обдумывания я склонен об'яснять такое ненормальное являние следующим образом: при полном отсутствии образования и природной ограниченности, штабс-капитан болен еще

мегаломанией[1], отсюда и несчастье Акатуя. Я решился обратить ваше внимание на отчаянное положение тюрьмы, в котором я отчасти считаю виновным себя: лучше бы допустить раньше расстрел, чем медленно убивать заключенных.

Быть может, на мою жалобу ответом со стороны штабс-капитана будет месть. Но я не могу умолчать, как быстро люди идут к могиле. Я, сообщая вам о положении тюрьмы, исполняю свой долг.

Странным должно показаться то, что тюрьма не делает заявлений посещающим ее начальствующим лицам. Это делается по соображениям эгоистического характера: ведь заключенные после жалобы остаются на попечении штабс-капитана.

Если бы вашему высокопревосходительству захотелось иметь сведения более подробные об Акатуе не из официального только источника, то я счел бы своим долгом сообщить все, что знаю.

Утешаю себя надеждою, что жалоба моя, вопреки общему мнению, не будет полезна штабс-капитану, и Акатуй получит вежливое обращение, а он этого только и желает.

П. Куликовский.

На это заявление последовала об'яснительная записка начальника тюрьмы, которая приводится в извлечении.

„Во время вступления моего в должность начальником Акатуйской тюрьмы 18 августа 1907 года тюремным старостой был Фарашьянц[2], который, получив от меня отрицательные ответы на несколько раз пред'являемые требования, отказался от должности старосты, и на эту должность вступил Петр Куликовский, который в свою очередь пред'явил мне требования. Я ответил ему отказом, добавив, что ходатайства и заявления от других лиц я совершенно не принимаю, так как это не допускается законом, а каждый должен заявлять сам. На это мне было отвечено: 1) до сего времени велось, что староста является представителем от арестантов, ходатайствовал и заявлял от всех вообще и от отдельных лиц; 2) что трудно будет разбираться в отдельности с каждым арестантом и принимать на себя такое беспокойство. На эти предположения я ответил, что для труда я сюда и назначен, и пока я буду здесь, то того, что было здесь, больше не будет, и, кроме того, заявил, что отныне хождение старосты по камерам должно прекратиться. После этого мною были отобраны из библиотеки все книги революционного содержания и прекращена выдача газет в камеры, потому что получаемые газеты были исключительно левого направления; камеры окончательно приказано запереть, переход из камеры в камеру, разговоры заключенных других камер у окошек камерных дверей воспрещались. На прогулку, на прием в лазарет, за обедом и за чаем выпускались по-камерно, при чем в последних двух случаях не более 3 человек, а далее были отобраны письменные принадлежности, остались грифельные доски и грифеля. Все это делалось постепенно, и на каждое мое действие с их стороны выражалось неудовольствие и протест, что такой режим невозможен. Не помню, один или два раза протест выразился голодовкой и продолжался не более трех дней и проходил незаметно.

Кажется, в марте 1908 года, Куликовский, видя, что роль старосты низведена до нуля и что ему совершенно нечего делать, отказался от роли старосты и больше таковового нет. Все это мною проводилось тихо, без вмешательства конвоя. За все эти действия у сс.-каторжных зародилось озлобление, а вслед за ним и мысль о мести; стали явно вызывать на неприятности надзирателей, оскорбляя их в глаза. Надзиратели, в свою очередь, выведенные из себя, возвышали голос и обратились к оскорбительному на „ты“, что они считают за оскорбление. Борьба такого рода продолжается и теперь, только в более слабой форме и реже, и притом надзиратели не

[1] Манией величия.—*Ред.*

[2] Осужд. за участие в террорист. актах на Кавказе. Ныне живет в Тифлисе.—*Ред.*

возражают, а докладывают мне. Раньше, в начале прошлого года, тот же Куликовский жаловался начальнику каторги на строгий режим. Ответ для них был неудовлетворительный. Что касается выражения „заключенные стали наполовину трупы“, то таковое совершенно не соответствует действительности, и могу с уверенностью сказать, что в Акатуйской тюрьме сс.-каторжные не менее здоровы, чем в какой-либо тюрьме не только Нерчинской каторги, но даже и Сибири. Словесные оскорбления мною не произносились. Выражения „Иваны“, „глупцы“ относились к малограмотным бывшим нижним чинам, которые, не понимая ничего, творят то, что им скажут главари.

История с Алешкером описана Куликовским совершенно в ином виде. 19 августа 1907 г., после окончания прогулки, находившийся в то время в одиночной камере Алешкер хотел проникнуть, без об‘яснения причины, во двор тюрьмы, в то время как другой сс.-каторжный выпускался за кипятком. Дежурный надзиратель Исаков воспрепятствовал ему выйти, тогда Алешкер набросился на надзирателя Исакова, хотел воспользоваться его шашкой и ударил Исакова. Сам надзиратель не мог действовать шашкой, так как левой рукой отталкивал Алешкера, а в другой руке держал замок от калитки одиночного дворика. В это время подскочил рядовой конвойной команды Завадский, исполнявший обязанности надзирателя, и ударом, нанесенным рукою по голове, предотвратил замысел Алешкера. Это столкновение прошло почти незамеченным со стороны сс.-каторжных, и никто мне ничего не говорил ни в этот день, ни на другой, кроме Алешкера. 20 августа Алешкер воспользовался тем случаем, что во дворе дежурил Завадский, ударил его бутылкой, наполненной песком, в левый висок головы и настолько сильно, что бутылка разбилась. После этого на другой или на третий день потребовали, а не просили, убрать со двора Завадского. Я, видя, что таких ревностных к службе надзирателей трудно подыскать, перевести его никуда не согласился, так как было замешано два надзирателя, и если бы уступить их просьбе, то нужно было бы их только уволить, ибо вне тюрьмы для них службы не было“.

29 июня 1910 года начальником каторги было послано начальнику Акатуйской тюрьмы следующее письмо:

„Милостивый государь, Василий Родионович!

Полученным мною из главного тюремного управления письмом, между прочим, требуется сообщить следующие сведения: 1) После проезда начальника управления будто бы изменился режим в каторжных тюрьмах, перейдя через законный предел, и особенно в Акатуйской тюрьме, где будто бы начальник тюрьмы ведет дело, очевидно, вызывая арестантов на беспорядки, в целях перестрелять во время беспорядков некоторых лиц, как бы для усмирения. 2) Правда ли, что в Акатуйской тюрьме не дают арестантам письменных принадлежностей, табаку, подушек и книг для чтения. 3) Будто бы в этой тюрьме камеры переполнены вдвое, венерические содержатся со здоровыми и белье тех и других стирается вместе, а потому здоровые заражаются венерическими болезнями, будто бы в камерах невероятная масса паразитов, и никаких мер к уничтожению их не принимается прогулки для арестантов малы (20 минут), а некоторые месяца по четыре не выпускаются на прогулку; за неснятие шапок перед начальством будто бы был в карцере две недели; надзиратели Герасимов и Цельман (оба из Митавы) будто бы бьют арестантов; казенной одежды и обуви мало, а свою носить не дозволяется; запрещают улучшать пищу на собственные деньги в пределах даже 3 р. в месяц; скидка за хорошее поведение не делается; в арестантской больнице будто бы размещены больные военные (солдаты), а для арестантов отведено только два места; вместе со студентами будто бы содержатся анархисты из Читы, которые ведут себя отвратительно

Ответы на затронутые настоящим письмом вопросы прошу прислать мне в самом непродолжительном времени.

Полковник *Забелло* ([17])

Об'яснение начальника Акатуйской тюрьмы (в извлечении):

„1) После проезда начальника главного тюремного управления режим в Акатуйской тюрьме продолжает быть таким же, каким был и раньше, возбуждать и вызывать сс.-каторжных до открытого бунта, а потом некоторых лиц, неугодных мне, перестрелять я считаю неподходящей служебной гарантией для себя и темою для обвинений меня.

Многим известно, что Акатуйская тюрьма перед моим приемом ее в 1907 г. представляла из себя не более, как «дом общежития». Свобода была во всех отношениях полная, казенной обуви, одежды, белья не знали, кандалов тоже, ездили и ходили куда угодно, ворота в тюрьму свободно открывались, двери камер не запирались, всем и каждому доступ в тюрьму был свободен, писали всем и что хотели, читали тоже. И вот после такой свободы через несколько месяцев приехал я начальствовать в Акатуйскую тюрьму, в которой арестанты имели свою собственную лавочку со всевозможными товарами. Обо мне узнали, что я строг и что в Барнаульской тюрьме ввел строгий режим, и потому встречен был недружелюбно. При первых же моих распоряжениях во мне усмотрели врага, стараясь всеми силами предотвратить исполнение моих требований. На ряду с водворением каждого сс.-каторжного в свою камеру (до этого они не знали своих камер, а кто где хотел, тот там и жил) и запиранием таковых, одеванием в казенную одежду и обувь, заковыванием в кандалы, пришлось прекратить выдачу газет, преимущественно левых направлений, а также проверить, что читают арестанты; при проверке библиотеки мною были отобраны книги зажигательного революционного содержания около 1000 книг, которые сами по себе, не читая их, уж представляют преступление для имеющих их. По долгу службы я иначе поступить не мог. До меня в течение полутора или одного года переменилось 5 или 6 начальников, и всю их неоконченную работу мне пришлось заканчивать. Для водворения законного порядка приходилось применять взыскания насильственно (обыкновенно таких озорников садил в одиночки или в карцер).

Если я, прослужив в Акатуйской тюрьме до об'езда начальника главного тюремного управления более 2-х лет и доведя тюрьму (могу похвастаться) почти до образцового порядка, не прибегал к помощи военной силы и не давал повода на открытое возмущение, что тогда легко могло случиться, то теперь тем более нет для этого, как мне кажется, никаких данных. Теперь в моем интересе жить спокойно и поддерживать тот порядок, какой введен мною.

Вступив начальником тюрьмы, на ряду с осмотром книг, я осмотрел и выданные им для письменных занятий тетради, часть которых пришлось тогда же отобрать навсегда, так как, вопреки их прямого назначения, они служили для вписывания нелегальных сочинений, революционных песен и стихотворений, а чистая в них бумага—для записок с целью передачи в ту или другую камеру, а, быть может, и за ограду, где у некоторых остались знакомые из жителей здешней местности. Годные тетради были оставлены и разрешено приобретать новые с предупреждением, что если будет замечена передача записок или вырваны листы, то те лица будут лишены тетрадей. Это требование не было исполнено, тетради отбирались, и в конце-концов все перешли из камер в кладовку. Когда я им об'яснил, что записки мною не могут быть допущены, так как это есть один из способов помощи подкопа и побега, то мне возразили: „наше дело бежать, а ваше дело смотреть и держать"; я в этом усмотрел явное издевательство, и через некоторое время были отобраны тетради и карандаши, аспидные доски, грифеля оставлены. Через записки в период одного года до моего поступления в Акатуйскую тюрьму было совершено 17 или 18 подкопов, из которых последний был обнаружен уже лично мною. Через посредство записок бежали так нахально сс.-каторжные: Окунцов (18), Мельников 0) 4 августа 1906 г. два брата Кларк [1], Зезюкевич 0) и Седлецкий 13 сентября 1906 г., Гершуни 0),

[1] Бежали не братья а отец и сын Кларки, осужденные карательной экспедицией Ренненкампфа. См. мартиролог.—*Ред.*

был вывезен в капусте 13 октября 1906 г., Замошников ([19]) и Чистохин ([20]) в ночь на 5 августа 1907 г. Выписывать разрешается все, за исключением сладостей и недозволенных инструментов. Тюремная библиотека (более 1000 книг) находится в их полном распоряжении, разрешена неограниченная выписка собственных книг и учебников, книги тенденциозного содержания не выдаются. В тюрьме в данное время содержится 191 человек, тюрьма построена на 80 человек.

Казенной одежды, белья и обуви в тюрьме недостаток, потому что нет материала для шитья, особая нужда в рубахах и обуви. Летней одежды совсем нет. Своей одежды я не выдавал, да и не имею права выдавать, так как таковую было приказано отобрать. Кроме того, в собственной одежде или обуви более шансов скрыться в случае побега".

2. Зерентуйская тюрьма.

В секретных делах Зерентуйской тюрьмы почти нет никакого материала, который дал бы возможность, на основании официальных данных, представить картину царивших в ней в конце 1910 г. порядков, одною из жертв которых был Созонов [0]).

Единственным документом, который дает некоторое представление о трагедии, которая произошла в этой тюрьме в 1910 году и стоила жизни Созонову, это—рапорт начальника каторги Забелло от 30 ноября 1910 года губернатору Кияшко ([21]). Документ этот находится в делах бывшего Читинского жандармского управления.

Рапорт.

„В дополнение телеграммы от 28 ноября за № 149, доношу вашему превосходительству подробности, касающиеся смерти сс.-каторжного Егора Созонова. 28 ноября, в четвертом часу утра, на смену дежурному при одиночных камерах к надзирателю Фадееву пришел надзиратель Балябин ([22]), и когда они, осматривая одиночки, подошли к одиночке, занимаемой Созоновым, то услыхали, что Созонов сначала закашлялся и затем начал храпеть. Когда об этом было доложено старшему дежурному по тюрьме надзирателю Черевкову ([23]), он немедленно вызвал в тюрьму фельдшера Шлягера. Прибывший фельдшер хотя и застал Созонова еще в живых, но пульс у больного уже был очень слаб, вследствие чего Созонова перенесли в тюремный лазарет, где, несмотря на все медицинские меры, принятые врачем и фельдшером, спасти Созонова не удалось, и он в $7^1/_2$ часов утра скончался, не сказав ни слова о причинах, побудивших его отравиться.

По заключению врача Круковского, смерть Созонова последовала от отравления морфием.

Из личного доклада начальника тюрьмы по поводу случившегося я узнал о событиях, предшествовавших тому дню, в который отравился Созонов и произошли покушения на самоубийство остальных пяти каторжан.

Узнал же я следующее: 27 ноября, под вечер, когда при входе начальника тюрьмы открыли двери в камеру, в которой содержались политические арестанты, последние сначала все стояли, но, когда раздалась команда „встать", „смирно", они все сели на нары, а один из них, Петров ([24]), пересылавшийся в числе акатуйцев в Кутомару ([25]), поднял даже кверху ноги. Тогда вся камера с помощью конвоя, (другими словами, при помощи ружейных прикладов), была поставлена на ноги. Начальник тюрьмы распорядился отвести Петрова в карцер, что и было исполнено. При обходе остальных камер Высоцкий ([26]) приказал отвести Петрова в лазарет, где фельдшер должен был определить, может ли быть Петров подвергнут телесному наказанию и не будет ли это наказание иметь какое-нибудь влияние на его здоровье. Когда освидетельствованного фельдшером Петрова повели обратно

в карцер для приведения над ним в исполнение наказания, его сопровождали помощник начальника тюрьмы Гарин (27) и надзиратель Сморчевский, шедшие в 1½ шагах позади Петрова. Когда Петрова подвели к карцеру и стали отпирать двери, он быстрым движением сорвал наручники с левой руки и, размахнувшись, намеревался нанести удар кандалами помощнику Гарину, но благодаря тому, что Гарин успел отскочить в сторону, удар пришелся по голове надзирателю Сморчевскому, который лишился чувств и был отправлен в свою квартиру. После этого Петров был подвергнут наказанию 35 ударами розог и отправлен в лазарет, где сказал, что он никакой злобы против Гарина или Сморчевского не имеет, а решил нанести удар лишь только потому, что его за это немедленно пристрелят или зарубят шашкой, благодаря чему он надеялся избавиться от позорного наказания розгами. В этот же день был наказан 20 ударами розог посаженный в карцер накануне вечером сс.-каторжный Сломянский (28). Наказан розгами он был за то, что, когда ему в карцер был передан хлеб, то он бросил его к ногам начальника тюрьмы, говоря: „Ведь я и сижу на каторге за непризнание законов. Не надо мне вашего хлеба“.

Причиной покушения на самоубийство сс.-каторжных Михайлова 0), Кунени (29), Пухальского 0) и Одинцова (30), отравления Созонова и об'явления голодовки всеми политическими, как я уже доносил по телеграфу, послужило то обстоятельство, что Высоцкий не внял моим советам, слишком хватил через край, изменив существовавший до него режим не постепенно и с осторожностью, а начал с порки арестантов, хотя необходимости прибегать к этому не было никакой, так как режим, введенный его предшественником, капитаном Чемодановым (31), без ненужных чрезвычайных строгостей, можно было считать если и не образцовым, то во всяком случае таким, который по своим порядкам не мог быть даже и сравниваемым с тем, каким я его застал два года тому назад. Упорядоченность эта, главным образом, замечалась в том, что капитан Чемоданов особенное внимание обратил на то, чтобы арестанты не сидели праздно. С этой целью он разрешил мастерские и вообще всеми мерами старался привлечь арестантов к какой-нибудь работе, которую, кстати сказать, они выполняли всегда охотно и аккуратно; им также была упорядочена библиотека и устроена школа.

За все время управления тюрьмой капитаном Чемодановым не было даже ни одного случая, чтобы арестанты отказались исполнять какое-либо приказание лиц тюремной администрации или надзора, даже такие, как „шапки долой“, „встать“, „смирно“, которым большинство политических арестантов не желало подчиняться, при капитане Чемоданове исполнялись беспрекословно.

Теперь же, из посещения тюрьмы 28 ноября, я вынес самое удручающее впечатление, так как весь порядок, хотя и не идеальный, но подававший надежду на прогрессивное и постепенное улучшение, в данное время совсем нарушен—даже закрыты мастерские и весь инструмент, стоящий около 500 рублей, сложен куда-то в цейхгауз, а о школе и говорить нечего—вместо скамеек свалены арестантские тюфяки . . . .
. . . .

Кроме того, из частных источников мне известно, что Высоцкий совершенно не желает подчиняться моим распоряжениям и выслушивать мои советы, говоря, что никакой власти со стороны начальника каторги он над собой не признает, а если нужны будут какие-либо раз'яснения или указания, то на это есть главное тюремное управление и вообще высшая инстанция, с которой он и будет иметь сношения. Подтверждением только-что сказанного служит тот факт, что на мое секретное предписание не применять телесных наказаний без моего ведома, пока не ознакомится с заключенными, со стороны Высоцкого последовал протест, выраженный в рапорте, что он не будет исполнять моих распоряжений до тех пор, пока не получит особых указаний со стороны главного тюремного управления.“

Подлинный подписал начальник каторги, полковник Забелло.

На вопрос тюремной администрации врачу Зерентуйской тюрьмы, был ли Созонов до принятия морфия нормальным или психически расстроенным человеком, что имеет будто бы значение для погребения его по христианскому обряду, и откуда мог Созонов достать яд, тюремный врач дал следующий ответ:

..."Откуда Созонов достал морфий—не знаю. Созонов был в высшей степени умный человек и постоянно психически нормальный. Перед принятием и после принятия морфия он мог быть только психически возбужденным (в умоисступлении). Отчего последовала смерть, может дать ответ судебная власть.

Врач *Круковский.*

Кроме этого донесения, имеется еще отношение того же врача начальнику Зерентуйской тюрьмы, в котором он сообщает, что

"27 ноября были доставлены в тюремный лазарет сс.-каторжные: Михайлов Павел, отравившийся соляной кислотой, Маслов Николай⁰), Пухальский Сигизмунд, оба с прорезами кисти левых рук,—и в 12 часов ночи Кунени Петр, отравившийся морфием. Сегодня, 28 ноября, был доставлен в лазарет в 6½ часов утра со слабыми признаками жизни Созонов Егор, отравившийся морфием, а 8 часов утра был доставлен Одинцов Николай с порезом кисти левой руки. Всем им была оказана медицинская помощь".[1]

Порки, голодовки, смерть Созонова, покушения на самоубийства и самоотравления вызвали среди тюремной администрации и среди чинов иркутского и читинского жандармского управления настоящую панику.

Всем этим вольным и невольным виновникам смерти Созонова всюду мерещились едущие из России и Западной Европы мстители за смерть и поругания товарищей. Из охранных отделений Иркутска и Читы на имя начальника каторги летели шифрованные телеграммы и отношения с предложением быть очень осторожными и бдительными, так как, по имеющимся у них сведениям, партия социалистов-революционеров предполагает произвести ряд террористических актов над лицами, виновными в смерти Созонова. Предлагается установить самое строгое наблюдение над всеми лицами, появляющимися в районе Нерчинской каторги, вплоть до лиц, одетых в монашеское платье, за арестантами, проживающими в вольной команде, в особенности за Львом Лазаревичем Гершковичем и Емельяновым. Мертвый Созонов был им страшен, повсюду мерещилась им его тень. Иногда эти предостережения до смешного были глупы и нелепы.

Так, начальник читинского охранного отделения отношением своим от 10 декабря 1910 года уведомляет начальника каторги, что, по имеющимся сведениям, в Горный Зерентуй приезжает мать Созонова, почему возможно похищение его тела, и просит принять меры к недопущению свидания Созоновой с вольнокомандцами. И этот страх вызывает старушка, которая действи-

[1] Подробности всей этой трагедии см. в книге "Переписка Е. Созонова", изд. О-ва политкаторжан, 1925 г.—*Ред.*

тельно просила у правительства разрешения перевезти тело сына к себе на родину, в чем ей было отказано [1].

Интересны далее документы, относящиеся к 1912 и последующим годам.

Какие последствия для Зерентуйской тюрьмы имел приезд инспектора Сементовского ([32]) и губернатора Кияшко в сентябре 1912 г., из секретных дел этой тюрьмы не видно. Возможно, что хитрость начальника тюрьмы Ковалева [33]), переведенного из Кутомарской тюрьмы, предотвратила неизбежные человеческие жертвы при введении новой инструкции.

Однако, из донесения Ковалева начальнику каторги видно, что и здесь готовилась кровавая трагедия:

„Прибывшие 8 октября из Алгачинской тюрьмы политические Андреев ([34]), Итунин([35]), Ильинский[0]) и Тахчогло ([36]), за нарушение тюремного режима были посажены на 10 суток в карцер и об'явили голодовку, которая продолжалась 11 дней. По освидетельствовании врачем Итунина и Андреева, им предписано было давать искусственное питание. Такое же питание потребуется давать и для остальных голодающих."

Сколько дней продолжалось искусственное питание, из дела не видно, но об этой голодовке было донесено губернатору. И вот, вместо улучшенного питания прекратившим голодовку больным, от губернатора получилось распоряжение наказать их розгами. Тюремный врач Круковский, после освидетельствования больных, дал следующее заключение: Андреев страдает туберкулезом легких, Итунин—сильным ослаблением деятельности сердца и представляется подозрительным по начинающемуся туберкулезу легких. Ильинский страдает сильно выраженным воспалением всей прямой кишки, при чем ему была произведена операция под местной анестезией в виду слабости сердца, препятствовавшей применению хлороформа. Тахчогло страдает хроническим малокровием. На основании указанных болезней он не находит возможным применить к указанным политическим телесного наказания даже в малой мере.

Только благодаря свидетельству врача, они избегли наказания розгами, и тем была предупреждена возможность повторения ужасных последствий, которые произошли в Кутомарской и Алгачинской тюрьмах.

В чем заключалось нарушение тюремного порядка вновь прибывшими в Зерентуйскую тюрьму названными политическими, за которое губернатор приказал подвергнуть их телесному наказанию, видно из его предписания исполняющему должность помощника начальника Нерчинской каторги. В предписании губернатор сообщает, что, по имеющимся в главном тюремном управлении сведениям, вышеуказанные политические, во время пути из Алгачей в Горный Зерентуй, имели при себе около 25 рублей и на последнем привале устроили пирушку, в которой участвовали и конвойные.

[1] Прах Е. Созонова был перевезен в Уфу после революции 1917 года Гр. Фроловым.—*Ред.*

По прибытии в Зерентуй политические, при опросе их начальником тюрьмы, будто бы вели себя крайне вызывающе и, между прочим, не пожелали назвать своих фамилий и вообще отказались отвечать на вопросы начальника тюрьмы только потому, что последний обратился к ним на „ты“.

Когда начальник тюрьмы с целью оказать воздействие на арестантов приказал приготовить розги, то они с криком: „что вы делаете, палачи!“ побросали свои вещи и произвели беспорядок, при чем подкупленные угощением конвойные никаких мер к восстановлению порядка не принимали.

Лишь при содействии вызванного караула, прибывшие были отправлены в карцер, где все они отказались от принятия пищи, Андреев и Ильинский, кроме того, пытались покончить жизнь самоубийством, но принятый яд не оказал на них действия.

Только после того, как к ним был применен более мягкий режим и тюремная администрация стала обращаться с ними на „вы“, они прекратили голодовку, за исключением Ильинского, питание которого около месяца продолжалось искусственно.

При этом губернатор добавляет, что, по имеющимся сведениям, Ковалев не всегда действует согласно данным ему указаниям относительно содержания политических преступников. Между прочим, имеются указания на то, что в Зерентуйской тюрьме к арестантам указанной категории обращаются на „вы“.

По поводу запроса начальника каторги о вызове в тюрьму конвойной команды для усмирения прибывших арестантов начальник конвойной команды поручик Козин (37) пишет следующее:

„Причина вызова конвойной команды заключается в том, что по приходе начальника в тюрьму, после команды „шапки долой“, вновь прибывшие политические не сняли шапок. Неисполнение этой команды начальник тюрьмы счел чуть ли не за бунт и для восстановления порядка потребовал вооруженную силу, хотя здесь же стояли 14 человек конвоиров.

Выражение начальника тюрьмы, что он не примет арестантов до тех пор, пока не будет восстановлен порядок, говорит само за себя, что он слишком злоупотребляет применением военной силы и чисто тюремные функции возлагает на нижних чинов.

Для восстановления т.-называемого „порядка“ фельдфебелем Захаренко действительно была употреблена сила. Прикладами арестантов не били, но Захаренко неповиновавшихся арестантов ударял ладонью по голове, чтобы сбить шапки, и этого было достаточно для восстановления порядка.

Что же касается второго вашего вопроса, то утвердительно докладываю, „что старший конвойный унтер-офицер Ян. Кончальский—совершенно непьющий человек и, значит, не мог пьянствовать с арестантами. Я не могу допустить, чтобы все 14 конвоиров были пьяны, но если бы даже это и случилось, то, наверное, один из них проболтался бы. В круг обязанностей конвойных нижних чинов не входит обучение арестантов снимать шапки по команде „смирно“ при входе начальника в тюрьму“.

Нельзя пройти молчанием и не занести на эти страницы возмутительного случая наказания розгами арестанта Рейзнера (38), служившего до суда экспедитором газеты „Новый Край“.

По донесению начальника тюрьмы Ковалева, Рейзнер был подвергнут наказанию 50 ударами розог за то, что когда Ковалев вошел в камеру и спросил Рейзнера: „как твоя фамилия“, последний ответил: „я не желаю с вами разговаривать и отвечать на „ты“.

Нельзя без глубокого волнения читать простые, почти совершенно тождественные показания надзирателей, которые они дали о психическом состоянии этого человека перед наказанием [1].

Перед приведением в исполнение наказания Рейзнер был посажен в карцер, при чем его тщательно обыскали. Психическое состояние его, согласно всем данным показаниям, было ужасно: он напоминал собою нервно-больного, плакал, бился головой о пол, несколько раз пытался задушить себя носовым платком. Когда пришел фельдшер освидетельствовать его, он лежал на полу, не мог встать, а когда поднялся, колени его подгибались, пульс учащенно бился. На вопрос фельдшера, что его заставило душить себя платком, он ответил „розги“. Даже привыкшие к своей роли тюремные палачи и те не могли выдержать той тяжелой муки, которая происходила перед их глазами, и они отсрочили приведение наказания в исполнение до вечера, чтобы дать Рейзнеру время успокоиться.

Когда вечером его выводили из карцера, он увидал острый выступ печи. В один миг в его уме мелькнул последний луч надежды—упасть на этот острый выступ, разбить себе голову и, быть может, своею смертью купить избавление от предстоящего наказания или, по крайней мере, полученной при падении раной отсрочить наступление этой страшной минуты. Все напрасно. Он падает на выступ, но надзиратель во-время поддерживает его, и он падает мимо печи... Его поднимают и ведут дальше.

После экзекуции его снова привели в карцер. Так как Рейзнер до наказания уже несколько раз покушался на самоубийство, то за ним был учрежден самый бдительный надзор. Но Рейзнер, чтобы обмануть бдительность стражи, вел себя по внешнему виду очень спокойно и принимал пищу. Так прошла первая ночь. На другой день, в 5 часов вечера, дежурный надзиратель передал ему кусок хлеба, предварительно осмотрел его и порезал на небольшие ломтики. Спустя некоторое время надзиратель в дверное окошечко увидал Рейзнера, лежащего на полу с порезанною кистью левой руки, а рядом с ним лежал обломок перочинного ножа и разломанный на мелкие кусочки хлеб. Больного взяли в лазарет, на рану были наложены три шва, и жизнь его таким образом была спасена.

Об этом наказании Рейзнера было напечатано в газете „Русская Мысль“ от 12 апреля 1913 года.

[1] Тов. Рейзнер оспаривает эти показания тюремщиков и утверждает, что они неверно освещают его состояние в тот момент.—*Ред.*

3. Кутомарская тюрьма.

26 июля 1912 г. забайкальским губернатором Кияшко на имя начальника каторги Забелло была послана следующая телеграмма:

„По имеющимся у меня сведениям, в Кутомарской тюрьме были протесты арестантов против законного тюремного режима, выразившиеся в голодовке, попытках к самоубийству—донесите“.

Телеграмма эта была вызвана кровавыми событиями, которые произошли в Кутомарской тюрьме, как протест против применения к политическим заключенным новой инструкции начальником тюрьмы Головкиным (39). О последнем начальник каторги в своем рапорте от 26 августа дает очень нелестный отзыв: в пассивном сопротивлении арестантов проведению в жизнь новой инструкции Головкин видит свою заслугу; своими распоряжениями о наружной охране арестантов он вызывает среди окружающих его толки о своей трусости, своей же стремительностью, грубостью и угрозами, особенно после проезда инспектора Сементовского, не дожидаясь распоряжений начальника каторги, которого во время посещения Сементовским Кутомарской тюрьмы не было, породил пассивное сопротивление; Головкин сделал много и других промахов, отменить которые начальник каторги считает пока неудобным, чтобы не породить у заключенных надежды на поддержку со стороны высшего начальства.

Из приведенных дальше официальных документов увидим, что краевая администрация, во главе с Кияшко, решила лучше пожертвовать жизнью политических заключенных, чем уступить хотя бы на одну иоту более чем скромным требованиям, пред‘явленным заключенными к тюремной администрации. Между тем, эти требования не шли в разрез с теми параграфами новой инструкции, о которых говорит в своем рапорте начальник каторги губернатору.

В этом рапорте по поводу событий в Кутомарской тюрьме говорится, что в проекте новой инструкции, присланной для ознакомления тюремной администрации и надзора и для введения ее в жизнь, совсем нет пункта, которым требовалось бы обязательное обращение на „ты“. Только по указанию начальника главного тюремного управления, после об‘езда им тюрем Нерчинской каторги в 1909 г., было об‘явлено начальникам тюрем, что сс.-каторжные не имеют права заявлять жалобу на обращение с ними на „ты“.

Относительно 2-го пункта инструкции (по раз‘яснению инспектора Сементовского) команда „смирно“ должна быть произносима как бы для отдания чести входящему начальнику. С таким толкованием этого пункта начальник каторги не мог согласиться, так как эту команду произносит надзиратель, а не начальник тюрьмы и, кроме того, в инструкции сказано, если на это не последует другого распоряжения. По мнению начальника каторги, команда „смирно“, „встать“ произносится для приведения арестантов в порядок при встрече начальствующих лиц. Если же люди

стоят в порядке, то и надобности в этих командах нет. Относительно этого пункта им было сделано распоряжение, чтобы при входе начальствующих лиц в камеры, если заключенные уже выстроились и стоят смирно, команды „смирно“, „встать“ не подавать, о чем им и было донесено в 1910 г. в частном письме начальнику главного тюремного управления, и на это никаких возражений не последовало.

3-й пункт проекта новой инструкции требует, чтобы арестанты на приветствие отвечали вежливо и почтительно, а не обязательно „здравия желаем ваше“ и т. д., как это и практиковалось в тюрьмах Нерчинской каторги.

Все эти соображения были высказаны начальником каторги инспектору Сементовскому, и он согласился, что эти соображения, если является необходимым ввести их в жизнь, должны быть изложены в инструкции категорически. Но, очевидно, инспектор Сементовский вел с начальником каторги одни лишь теоретические рассуждения по поводу этих основных пунктов новой инструкции, а на деле требовал от начальников тюрем немедленного и неуклонного введения их в жизнь, чем и было вызвано то столкновение между тюремным начальством и политическими заключенными, последствия которого Сементовский, быть может, и не предвидел.

27 июля 1912 года начальник каторги донес военному губернатору, что в Кутомарской тюрьме с 13 июля государственные преступники голодают уже четвертый день, при чем он запросил начальника тюрьмы о причинах голодовки, на что последний ответил, что причины ему неизвестны. Тогда начальник каторги сам приехал в Кутомару и посетил тюрьму, но не подал и виду, что ему известно о протесте политических в виде голодовки. При обходе камер ему были заявлены следующие жалобы:

1) на то, что новый начальник тюрьмы уменьшил им выписку на собственные деньги с 4 р. 20 к. до 3 р. в месяц;

2) на прекращение дополнительной выписки больным;

3) на его грубое и враждебное обращение с ними.

На вопрос начальника каторги, в чем выражается эта грубость, они ответили: обращение на „ты“ особенно враждебным тоном, „здорово“ вместо „здравствуйте“ и даже произношение угроз и бранных слов, относящихся ко всем. Вопрос о грубом обращении он разрешил тут же, признав жалобу неосновательной. Что же касается до выписки, то разбор этой жалобы был сделан в конторе тюрьмы. На указание начальника каторги, что выписка по 4 р. 20 к. в месяц и дополнительная выписка больным, по свидетельству врача, узаконены распоряжением главного тюремного управления, а поэтому уменьшаемы, а равно и лишаемы этих выписок каторжные могут быть только в дисциплинарном порядке, Головкин заявил, что он и не уменьшал выписки, а приказал выдавать выписку на 3 р. в счет авансом, пока не осмотрится, и обещал об'явить об этом по камерам.

Это было 15 июля. 18 июля начальник команды вновь донес ему, что голодовка продолжается, вследствие необ'явления начальником тюрьмы о выписках, при чем начальник в камеры не заходит.

На вторичный вопрос начальника каторги Головкину, исполнены ли его приказания относительно выписок, какие меры приняты относительно голодающих, оказана ли ослабевшим голодающим медицинская помощь искусственным питанием и помещены ли таковые в лазарет, начальник тюрьмы ответил, что все распоряжения исполнены, а 19 июля донес, что в этот день начали обедать первая и вторая камеры.

В своем рапорте военному губернатору начальник каторги донес, что протесты со стороны арестантов в виде голодовок—обычное явление в тюрьмах Нерчинской каторги, и в настоящее время тюремное ведомство на голодовки не обращает внимания, так как арестанты прибегают к этому способу протеста в тех случаях, когда хотят добиться каких-либо льгот или послабления режима. Однако, в данном случае, в виду продолжительности голодовки и неблагоприятных климатических условий Кутомарской тюрьмы, которая стоит на болотистой местности, вследствие чего могут появиться массовые эпидемические заболевания, им был командирован его помощник, подполковник Языков, совместно с тюремным врачем, для выяснения, в каком положении находятся голодающие. Осмотр голодающих был произведен 21 июля, и признанные более слабыми были выделены в особую камеру с выдачею им улучшенного довольствия, в целях восстановления упадка сил.

Что же и как ответил на это донесение по поводу улучшенного питания „не тот генерал, которого вешают, а тот генерал, который вешает“, как аттестовал себя Кияшко в одной из своих речей к читинской публике, произнесенной на Атамановской площади во время парада по поводу празднования 300-летнего юбилея дома Романовых, когда он заметил, что многие из публики стоят в шапках?

На это донесение губернатором была положена следующая резолюция:

„О каком улучшенном довольствии говорит начальник каторги? Если арестанты не хотят принимать пищи только потому, что начальник тюрьмы строго соблюдает требования закона, то это их частное дело. Подкармливать их искусственно строго воспрещаю: тюрьма не богадельня, а карательное за совершенные преступления учреждение. Прошу с так-называемыми политическими не няньчиться, они такие же каторжные, как и другие“.

Резолюция эта, за подписью тюремного инспектора фон-Куббе[40], была препровождена начальнику каторги для сведения и строгого исполнения начальниками тюрем.

Такими резолюциями бравый генерал давал начальникам тюрем право открыто сказать заключенным: „Ваше дело—умирать, наше дело—хоронить“.

Своим грубым, никем и ничем не сдерживаемым отношением к заключенным начальники тюрем действовали развращающим образом на своих ближайших помощников и надзирателей. Тут вполне оправдалась русская пословица: каков поп—таков и приход. Иного отношения к подневольным обитателям тюрем со стороны низшего персонала трудно было бы и ожидать. Пример заразителен.

Вот что писал начальнику Кутомарской тюрьмы тюремный инспектор фон-Куббе от 4 декабря 1913 г.:

„Из произведенного помощником начальника Нерчинской каторги подполковником Евтиным (41) дознания по поводу жалоб арестантов Кутомарской тюрьмы на противозаконные действия надзирателей усматривается, что с вашей стороны нет положительно никакого контроля над надзирателями. Благодаря этому они делают, что хотят, допускают по отношению к арестантам разные самоуправства, доходящие будто бы даже до кулачной расправы.

В виду изложенного, ставя вам на вид грубое отношение надзирателей к арестантам вверенной вам тюрьмы, предлагаю на будущее время установить самое строгое наблюдение за ними и предупредить их, что если кто-либо из них позволит себе насильственные действия по отношению к арестантам, то он немедленно будет уволен со службы без прошения."

В ответ на произведенное дознание о царивших в тюрьмах Нерчинской каторги порядках, от иркутского генерал-губернатора Князева на имя Кияшко последовало предписание, на основании которого губернатор обратился к начальнику каторги со следующим циркуляром от 30 ноября 1913 года:

„Иркутский генерал-губернатор предписал дать начальникам тюрем строжайшее указание на то, что закон вооружает их достаточными средствами дисциплинарного воздействия на нарушающих порядок арестантов, чтобы не допускать со стороны конвоя или тюремной стражи причинения арестантам побоев. О вышеизложенном сообщаю вам для зависящего распоряжения. *Кияшко*".

Какие меры наказания употреблялись начальниками тюрем для исправления провинившихся в чем-либо арестантов, видно из предписания губернатора начальникам тюрем Нерчинской каторги от 15 января 1914 г.

„Усматривая из поступающих в тюремную инспекцию выписок из штрафных журналов, что начальники тюрем и мест заключения практикуют только два рода наказания—карцер и розги, предлагаю впредь, при назначении провинившимся арестантам наказания, строго сообразоваться с родом проступка и выбирать наказание такое, которое оказало бы больше влияния на арестанта.

Действительно, наказание розгами и карцером было излюбленными средствами воздействия тюремной администрации на провинившихся арестантов. Ни о каких иных мерах воздействия на уголовных арестантов как-то: выговорах, замечаниях, лишении переписки с родными, прогулок и тому подобных, более легких взысканиях в штрафных журналах не приводится данных.

Цифровые данные, извлеченные из донесений начальников тюрем относительно количества наказаний розгами арестантов, дают следующую картину:

Тюрьма:	Наказано розгами:				
	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Кутомарская тюрьма . . .	64 ч.	81 чел.	21 чел.	8 чел.	1 чел.
Мальцевск. тюрьма [1] . . .	6 чел.	7 чел.	3 чел.	3 чел.	1 чел.
Кадаинская тюрьма . . .	42 чел.	44 чел.	—	5 чел.	2 чел.
Зерентуйская тюрьма . . .	108 чел.	40 чел.	23 чел.	11 чел.	18 чел.

Сведений о количестве наказаний розгами в других тюрьмах в делах не оказалось.

К этому нужно добавить, что наказанию розгами арестанты подвергались не только по распоряжению начальников тюрем, но и их помощников, без внесения в штрафной журнал, о чем говорит в своем приказе от 10 декабря 1915 г. за № 20 областной тюремный инспектор и находит, что такое отношение к делу недопустимо и должно караться, как служебный обман.

Следовательно, вышеприведенные официальные данные о количестве подвергнутых телесному наказанию арестантов далеко не соответствуют действительности. Что же касается количества лиц, подвергнутых наказанию в темном карцере, то сведений об этом роде наказания не дает ни одна тюрьма, ссылаясь на отсутствие в делах тюрьмы необходимых бумаг и черновых годовых отчетов.

Как мы уже знаем, 18 июля начальник Кутомарской тюрьмы донес начальнику каторги о прекращении голодовки. На этот раз конфликт был ликвидирован сравнительно благополучно, благодаря вмешательству начальника каторги. Но это было лишь временное затишье, затишье перед грозой. Головкин на время затаил свою злобу и лишь выжидал удобного случая, чтобы отомстить политическим заключенным за вмешательство начальника каторги в сферу его административной деятельности и умаления полноты его власти. Случай к этому скоро представился и стоил нескольких жизней. Приказ губернатора Кияшко „с политическими не няньчиться“ сыграл в этой тюремной трагедии роковую роль.

18 августа Головкин донес начальнику каторги:

„Инспектор Сементовский при обходе камер обратился к Брильону с вопросом, чем он занимается, на что последний ответил дерзостью. За это Брильон был подвергнут аресту в темном карцере, но при выходе из одиночки в карцер начал призывать товарищей к бунту и сопротивляться, за что и был подвергнут, по распоряжению Головкина, наказанию розгами в количестве 35 ударов и трем суткам карцера. После наказания Брильона три камеры 1-го корпуса, занятого политическими, об'явили 17 августа голодовку. На это им было об'явлено, что никакие отступления от требований подчинения тюремному режиму допущены Головкиным не будут, после чего тре-

[1] Мальцевская женская тюрьма уничтожена в 1911 г.—*А. Як.*

тья камера, в числе 12 человек, и 4 человека из одиночек подчинились общ у режиму. Что же касается второй камеры, то в ночь с 17 на 18 августа лишили себя жизни политические: Семен Лейбазон, Петр Рычков, Николай Маслов, а на другой день Сигизмунд Пухальский[1].

Относительно 16 человек, прекративших голодовку, начальник каторги донес губернатору следующее:

„Начальник тюрьмы Головкин надеется на скорое прекращение голодовки и полное подчинение, основываясь на прекративших уже голодовку 16 человек. Я же с его оптимизмом не вполне согласен, так как эти 16 человек отказались от политических давно и были его предшественником Ковалевым выделены в особую камеру, так как они только для виду примкнули к голодовке".

По поводу этих самоубийств было произведено предварительное судебное следствие. Сущность показаний допрошенных по этому делу политических заключенных сводится к следующему:

Маслов, Лейбазон, Рычков и Пухальский покончили жизнь самоубийством потому, что не желали подчиниться тяжелому и оскорбительному для их человеческого достоинства режиму, который ввел вновь назначенный начальник тюрьмы Головкин. Не делая в обращении и режиме никакого различия между сс.-каторжными, осужденными за государственные и общеуголовные преступления, Головкин, обращаясь к сс.-каторжным первой категории, стал говорить им „ты", приветствовать их словами „здорово", установил при посещении камер тюремной администрацией и другими лицами команду „смирно", „встать", заставлял участвовать в общей молитве, не желая выслушивать заявлений, и был груб в обращении, производил частые обыски, отнимал такие предметы, которые сам же разрешил купить, например: посуду, белье, лицевое мыло, уменьшил выписку продуктов на собственные средства и, наконец, 17 августа подверг телесному наказанию их товарища Брильона.

После наказания Брильона все сс.-каторжные Кутомарской тюрьмы, осужденные за государственные преступления, решили умереть и с этой целью с 18 августа об'явили голодовку. У Лейбазона, Рычкова, Пухальского оказался яд, и они его приняли. На Рычкова яд не подействовал, и он вскрыл себе кровеносные сосуды руки. Товарищи по камере знали о намерении упомянутых лиц принять яд, но молчали. В тот день, когда произошло это событие, нравственное состояние заключенных этой камеры было подавленное, как у приговоренных к смерти. Такое состояние заключенных не могло ни в каком случае укрыться от тюремной администрации, но она сознательно закрывала глаза, сознательно допустила совершиться тому, что произошло в эту ночь, и не приняла никаких мер предосторожности в смысле немедленной подачи медицинской помощи, более внимательного надзора за поведением заключенных и т. д.

[1] Подробности см. в ст. И. Жуковского-Жука.— *Ред.*

„Ваше дело—умирать, наше дело—хоронить". Таков был логический вывод, который сделал Головкин из предписания Кияшко, и он остался верен ему до конца.

Предварительное следствие по этому делу установило тот факт, что все политические, приговоренные к телесному наказанию, свидетельствовались о состоянии их здоровья до приведения в исполнение наказания. Между прочим, по распоряжению Головкина, были освидетельствованы приговоренные им к телесному наказанию политические Алешкер и Степан Иванов ([42]). Оба они не были подвергнуты этому наказанию только потому, что при освидетельствовании у Алешкера обнаружен туберкулез, а у Иванова—сильное малокровие.

Хотя предварительное следствие и установило, что якобы все приговоренные к телесному наказанию свидетельствуются перед этим врачем или фельдшером, однако, по отношению к Брильону это требование закона исполнено не было. Это видно из запроса прокурора Читинского окружного суда Каминского к Головкину. Последний ответил, что освидетельствование Брильона перед наказанием не производилось.

Было ли это со стороны лиц, производивших предварительное судебное следствие, сознательной ложью, желанием скрыть правду в угоду кому-то, или это была преступная небрежность—установить не удалось. Но факт остается фактом: начальником тюрьмы было совершено преступное деяние, за которое он подлежал ответственности, как за превышение данной ему власти. Весьма возможно, что медицинское освидетельствование освободило бы Брильона от наказания, и тогда не было бы тех человеческих жертв, которые были результатом этого наказания. Головкин предвидел это и решил обойти закон.

1 сентября начальник тюрьмы донес о заявлении политических прекратить голодовку, но что подчиняться тюремному режиму они не будут.

На это донесение от начальника каторги последовало распоряжение: собрать неподчиняющихся тюремному режиму в две камеры и, кроме казенного пайка, не давать ничего, так как все дозволенные законом льготы разрешаются арестантам за доброе поведение и покорность.

Военный губернатор Кияшко, об'езжая в сентябре месяце того же года тюрьмы Нерчинской каторги, заехал и в Кутомарскую тюрьму. Обратясь к политическим, он об'яснял им всю несостоятельность их отказа подчиниться общему тюремному режиму и недопустимость каких-либо отступлений для арестантов от этого режима. Его речь произвела на всех удручающее впечатление. Когда после этой речи губернатор обратился к ним с приветствием „здорово", те на это приветствие ответили молчанием. За этот проступок они были подвергнуты, по распоряжению губернатора, взысканию: одним из них срок каторжных работ был продолжен на один год, другим—срок испытуемости на два года, политиче-

ские, проживающие в вольной команде, были заключены снова в тюрьму.

После этого посещения один из политических, В. Васильев, 0) сказал своим близким товарищам, что невозможно жить после заявления, с каким обратился к ним губернатор, и после заявления начальника тюрьмы, сказавшего, что после того, как все средства воздействия на арестантов, не подчиняющихся тюремному режиму, исчерпаны, остается одно средство—телесное наказание.

Другой политический, Кириллов, опасаясь, что к нему, как к бывшему нижнему чину, телесное наказание будет применено скорее, чем к другим, решил покончить с жизнью, чтобы не дать возможности надругаться над собою. Арестанты камеры № 2, в которой содержался Кириллов, знали о его намерении лишить себя жизни и знали о том, что Кириллов принял яд, но не считали себя в праве заявить о случившемся тюремной администрации.

15 сентября арестантов камеры № 2 водили в баню. Тюремный надзиратель Коренев заметил болезненное состояние Кириллова и доложил об этом помощнику Судакову (43), который и явился в камеру в сопровождении фельдшера. Кириллов был перенесен в лазарет, но в это время он был уже в бессознательном состоянии и бился в судорогах. Спустя 15 минут он скончался, не приходя в сознание.

По донесению тюремной администрации, голодовка прекратилась 1 сентября. Только Васильев и Алешкер продолжали еще голодать.

16 сентября Васильев и Алешкер все еще продолжали не подчиняться тюремному режиму. В этот день оба они были переведены в одиночную камеру, в которой вместе и переночевали. 17 сентября больной, измученный продолжительною голодовкою Васильев, после освидетельствования тюремным фельдшером, был наказан 35 ударами розог якобы за „открытое неповиновение тюремному режиму". Наказание было приведено в исполнение в присутствии начальника тюрьмы Головкина и его помощника Каблукова (44).

На другой день Васильев был переведен в отдельную одиночную камеру, при чем ежедневно подвергался самому тщательному обыску, а равно и камера, в которой он содержался. С 19 сентября Васильев вновь перестал принимать пищу. 22 сентября, во время вечерней поверки, Головкин и его помощник заметили, что Васильев лежит на скамейке. Надзиратель Апрелков (45) взял его за плечо и спросил, почему он не встает. Васильев ответил, что ему дурно. Его перенесли в лазарет, где он слабым голосом попросил пить. Фельдшер Казенас (46) принес ему стакан воды, но он не мог уже открыть рта и, постепенно слабея, минут через 10—15 скончался. По заключению врача, смерть Кириллова и Васильева произошла вследствие отравления, повидимому, стрихнином.

В своем рапорте от 26 августа 1912 г. за № 23 на имя губернатора начальник каторги упоминает о покушении на самоубийство политических заключенных Павла Михайлова и Павла

Мошкина ([47]), но при каких обстоятельствах произошло это покушение—из дел Кутомарской тюрьмы не видно.

Читинский окружной суд, рассмотрев предварительное следствие по делу Кутомарской тюрьмы, вынес следующее постановление:

„На основании предварительного следствия по делу самоубийства Рычкова, Маслова, Лейбазона и Пухальского, а равно и следствия о выяснении причин смерти Васильева и Кириллова, за необнаруживанием в первом случае указанных в ст. 1475 Ул. нак. участников или пособников совершенных Рычковым и остальными лицами деяний и за отсутствием в исследуемом факте смерти Кириллова и Васильева признаков преступлений, дело направить судебному следователю в порядке 277 ст.".

Согласно определению Читинского окружного суда по 1-му уголовному отделению в распорядительном заседании от 26 января 1913 г. дело прекращено по указанным выше основаниям.

Так закончилась эта кровавая драма в Кутомарской тюрьме, унесшая в могилу 6 человек. Виновник этих жертв, Головкин, надеялся получить за свои услуги по усмирению политических орден Станислава, но генерал-губернатор Князев под благовидным предлогом отказал ему в этом.

Какие же требования пред'являли политические заключенные Кутомарской тюрьмы к тюремной администрации, кроме требований вежливого обращения, отмены команды „смирно", „встать" и ответа на приветствие начальства „здравия желаем"?

Эти требования изложены в нижеприведенном заявлении политического Пирогова⁰), поданном начальнику каторги 6 августа 1912 года:

„Начальник Кутомарской тюрьмы отобрал у политических без всякого с их стороны повода книги, учебники, словари, тетради, свое и казенное белье, часть летних казенных халатов, полотенец, носовых платков, посуды, марки, лицевое мыло, денежные квитанции, письма, курительную и писчую бумагу и многое другое, пропущенное по выписке и в посылках. Кроме того, отменены прогулки туберкулезным, страдающим цынгою и другими болезнями, а с 8 августа и общие прогулки сокращены до получаса, вследствие чего мы отказались гулять; все без исключения больные списаны с больничного довольствия. Несмотря на предписание врача о расковке больных, последние не раскованы до настоящего времени; вопреки приказанию помощника начальника каторги об уравнении сидящих в первой и во второй камерах первого корпуса—камеры не уравнены; посылки выдаются на одиннадцатый день после получения их с почты, благодаря чему часть с'естного портится, часть отдается в общий котел, часть не выдается совсем, в том числе консервы, сыр, кофе, какао, клюквенный экстракт, лекарства и т. д. Начальником об'явлено, что невыданные вещи будут проданы с аукциона.

В виду упорного нежелания начальника тюрьмы разговаривать с нами ни лично, ни через помощников, мы вынуждены обратиться к вам с заявлением, что при таких условиях жизнь наша становится невыносимой. Отсутствие книг и других необходимых предметов доводит нас до сумасшествия и толкает на крайние средства. Мы обращаемся к вам с ходатайством дать нам возможность жить и заниматься в тюрьме".

Начальник каторги не счел нужным проверить указанные в заявлении факты, а отнесся с полным доверием к донесению начальника тюрьмы, в котором все указанные Пироговым факты голословно отвергались.

Тогда все политические заключенные от лица Пирогова решили послать генерал-губернатору Князеву телеграмму следующего содержания:

„В Кутомарской тюрьме свирепствует тиф; число больных на почве недоедания очень значительно и чем дальше, тем все больше и больше увеличивается; пища остается прежней, размер выписки припасов все тот же— 4 р. 20 к. на человека. 30 человек политических заключенных, предпочитая скорую смерть медленному умиранию, об'явили голодовку до выполнения администрацией тюрьмы следующего:

1) Увеличение ежемесячной выписки на время эпидемии.

2) Увеличение прогулок для цынготных и туберкулезных.

3) Более внимательное отношение к многочисленным больным.

4) Посылка дежурного на кухню по очереди от камеры.

5) Постоянная недостача хлеба побудила политических заключенных проверять вес хлеба. Оказалось, что вместо 145 фунтов выдают только 120 ф. Начальник тюрьмы об'явил, что хлеб усох, хотя он был перевешен тотчас же по получении. На заявление политических о необходимости ежедневно проверять вес хлеба., начальник тюрьмы ответил отказом.

Все перечисленное так же законно, как и необходимо. Заключенные не получают выписки с 23 марта. В баню ходят один раз в месяц".

Начальник тюрьмы представил эту телеграмму начальнику каторги при рапорте, в котором пишет:

„1) Тиф в тюрьме не свирепствует; зарегистрированные доктором больные, подозрительные по тифу, поправляются, больных нет; 2) цынга, у которых есть, тоже прекращается, зарегистрированные больные уголовные выделены; 3) от выписки с 23 марта отказались политические 1 и 2 камер, потому что запрещено выписывать на неимущих своих денег и коммунальным образом; 4) посылка на кухню дежурного (старосты) воспрещена, добиваются, дабы сношения иметь и коммунизировать тюрьму; 5) раз, во время моего отсутствия, по вине хлебореза, что сейчас же и бросилось в глаза арестантам, недодано было двадцать фунтов хлеба, каковой, по получении заявления и проверке, немедленно был выдан; 6) баня была в последний раз 1 июня и будет 1 июля; 7) недовольные 30 человек лишь 2 камеры, бессрочные, почти все евреи и александровцы; 8) эти же камеры после дезинфекции выбрасывают матрасы и на поверке демонстративно не встают".

Начальник каторги возвратил эту телеграмму с предложением об'явить Пирогову, что его телеграмма подана не в порядке и, кроме того, жалобы не отвечают действительности. Главная причина заключается в том, что Пирогов позволил себе пред'являть требования и условия от всех арестантов, что воспрещено законом, а потому телеграмма не может быть отправлена.

Итак, все требования политических заключенных не только не были удовлетворены, но даже были признаны несоответствующими действительности, а возражения на телеграмму со стороны начальника тюрьмы, без всякой проверки указанных в ней фактов, были признаны вполне удовлетворительными. Все осталось по-старому. Но атмосфера взаимоотношений между политическими и тюремной администрацией все более и более сгущалась и привела к вышеописанным кровавым событиям. Высшая краевая администрация, в виду ожидаемого приезда Сементовского, нашла начальника тюрьмы Ковалева слишком либеральным, и он был переведен для поль-

зы службы в Зерентуйскую тюрьму, а на его место назначен Головкин.

Все политические и уголовные арестанты хорошо понимали, что всякие легальные пути к удалению Головкина с поста начальника тюрьмы были бы совершенно бесполезны, напротив, только еще более упрочили бы его положение и сделали бы положение заключенных еще более невыносимым, а потому они решили избавиться от него посредством покушения на его жизнь, о чем Головкин и не замедлил сообщить начальству рапортом от 20 января 1913 г.

20 января сс.-каторжный Больных, заготовляя дрова для топки печей в конторе тюрьмы, взял одно полено с целью расколоть его на растопку, ударил топором и увидел, что из полена на снег посыпался какой-то черный порошок. Больных доложил надзирателю (Удивительное совпадение—словно в романе. Из массы полен взял как-раз то, которое не нужно было брать.—*А. Ф.*) Оказалось, что в полене просверлена дыра и наполнена порохом в количестве более фунта! Отверстие дыры тщательно закупорено деревянной втулкой. Дрова эти расходовались исключительно только на топку печей в кабинете начальника тюрьмы и железной печи в коридоре. По донесению Головкина, полено это предназначалось для взрыва печи во время топки, а печь эта топилась в сильные морозы во время занятия Головкина в конторе.

Было ли это сделано действительно арестантами с целью убить Головкина, или это был с его стороны провокационный прием—упрочить в глазах начальства пошатнувшееся свое положение—из расследования дела не видно.

Из отношения губернатора на имя начальника Кутомарской тюрьмы Головкина от 29 декабря 1912 г. видно, что деятельность его по управлению тюрьмой за 1912 г. главным тюремным управлением признана правильной в смысле устранения допущенных по отношению к государственным преступникам его предшественником Ковалевым отступлений от закона, не делающего различий в порядке содержания каторжных, осужденных за общеуголовные и государственные преступления, но при этом, по указанию тайного советника Хрулева ([48]), ему следовало бы вести себя с большим тактом, подавая собою пример сдержанности подчиненным надзирателям, и об'яснить арестантам вполне корректно и спокойно, что если до него и были допущены незаконные льготы и послабления, то таковые им впредь допускаться не будут.

Чрезвычайно грубое обращение Головкина с политическими было установлено и товарищем прокурора Иркутской судебной палаты при расследовании им беспорядков Кутомарской тюрьмы, когда Головкин, после об'явления заключенным о тех последствиях, которые повлекут за собою нарушение вводимого им режима, и после возражения Брильона: „Это вам не Орел,“ уходя из камеры, к своей фразе: „Я вас заставлю стоять передо мной“,

прибавил самую площадную брань, что главное тюремное управление и поставило ему на вид. [1]

4. Алгачинская тюрьма.

Переходя к событиям в Алгачинской тюрьме, которые произошли в 1911-1912 г. г., [2] мы увидим, что и здесь одни и те же причины породили одинаковые последствия, т.-е. такие же кровавые драмы, как и в Кутомарской тюрьме.

14 февраля 1911 года начальник Алгачинской тюрьмы Гарин (49) донес начальнику каторги, что 30 человек политических, прибывших в 1910 году из Зерентуйской тюрьмы, со дня прибытия не желают подчиняться тюремному режиму, а именно, при входе к ним в камеру начальства, они немедленно садятся на нары и дерзко смотрят на вошедших, не издавая никакого звука. При опросе на вечерней поверке, при перекличке по списку сначала не откликались, молитвы ни утренней, ни вечерней не поют, шапок при встрече с начальством не снимают.

„12 февраля, при моем входе в одиночные камеры, где находятся из вышеуказанного числа 15 человек, арестанты садились на нары и, подняв головы, молча глядели мне в глаза. За последний проступок мною все 15 арестантов были посажены в темный карцер на 7 суток. На следующий день политический Малиновский (50) заявил помощнику Шмакову, что они есть не будут, данный им хлеб выбросили в коридор, при чем Малиновский заявил, чтобы пищи им вовсе не носили, так как все равно принимать ее они не будут. В этот день вечером от принятия пищи отказались и остальные 15 человек“.

23 февраля им было вторично донесено, что политические пищу не принимают, а 22 утром, после поверки, один из них, Герман Калюжный °), куском стекла от оконной рамы порезал себе левую руку около кисти. Больного перенесли в лазарет, где ему была оказана первая медицинская помощь, и он начал принимать пищу. Из остальных 29 человек, шесть согласились принимать пищу, в виду чего таковые из общего числа были выделены, остальные разделены на две группы физически более крепких и более слабых, но пищи ни те, ни другие не принимают. Что же касается Калюжного, то, по мнению фельдшера, опасность для жизни ему не угрожает. Но 28 февраля начальнику каторги было донесено о смерти Калюжного от заражения крови, при чем его питали искусственно в течение шести дней.

23 февраля все голодающие, за исключением Макарова, Бергмана (51) и Ладейщикова, (52) согласились прекратить голодовку, в виду же сильной слабости были зачислены на больничное довольствие. Макаров, Бергман и Ладейщиков были взяты в лазарет, но от принятия пищи отказались. В ночь на 27 февраля Бергман и Ладейщиков, оба в одно время, впали в бессознательное состояние, и им в виду слабости сердца были впрыснуты возбуждающие

[1] Подробности см. в статье И. Жуковского-Жука „В дни борьбы“.—*Ред.*
[2] Жизнь в Алгачах более раннего периода освещена в ст. Н. Ростова „Расплата“.—*Ред.*

средства и произведено искусственное питание. Через некоторое время больные пришли в сознание, но от принятия пищи отказались.

Утром 27 февраля Бергман опять впал в бессознательное состояние, но после оказания медицинской помощи снова пришел в сознание. С Бергманом и Ладейщиковым обморочное состояние повторялось несколько раз. Бергман в ночь на 28 февраля, придя в сознание, просил фельдшера „не мучить их“, т.-е. не питать искусственно, „не отваживаться с ними“, дать спокойно умереть, но, конечно, в этой просьбе им было отказано. После этого Бергман несколько раз покушался на самоубийство, но благодаря бдительности надзора все его попытки были предупреждены.

Измученные, обессиленные, не видя конца этим нравственным мукам и физическим страданиям, 28 февраля Бергман и Ладейщиков согласились прекратить голодовку. 1 марта Макаров заявил, что боится испытать то же, что пришлось перенести его товарищам. Тогда Бергман и Ладейщиков просили не питать его искусственно, дать умереть ему спокойно, но и в этой просьбе им было отказано, после чего, видя всю бесполезность борьбы, не находя в себе больше сил продолжать ее и жить постоянно под страхом искусственного питания, Макаров согласился принять пищу.

9 марта Гарин донес начальнику каторги, что политические, об'явившие голодовку, согласились подчиниться установленному режиму, на вечерней поверке отзываются, по команде „смирно“ встают в порядке, на приветствие отвечают „здравствуйте“.

Это была, конечно, победа грубой физической силы над измученными людьми, но победа далеко не полная, и это хорошо понимала тюремная администрация: с такой победой помириться она не могла.

До октября 1912 г. в Алгачинской тюрьме наступило сравнительное затишье, которое скоро было нарушено приездом инспектора главн. тюр. упр. Сементовского. Он, очевидно, потребовал строгого применения тюремной инструкции, что ясно видно из донесения начальника тюрьмы от 25 августа 1912 г. начальнику каторги.

В своем донесении он говорит, что в 1911 году, во время посещения начальником каторги Алгачинской тюрьмы, им было отдано приказание, что раз арестанты в камере стоят правильно, командовать „смирно“ не следует. В камерах приличнее других, ожидая начальства, стоят арестанты политические, почему при входе к ним команду „смирно“ прекратить.

В текущем году инспектор Сементовский, войдя в камеру политических, хотя и нашел их стоящими в порядке, спросил его, почему он не командует им „смирно“. Гарин ответил ему, что политические арестанты всегда сами стараются предупредить команду „смирно“, выстраиваются в полном порядке и держат себя прилично.

Инспектор Сементовский отсутствие команды „смирно“ при входе к политическим поставил ему на вид и добавил, что при входе в камеры к политическим начальник тюрьмы обязан командовать „смирно“, как это требуется новой инструкцией.

После от'езда Сементовского Гарин предварительно беседовал с политическими и после этого разговора решил выделить тех из них, которые пожелали ответить после команды „смирно“. Через сутки после этого разговора с ними и последние политические после команды „смирно“ стали отвечать „здравствуйте“. Только туберкулезные в числе 23 человек на приветствие после команды „смирно“ продолжают молчать и ничего не отвечают. В остальном ведут себя пока корректно и все исполняют.

За то, что туберкулезные политические после команды „смирно“ не стали здороваться, Гарин лишил их с 18 августа переписки и чтения книг на две недели. Все книги и тетради, находившиеся в камере, они сложили и сдали беспрекословно. Так как возможно было повторение голодовки, как это было в 1911 году в феврале месяце (заключенные все те же), то Гарин просил начальника каторги указать, какие меры наказания он должен принять в будущем по отношению к туберкулезным за оказанное ими неповиновение.

25 августа помощник Сутурин ([53]) заявил Гарину, что политические, находящиеся в одиночках, Малиновский и Тахчогло отвернулись от него, когда он был на поверке в их камере, и просил наказать их за это. Из опроса выяснилось, что они не отвертывались от Сутурина, а что он требовал от них, чтобы они отвечали ему на приветствие „здравия желаем ваше высокоблагородие“, чего от них не требовал ни генерал-губернатор, ни инспектор, ни начальник каторги. Гарин потребовал от них держать себя прилично, в противном случае обещал наложить на них взыскание.

Из последующего донесения видно, что политические туберкулезные все же продолжают отвечать молчанием на приветствие начальства после команды „смирно“, за что снова были лишены на две недели книг и переписки.

23 сентября от начальника каторги было получено распоряжение о переводе 23 туберкулезных политических в Александровскую тюрьму с приказанием разместить их по 2 человека в камерах с уголовными.

23 октября начальником Алгачинской тюрьмы вместо Гарина был назначен Адамович ([54]). В тюрьме содержалось 596 уголовных и 61 политический, из числа которых неподчиняющихся тюремному режиму: уголовных 3 человека, политических 38. Все неподчиняющиеся политические были размещены по камерам между уголовными по 2-3 человека на камеру.

Неповиновение их заключалось в следующем:

„1) на приветствие начальствующих лиц отвечают „здравствуйте“ без прибавления титулования, некоторые добавляют „господин начальник“;

2) не отвечают на вопросы, обращенные к ним на „ты“. Эту форму обращения они считают унижающей их человеческое достоинство, так как на „ты“ говорили помещики с холопами, а теперь говорят на „ты“ только солдатам;

3) по команде: „встать на молитву“ они встают, но к иконам не поворачиваются и молитву не поют;

4) при встрече начальствующих лиц шапок не снимают, считая это для себя унизительным“.

10 сентября, после вечерней поверки, дежурный помощник Сутурин доложил начальнику тюрьмы, что им посажен в темный карцер политический Бродский ([55]) за то, что на сказанное ему приветствие „здорово“ не снял шапки и не ответил: „здравия желаю ваше бл.“ На другой день Гарин зашел в карцер к Бродскому с намерением сделать ему внушение и определить степень наказания заключением в темный карцер. Бродский встал, но держал себя непринужденно, облокотился о стенку, смотрел с видом пренебрежения, на приветствие „здорово“ заявил: „Я человек и привык, чтобы со мной обращались по-человечески, как с равным, а потому отвечаю на приветствие только тогда, когда мне говорят „здравствуйте“.

При разговоре Бродский размахивал руками, говорил повышенным тоном и продолжал так же держать себя и тогда, когда начальник тюрьмы приказал ему держать себя прилично, стоять смирно, руками не размахивать и голоса не возвышать. В виду того, что ни внушение, ни приказание на Бродского не действовали, и принимая во внимание, что Бродский и раньше был замечен в неповиновении, дерзости и в неуважении к тюремной администрации, а также и то, что налагаемые на него раньше меры наказания были легки и не действовали на его неисправимость, начальник тюрьмы постановил подвергнуть его телесному наказанию 25 ударами розог, что и было приведено в исполнение 11 октября.

Таково изложение этого события в донесении начальника тюрьмы.

В ответ на это наказание Бродского 11 октября вечером находящиеся в карцере из числа неподчиняющихся тюремному режиму уголовные Гречко ([56]) Иван и Рыжков Петр внезапно заболели, почему и были помещены в тюремный лазарет, где у них было констатировано самоотравление неизвестным ядом. После оказания медицинской помощи Гречко и Рыжков выздоровели и подчинились тюремному режиму.

Бродский об‘явил голодовку, которая продолжалась до 18 октября. Потом он заявил желание принять пищу, но вследствие слабости здоровья был помещен в лазарет в отдельную камеру.

В ночь с 12 на 13 октября находившиеся в камерах с уголовными политические Тимошенко ([57]) Емельян, Огороднов ([58]) Филипп

и Фролов (59) Григорий нанесли себе поранение рук и ног режущими предметами с целью самоубийства; Малиновский Георгий и Ладейщиков Иван с тою же целью приняли яд.

Из донесения врача видно, что Тимошенко Емельян нанес себе резаную рану обломком бритвы в нижнюю треть левого предплечья спереди, перерезал себе все мягкие части, сухожилия и сосуды, Фролов Григорий нанес себе три колотых раны перочинным ножом в нижнюю треть обоих предплечий, а Огороднов Филипп—три резаные раны в нижнюю треть правого предплечья и в нижнюю часть правой голени.

15 октября утром Марков Хрисанф, находясь в карцере, принял яд, что скоро было замечено, и он был перенесен в лазарет. На заданные некоторым политическим вопросы, что заставило их прибегнуть к самоубийству, они ничего не ответили, и только Огороднов сказал, что причиной, побудившей его нанести себе раны, было бесчеловечное обращение тюремной администрации с товарищами.

18 октября, в 3 часа дня, во время вечерней поверки политический Иван Мухин на грубое замечание надзирателя Мионовского— не разговаривать, не оставлять своего ряда и итти в затылок, обругал его. Надзиратель повел его к старшему. Что произошло за это время между ними, с точностью не выяснено, но, не доходя до карцера № 7, Мухин бросился на надзирателя и схватил его шашку. Мионовский после некоторой борьбы обнажил шашку и нанес Мухину три раны: одну в предплечье левой руки в 4 вершка до самой кости, при чем мягкие части образовали загрязненный большой лоскут, отвисавший книзу, вторую рану—посредине правого плеча и третью—снаружи от нижнего угла левой лопатки, каждую в три поперечных пальца. Обливаясь кровью, Мухин упал на землю, был поднят и унесен в лазарет, где у больного появилось обильное кровотечение из раны левой руки. 19-го вечером температура поднялась до 38,9. По мнению врача, состояние здоровья Мухина внушает опасение вследствие заражения крови через загрязненную рану левой руки.

Из телеграммы начальника тюрьмы на имя читинского тюремного инспектора видно, что Мухин выздоровел, но потерял способность владеть кистью левой руки.

В своем донесении губернатору Кияшко по поводу этого происшествия начальник каторги находит, что действия надзирателя Мионовского достойны внимания, как пример для надзора нерастерянности и решительности в употреблении оружия.

Очевидно, подобные действия надзирателей по отношению к заключенным, где дикая расправа над людьми, отданными под их прямой надзор, не знала никаких границ, никем не сдерживалась, а наоборот, всячески поощрялась, и вызвал приказ генерал-губернатора Князева от 30 ноября 1912 г., о котором говорилось уже раньше.

В ответ на голодовку, самоотравления и самоубийства политических заключенных в Алгачинской и Кутомарской тюрьмах, военный губернатор Кияшко приказал за неподчинение их тюремному режиму, как было сказано выше, продолжить срок каторжных работ одним из них на один год, другим—увеличить срок испытания на два года. В случае, если арестанты не будут подчиняться тюремному режиму, они должны быть закованы в ножные и ручные кандалы и лишены льгот, как-то: выписки за свой личный счет разных продуктов, переписки, права чтения книг, свиданий, прогулок и т. д.

Согласно этому распоряжению, в одной Алгачинской тюрьме срок каторжных работ на один год был увеличен 39 политическим заключенным, срок испытуемости на два года—30 чел. Сколько человек было подвергнуто тому же наказанию в Кутомарской тюрьме, из секретных дел этой тюрьмы не видно.

При своем посещении тюрем Нерчинской каторги в сентябре 1912 г. губернатор Кияшко потребовал, чтобы политические на его приветствие „здорово" отвечали: „здравия желаем, ваше превосходительство". Как известно, требование это ими не было исполнено. Вот что писал по этому поводу начальник Алгачинской тюрьмы Гарин начальнику каторги от 11 сентября 1912 г.

„Вследствие телеграммы за № 7665 доношу, что все политические сс.-каторжные, не желающие отвечать „здравия желаем, ваше превосходительство", закованы в ножные и ручные кандалы и посажены по нескольку человек во все камеры, где находятся уголовные. Этому размещению политические оказали полное подчинение и ни одним звуком не выразили никакого протеста. Во время утренней и вечерней поверки и во время молитвы стоят молча. 13 сентября на вечерней поверке политические Седлецкий (60) и Шатский (61) заявили помощнику Сутурину: „мы остаемся при своем убеждении и тюремному режиму не подчинимся".

В тюрьме, повидимому, порядок водворен, но я глубоко убежден, что большинство политических остается при своем бывшем мнении. При чем долгом считаю заявить, что все арестанты, находящиеся в одиночках и наказанные военным губернатором, в виду оказываемого ими сильного влияния на арестантов во время пребывания их в общих камерах, мною в общие камеры не переведены: все они не подчиняются общему режиму, т. е. не отвечают: „здравия желаем", а говорят „здравствуйте".

Это донесение Гарина еще раз подтверждает, что политические в массе подвергались самым суровым наказаниям, которые только имелись в тюремном арсенале, как-то ручные и ножные кандалы, темный карцер, увеличение срока каторжных работ и т. д. Но заключенные ни за что не хотели подчиниться казарменному режиму, который тем самым совершенно обезличил бы их. Здесь в этой кучке людей, вкрапленных в покорную и забитую массу уголовных арестантов, но крепко спаянных цементом сознания своей человеческой личности, самодержавие встретилось с тем величием человеческого духа, перед которым пасует грубая физическая сила.

Н. Левченко.

Побег с Кары.

(С примечаниями *М. Чернавского* и послесловием *М. Фроленко*).

В тюрьме.

21 февраля 1881 года наша партия в количестве 20 человек прибыла на Карийские золотые рудники.

О том, что такое Карийские рудники, у нас были очень смутные представления, которые в общем сводились к тому, что это—очень мрачное и гиблое место, где придется работать в сырых и грязных подземельях при суровом каторжном режиме. Но что такое каторжный режим, что такое подземная работа, это нашему воображению рисовалось в виде чудовища без определенного образа. Одному из товарищей представлялось, что придется жить в подземелье, в полном мраке, ползать на четвереньках и в таком положении добывать руду.

Когда мы в'ехали в район Карийской каторги, нашу партию встретил полицеймейстер Карийских рудников с конвоем конных казаков из бурят, в сопровождении которых наша партия была направлена на Средний промысел [1], где находилась отдельная тюрьма для политических каторжан. Там нас приняло рудниковое начальство в присутствии коменданта Нерчинских рудников, часть которых и составляют Карийские рудники.

Приемка нашей партии производилась тем обычным способом, какой практиковался в пути на каторгу, во время остановок в тюрьмах для перемены конвоя и отдыха — по статейным спискам и фотографическим карточкам, вместе с осмотром кандалов и наручней.

После приемки нас ввели в ограду тюрьмы, во дворе которой нас встретили товарищи, прибывшие несколькими месяцами, а некоторые—несколькими годами ранее нас. Мы обрадовались тому, что все политические каторжане находятся в одной тюрьме, внутри которой не было ни надзирателей, ни конвоя, и сидящие были предоставлены самим себе, за исключением того времени дня, когда производились утренние и вечерние поверки, или по какому-либо делу являлся смотритель или надзиратель. Весь штат тюремной стражи находился вне ограды тюрьмы, и это давало некоторый простор.

[1] Карийские золотые промыслы, где было сосредоточено центральное управление Нерчинской каторги, были разделены на пять районов: Амурский, Верхний, Средний, Нижний и Усть-Кара. Все эти промыслы были расположены по течению р. Кары (Черная), впадающей в реку Шилку, и находились в расстоянии друг от друга на 18, 8 и 3 версты, в общей сложности, протяжением верст на 30.—*Н. Л.* (См. карту.—*Ред.*).

Карийская тюрьма, где содержались политические каторжане, представляла давно знакомую нам обстановку сибирских этапов, где останавливались партии во время пути для дневок: большое деревянное здание, разделенное на две большие камеры, с нарами вдоль стен; большой двор, обнесенный с трех сторон деревянным забором (так-называемыми палями — четырехсаженными бревнами, вкопанными стоймя в землю); фасад же тюрьмы оставался открытым, и окна не были загорожены стеною.

Внутренняя жизнь тюрьмы складывалась своеобразно: жизнь каждого протекала на виду у всех и всех — на виду у каждого. Вследствие этого каждому приходилось дисциплинировать себя, поступаясь личными удобствами и интересами в пользу общих. Это было необходимо в видах порядка и солидарности, и нужно отдать справедливость тому, что тюрьма блестяще выполнила эту трудную при тех нечеловеческих условиях задачу. Она выдвинула на первый план основной принцип общественности и солидарности интересов, как цель, и, исходя из них, разрешала все общие и частные вопросы, легко и просто.

До нашего прибытия на Кару старые ссыльные из процессов по Нечаевскому делу и «193-х», по окончании испытуемого срока, были выпущены в вольную команду, т.-е. жили вне ограды тюрьмы, на вольных квартирах, как это полагалось по уставу о ссыльных. Но комендант Нерчинских рудников Конанович, предвидя, что с прибытием новых заключенных и с увеличением политической каторги побег неизбежен, представил свое мнение по этому поводу на усмотрение Лорис-Меликова. Министр внутренних дел предписал уничтожить вольную команду и отбывать срок каторги полностью в тюрьме, вплоть до выхода на поселение. Все жившие в вольной команде были посажены обратно в тюрьму. Конечно, такая мера не могла достигнуть своей цели, что и показали дальнейшие события. Но как мера жестокости, как проявление гнусного чувства злобы, побуждающего добивать лежачего, она вполне достигала своей цели.

Нас старались держать в тюрьме и по возможности изолировать, а когда водили на работы, то отдельно от уголовных и под усиленным конвоем.

С наступлением весны нас стали водить на разные земляные работы.

Заключенные (в количестве 60 человек) были здоровы и молоды — не старше 30 лет: большинство же было в возрасте между двадцатью и двадцатью пятью годами. Такие молодые силы, попавшие на каторгу, не намерены были мириться со своею участью. Вопреки всем стараниям вражеской силы удержать их там, все стремились к тому, чтобы бежать с каторги и вернуться в Россию. Так как желающих бежать было много, то необходимо было выработать такой способ побега, который мог бы удовлетворить этим требованиям. Остановились на подкопе. Но надо было знать места, прилегающие к тюрьме, чтобы определить направление подкопа. С этой целью пользовались всяким возможным случаем для выхода из тюрьмы.

Весну и лето 1881 года мы проработали на земляных работах до осени, после наступления которой нас перестали водить на работы. Этою же осенью мы ожидали перевода в новую тюрьму, которая строилась на Нижнем промысле, значительно большую и лучшую по устройству, как утешало нас начальство. Это обстоятельство имело для нас то значение, что мы не решались приступить к подготовке побега, чтобы не быть застигнутыми врасплох. В конце октября или начале ноября (точно не помню) нас перевели в новую тюрьму на Нижний промысел. Там мы пробыли долгие годы. Там погибло много жизней и сил, а попытка добыть себе свободу собственными средствами кончилась разгромом тюрьмы и уничтожением всяких послаблений.

Подготовка к побегу.

Новая тюрьма отличалась от прежней тем, что она была огорожена со всех сторон высокими палями. Тюрьма производила впечатление ящика, только без крышки. Прежняя наша тюрьма на Среднем промысле со стороны фасада не была загорожена палями и выходила окнами на улицу; само здание тюрьмы находилось среди жилых стоений, где жили вольные люди, приходившие работать на золотые прииски, уголовные, вышедшие в вольную команду и жившие на вольных квартирах.

Новая тюрьма на Нижнем промысле стояла вдали от него, окруженная домами смотрителя, конвойного офицера, надзирателей и казармами тюремного конвоя (их было 250 человек). За исключением этих зданий, все остальное было очищено от леса и представляло открытое место. Единственным ее преимуществом было то, что тюрьма была разделена на пять камер, рассчитанных на 15 человек, и вместо нар были койки, которые были сделаны нашими мастерами и по нашей просьбе.

Освоившись и осмотревшись в новой тюрьме, мы решили приступить к подкопу. С этой целью в одной из угловых камер был заложен колодезь, из которого и повели подкоп через двор под пали в ров, окружавший тюрьму и отстоявший от наружной стороны палей на расстоянии пяти саженей. Длина подкопа, по приблизительному расчету, должна была быть не больше 10 саж. Приступая к подкопу, мы не предполагали на глубине $1\frac{1}{2}$ саж. наткнуться на вечно замерзший слой, который затруднял работу. Работали в подкопе только ночью. Благодаря малому сечению, работать приходилось в очень неудобном положении: лежа на животе или согнувшись в три погибели. Были установлены смены, которые продолжались не менее часа и в течение которых удавалось углубиться не более, как на $\frac{1}{2}$ вершка.

Так дело шло со всевозможными препятствиями и осложнениями до марта 1882 года. К этому времени подкоп был углублен на пять или шесть саженей, — точно не помню. В марте этого же года к нам прибыла партия политических (мы назвали их мартовцами),

среди которых были централисты, отбывавшие срок каторги в центральных тюрьмах Харьковской губ. — Андреевской и Печенежской. Среди прибывших были Мышкин °), Войнаральский °), Д. Рогачев °), С. Долгушин °) и другие. Прибывшие были посвящены во все внутренние дела тюрьмы и вступили в общую артель. Наша тюремная семья увеличилась на 100 с лишком человек.

Положение революционной партии в России отражалось на состоянии тюрьмы: партия «Народная Воля» находилась в мучительной борьбе. Напрягая нечеловеческие усилия, чтобы отстоять боевую позицию, она несла с каждым днем страшные потери, и силы ее изнемогали. Это чувствовалось тюрьмою, и она старалась ускорить побег. Явилось подозрение, что о подкопе в тюрьме начальство могло пронюхать. В противоположной угловой камере был заложен другой подкоп.

Одновременно с этим С. Долгушиным [1] было предложено бежать из мастерской, находившейся вне тюремной ограды, куда нас выпускали ежедневно после утренней поверки до обеда и — после обеда до вечера. Но этот способ имел то неудобство, что им нельзя было воспользоваться одновременно для многих, в виду его рискованной смелости, так как подготовка и самый выход должны были происходить на глазах конвоя и надзирателей: малейший промах мог погубить все дело. Тем не менее, не оставляя подкопа, план этот мы приняли, так как им можно было воспользоваться немедленно же, в чем и было его преимущество. Так как при этом способе могло бежать в один раз не более двух человек, то встал вопрос о том, кому первому предоставить право воспользоваться побегом. Тюрьма держалась того взгляда, что никого нельзя лишать права бежать из тюрьмы, раз представляется к тому возможность, оставляя на нравственной ответственности бегущего все те последствия, которые лягут всей тяжестью на оставшихся в тюрьме. Но так как подготовлялся общий побег, то выход через мастерскую желательно было предоставить тому лицу, на ком остановится большинство тюрьмы. Выбор пал на Мышкина.

План побега заключался в следующем: за тюремной оградой, в 5 — 6 саж. от нее, находилась мастерская. Мы имели возможность ходить туда и выходить из нее во всякое время дня, заявляя о своем желании дежурному надзирателю. Он, в свою очередь, требовал конвоя, который обязан был сопровождать нас до мастерской, где передавал нас часовому наружных дверей мастерской. Часовой по счету пускал в мастерскую, внутри которой пришедшие находились без всякого надзора. Таким же порядком производился выход обратно в тюрьму до вечерней поверки. Вся задача заключалась в том, чтобы пронести в чем-нибудь двух человек и оставить их на ночь в мастерской. Для этой цели мы воспользовались нашими кроватями,

[1] План побега из мастерской был предложен не Долгушиным, а Мышкиным; потому-то последнему и была предоставлена первая очередь с правом выбора себе компаньона. Ковалик и Виташевский в своих воспоминаниях называют автором плана также Мышкина.—*М. Чернавский.*

которые нам было разрешено сделать самим в той же мастерской. Кровати были сделаны так: из досок составлялось ложе, на которое клалась постель, под ним вдвигались два ящика во всю длину кровати, высотою не более пяти вершков, предназначавшиеся для белья и вещей, как это было об'яснено коменданту, пожелавшему их осмотреть. Он нашел такое их устройство очень удобным. Когда ящики вынимались, во всю длину кровати между дном и ложем получалось пустое место в высоту ящиков. Этим устройством кровати мы и воспользовались. Заделав боковые отверстия, куда входили ящики, так, что внешний вид кровати не изменился, низ мы выстлали досками. Таким образом получалось пустое пространство во всю длину кровати, закрытое со всех сторон. Сюда влезал человек самого маленького роста, какой был в тюрьме, и кровать приносилась в мастерскую под предлогом починки (несли ее обыкновенно два самых здоровых человека). В день, когда предназначался вынос беглецов, отправлялось больше народу — с той целью, чтобы конвою и надзирателю не дать возможности запомнить лиц, входивших и выходивших. На ответственности оставшихся таким путем в мастерской двух человек лежало все дальнейшее поведение для удачного выхода из мастерской в ту же ночь.

Мастерская находилась от наружной стороны тюремной ограды, как я уже сказал, саж. в 5—6. В середине этого промежутка, вдоль тюремной ограды, на протяжении тридцати саженей, ходил часовой, в наблюдение которого входила и мастерская. Последняя представляла собой небольшое деревянное здание с плоской крышей, покрытой землею. Окна ее были настолько низки от земли, что часовой, проходя мимо нее, мог видеть, что делается внутри. Беглецы должны были выйти из мастерской через крышу, где был сделан вырез в потолке, который они должны были перед окончательным уходом тщательно заделать. Выбравшись на крышу, приходилось быть все время на глазах у часового, так как крыша была плоская и ничем не прикрыта. Единственную защиту и прикрытие от взора часового представляло четырехвершковое бревно стены, выступавшее поверх земляной крыши. Требовались большая осторожность и внимательное наблюдение за движением часового, чтобы скрыть свои действия от его внимания. Работа и самый выход производились только тогда, когда часовой отходил от мастерской на конец ограды. Только в этот момент можно было двигаться, прикрываясь темнотою ночи—в этом заключалась главная трудность для уходящих.

Когда решался вопрос о выпуске Мышкина из тюрьмы, большинство нашло нужным дать ему двухнедельный срок, чтобы за это время добраться до безопасного места. После этого срока мы могли приступить к выпуску новых тем же путем. В течение этого срока тюрьма должна была скрывать от начальства их отсутствие. Поверка производилась в тюрьме по счету, а не поименно, и в том положении, в каком каждого заставали—кто ходил, кто лежал, кто спал. Пользуясь этим, мы изготовили два чучела; первое время их укладывали в постель, прикрывая одеялом, как спящих людей. Спустя некоторое

время, когда убедились, что чучела не вызывают подозрений тюремщиков, им стали придавать позы сидячего положения. Делалось это только на вечерних поверках, на утренних же они находились в положении спящих, так как в большинстве случаев поверка утром делалась рано и большинство спало.

С того времени, как ушли два товарища, прошло больше недели, и отсутствие их начальством не было замечено. Тюрьма продолжала жить тем обычным порядком, какой установился, поджидая окончания двухнедельного срока после ухода товарищей. В то же время работа по подкопу не прекращалась. За несколько дней до окончания срока тюремным начальством было получено известие, что на Кару едет для ревизии Галкин-Врасский [1] и посетит нашу тюрьму. Это нас встревожило, так как мы боялись, что его присутствие может обнаружить побег первой пары и разрушит все наши дальнейшие планы. Но мы не теряли надежды выйти благополучно из этого обстоятельства.

Галкина-Врасского сопровождали губернатор Забайкальской области, прокурор и целая свора чиновников. Легко могло случиться, что кто-нибудь из них, зная Мышкина лично или по слухам, мог спросить о нем. При посещении тюрем высшим начальством арестанты всегда находились в своих камерах и на своих местах. Начальство обходило по очереди все камеры, обращаясь ко всем или поочередно с вопросами, нет ли каких-либо претензий или просьб, и если таковые встречались, то вступало в разговор. Чтобы нарушить такой порядок об'яснений, тюрьма приняла следующее решение: с приходом Галкина-Врасского выйти всем в коридор и вступить с ним в разговор, по возможности не допуская в камеры. В том случае, если этого нельзя будет устранить, итти всею гурьбою за ним в камеры, не прекращая обращаться с просьбами и за раз'яснениями и не давая ему возможности сосредоточиться на ком-нибудь из нас. Были распределены роли, кому о чем говорить, о чем спрашивать и о чем просить. Старостой тюремным в то время был Войнаральский, — человек тактичный, красноречивый, ловкий. Как представитель тюрьмы, он говорил от ее имени, предоставляя товарищам дополнять и раз'яснять все поднятые им вопросы. Это давало широкий простор для разговоров и возможности выступать все новым и новым лицам, утомляя внимание начальства.

Галкин-Врасский не ожидал такого натиска и чувствовал себя в положении не властного и спрашивающего, а скорее — допрашиваемого. Он терялся в своих об'яснениях и раз'яснениях, обращаясь то к губернатору, то к прокурору, прося своих секретарей записывать все то, на что он не мог дать определенного ответа или разрешить тут же на месте, и обещая выяснить по прибытии в Петербург. Цель была достигнута. Галкин-Врасский все время разговора простоял в коридоре, окруженный публикой, и только под конец своего посещения обратился с просьбой указать ему Буха ([62]), отец

[1] Нач. гл. тюр. упр.—*Ред.*

которого был сослуживцем Галкина-Врасского. Когда ему указали его, он обратился к нему со следующими словами:

— Ваш батюшка просил передать вам поклон и узнать о здоровье.

Бух, в свою очередь, поблагодарил его и сказал, что он здоров. На этом визит ревизора был окончен.

Выходя во двор, Галкин-Врасский обратил внимание на трехсаженный столб, стоявший по середине двора. На вопрос, для какой цели он предназначен, смотритель тюрьмы ответил уверенным тоном, что столб предназначен для фонаря, который освещает двор тюрьмы ночью внутреннему караулу. Галкин-Врасский ответом удовлетворился. В действительности же назначение этого столба было совершенно другое. Тюрьма просила коменданта разрешить поставить во дворе гигантские шаги, что и было нам разрешено. Когда было получено известие о ревизии, о столбе совершенно забыли и вспомнили о нем лишь перед самым приходом Галкина-Врасского в тюрьму. Смотритель, запыхавшись, прибегает в тюрьму и спрашивает старосту, как быть со столбом. Староста ему ответил, что убирать столб поздно, а на тот случай, если о нем спросят, можно сказать, что столб предназначен для фонаря и т. д. Это предложение вполне удовлетворило смотрителя.

Уходя совсем со двора тюрьмы, Галкин-Врасский обратился к кому-то из своей свиты со следующими словами:

— Да у них здесь совсем не тюрьма, а Запорожская сечь...

Мы поняли из этого, что по приезде в Петербург он нам пошлет такие суровые раз'яснения, что только держись. Как только тюрьма выпроводила начальство, мы, будучи уверены в том, что за исключением вольностей внутреннего тюремного режима, все в общем обстоит благополучно, сейчас же стали готовиться к новому побегу. Срок бежавшим товарищам кончился [1]. Желающих бежать было много; на этом основании мы решили установить промежуток после ухода каждой новой группы только в одни сутки. Для полного равенства и во избежание недоразумений — очередь установили жребием.

Первой по очереди оказалась наша группа—Юрковский °), Диковский °), Баламез °) и я. Так как все необходимое у нас заранее было

[1] Мышкин и Хрущев, по выходе из мастерской, дойдя до реки Шилки, пошли по берегу вниз по течению. В одном из ближайших казачьих поселков они решили купить лодку. Здесь же на них обратил внимание поселковый атаман и подверг их допросу: что за люди, откуда и куда идут. Беглецы заявили, что они безработные и пробираются на прииски, чтобы найти там себе заработок. Пред'явили свои паспорта. Паспорта были в порядке, и атаман отпустил беглецов. На лодке они спустились до Благовещенска, а там пересели на пароход и добрались до Владивостока. Здесь им пришлось долго ждать парохода, отходящего в Японию, пришлось снова пред'явить свои паспорта. Тем временем в Забайкалье, после провала побега, поднялась тревога, начались поиски, были разосланы карточки. Атаман поселка по карточкам узнал Мышкина и Хрущева и вспомнил фамилии, под которыми они путешествовали. По разосланным телеграммам, Мышкина и Хрущева и арестовали во Владивостоке.

М. Чернавский.

готово, то оставалось лишь воспользоваться уже описанным способом и остаться на ночь в мастерской, что нам и удалось.

На волю.

Очутившись в мастерской, спрятанные в разных местах, мы с нетерпением ждали поверки, от результатов которой зависела наша дальнейшая участь. Когда ушел Мышкин с товарищем, тюрьме приходилось маскировать лишь их двоих, с нашим же уходом из ограды компания чучел увеличилась до шести штук, что, в свою очередь, увеличило риск провала. Просидевши в томительном молчании часа полтора в ожидании поверки, мы услыхали, наконец, радостную весть: стали бить зорю — это означало, что поверка прошла и наше отсутствие не было замечено. Прождав еще час и убедившись окончательно, что все спокойно, мы приступили к подготовке выхода из мастерской: двое стали у окон и следили за движением часового. От того, где находился часовой, зависели продолжение работы или приостановка ее. Двое других приступили к работе. Она состояла в том, чтобы поднять люк, вырезанный в крыше и засыпанный землей с наружной стороны. Работа эта была сама по себе пустячная, но при поднятии люка образовывались отверстия, через которые земля проваливалась и производила шум при своем падении на пол и на подмостки, с которых производилась работа. Это обстоятельство заставляло быть особенно осторожным и, при приближении часового к мастерской, необходимо было работу приостанавливать совершенно. Когда был открыт люк и вытащены на крышу необходимые нам в дороге вещи и пищевой запас, было уже далеко за полночь.

Заделав отверстие и тщательно засыпав его землею, мы стали спускать посредством веревки дорожные вещи. В то время, когда один из нас уже спустился, мы услыхали неподалеку от здания мастерской людские голоса, приближавшиеся к мастерской. Мы замерли, вынув револьверы, которых у нас было два, и приготовились в случае нападения к отпору. Мы еще в тюрьме условились с товарищами, что если будем открыты стражею, мы не сдадимся и будем отстреливаться; тогда дежурный в тюрьме должен был разбудить всю тюрьму, чтобы уничтожить все чучела и компрометирующие вещи и приготовиться к обыску.

По ту сторону мастерской, с которой мы спускались, шла группа солдат. Их появление было так неожиданно для нас, что мы не успели убрать веревку, которая так и осталась висеть. Неподалеку от нас — шагах в двадцати — солдаты остановились и завели разговор с часовым. Из разговора мы узнали, что они идут в казармы с пирушки, где засиделись до поздней ночи. Это доказывало, что они не подозревают нашего присутствия в этом месте, но еще не давало уверенности в том, что они не заметят стоящего уже товарища на земле и вещи около него. Прошло томительных десять минут, в течение которых мы рисковали быть открытыми. Но все кончилось благополучно: солдаты

прошли мимо, не заметив нас, будучи увлечены собственным разговором.

Когда опасность миновала, мы стали поспешно спускаться с крыши, так как к этому времени из-за горы показался месяц, освещая землю. Захвативши вещи, мы ползком пробрались шагов триста, направляясь к сопке, покрытой тайгою. Добравшись до нее, почувствовали себя в безопасности и, сделав маленькую передышку, забрались на вершину сопки, откуда была видна наша тюрьма. Освещенная лунным светом и в полном безмолвии, она производила впечатление громадной могилы, под сводом которой томилось столько дорогих жизней, похищенных врагом, чтобы задушить их в далекой Сибири. Мы послали тюрьме прощальный привет и направились в глубь тайги. Суровая сибирская тайга приняла нас в полном безмолвии, предоставляя нам свободный простор и таинственную неизвестность в будущем.

В тайге.

Наш план заключался в том, чтобы добраться до реки Шилки, достать там лодку и спуститься вниз по реке на Амур, куда Шилка впадает, а по реке Амуру спуститься до первого места, где была возможность высадки, сесть на пароход и добраться до Владивостока. Нам нужно было торопиться выйти как можно скорее к реке Шилке, так как в нашем распоряжении были только одни сутки, по истечении которых другая партия должна была бежать тем же путем. В случае провала, будет обнаружен побег всех нас и пущена погоня.

Местность, по которой мы должны были итти, для нас совершенно неизвестная. Мы знали, что Шилка лежит на юго-восток, других сведений у нас не было. Мы и держались этого направления, проверяя его компасом собственного изделия. Шилка от нашей тюрьмы находилась в 16 верстах, и это расстояние мы проплутали с ранней зари до позднего вечера, с трудом добравшись до берега реки. Мы подошли к реке неподалеку от деревушки и остановились отдохнуть и обдумать план действий, как достать лодку. Решили дождаться полночи, пробраться берегом реки к деревне, высмотреть, где находятся лодки, и воспользоваться одной из них для своих целей. Это нам удалось без особенного труда. Доставши лодку, в которой не оказалось весел, вместо них мы воспользовались первыми попавшимися палками и направились вниз по течению реки.

Проплыв остаток ночи до восхода солнца, решили пристать на день к противоположному берегу, который был совершенно пустынным, лодку вытащить на берег, сделать весла (топор с нами был), отдохнуть самим и с наступлением ночи снова пуститься в путь. Такой порядок решили установить вообще, избегая плыть днем, чтобы не быть замеченными, а на день скрываться. Приставши к берегу, лодку вытащили наполовину, в полной уверенности, что ее не унесет водою. Сами же отправились подыскать удобное место для отдыха до наступления ночи.

Это был первый день, когда мы чувствовали себя в безопасности вдали от тюремщиков и ненавистной тюрьмы, где пришлось пробыть уже несколько лет. Новая обстановка среди глухой тайги, сознание свободы производили на нас опьяняющее действие. Сон не приходил, несмотря на то, что мы другие сутки не спали. Пробывши в тайге до позднего вечера, сделав за это время весла, мы направились к месту, где оставили лодку.

Имея только два револьвера, мы разделились на две группы — одна осталась с вещами в тайге, другая, взявши с собой револьверы, направилась к лодке. Эта предосторожность была необходима на случай погони и засады в том месте, где мы оставили лодку. Условились с товарищами, что если услышат выстрелы, они должны уходить в глубь тайги, а нам — как придется.

Когда мы пришли к месту, лодки не оказалось. Первое, что нам пришло в голову, это — что нас ждет, притаившись где-нибудь, засада. Но всматриваясь внимательно, мы не заметили ни одной живой души. Была полная тишина. Постояв некоторое время над рекой и недоумевая, что могло случиться с нашей лодкой, мы направились к товарищам с печальным известием.

Это обстоятельство меняло план нашего направления. Мы находились в совершенно безлюдной глухой местности. Из бывшей при нас карты мы знали, что место находится между двух рек — Шилкою и Аргунью, при слиянии которых образуется Амур. Местные жители называют это место стрелкою. После долгого раздумья мы решили направиться от Шилки к Аргуни, перевалив хребет между ними, на протяжении 100 верст по масштабу карты. Мы надеялись, что, перевалив в долину реки Аргуни и удалившись на значительное расстояние от места каторги, мы наткнемся на жилые места и, смотря по обстоятельствам, решим, как нам дальше быть. Мы не могли рассчитывать на постороннюю помощь. Приходилось надеяться на собственные силы и на благоприятную случайность.

Порешив на этом, направились в хребты, но скоро убедились, что ночью итти тайгою не было никакой возможности: мы постоянно натыкались на валявшиеся деревья, непроходимую чащу, болотистые места, рискуя сломить себе шею или завязнуть в болоте. Решили остановиться на ночь и дождаться утра. На этой стоянке нам необходимо было обсудить настоящее свое положение.

С потерей лодки оно в значительной степени осложнялось: мы не могли, хотя бы и приблизительно, рассчитать, какое время нам потребуется на прохождение тайгой расстояния от Шилки до Аргуни и сколько верст мы можем проходить в день. Лодка имела то преимущество, что на ней можно было скорее и легче добраться до более безопасных мест, не отдаляясь от жилых. Идя же тайгою, мы не знали, какого направления нам надо держаться, чтобы выйти к жилому месту. Действуя наугад, мы могли проходить много лишнего расстояния и тратить много времени. Для нас это было очень невыгодно, так как в нашем распоряжении ограниченный запас пищи: у каждого имелось по пуду пшеничных сухарей и сушеного мяса, рассчитан-

БЕЖАВШИЕ С КАРЫ В АПРЕЛЕ 1882 г.

Н. ЛЕВЧЕНКО

Ф. ЮРКОВСКИЙ

М. ДИКОВСКИЙ

ного на один месяц при строгой экономии. В виду всех этих соображений, установлен был суровый режим: решили, что на тот случай, если кто из нас окажется не в состоянии итти целый день или будет затруднять ход других товарищей, или если кто заболеет в пути, то того оставлять, уделяя ему равную часть пищи, а остальным продолжать путь. Каждый из нас держался того мнения, что лучше уйти хотя бы одному, чем умереть всем от голодной смерти или сдаться властям. Нам надо было торопиться подальше убраться в глубь тайги. Порешили все настоятельные вопросы, поставили часового. Остальные пробовали заснуть до зари, но неулегшееся возбуждение и неудачи дня отогнали от нас сон, и утренний рассвет застал нас бодрствующими.

Наскоро напившись чаю, отправились в путь. Пройдя некоторое расстояние, я первый чуть, было, не подвергся суровому постановлению, принятому нами накануне: у меня появилась лихорадка, рвота. Итти дальше не мог и лег на землю. Товарищи стали вокруг меня в суровом раздумье. Я немного пришел в себя и стал просить товарищей принести мне воды, а самим продолжать путь, оставив меня одного. Когда принесли мне воды и я утолил томившую меня жажду, я почувствовал себя легче. Тогда товарищи предложили мне попробовать итти с ними. Я сделал над собою усилие, встал, но первое время держался на ногах нетвердо и только при поддержке товарищей пошел. Пройдя некоторое расстояние, я стал чувствовать себя лучше, а потом и совсем оправился. На привале я был уже совершенно здоров. Остановившись на привале после мучительного таежного пути, мы почувствовали себя совершенно уставшими и поторопились поскорее улечься спать, поставив часового. Только в эту третью ночь мы могли заснуть. Выспавшись, мы почувствовали себя вполне бодрыми.

На заре встали и отправились обычным порядком. День был с утра ясный, теплый, к полудню солнце стало припревать сильнее, становилось жарко (это было 3 мая). Мы спустились с горы и, подыскивая место для денного привала, пошли узкою долиною, по которой протекал ручеек. Шли мы по болотистому месту, пришлось выбраться на высокое плоскогорье. Пробираясь густою чащею, вышли на чистую поляну, посредине которой стояла совершенно одинокая отвесная скала приблизительно саженей пятнадцать высотою и в основании до 50 квадр. саж. На вершине скалы росли громадные лиственницы. Нас поразила кубическая форма этой скалы и то, что мы ее заметили только тогда, когда вышли на поляну. Расположившись подле нее на привал и сделав маленькую рекогносцировку, мы убедились, что поблизости не было воды. Тогда двое из нас, — я и Баламез, — отправились разыскивать воду, захвативши с собою котелок и на всякий случай револьвер и топор. День был теплый, мы отправились налегке, сняв с себя лишнюю одежду. Когда мы пошли за водой, мы были уверены, что потерять из виду такую громадную скалу трудно. Пройдя по намеченному расчету не больше полуверсты и найдя воду, мы пошли обратно к месту стоянки. Прошло уже больше получаса, как мы шли обратно, а скалы не видно. Мы стали тре-

вожно спрашивать друг друга, не заблудились ли мы. Продолжая путь, мы больше и больше убеждались, что мы сбились с пути. Это нас привело в большое смущение, — мы потеряли возможность ориентироваться. Сделали несколько выстрелов, но ответа не было. Тогда я влез на высокое дерево, стоявшее на возвышенности, надеясь, что с его вершины можно будет увидеть скалу. Но и оттуда я увидел только беспредельную тайгу, а скалы не было. К этому времени небо заволокло тучами, стал накрапывать дождь, который спустя некоторое время усилился. Мы были плохо одеты, с нами не было спичек, и в таком положении приходилось ночевать. На наше счастье, я захватил с собою топор. Мы решили из ветвей сделать шалаш, чтобы хотя отчасти укрыться от дождя. Когда шалаш был сделан, наступила ночь. Мы забрались в шалаш с надеждою, что утром нам удастся разыскать место стоянки. Но когда мы проснулись, нам представилась совершенно иная картина: все было бело от выпавшего за ночь снега.

Выбравшись из шалаша и осмотревшись кругом, мы решительно не узнавали того места, по которому мы вчера бродили. Снег был выше колен и, благодаря теплой погоде, мокрый. Он нависал на ветки деревьев и своею тяжестью давил их книзу. Получалось впечатление, будто вся тайга пригнулась к земле. Пробираясь между деревьев, мы задевали ветки, и снег валился на голову, попадая за ворот рубахи и таял. Через несколько минут мы стали совершенно мокрыми. Но нам было не до того. Мы все-таки пробовали найти товарищей. Проблуждав целый день голодные, измокшие, уставшие, потеряв всякую возможность определить, где мы и по какому направлению двигаемся, мы решили приискать приют для ночевки. Наступила ночь, которая предвещала быть холодной. Снег стал подмерзать, им было завалено все, и устроить что-либо в роде шалаша нечего было и думать. Кто-то из нас заметил дерево, на котором было гнездо какой-то большой птицы. Мы решили срубить дерево, чтобы воспользоваться этим гнездом для постели. Это удалось, а навес сделали из ветвей. Мы улеглись до следующего утра, без всякой надежды на какой-либо выход к лучшему из этого положения. Мы, несомненно, спали, так как не заметили, как прошла ночь, и проснулись, когда взошло солнце. Первое ощущение — это ужасный холод: одежда была мокрая, сапоги смерзлись, ног до колен мы не чувствовали. Они производили впечатление постороннего тела. Только после усиленной ходьбы ступни ног отогревались и чувствовались живым, а не твердым предметом. День начинался и кончался ходьбою: до позднего вечера шли мы, озябшие, наугад, без всякой уверенности добраться до какого-либо жилого места.

Так пришлось бродить пять суток, — ночуя на снегу, в голоде, холоде и без огня. Наконец, наступил упадок сил: ноги опухли, ходить стало больно, сапоги превратились в мокрую тряпку. В них почти нельзя было ходить, приходилось волочить их за собою. Пробовали их сбросить, но было еще хуже: нога натыкалась на сучья и камни,

и это было очень болезненно, а сапоги даже в таком виде предохраняли ногу.

Поднявшись еще раз на высокую скалистую сопку, мы остановились. Вид ли этих угрюмых скал или сознание безысходности и бесцельности дальнейшего хождения по тайге, привело меня к определенному решению — покончить с собой. Я обратился к товарищу с вопросом:

— Андрей, у тебя остались патроны?

Товарищ ответил, что осталось еще два патрона. Тогда я попросил дать мне револьвер и патрон, заявив ему, что я дальше не пойду. Товарищ, немного помолчав, ответил мне:

— Знаешь что, вон видишь — вдали черная поляна?

Я ответил, что вижу.

— Как-будто распаханное место (снег к этому времени стаял). Дойдем до этого места, может быть, это заимка [1], где встретим людей, тогда мы будем спасены. А если нет, то поступай, как знаешь.

Я согласился, и мы спустились с горы, где протекала горная речка. Тащась берегом речки к намеченному месту правой ее стороной, мы наткнулись на кусты шиповника, на которых остались с прошлого года ягоды, и стали их обрывать и есть. Это единственная наша пища за все это время. Товарищ шел впереди меня на некотором расстоянии. Подходя к одному кусту обрывать ягоды, он вспугнул зайца, остановился и посмотрел ему вслед. Это было первое живое существо, которое мы видели за все время. Когда заяц скрылся, я совершенно случайно посмотрел на противоположную сторону реки, где увидел трех человек на лошадях с ружьями и с собаками. Не доверяя себе, я крикнул:

— Андрей, посмотри на противоположную сторону, там, кажется, люди.

Андрей шел, задумавшись и смотря в землю. Когда я ему крикнул, он весь встрепенулся и, убедившись, что это действительно люди, одним прыжком очутился в реке и стал перебираться на другую сторону ее. Воды в реке было по пояс. Я последовал за ним.

Опять в неволе.

Выбравшись на другой берег реки, мы стали подходить к людям. Собаки бросились на нас, люди на них закричали, и они замолкли. Когда мы подошли шагов на десять, всадники взяли ружья наперевес и крикнули нам, чтобы мы остановились. Мы стали, недоумевая их суровому приему. Они следили внимательно за каждым нашим движением. Не заметив с нашей стороны никаких решительных действий и

[1] Заимкой в Сибири называется жилое место в тайге, неподалеку от таежной речки, в нескольких верстах от деревни. Сибирские крестьяне ставят избу, очищают место от деревьев и валежника, распахивают его под посев и покосные места и занимаются производством местных продуктов. Сюда они перекочевывают с весны на все лето для работ.

видя лишь наше беспомощное и измученное состояние, они успокоились, после чего предложили нам сесть. Когда мы исполнили и это, они подошли к нам ближе, стали расспрашивать, что мы за люди и что с нами случилось. Мы сказали, что сбились с пути, припасы с'ели и вот уже пятые сутки никак не можем выбраться из тайги к жилому месту. Сделав вид, что они нам верят, развели костер, поставили чайник и, когда чай был готов, дали нам по небольшому куску сухаря, заявив при этом, что нам много есть нельзя. Потом вступили с нами в более подробный разговор, во время которого расспрашивали нас, откуда мы, куда идем и было ли нас только двое. Все время они были настороже, не выпуская ружей из рук, и близко к нам не подходили. Мы им ответили, что мы бродяги [1] и пробираемся в свои места, и в свою очередь стали их расспрашивать. Из разговоров выяснилось, что они зверопромышленники, вышли из своих деревень еще в марте месяце и только теперь возвращаются домой. Когда я их спросил, почему они не пьют с нами чай, они ответили, что чай они пили и сварили только для нас, что сибирские бродяги в тайге часто нападают на охотников, и поневоле приходится ихнего брата остерегаться.

— Господь вас знает, что у вас на уме!

Мы их стали спрашивать, далеко ли их деревня и можно ли нам будет итти с ними туда.

— Отчего ж, итти можно с нами, и в деревню можно. Наша деревня по той стороне Шилки, а от этого места до реки не больше пяти верст. Дойдем до берега, там рыбаки нам лодку дадут и переедете с нами.

Тогда только мы поняли, что все время мы шли в обратную сторону от того места, где мы оставили своих товарищей. Когда мы напились чаю, охотники нам предложили итти с ними. Для нас другого выбора не было, и мы решили итти в той надежде, что, может быть, о нашем побеге еще не знают. Если удастся нам перебыть некоторое время в деревне и несколько оправиться, — сумеем пробраться на Амурские прииска. Когда мы направились к Шилке, охотники нас попросили итти впереди, а сами шли позади, держа ружья наготове, Нам была подозрительна эта предосторожность, но мы старались об'яснить ее простою предусмотрительностью: сибиряки, ведь, очень недоверчивы к новым людям, особенно к бродягам. Часа через три мы добрались до Шилки. Подошли к месту, где стоял шалаш, в котором жили рыбаки. Около шалаша горел костер, висел котелок, в котором варилась уха. Вид жилого места, запах пищи, костер, от которого веяло теплом, — все это вызывало отрадное чувство, хотя к нему примешивалось некоторое беспокойство, какое-то чувство грусти. Предчувствие как бы подсказывало, что здесь конец нашим зло-

[1] Сибиряки к бродягам относятся скорее с участием, чем враждебно, называя их несчастненькими. В этом нам приходилось убеждаться несколько раз, едучи по Сибири на каторгу. Только в том случае преследуют бродяг, когда они наносят сибирякам вред. В общем же, кормят их, даже дают приют, а при возможности эксплоатируют.

ключениям, но и конец нашей свободе, — уж очень подозрительно вели себя охотники.

В ожидании лодки, которая должна была притти с того берега, на котором была видна и деревня, мы уселись около костра, отогревая свое закоченевшее тело, и прислушивались к разговору с рыбаками, которые расспрашивали о нас, а охотники передали все то, что мы им говорили. Товарищ пошел зачем-то в шалаш к рыбакам, а я остался у костра. Сидя в раздумье, я не заметил, как сзади подошли охотники, и только почувствовал, что меня схватили со словами: «а мы вас давно ищем» и стали вязать мне руки. Догадавшись, в чем дело, я им заметил:

— Ну, вязать-то уж зачем? Вы видите, что я так с трудом стою на ногах.

— Да так уж, для порядка. А вот у тебя, парень, есть револьвер, так ты его нам отдай.

Я им заявил, что у меня револьвера нет. Не поверив мне, они стали меня обыскивать.

В то же время был схвачен товарищ, у которого отобрали револьвер. При это заметили:

— Вот этого-то орудия мы и боялись, нам сказали, что оно сразу бьет несколькими пулями.

Когда нас связали, поведение охотников сразу переменилось. Они уже не боялись, оставили свои ружья, пригласили нас есть уху, развязали нам руки и за едою рассказали о всех последовавших после нашего побега событиях.

Оказалось, что в тот день, когда мы вышли на берег и решили переждать до ночи, лодка, оставленная на берегу и не вся вытащенная, через некоторое время была отмыта течением. Ее унесло водою. Когда она плыла мимо деревни, поблизости которой мы остановились и в которую нас после поимки привели охотники, жители перехватили плывущую пустую лодку и оставили ее у себя. В тот же день здесь было получено извещение из деревни Половинка, что пропала почтовая лодка и просят таковую задержать. На другой день было получено извещение, что из Карийской каторжной тюрьмы бежали восемь государственных преступников, и если таковые будут замечены, то немедленно задержать. Тогда только казаки поняли причину пропажи лодки и сообщили об этом по начальству. Немедленно была послана погоня за нами. Так как деревня, которая перехватила лодку, была ниже места, где мы остановились, то сообразили, что мы слезли выше деревни, и стали искать на берегу реки место нашей остановки. Оно было найдено по следам, оставленным на песке при выходе с лодки. Оставив на месте караул в надежде, что мы вернемся к лодке, послали в погоню за нами охотников в тайгу. Они же ее знали, как свой дом, по собственному их выражению. Несколько раз они натыкались на наши следы, где мы останавливались для варки чая, но найти нас не могли. — «Мы как бы провалились сквозь землю», как они выражались. Думаю, что они просто боялись нас, как это было видно из их поведения при встрече с нами.

Тут же они нам сказали, что им сам губернатор обещал по триста рублей за каждого, если они нас доставят живыми или мертвыми.

Скоро была подана лодка с того берега. Нас в нее усадили, предварительно связав руки. Здесь нас встретил заведующий каторжным районом уголовных тюрем Баринов. Обрадованный поимкою нас, он распорядился развязать нам руки и поместить нас в крестьянскую избу. Немедленно он дал телеграмму о нашей поимке с запросом, что с нами делать, — везти ли на лодке или на лошадях, так как у нас отморожены ноги и ходить мы не можем. Пока было получено распоряжение от высшего начальства, нас продержали в деревне двое суток. Хозяева избы, а также население деревни отнеслись к нам с участием, давали нам спирт для смазывания ног, чему сельский конвой не препятствовал.

Здесь мы узнали, что произошло после нашего ухода из тюрьмы. Мы знали, что по истечении суток после нашего побега следующая очередь была товарищей Минакова °) и Крыжановского °). При выходе из мастерской они были замечены конвоем, и когда они бросились бежать, в них начали стрелять, и Минакову пуля сбила шапку с головы. Вскоре оба были пойманы [1]. Поднялась общая тревога, стали проверять сидящих в тюрьме — оказалось, что еще шести человек нет. Галкин-Врасский с губернатором не успели доехать до Читы, когда получили телеграмму о побеге. Они воротились с дороги, чтобы на месте руководить розысками убежавших и привести тюрьму в порядок. Были разосланы телеграммы — задерживать каждого подозрительного конного и пешего. Местные крестьяне были подняты на ноги и посылались партиями в тайгу для розыска убежавших. Сам губернатор Ильяшевич [2] с исправниками выезжал вниз по Шилке за двести верст в Покровск для поимки убежавших. Баринов был отправлен в деревню Черную, поблизости которой предполагали, что мы вышли на берег. На поиски нас Баринов отправил все взрослое население деревни, вооружая его кольями, вилами, ружьями, а сам сидел в деревне, пил водку и от времени до времени посылал начальству телеграммы — «гонюсь» [3]... Населению казалось, что с побегом государственных преступников из тюрьмы случилось что-то необыкновенное: России угрожает опасность. Такой переполох подняли власти, распуская всякий вздор и выдумки, чтобы восстановить население против бежавших. Когда нас везли в тюрьму, приходилось видеть, проезжая деревни, как выбегали люди смотреть на нас, как на чудовищ.

[1] Неудача Минакова и Крыжановского произошла оттого, что они неосторожной возней в мастерской произвели шум и привлекли внимание часового. Последний насторожился, хотя и не был вполне уверен, что услышанные им звуки исходили из мастерской. При уходе из мастерской кто-то из беглецов допустил роковую оплошность: стал спускаться на землю по углу здания в то время, когда часовому был виден профиль этого угла. Часовой заметил спускающегося человека и выстрелил. —*М. Чернавский.*

[2] В него стреляла Кутитонская °), как только она была выпущена на поселение с каторги, после разгрома мужской тюрьмы.
См. далее—документы о побеге с Кары.—*Ред.*

[3] См. документы в ст. „Из недр архива“.—*Ред.*

Сопровождавшие крестьяне рассказывали нам, что в тюрьме был открыт подкоп чуть не до самой Шилки (тюрьма находилась от Шилки в 16 верстах).

По дороге в деревню Половинку, где нас ожидал воинский конвой для отправки в каторжный район, я заметил в туманной синеве хребтов, по той стороне реки Шилки, какие-то странные возвышения, выделявшиеся на фоне тайги. Я обратился к тем самым охотникам, на которых мы наткнулись в тайге (они тут же в конвое) с вопросом, что это за возвышения и много ли они считают верст от Шилки.—Они ответили, что это утесы, которые местные жители называют «столбами» и что до них они считают сорок верст. Это были те самые утесы, около которых мы остановились на привал. Я не мог понять, как мы могли их потерять в тайге и как они не были видны, когда я влезал на самые высокие деревья.

Нас привезли к вечеру в деревню Половинку. Остановились в крестьянской избе, куда стал приходить народ посмотреть на нас, что это за люди, из-за которых начальство, как они выражались, подняло столько шуму. Убедившись, что мы обыкновенные люди, вступали с нами в разговор, благо начальство отсутствовало, расспрашивали нас, как это с нами случилось, что мы заблудились, и тут же высказывали свои соображения, что нам не так нужно было итти, а вот этак, называя места, о которых мы не имели никакого понятия. Тут же советчики прибавляли: «Ну, где им! Люди с нашим местом незнакомые, а в тайге не всякий разберется, — ее, матушку, надо походить».

На эту тему велся мирный разговор. Но вдруг разговор оборвался сразу. С улицы донеслась команда конвойного офицера: «смирно!». Присутствовавшие сразу притихли, почувствовали себя как-то неловко. В это время вошел конвойный офицер с криком и бранью: «Вы что тут собрались? Вон, такие-сякие, расходись!». Народ шарахнулся во все стороны. Остались мы, хозяин дома да сельский конвой. Офицер и их выгнал, ввел в избу солдат, те нас окружили. С этого момента мы почувствовали, что связь с волею уже окончательно порвалась. Зазвенели кандалы, наручни — наступил законный порядок. Но когда приступили к заковке, оказалось, что ноги у нас распухли и кандалы были малы, а заменить их было нечем. Ограничились наручнями.

В таком виде мы предстали пред грозными очами Галкина-Враского, губернатора и их свиты. Вся эта свора вышла полюбоваться на трофей своих побед и мудрой распорядительности. Тут же было отдано распоряжение — отвести нас в тюрьму, заковать в ножные и ручные кандалы, обрить головы и посадить в темный карцер на месяц, на хлеб и воду. Этот срок мы и отсидели благополучно. Год спустя нам об'явили решение заочного суда о том, что мы приговорены к 10 годам каторжных работ, сверх имевшегося срока, и к 60 ударам плетьми[1].

[1] Телесное наказание не было применено.—*Ред.*

Послесловие.

Левченко ни слова не сказал о судьбе Юрковского и Диковского, оставшихся у камня, хотя и они тоже были пойманы и привезены на Кару.

С Юрковским мне пришлось гулять в Шлиссельбургской крепости, куда после побегов привезли многих карийцев — Мышкина, Малавского °), Минакова, М. Р. Попова °), Юрковского, Долгушина и др. Юрковский мне передавал, что, не дождавшись возвращения Левченко с товарищем, он с Диковским двинулись по направлению к китайской границе и уже благополучно добрались туда, но тут у них вышли все пищевые запасы. Они были в раздумьи, итти ли дальше, или попытать прежде счастья и добыть хлеба.

«Выйдя на одну поляну подвечер, мы увидели, — говорил мне Юрковский, — вдали огонь костра. Лошади пасутся вблизи. — «Видно парни в ночном — лошадей пасут», решили мы и двинулись на огонь. Подходим и скоро замечаем свою ошибку: не парни, а казаки там оказались. Но нас уже увидали, скрыться было некуда. Пошли на ура: авось, не за нами погоня, а так себе — обычный пограничный раз'езд. Подошли, заговорили. «А, вот вас-то нам и надо», — вскочив с ружьями, воскликнули радостно казаки, и мы были арестованы.

Казаки, глядя на нас, очень удивлялись и спрашивали: «Почему это так начальство всполошилось из-за вас? Ничего-то в вас и страшного нет»... Действительно, мы перед ними были просто пигмеями. Казаки — народ рослый, здоровый, а мы, измученные ходьбой, в изорванной одежде, к тому же низкие ростом, казались им мухами, которых каждый из них щелчком мог убить».

А между тем Юрковский среди нас славился своей силой. У него очень хорошо были развиты мускулы. Юрковский умер от болезни мочевого пузыря, надорвавшись еще на воле.

М. Ф. Фроленко.

Ф. Богданович.

После побега[1].

(Из дневника политического заключенного).

21 июля 1879 года я был приговорен Киевским военным судом к шести годам каторги за мое участие (недоказанное) в политическом революционном сообществе[2]. Несколько дней спустя меня присоединили к небольшой партии политических заключенных[3] и отправили в Сибирь на Карийские золотые рудники.

Комендант Карийской тюрьмы полковник Кононович, гуманный, честный и образованный человек, принял заключенных с мягкостью и предписал смотрителю тюрьмы обращаться с ними как можно деликатнее и немедленно удовлетворять все их требования и нужды, предусмотренные написанной им самим инструкцией. Благодаря этой снисходительности коменданта, днем нас не запирали, разрешали нам заниматься ремеслами и земляными работами и переписываться с родиной и с семьей.

Однако, такое положение вещей продолжалось недолго и окончательно нарушилось с момента вступления графа Лорис-Меликова на пост премьера.

Легко добившись положения диктатора, он сумел так ловко вести свою хитрую политику, что одной рукой принимал щедро сыпавшиеся на него либеральные венки, а другой — сеял гнет и притеснения, особенно там, где его подлые поступки оставались тайными для света. Рука этого псевдо-либерала конституционалиста свинцовой тяжестью легла на плечи заключенных, лишая их и той доли свободы, которой в течение десятилетий по традиции пользовались все политические преступники, присужденные к каторжным работам.

Это подобие свободы составляли: 1) возможность поддерживать (конечно, при условии цензуры) корреспонденцию с родиной и семьей, 2) освобождение заключенных в дневное время из-под замка, 3) право жить вне тюрьмы[4], которым пользовались заключенные, отбывшие 1/3 назначенного им наказания.

[1] Эта статья была напечатана на польском языке в 90-х годах пр. ст. в одном из зарубежных органов. Мы даем ее перевод, опуская места, не представляющие интереса для русского читателя.—*Ред.*

[2] Во время моей поездки из Львова на Украину я был задержан русскими властями и, по подозрению в намерении распространения запрещенных книг, посажен в следственную тюрьму. После трехлетнего пребывания там, я в 1879 г. предстал перед военным судом, который, несмотря на отсутствие каких-бы то ни было доказательств правильности этого подозрения приговорил меня к шести годам каторги.

[3] Из поляков там были: Костецкий, Студзинский, Богрыновский, Рыбицкий, Виташевский, Козакевич, Кржечетович, Зубржицкий и т. д.

[4] В т.-наз. „вольной команде".—*Ред.*

Инструкция Кононовича была куплена ценою четырех жертв — самоубийством политических заключенных Семяновского [0]) и Радина и безвременной смертью двух других: Махмет-хана и Опрышко [0]). Эти несчастные жертвы вынудили Кононовича сделать заключенным некоторые уступки, за которые, благодаря снисходительности временного генерал-губернатора Шелашникова, он не понес никакой ответственности. Но в это время всю Восточную Сибирь постигло бедствие страшнее пожара и наводнения. Виновниками этого бедствия были: вновь назначенный иркутский генерал-губернатор Анучин и губернатор Забайкалья генерал Ильяшевич.

Анучин был светский человек, прекрасно владевший европейскими языками и, благодаря многим годам дипломатической службы, вполне усвоивший тон и манеры высших кругов. Но под этой вылощенной оболочкой скрывались самые грязные и подлые инстинкты. Этот самоуверенный, мстительный и безжалостный циник, отличавшийся ненасытной жаждой власти и богатства, ознаменовал начало своего владычества наглым и оскорбительным обращением с самыми почтенными жителями Иркутска, а потом самым форменным образом обобрал целый ряд местных купцов и окрестных крестьян. Почтив достойным образом свободных жителей Восточной Сибири, Анучин обратил затем свое внимание на политических заключенных. Убедившись в самом непродолжительном времени в том, что комендант Карийской тюрьмы Кононович, как образованный и самостоятельный человек, не способен стать его орудием, Анучин немедленно устранил его и заменил известным во всей провинции авантюристом и пьяницей, майором Потуловым [1]. Но и эта невыгодная для заключенных замена не имела бы таких убийственных результатов, если бы не появился еще один угнетатель в лице вновь прибывшего губернатора, генерала Ильяшевича.

Если Анучина привела в Сибирь жажда власти и богатства, то Ильяшевича привлекла исключительно нажива. Первый, немилосердно обдирая, стремился все же сохранить инкогнито, второй, профессиональный пьяница и шулер, не заботясь об общественном мнении, открыто забирал все, что мог. То, что не удавалось получить силой, выманивалось хитростью. Убедившись, что буряты — забитое полудикое племя, всегда готовое любой ценой купить себе домашний мир, Ильяшевич предпринимал со своей супругой целый ряд доходных экскурсий в бурятские степи, пользуясь гостеприимством их обитателей. Изумленные видом столь высокопоставленных гостей, буряты дарили им все, чем, как говорится, хата богата. Губернатор с супру-

[1] Потулов в бытность свою полицеймейстером в Чите однажды потребовал от одного купца-поляка несколько бутылок рому. Получив отказ, он в припадке ярости решил наказать его смертью. И вот ночью на полицейском дворе поставили виселицу и уже накинули петлю на шею силой приведенной жертве, и даже убрали из-под ног скамейку. По счастью, один из губернских чиновников, уведомленный о случившемся, примчался на место казни и поспел во-время, чтобы перерезать веревку уже коченевшей жертве.

гой возвращались из каждой такой экскурсии одаренные серебром, стадами коней, овец и рогатого скота.

Кроме подобных экскурсий, губернатор не упускал случая увеличить свое богатство путем разнообразнейших доходных предприятий. В виде примера этого рода деятельности губернатора я приведу один незначительный случай, последствия которого очень скверно отразились на заключенных.

В то время в карийских тюрьмах свирепствовала цынга. Местный врач Сергеевский, в целях пресечения болезни, потребовал от администрации, чтобы соленое мясо было заменено свежим. Как-раз тогда же на Каре получился новый транспорт соленого мяса в количестве 2000 пудов. Д-р Сергеевский, убедившись, что мясо полугнилое, решительно отказался принять его. Несколько часов спустя было получено телеграфное предписание немедленно принять тухлое мясо, при чем д-р Сергеевский получил строгий выговор. Оказалось, что одним из поставщиков этого транспорта мяса был сам губернатор.

Заботясь исключительно о наживе, Ильяшевич не обращал внимания на политических заключенных, но Анучин непрестанно напоминал ему о его обязанностях. Было запрещено вести какую бы то ни было переписку, даже с семьей. Были отобраны письменные принадлежности и ремесленные инструменты. Женам заключенных запретили навещать своих мужей и заниматься обучением детей местного населения. А мать одного из заключенных, Каменская, престарелая и в высшей степени почтенная дама, прибывшая сюда, чтобы разделить с сыном изгнание, была под казацким конвоем выброшена из пределов округа. Положение заключенных с каждой неделей становилось все тяжелее, так как каждый день приносил новое распоряжение, постепенно лишавшее их всего, что до сих пор спасало заключенных от полного отчаяния.

Если этот гнет был невыносим для людей, приговоренных к нескольким годам, то как же должен был он отражаться на тех, кого судьба загнала сюда на всю жизнь? Единственным спасением казался побег.

Задача проложить себе дорогу с самого начала оказалась почти невыполнимой. Почва, занимаемая зданием тюрьмы, была усыпана толстым слоем крупных камней, и слой этот достигал 2½ футов толщины. Необходимо было пробить эту подвижную стену и потом проложить под ней подземный ход в несколько саженей длиной, чтобы выбраться за линию внешних сторожевых постов. Проделать все это нужно было под самым бдительным оком стражи. Выполнить без всяких инструментов эту неслыханную работу было бы совершенно немыслимо, если бы на помощь заключенным не явились, с одной стороны, их непреклонная воля, не останавливающаяся ни перед какими препятствиями, а с другой—беспримерное равнодушие, свойственное как русскому, так и сибирскому солдату в отношении распоряжений его служебного начальства.

Под самым носом у такого солдата заключенные вынули из пола угловой камеры две толстые балки и, добравшись до предохранитель-

ного слоя, выбирали каждую ночь по нескольку десятков камней, пока не расчистили себе почвы. Прокладка подземного хода была сопряжена с необычайными затруднениями в виду полного отсутствия каких бы то ни было приспособлений. Еще больше затруднялась она и тем обстоятельством, что работать приходилось поздно ночью, соблюдая тысячу предосторожностей. Извлекаемые из земли камни и самую землю приходилось прятать в карманы и под одеждой, а во время прогулки высыпать все это под пол расположенного неподалеку склада. Эта кропотливая четырехмесячная работа подходила уже к концу, когда разлившаяся с наступлением весны река занесла илом значительную часть подкопа и преградила путь к выходу. Кроме того, как обычно бывает в таких случаях, между самими заключенными произошли крупные недоразумения, которые и явились главной причиной того, что план побега был оставлен.

Как-раз в это время на Кару прибыла новая партия арестантов, в числе которых было несколько человек, пользующихся влиянием и уважением даже у представителей власти. Вновь прибывшие внесли в среду заключенных мир и, таким образом, оживили вновь угасшую, было, мысль о побеге. О реставрации подкопа не могло быть и речи, до такой степени он был занесен илом. Поэтому было решено оставить план побега из самого здания тюрьмы и использовать для этой цели расположенную за оградой тюремную мастерскую. Этим путем в апреле 1882 г. бежало 8 заключенных [2].

Побег был обнаружен недели через 2. Немедленно прибыл комендант Потулов с целой сотней казаков. Лично убедившись в отсутствии восьми заключенных и не будучи в состоянии добиться от остальных никаких указаний на этот счет, он пришел в такую ярость, что, вручив уголовным арестантам топоры и заступы, приказал им перерыть все в камерах политических и сравнять с землей даже грядки, плод кропотливого труда наших ботаников. Следом за Потуловым явился комендант карийских войск майор Руденко с вооруженным отрядом. Он старался во что бы то ни стало вызвать кровавое столкновение между заключенными и солдатами, а когда из этого ничего не вышло, Руденко уничтожил все, что уцелело во время нападения Потулова. Вооруженные нападения повторялись непрерывно. Выломали пол, подкапывались под фундамент, но все эти и другие поиски не помогли открыть настоящего места, откуда был совершен побег.

Известие о побеге было сообщено по телеграфу губернатору. Вместе с сенатором Галкиным-Врасским, направлявшимся после ревизии Кары в Петербург, и в сопровождении вооруженной силы, полиции и военного суда Ильяшевич отправился 4 мая на Кару, где к ним присоединилось местное начальство — Потулов и Руденко. Все они решили представить побег в виде бунта и таким образом создать почву для кровавой расправы.

1 Речь идет о смерти П. Г. Успенского.—*Ред.*
2 Опускаем уже известные читателю подробности побега 8-ми.—*Ред.*

Этому нападению предшествовало отправление следующего ультиматума:

1) Заключенные должны немедленно сдать администрации свое белье, одежду, книги и все другие вещи, не предвиденные инструкцией.

2) Надеть кандалы.

3) Побрить головы.

На это заключенные ответили, что они готовы в любое время удовлетворить первые два требования. Что же касается бритья голов, то эту унизительную церемонию губернатор сможет произвести лишь над их трупами.

После такого ответа следовало ожидать вооруженного нашествия. О сопротивлении не могло быть и речи, так как у нас не было никакого оружия, кроме нескольких топоров и ножей.

Мы прибегли к средству, продиктованному отчаянием. За печами в пяти камерах мы нагромоздили кучи дров и щепок, смоченных керосином, на коридоре построили баррикаду, преграждающую солдатам путь, посрывали с дверей все железные части и расставили на крышах пикеты, чтобы следить за действиями неприятеля.

Все эти приготовления держались в большом секрете. Но, вероятно, дежурный офицер или кто-нибудь из казаков заметил необычайное движение в тюрьме и дал знать губернатору о готовящемся отпоре. Губернатор скрыл готовящееся нападение и приказал об'явить заключенным, что они остаются при старых правах и что он покидает Кару.

Несмотря на такого рода заявление и несмотря на то, что в течение нескольких дней нас совершенно оставляли в покое, мы все же держались настороже, но, измученные продолжительным бодрствованием, на шестую ночь легли отдохнуть. Наш сон продолжался недолго: в 3 часа ночи каждый из нас протирал глаза, стараясь прогнать мучительный кошмар. Но это было не сонное видение, а ужасная действительность: около каждого из нас стояло по нескольку казаков, связывавших нам руки и ноги толстыми веревками. Теперь мы воочию убедились в присутствии на Каре губернатора Ильяшевича.

Скрыв свои злые намерения при помощи нарочно распущенного слуха о своем от'езде, он ночью подступил к стенам тюрьмы с шестью сотнями пеших казаков, отрядом конницы, тюремным врачем Сергеевским и двумя фельдшерами. Узнав, что все заключенные мирно спят, он потихоньку ввел в тюрьму три сотни казаков и приказал им спящих связать и избить прикладами, а затем, насильно переодевши нас в арестантскую одежду, велел по десяти человек разослать под усиленным конвоем по соседним тюрьмам.

Судьба всех десятков оказалась приблизительно одинаковой. Поэтому достаточно будет рассказать о печальной участи того десятка, к которому принадлежал я.

У самых ворот тюрьмы мы встретили воинственную фигуру храброго генерала, который приказал одному из отрядов препроводить нас в Амурскую тюрьму. Начальник этого отряда сотник Пучков,

сдавая нас своей сотне, обратился к ней с такой речью: «Вот бунтовщики, разбойники, цареубийцы. Доставьте их живьем на Амурский пост. Да смотрите, чтоб никто из них не сбежал, эти колдуны могут всех вас провести. Если кто-нибудь из них будет отставать в пути, бейте его прикладом по ребрам. Впрочем, я сам следую за вами... Ну, слышали, болваны? Вперед. Марш!»

По этой команде мы отправились к Амуру. Дорога была мокрая. Ее пересекали ручейки, пробивающиеся сквозь расщелины скал. Последний снег, белевший еще там и сям на обширных лугах, быстро исчезал под живительными лучами солнца. О, благодатное веяние весны! Найдется ли на всей земле существо, душу которого оно не наполняло бы радостью. Но грудь, жаждущую свободы, весна наполняла лишь печалью. Нежные звуки пробуждающейся природы не долетали до наших ушей, заглушаемые грубой командой: «Пошел! Пошел!». Но окрики эти, подкрепляемые ударами прикладов, мало помогали. Заключенные были измождены до такой степени, что сделались равнодушными ко всему, а ускорить шаг было прямо невозможно из-за того, что дорога, по которой мы шли босиком, была очень камениста. Проходя мимо ручья, мы хотели утолить мучившую нас жажду и присели на берегу. Наш сотник зарычал, как медведь, раненный рогатиной, и, размахивая обнаженной саблей, закричал: «Пошел!» — «Идемте, — сказал один из наших товарищей, — не стоит говорить с этим скотом». — «Молчать!», — завопил во все горло сотник и приказал пустить в ход штыки. Но его крики не привели к нужным ему результатам. Казаки только переглянулись, а мы медленно тронулись дальше. В 3 часа мы достигли цели нашего путешествия. Нас отвели в маленькую грязную и сырую каморку, где без всякой пищи оставили до утра. Спать казалось совершенно невозможным из-за тесноты, нестерпимого холода, отсутствия постели и тысяч насекомых, усеивавших пол и стены. Усталость все же взяла верх над всеми этими неблагоприятными условиями. Под утро мы почувствовали, что по нас движется что-то тяжелое, оставляя болезненные следы. Это Пучков со своими казаками без церемонии прогуливался по нашим ребрам, как по ковру.

В это время раздался страшный крик: «Поверка!». Мы не имели времени протестовать против этого особенного рода контроля, так как за топтанием ногами последовали удары кулаков, после которых каждый из нас заявлял о своем присутствии, поднимая голову и производя необходимые движения. Но этих знаков оказалось недостаточно для нашего достопочтенного сотника. Он приказал казакам силой поднять нас и выстроить в ряд. Когда же все усилия сделать это оказались бесплодными, нас стали поодиночке выносить из камеры, раздевали до-нага, щипали и, обыскав таким образом, опять загоняли в тюремную камеру.

Около полудня нам принесли несколько кусков заплесневевшего хлеба и миску вонючих щей. Больным же, которые были не в состоянии потреблять эту пищу, отказали даже в охапке соломы для постели. Кроме того, нам самым строжайшим образом было запрещено

зажигать вечером свет. Когда же с одним из заключенных случился болезненный припадок, стража, приняв его конвульсивные вопли за сигнал к мнимому бунту, хотела попотчевать совершенно растерявшихся в этом случае заключенных пулями.

Так проходили дни и недели, не изменяя этих убийственных условий. Только когда двое заключенных смертельно заболели, явился комендант и, лично убедившись, как обстоят дела, приказал перевести одного из них в лазарет, а другого в главную тюрьму.

После этого посещения я был отправлен в эту тюрьму для лечения. Так как мой конвой сменялся на полдороге, т.-е. в Верхней Каре, где держали один из наших десятков, я воспользовался отсутствием местного сотника и пошел навестить моих товарищей. Условия их существования ничем не отличались от наших. Все они лежали вповалку на сыром полу, в тесноте и духоте; двое из них бредили.

После смены конвоя я отправился дальше. Сопровождавшие меня добродушные казаки, первые начали со мной откровенную беседу:

— Из-за чего тебя отправляют в главную тюрьму? — спросил один из них.

— Из-за слабости, — ответил я.

— Там хуже, чем в Амурской, — заявил он.

— Почему? — спросил я.

— А разве ты не знаешь, что там Руденко мстит вам за свое ухо?

— За какое ухо?

— Да, ведь, один из ваших оторвал ему ухо. Жаль, что он не разбил ему головы; этот подлец всех нас заморит голодом и замучит муштровкой.

Разговаривая таким образом, мы приблизились к дверям сторожки главной тюрьмы. Надзиратель, оставив меня во дворе, пошел доложить коменданту.

Через минуту я услышал громовой голос:

— Двенадцать солдат! Обыскать самым тщательным образом и отвести в тюрьму.

Приказание коменданта было тотчас же исполнено, и через несколько минут я очутился у дверей нашей прежней резиденции. Ее совершенно нельзя было узнать. Коридор был полон солдат и согнанных отовсюду ремесленников. Просторные камеры были превращены в клетки. Наша одежда, белье, физические и химические приборы, всякие драгоценности, — все это, сваленное в кучи, валялось в камере, а солдаты, будучи лишены возможности попасть туда, длинными крючьями сквозь решетку вытягивали золотые часы, цепочки и т. п.

Когда я вошел в предназначенную мне камеру, меня поразил ужасный вид: заключенные вповалку лежали на голом полу. Один из них бился в припадке лихорадки, а другие, как-будто здоровые, тоже до такой степени исхудали и пожелтели, что были больше похожи на мертвецов, чем на живых людей. Печать глубокого страдания лежала на всех лицах.

Дверь с шумом распахнулась, и я увидел двух офицеров и два отряда солдат. По знаку офицеров солдаты грубо сдирали с заключенных одежду, засовывали им в рот пальцы, чтобы поискать под языком записок или карандашей, при чем топтали ногами тяжело больных, которые были не в состоянии подняться.

Разумеется, и я сразу стал жертвой этого грубого насилия. Это должно было служить началом предписанного мне комендантом лечения.

Как я впоследствии узнал, после первого нападения губернатора этих заключенных вновь посетили оба коменданта, Потулов и Руденко, и осыпали их оскорбительной бранью. В ответ на протесты оскорбленных, всех заключенных избили прикладами.

И вот во время этого нападения один из заключенных схватил доску, чтобы заслониться от грозящего ему удара. В это время ему нанесли удар в локоть, доска подскочила вверх, ударила Руденко в голову и до крови расшибла ему ухо. Доблестный комендант воспользовался этим случаем, чтобы обвинить заключенных в покушении на его жизнь.

Офицеры, с которыми нам приходилось иметь дело, за исключением сотника Яновского, были деморализованные пьяницы, недостойные быть названными людьми. И неудивительно: командный состав сибирской армии состоял большей частью из офицеров, выгнанных из русской армии за воровство, обманы, пьянство и другие проступки. Несравненно больше человечности проявляли рядовые солдаты, а особенно забайкальские казаки — эти добродушные люди, равнодушно или прямо враждебно относящиеся к государственной власти. Они не раз проявляли свое расположение к заключенным, за что и были впоследствии устранены и заменены отрядами линейной пехоты. Начальник этих новых отрядов, капитан Тяжелый, вначале очень угнетал нас своим вызывающим и грубым поведением, но, удивительное дело, в течение нескольких недель он изменился до такой степени, что стал почти явным союзником угнетенных.

Ильяшевичу, в руках которого оказались все заключенные, оставалось совершить еще одно великое дело: обрить им головы. До тех пор таким способом клеймили только уголовных и никогда не применяли его к политическим. Даже никто из полицейских палачей не хотел взять на себя выполнение этой неприятной обязанности. И лишь генерал-губернатор Анучин нашел соответствующее для этой цели орудие в лице майора иркутской жандармерии Халтурина. Последний с 12-ю подчиненными был отправлен генералом на Кару для выполнения над политическими заключенными позорной экзекуции.

С момента приезда Халтурина для заключенных начался период самых сильных преследований. С самого начала им было заявлено, что все они без исключения будут привлечены к судебной ответственности за бунты, а все их имущество, состоящее из книг, одежды и других предметов, подлежит реквизиции. Для ведения следствия в помощь Ильяшевичу был делегирован исправник Смирнов, его фаворит и сообщник во всех его проделках, за свое жестокое обращение

с уголовными заключенными прозванный «Гришкой-палачем». Этот последний, бывший кельнер в иркутской гостинице, теперь удостоенный звания следователя по делу, которое сулило ему, кроме щедрого вознаграждения и высочайшей благодарности[1], быть может, даже орден, решил раздуть это дело как можно больше, растянув следствие на целые годы. С этой целью он разделил его на следующие части: 1) дело о побеге, 2) дело об издании политического и литературного журнала «Кара», 3) дело о тайной переписке, 4) дело о бунте и покушении на жизнь коменданта Руденко, 5) дело о присвоении золотого песку[2].

На допрос заключенных вызывали поочередно. Каждый из них, руководствуясь издавна принятым принципом молчать в делах, касающихся товарищей, ограничивал свои показания словами: «не могу или не хочу отвечать». Это, как выразился Халтурин, наглое упорство вызвало усиление репрессивных мер. За малейшее непослушание людей, независимо от состояния их здоровья, целыми неделями держали в сырых ямах на хлебе и воде. Больным отказали в какой бы то ни было медицинской помощи, а восьмерых человек, с целью окончательно добить, увезли в Шлиссельбургскую крепость.

Доведя путем таких истязаний даже самых сильных заключенных до состояния полной дезорганизованности, Халтурин приказал казацким сотням напасть на распыленные по разным тюрьмам кучки заключенных, заковать руки и ноги и насильно побрить головы, а потом согнать всех в главную тюрьму и наглухо запереть в заготовленные клетки. Жара в это время доходила на Каре до 45°. Можно представить себе те адские муки, которым мы подвергались в этих коробках с удушливым, отравленным воздухом. Не было никакой надежды хоть на миг вырваться из этой могилы.

Выносить такой гнет, гнить заживо, без всякой надежды увидеть свет было бы противоестественно не только для человека, но и для животного. И действительно, не было ни одного заключенного, который не носился бы с мыслью о протесте. Дело было лишь в том, в какую форму облечь этот протест при таких тяжелых условиях и каким образом придать ему массовый характер. Сговориться казалось невозможным в виду полного отсутствия письменных принадлежностей, с одной стороны, и того обстоятельства, что каждая сказанная громко фраза подхватывалась жандармами или заглушалась шумным треском специально с этой целью заготовленных трещеток. Все эти препятствия были, однако, преодолены, и было единогласно решено об'явить голодовку. Из общего числа 92-х заключенных

[1] Смирнов сильно ошибся в расчете, так как именно из-за этого дела он потерял должность исправника. Кроме того, он получил в присутствии многочисленных свидетелей пощечину от политического заключенного Серакова [0]).

[2] Во время обыска у заключенных было найдено 5 грамм золотого песку. Это были остатки песку, взятого с разрешения самого коменданта, для производства химического анализа с целью выяснения посторонних примесей.

сначала заявили протест 30 с лишним, к ним на другой день присоединились 20, а затем еще 11. Общее число участников протеста превзошло 60.

Тюремное начальство сначала не хотело обращать на этот протест никакого внимания. Но когда его наличность была установлена показаниями тюремной стражи, комендант Халтурин был вынужден уведомить о нем губернатора, который сейчас же отправил на Кару чиновника для расследования дела. По случаю его приезда заключенным было приказано выделить из своей среды двух делегатов с целью выяснить тюремным властям причины, склонившие заключенных к протесту. Выбраны были — бывший мировой судья Сергей Ковалик и бывший народный учитель Ипполит Мышкин.

Желтые и худые, больше похожие на трупы, чем на живых людей, оба делегата держались с большим достоинством и полным спокойствием. В зловеще бряцающих кандалах на руках и ногах шли они, шатаясь от слабости, мимо шайки царских слуг.

Увидев наших делегатов, даже Халтурин не мог скрыть своего волнения и с некоторым оттенком сочувствия потребовал от них точного выяснения причин голодовки. Протокол показаний был немедленно передан по телеграфу губернатору Ильяшевичу, который переслал его высшим властям.

Верный своему призванию, Анучин неустанно оказывал давление на склоняющегося в сторону заключенных Ильяшевича, чтобы тот не делал им никаких уступок. А тех, кому грозила голодная смерть, приказано было кормить насильно.

Вопрос о голодовке был передан на разрешение местному доктору Сергеевскому, послушному выполнителю приказаний начальства. Он лично знал каждого из заключенных и уверил Ильяшевича, что все они могут, не рискуя жизнью, выдержать двенадцатидневную голодовку. С целью же возбудить у голодающих инстинкт самосохранения, он приказал каждый вечер приносить в камеры свежую пищу и оставлять ее там до утра. Количество этой пищи отмечал сам комендант Халтурин, а, кроме того, за ее участью следили всю ночь стоящие у дверей жандармы.

Тюрьма представляла мрачное зрелище. На голых деревянных скамьях лежали люди. Одни из них неподвижные, с руками, сложенными на груди, с ногами, свисающими со скамей под тяжестью кандалов, казались мертвецами, другие глухо стонали. Глаза одних страшно блестели, в то время как потускневшие зрачки других, казалось, угасали навеки. Некоторые совсем обессилели, другие же, побеждая усилием воли последствия многодневного голодания, старались словом утешения помочь молчащим товарищам. С целью предупредить все увеличивающееся одеревенение, доктор Веймар натирал суставы конечностей иодом и клал корпию в раны, вызванные цынгой. Но вскоре и у него самого и у его пациентов пропала охота заниматься этим утомительным делом.

Это зрелище производило сильное впечатление на офицеров и жандармов, которые начали различным образом проявлять свое сочув-

ствие. Нравственно измученные этим мрачным однообразием, жандармы проклинали своего коменданта и просили его освободить их от службы. Даже офицеры были на стороне заключенных. Солдаты, вынося из камеры нетронутую пищу, сначала напрасно искали разгадки этого непонятного желания уморить себя голодом. Теперь они нашли ответ в собственной, пробужденной чувством мысли. Даже осовелый тюремный смотритель Леонтьев, негодяй, известный своими зверствами во всем Забайкалье, подал в отставку. Один только равнодушный ко всему майор Халтурин, как злой дух, в сумерках появлялся в коридоре и, понижая голос, спрашивал жандармов: «Ну, что? Никто еще не умер?». На тринадцатый день голодовки, после обычного визита д-ра Сергеевского, по тюрьме разнесся слух, будто отдано распоряжение о насильственном питании.

Нисколько не сомневаясь в том, что тюремные власти способны прибегнуть к этому варварскому средству, и вследствие потери сил от голода не будучи в состоянии оказать сопротивления, заключенные решили предупредить грозящее насилие самоубийством.

Еще накануне начала протеста каждый из заключенных запасся нужной дозой яда атропина или морфия, которые, старательно припрятанные, с давних пор хранились у них.

Вдруг на коридоре раздались шаги солдат. Заключенные схватились за свое последнее средство защиты, но оно пока оказалось излишним. Солдаты вместо приборов для искусственного кормления несли: белье, теплую одежду и часть библиотеки заключенных. Возвращая эти вещи, заместитель коменданта, капитан Тяжелый, заявил, что губернатор, принимая во внимание тяжелое положение заключенных, вызванное бегством некоторых их товарищей, отменяет конфискацию их имущества и возвращает им право получасовой прогулки. Что же касается бритья голов, то с выполнением этого приказа он подождет до получения ответа от министра юстиции. Эти великодушные уступки, все месте равные нулю, ни на волос не поколебали решимости заключенных, и никто не подумал прекращать протеста до тех пор, пока пункт о бритье голов не будет официально вычеркнут из устава. Все же, чтобы спасти жизнь тех, кому грозила уже голодная смерть, их хотели накормить ложкой молока или бульона, но все убеждения пропали даром.

Но бывают и неустойчивые чувственные натуры, которые, не будучи в состоянии держаться раз принятого решения и не обладая столь развитым воображением, чтобы оно могло противодействовать страху смерти, в последний момент подчиняются обстоятельствам и уничтожают начатое дело.

Эта страшная минута человеческой слабости была нарушаема ежедневно в это время совершающейся церемонией приношения еды. Сначала, как всегда, она оставалась нетронутой, но вдруг глаза одного из заключенных вспыхнули диким огоньком. Затем он бросился к мискам с едой и с жадностью голодного зверя стал пожирать куски мяса. Его примеру последовали двое других, но остальные, возмущенные этим

поступком молодого товарища, решили предать его общественному суду.

Через несколько минут факт нарушения голодовки стал известен тюремным властям. Для того, чтобы дело не носило характера поспешности, заключенные вызвали коменданта и заявили ему, что пока принимают сделанные уступки и прекращают голодовку.

После этого вызванного необходимостью заявления опять наступили долгие тягостные минуты. Затем одни из заключенных стали подкрепляться пищей, другие решительно отказывались от нее, несмотря ни на какие просьбы, а третьи были уже не в состоянии есть.

На другой день всех заключенных выпустили на получасовую прогулку по тюремному двору. День был прекрасный. Солнце после продолжительных дождей во всей своей красе сияло на безоблачном небе, своими живительными лучами пробуждая к жизни тех, которые должны были навсегда распрощаться с нею. При ярком солнечном свете еще резче казалась страшная перемена во внешности заключенных, вызванная тринадцатидневной голодовкой. Все они выглядели стариками, полуугасшие, ввалившиеся глаза, смертельно бледные лица, дрожащий тихий голос... Никакого облегчения не могли сулить ничтожные уступки, купленные ценой здоровья одних и близкой смертью других. Да и какая могла быть гарантия, что хотя бы обещание этих ничтожных уступок будет сдержано?

Нам недолго пришлось ждать: не прошло и двух недель, как у нас опять отняли теплую одежду и книжки, побрили головы и герметически закупорили в тюремной могиле. У доктора Веймара была отобрана аптечка и медицинские книги, вследствие чего больные остались без всякой врачебной помощи. Когда же однажды к умирающему заключенному Тихонову [°]) потребовали вызвать местного врача Сергеевского, этот последний признал его совершенно здоровым и отказал ему во врачебной помощи. Этот «совершенно здоровый» на следующий день испустил дух. Труп целые сутки пролежал в тюремной камере, так как служащие не хотели вынести его без разрешения коменданта. Товарищи умершего, обмыв его, сами вынесли его в коридор. Ужасный вид трупа, как-будто вынутого из могилы, глубоко тронул проходившего в эту минуту с солдатами капитана Тяжелого. «Шапки долой! Отдайте честь мученику!» — крикнул он солдатам и, с выражением неподдельного сочувствия обратившись к заключенным, он, на свою ответственность, разрешил им проводить до ворот останки умершего товарища.

С этого времени Тяжелый, один из наших злейших врагов, стал относиться к нам все благосклоннее, за что и был вскоре, по приказу Халтурина, посажен в сумасшедший дом, где пробовал зарезаться бритвой.

Устранили и его отряд, заменив его другим, подающим большие надежды. Наконец, в сентябре 1882 г. майор Халтурин, наш самый ярый преследователь, был вызван в Иркутск, откуда больше на Кару не вернулся.

Комендантом Карийской тюрьмы был назначен Бурлей.

Бурлей принадлежал к типу офицеров, которые носят у русских презрительную кличку Бурбонов. Умственно ограниченный, картежник, пьяница, он по природе не был ни мстительным, ни жестоким. Не заботясь о своей шкуре, он слепо выполнял нелепые и бесчеловечные инструкции губернатора Ильяшевича. Все чаще повторяющиеся в тюрьме печальные случаи помешательства заставили его, однако, просить высшую власть облегчить тяжелую участь заключенных. Но не будучи в состоянии ничего добиться и убедившись, что пост коменданта приносит больше неприятностей, чем выгод, он возвратился обратно в Иркутск. Не находя на этот пост подходящего кандидата, Анучин назначил Шубина, жандармского офицера из Петербурга. Этот человек, могущий служить образцом нового полицейского типа, заслуживает особого внимания. Шпионский инстинкт сочетался в нем с трусливым идиотизмом. Вдохновленный мыслью угодить начальству открытием в Карийской тюрьме фабрики динамита, Шубин, заметив на печке в тюрьме кусочек мыла, начал стругать его, а не найдя в нем ничего, полез под скамейки и начал выстукивать пол.

— Да, конечно, тут—бормотал он,—тут должен быть припрятан динамит, нужно устроить самый тщательный обыск.

Он уже собирался уйти, как вдруг, пораженный новой мыслью, приложив руки ко лбу, спросил тюремного надзирателя:

— Откуда это мыло в тюрьме?

— Заключенные сами изготовляют его, — ответил тот.

— Как? В тюрьме варят мыло?

— Его варят не в тюрьме, а в кухне и притом под строгим надзором, — возразил надзиратель.

— Это все равно,— твердил Шубин,— разве вы не знаете, что от мыла только один шаг до динамита?

И он, как стрела, вылетел из камеры.

Чтобы на будущее время оградить себя от «угрожающей опасности», Шубин занялся составлением проекта повсеместного обыска, в то же время проводя целые ночи под окнами тюрьмы. Вскоре с разрешения губернатора была учреждена «ревизионная» комиссия под председательством Шубина. Членами комиссии были назначены: полковник Новиков, майор Потулов и другие.

26 марта этот триумвират, при содействии четырех отрядов солдат и многочисленной полиции, приступил к своей ревизионной деятельности. Заключенных поочередно приводили в комиссию, раздевали до-нага, а каждую принадлежность туалета по очереди передавали в руки триумвирата для обыска. Лежачих больных приносили на носилках. После совершения этого акта всех заключенных согнали в холодное сырое помещение, где и оставили до утра без всякой пищи. Окончив личный обыск, комиссия, призвав себе на помощь около сотни уголовных арестантов с топорами и ломами, приказала приступить к разбиванию печей и стен и к разборке полов. И действительно, в щелях стен было найдено несколько рукописей, немного письменных принадлежностей и несколько сот рублей в кре-

дитных билетах. Все это, разумеется, стало собственностью комиссии. На чердаке было найдено штук пятнадцать револьверных пуль, оставшихся от последнего побега. Это открытие явилось для Шубина доказательством подготовляющегося в тюрьме бунта, угрожающего жизни самого коменданта, о чем он не преминул тотчас же телеграфировать Ильяшевичу.

В ответ на эту телеграмму Шубин получил от губернатора разрешение усилить военную охрану тюрьмы и перевести тюрьму на так-называемое военное положение. Это должно было дать нечто в роде осадного положения, но так как осаждать было уже нечего, а арестовывать некого, то комендант ограничился тем, что лишил заключенных получасовой прогулки, запретил теплую одежду и даже отнял обувь. Кроме того, отовсюду были созваны плотники и кузнецы с целью поскорее закончить постройку нового тюремного здания, которое должно было поглотить, как могила, намеченные Шубиным жертвы.

Окончив ревизию мужской тюрьмы, комиссия с военными силами начала наступление на женскую тюрьму. Тут происходили отвратительные сцены: женщин насильно переодевали в арестантскую одежду, забирали все их имущество и волокли за волосы по земле. Во время этого обыска Шубин, ради собственной безопасности, не переступал порога камер, а, окруженный штыками, отдавал приказания из коридора. Там он и свалился в припадке эпилепсии, случившемся с ним от слишком сильного раздражения.

Так проходили долгие дни и месяцы. Во всех отношениях убийственные условия способствовали распространению среди заключенных острых заболеваний и лихорадки. Надежды на спасение не было никакой. Правда, человек пятнадцать заключенных уже давно отбыли назначенное им наказание, но произвол губернатора лишал судебные приговоры какого бы то ни было значения.

После коронации на Кару явился царский гонец в лице полковника главного штаба Норда Подлесского. Это был довольно ограниченный, но зато очень чванный суб'ект, лишенный каких бы то ни было тонких человеческих чувств. По виду он больше походил на полицейского чиновника, чем на человека с столь видным положением. Порывшись в узелках заключенных, Норд обратил свое благосклонное внимание на их одежду. Заключенные были в обыкновенных арестантских халатах, лишь несколько укороченных. «Что это за «бонжурки»? — спросил он с радражением, а когда ему об'яснили, он обратился к коменданту со следующими словами: «Этого в тюрьме не должно быть; у нас в высших сферах косо смотрят на всякие перемены в тюремной одежде».

После нескольких таких полицейских визитов Норд стал вызывать заключенных к себе на квартиру. Первым был вызван доктор Веймар. Приняв его с деланной любезностью, Норд вручил ему письмо от вице-министра Черевина, который во имя свободы заклинал доктора отказаться от предыдущего показания по делу о побеге

заключенных. Прочтя это письмо, Веймар возвратил его Норду и уже собирался уйти, когда тот бросил ему такой вопрос:

— Что бы вы стали делать, очутившись на свободе?

— Не могу вам сейчас сказать, — ответил Веймар, — вероятно, схватил бы револьвер, чтобы воздать должное нашим угнетателям.

Эти слова, как бритвой, обрезали разговор. После Веймара вызвали другого политического заключенного Кравцова, от которого так же, как и от других, Норд получил более или менее тот же ответ. Убедившись, что он имеет дело с людьми, непоколебимыми в своих убеждениях, Норд в своем рапорте царю определил карийских заключенных, как людей упрямых, узких, с опасными для государства взглядами и ни в коей мере не заслуживающих высочайшей милости.

Чтобы все же сделать видимым невидимые проявления царской милости, Норд освободил двоих заключенных, которые по свойственной им слабохарактерности не постеснились даже с некоторой долей раскаяния отказаться от своих прежних политических убеждений, впрочем никогда и не бывших их настоящими убеждениями.

Посещение Норда Подлесского, который, по сообщениям русских газет, вез на Кару рог изобилия, наполненный царскими милостями, не принесло политическим заключенным никакого облегчения, а его пустые обещания кончились ничем.

Некоторое утешение принесла заключенным весть об от'езде из Читы одного из злейших тиранов — губернатора Ильяшевича. Ильяшевич еще в сентябре 1882 г. был тяжело ранен выстрелом из револьвера, произведенным политической преступницей Кутитонской [0]), которой руководило желание отомстить за товарищей. Губернский суд приговорил Кутитонскую к смертной казни, но затем этот приговор был заменен пожизненной каторгой. Рана Ильяшевича, хоть и прикрытая орденом, не переставала давать о себе знать и окончательно разболелась как-раз к тому времени, как царь, вследствие полученных им от забайкальских жителей жалоб и доносов на Ильяшевича, приказал ему на неопределенное время уехать за границу.

Хотя на место Ильяшевича был временно назначен Андреевский, человек с добрыми намерениями, все же мы не много выиграли от этой перемены: зоркий глаз генерал-губернатора Анучина проникал сквозь тюремные стены, а всесильная рука его строго карала каждого, кто пытался ослабить путы жертв его ненависти. По его-то распоряжению заключенные были разделены и поодиночке заперты во вновь устроенных камерах, настоящих гробах, в которых несколько человек вскоре закончили свою мученическую жизнь.

Остается сказать еще несколько слов об Анучине.

Трудно охарактеризовать эту чванливую, злую и наглую натуру. Эта злоба, находящая удовлетворение в издевательствах, не могла не развиться в нем под влиянием условий его жизни. Он унаследовал ее от дедов и прадедов. Ведь и его родная сестра, несмотря на занимаемое ею высокое положение, в припадке гнева прокусила ухо своей горничной, что в свое время было всем известно. Но Анучин был

слишком выдержанным человеком для того, чтобы расправляться с кем бы то ни было собственноручно. Это его умение всегда владеть собой, соединенное с приличным образованием и присутствием духа, и этот дьявольский такт являлись его оружием, при помощи которого он побеждал стоящих выше его соперников и изменял даже утвержденные уже царем государственные планы. Это он во время своего пребывания в Петербурге вновь воскресил восточно-сибирское генерал-губернаторство и сам, в качестве наместника, владычествовал этой землей, как всемогущий сатрап.

Иркутское население чувствовало себя слишком слабым для того, чтобы оказать отпор его наглому поведению, вступив с ним в открытую борьбу. Иначе обстояло дело с политическими преступниками, которые видели в нем политического врага и угнетателя, готового ради удовлетворения своего честолюбия совершить величайшие жестокости. Это свое отношение к нему выражали они всегда и везде не только словами, но и всем своим поведением. Этого-то Анучин и не мог им простить, и сам постоянно вызывал их, уверенный в том, что страх, внушаемый его именем, вполне обеспечивает его от их вполне заслуженной мести.

Анучин начал свое владычество с беспримерного издевательства над иркутскими заключенными. Его сообщником и правой рукой во всех его выходках был его ад'ютант, полковник Соловьев. Иркутская тюрьма под управлением этих двух тиранов превратилась в какую-то адскую бездну, поглощающую живьем не только осужденных, подследственных, но и поселенцев. Система выдерживать совершенно невинных людей по целым месяцам в сырых камерах без человеческой пищи, без книг, прогулок и возможности переписки, отдавая их в жертву издевательствам грубых сторожей, до такой степени усиливала в них ненависть к представителям власти, что даже у самых спокойных людей нехватало силы пассивно держать себя с угнетателями. Политический заключенный Щедрин [6]), возмущенный наглым обращением полковника Соловьева с заключенными женщинами, отомстил негодяю, нанеся ему в присутствии всей его свиты такой сильный удар кулаком по лицу, что Соловьев упал, обливаясь кровью. Приведенный в чувство холодной водой, он встал и, приказав привязать Щедрина к столбу, бил его обнаженной шашкой. Военный суд за покушение на Соловьева приговорил Щедрина к смертной казни, но царь, приняв во внимание несдержанность Соловьева, заменил смертную казнь пожизненным заключением, усугубленным тем, что Щедрин был прикован к тачке.

Вскоре после этого восемнадцатилетний гимназист Легкий был доведен убийственными условиями до такого нервного состояния, что в одно прекрасное утро, выломав ногу от нары, швырнул ее в голову издевавшемуся над ним сторожу. Иркутский суд, несмотря на несовершеннолетие подсудимого и его состояние, которое, согласно показаниям врача, граничило с помешательством, приговорил его к смертной казни через повешение. Приговор этот был приведен в исполнение в стенах Иркутской тюрьмы.

Присоединив к своей обычной ненависти к заключенным желание отомстить за пощечину, Анучин предпринял ряд новых преследований. С этой целью он отдал распоряжение, в силу которого все политические поселенцы были изгнаны из городов и пригородных деревень и загнаны в безлюдную глушь, где многие из них от нужды и отчаяния покончили жизнь самоубийством. Не были забыты и заключенные. Один корпус Иркутской тюрьмы перестроили таким образом, чтобы заключенные не могли никаким образом общаться друг с другом и не имели бы доступа свежего воздуха. Присылаемые же им письма и телеграммы, по приказанию губернатора, задерживались в его канцелярии по году и дольше. Иркутская полиция предприняла новые аресты, и тюрьма пополнилась свежими жертвами.

В числе их находился молодой человек Неустроев, якут по происхождению. Волна цивилизации занесла этого сына ледяных пустынь в столицу Сибири. Окончив университет, Неустроев получил в Иркутске место учителя в восьмиклассной женской гимназии. Тихий, скромный, очень способный, трудолюбивый, он вскоре приобрел всеобщую симпатию. Но, будучи по натуре глубоко справедливым человеком, он не мог равнодушно смотреть на мучения томящейся в тюрьме молодежи, чем обратил на себя внимание полиции и попал в тюрьму.

Анучин, который после случая со Щедриным и Соловьевым, старался во что бы то ни было своим злостным вызывающим обращением с политическими заключенными вызвать катастрофу, во время обхода явился в камеру Неустроева как-раз тогда, когда тот за недостатком улик должен был быть освобожден.

Неустроев издавна испытывал отвращение к генерал-губернатору. При виде последнего, как-будто движимый зловещим предчувствием, он удалился в глубь камеры, оставив около дверей двоих товарищей: Козловского и Булатова. Но Анучин, не обращая на тех внимания, сделал Неустроеву знак рукой, а когда тот приблизился на несколько шагов, он несколько раз с едкой иронией произнес:

— Стыдно! Стыдно!

Неустроев побледнел, задрожал и дал пощечину генерал-губернатору. Присутствовавшие при этом происшествии офицеры и солдаты бросились на Неустроева и схватили его, но Анучин приказал отпустить его и, повторив еще раз с тем же выражением: «стыдно, стыдно», — вышел.

Его умение владеть собой оказалось в этот момент прямо артистическим. Не обращая никакого внимания на полученную пощечину, он совершенно спокойно осмотрел другие камеры. Лишь обойдя их все, он отправился в свой дворец и, призвав начальника штаба Максимовича, приказал ему немедленно предать Неустроева военному суду.

Военный суд, произведя расследование, приговорил Неустроева за нанесенное генерал-губернатору оскорбление к двенадцати годам каторги.

Но этот приговор Анучин собственноручно разорвал, сделав судьям строгий выговор за неимеющую оправданий снисходительность к такому преступнику.

Вторично состоявшийся военный суд увеличил наказание Неустроева до двадцати лет каторги. Но на последнем заседании один из судей воскликнул:

— Не забывайте, господа, что здесь дело касается нас самих, нашего будущего. Генерал-губернатор требует крови Неустроева.

Малодушный эгоизм, который вечно уничтожает благородные порывы людей, и на этот раз заглушил в судьях голос совести. Неустроев был приговорен к расстрелу. Этот жестокий приговор был приведен в исполнение 21 ноября 1883 г.[1]).

Одновременно с приведением в исполнение этого приговора, Анучин, согласно принятому в России обычаю, получил орден св. Станислава и удостоился высочайшей просьбы нести и впредь обязанности

[1] Через несколько часов после несчастия с Анучиным, Неустроева заперли отдельно в темную камеру. Во время следствия над ним издевались и заковали его в кандалы. Полные спокойного достоинства и свойственные его чистой душе откровенные показания Неустроева спасли бы ему жизнь и тем самым избавили бы судей от угрызений совести, если бы не происк начальника штаба Максимовича, который старательно устранял все, чт могло свидетельствовать в пользу осужденного. Неустроев перед смертью несколько раз писал из тюрьмы своим товарищам. Последнее из его писем я привожу здесь в дословном переводе.

8 ноября. Ночь.

„Прощайте, братья, друзья! Чувствую, что нужно отдохнуть, но заснуть не могу. Конец мой близок. В прошлом письме я подробно сообщил вам все. Я умираю напрасно, а что хуже всего,—за поступок, совершенный против воли. Злая судьба. Меня утешают, говоря, что это только политическая смерть, а могила уже вырыта. Я отказался от причастия и попросил, чтобы мне принесли крест. Символ мученичества заменит мне вас и все, что мне дорого. Дай бог, чтобы мое шифрованное письмо попало в ваши руки. Трудно поверить, каким странным все это мне минутами кажется. Узнаете ли вы когда-нибудь о моих муках? Братья! Простите мою слабость. Не всякому дано быть сильным. Я всегда был только рядовым работником, но я ничем не запятнал святого знамени, в конечную победу которого я непоколебимо верю. Я хотел жить, я даже был готов оправдаться в своем поступке... Я просил у начальника тюрьмы позволения проститься с вами, но он отказал мне. Вам посылаю мои мысли, но там тишина,—не слышно ни звука... Прощайте навеки! Несмотря на мою настоятельную просьбу, в обвинительном акте не поместили сообщенных мной фактов, которые должны бы были оправдать меня. Итак, я должен умереть за то, что невольно поднял руку.—Как бодро я чувствовал себя сегодня утром, жизнь кипела во мне, я рвался к ней. Я надеялся увидеть брата моей жены, но, говорят, его нет в городе. Вместо него я увидел попа. Как, однако, дешева наша жизнч! Меня радует только, что пуля сгладит все мои ошибки. Прижмите меня к своей груди. Еще одно: все, что я когда-либо делал, писал или говорил, было искренне и исходило из глубины души. Пусть это будет моим последним словом. Я хотел бы вздремнуть, но не могу... Проходящему не хочется уделять и минуты, ведь у меня их осталось так мало. Прощай, земля родная, развивайся, цвети и прими от меня эти идущие из глубины сердца слова!“

генерал-губернатора Восточной Сибири, от которых он, было, отказался после получения пощечины. Несмотря на знаки высочайшей милости, Анучин не избежал общественного презрения, проявлявшегося при каждом удобном случае в спокойной, но, тем не менее, очень ощутительной форме. На следующий день после расстрела Неустроева, несмотря на непрерывную и бдительную охрану, двери Анучина оказались сплошь замазанными кровью.

Через четыре или пять месяцев после вышеописанного происшествия Анучин уехал в Петербург и больше не возвращался оттуда.

А. Якимова (63).

Документы о побеге с Кары.

После Февральской революции, в начале марта 17 года, жандармский и губернаторский архивы в Чите были перевезены в краевой музей Географического общества, где и оставались до водворения в Забайкалье Семенова. Семеновцы из музея забрали архивы и неизвестно что с ними сделали. На этот счет существуют разные предположения: одни говорят, что сожгли, другие,—что разобрали по рукам, что, наконец, увезли с собою при отступлении. Рассказывают, будто во Владивостоке попадались бумаги Читинского охр. отд., превращенные в пакетики для лавочных продуктов.

Из губернаторского архива случайно осталась в музее только незначительная часть, с которой я имела возможность ознакомиться, будучи недавно в Чите. Там оказались очень интересные документы, относящиеся к побегу 8 государственных преступников из Карийской тюрьмы в апреле 1882 г., а также и документы о покушении на военного губернатора Забайкальской области Ильяшевича, которое явилось возмездием со стороны Марии Кутитонской 0) за репрессии к заключенным после побега.

Документы эти следующие: 1) записка следователя, исправника Смирнова, об обстоятельствах дела о побеге из Карийской тюрьмы 8 государственных преступников, 2) заявление Мышкина от лица 54 чел., голодающих 8-е сутки, 3) о покушении на военного губернатора Заб. обл. Ильяшевича, 4) телеграммы иркутскому генерал-губернатору, министру внутренних дел и царю, 5) донесение управляющего Забайкальской обл. иркутскому ген.-губернатору 18 сент. № 5304, 6) распоряжение генерал-губернатора о предании М. Кутитонской военному суду, от 15 октября, № 232.

ЗАПИСКА,

составленная следователем, верхнеудинским окружным исправником Смирновым, об обстоятельствах дела о побеге из Карийской тюрьмы 8 госуд. преступников.

30 апреля, часу во 2-м ночи, часовой будки № 4 у политической тюрьмы услышал шорох в находящейся около тюремной ограды с наружной стороны мастерской, в которой работали государственные преступники, а потому в то же время потребовал начальника караула, которому об'яснил о слышанном шорохе. Караульный начальник, обойдя кругом мастерскую, ничего подозрительного не заметил и возвратился в караульный дом. Через несколько времени часовой новой смены, заступивший пост у той же будки № 4, вновь потребовал караульного начальника, которому заявил о слышанном шорохе в мастерской. Обойдя мастерскую с нижними чинами и не найдя ничего подозрительного, караульный начальник отпустил чинов в караульный дом, а сам остался прислушиваться у мастерской. Через несколько времени услышал шопот и крикнул часовому: „стреляй!“ Но тот в это время

сам, увидев бегущего от мастерской человека, выстрелил по нем два раза, но промахнулся. По тревоге этой выскочил караул, а потом и вся сотня, и пустились в поиски. Вскоре недалеко от мастерской нашли две кожаных сумки с провизией, шапку и в ней фальшивую печать, сделанную на аспидной доске.

По произведенной смотрителем политической тюрьмы Тараториным поверке в тюрьме арестантов, из числа их в камере № 4 не оказалось 6 человек, а при второй поверке, произведенной заведующим сс.-каторжными майором Потуловым, не оказалось уже 8 преступников; в сменном же рапорте на это число значилось, что арестанты были все налицо. По осмотру мастерской, в ней, в потолке второй комнаты, за печкой оказался прорез досок, через который и выходили преступники на верх мастерской, а оттуда по стене спускались на землю, так как крыши на мастерской устроено не было, а был один только потолок, засыпанный вершка на полтора землею. Как могли арестанты из тюрьмы пробраться в мастерскую для совершения оттуда побега, предварительным дознанием не обнаружено. При тщательном осмотре камеры № 4, из которой бежали преступники, в ней между стеной и печкой обнаружен подкоп, но по исследованию оказался брошенным. При дальнейшем же исследовании, уже при следствии положительно определено, что подкопа в мастерскую не было и вести подкоп не позволяет болотистый грунт почвы. Еще задолго до обнаружения побега, именно 19 апреля, один из часовых видел ночью двух человек, идущих в черных одеждах от мастерской, за которыми в то же время, по распоряжению сотенного командира Яновского, была послана погоня, но догнать их не могли и подумали, что это подходили к мастерской с целью совершения покражи из нее инструментов или приносили водку преступникам. Произведенной на утро, т.-е. 20 апреля, смотрителем Тараториным поверкою арестанты, как об'яснил он, оказались все налицо, будучи проверены по списку.

21-го в Нижне-Кударском поселке (за 35 верст от тюрьмы) были задержаны два неизвестных человека, пришедшие туда еще вечером 20 числа, которые назвались: один Казановым, другой Мироновым— мастерами, идущими во Владивосток искать работы. Одеты они были в черные полушубки. По рассмотрении их видов, подозрительного в них ничего не обнаружено, а потому люди эти были отпущены, и уплыли вниз по реке Шилке на купленном в этом же селении боте. Впоследствии, по пред'явлении во время розысков бежавших преступников лицам, задержавшим в Нижне-Кударском поселке двух неизвестных людей, карточек преступников Мышкина и Хрущева ⁰)— они признали в них сходство с задержанными 21 числа в станичном правлении лицами. Что это были Мышкин и Хрущев, при следствии обнаружено, как собственным сознанием их,—взятием во Владивостоке с видами Казанова и Миронова, так и показаниями поселковых атаманов и др. лиц, которым они по поимке и доставлении в Кару были пред'явлены. Из числа остальных бежавших преступники Минаков и Крыжановский были взяты 1-го же мая, первый—утром в разрезе Лушкинского промысла, в 7 верстах от Кары, а второй вечером того же дня сам явился на кухню карийского полицмейстера по сознанию, как заявил он, невозможности итти далее, вследствие слабости физических сил. Баламез и Левченко, Юрковский и Диковский взяты: первые двое около Усть-Черновского селения 8 мая, а последние—13 мая в тайге, недалеко от поселка Кокталгинского, посланными в погоню за ними казаками-охотниками. При поимке бежавших у Баламеза и Левченко, а также Юрковского и Диковского отобраны два револьвера и патроны и еще кинжалы. У остальных же, кроме Мышкина и Хрущева, отобраны также кинжалы, сделанные все самими ими в тюремной мастерской.

Следствием обнаружено, что револьверы приобретены преступником Властопуло (64) во время нахождения его в лазарете, что доказывается собственноручным письмом его, писанным в Одессу к сестре Магдалине Властопуло, перехваченным у государственной преступницы Екатерины Сарандович (65). Подозрение в доставлении преступникам револьверов упадает на сс.-каторжных Карла Спольветр и Антона Морхотского, из которых у первого най-

дены часы, подаренные ему преступниками, по показанию сс.-каторжного же Соколова, частью подтвердившемуся. Найденные у преступников револьверы сходны с револьверами, выданными в минувшем году карийским полицмейстером сс.-каторжным Масоверу и Гершгорну, но эти ли собственно револьверы—положительно еще не расследовано, так как не имеется показаний. Масовера и Гершгорна, о спросе которых сообщено по месту нахождения их. Денег у преступников вообще у всех найдено 104 рубля, из этого числа при Мышкине и Хрущеве 53 рубля. Таким образом, оказывается, что первый побег преступников из тюрьмы—именно Мышкина и Хрущева—совершен 19 апреля, т.-е. за 11 дней до его обнаружения. При формальных спросах пойманных преступников, те из них, которые дали показание, об'яснили, что бежали они через прорез в потолке мастерской: Юрковский и Дыковский 28 апреля, Баламез и Левченко 29 и Минаков и Крыжановский 30 апреля. В мастерской же оставались после работ, сбивая со счета караул частыми входами и выходами по нескольку человек сразу в продолжение целого дня, а при поверке же, как об'яснил преступник Минаков, на койки, вместо людей, клали изготовленные чучела, представляющие как бы спящих преступников. Из преступников Левченко и Дыковский отказались от дачи показаний, а Мышкин, Хрущев и Юрковский в данных показаниях не пожелали об'яснить о способе побега.

При обыске тюремных камер в них оказалось много книг, рукописных тетрадей, столярных инструментов, 38 тоненьких стальных пилок и проч., а также найден кинжал, спрятанный на печке в камере № 5, а под кроватями два топора, словом, найдено много вещей, имение которых воспрещено законом и инструкцией.

В числе книг, рукописей найдены соч. Герцена заграничной печати, а рукописи заключают подробные описания действий революционных партий в России. В виду того, что в записках о революционных процессах могут быть об'яснены личности, ускользнувшие от преследования во время ведения процесса и вообще переписки эти могут иметь интерес для департамента государственной полиции, следователь, согласно постановления своего, все переписки и книги при особой описи представил на распоряжение г. забайкальскому губернатору при рапортах от 14-го июня за № 151 и 4 июля за № 203. В числе рукописей найдены отрывки журналов, издаваемых в тюрьме под заглавием „Кара“ и „Кукиш“ (66), а также и стихи для них, оскорбительного для особы государя императора содержания. Бумаги эти также представлены при выше об'ясненных донесениях.

Караульные начальники, спрошенные при следствии, об'яснили, что поверка преступников при смене караула, по заведенному порядку, производилась не через перекличку по списку, а счетом по камерам, при чем камеры не запирались никогда, даже на ночь, и арестанты во время поверок старались перебегать из одной камеры в другую, чем сбивали со счета по нескольку раз; спящих же трогать не дозволяли, делая дерзости караулу и даже грозя нанести побои, а потому лежащих на койках считали издали. Смотритель тюрьмы на поверках бывал редко, и производилась поверка при приставниках. В мастерскую арестанты выпускались ежедневно по нескольку человек, потом к этим приходили еще, некоторые уходили и вместо них приходили другие, и так эти переходы совершались в течение целого дня. Обысков при входе и выходе из тюрьмы преступников не производилось, потому что арестанты не давались, делая грубости, и надзора в мастерской не было никакого, а работали арестанты всегда одни. Мастерская никогда тщательно никем не осматривалась, несмотря на непрочность ее, и только казак Осип Елгин, будучи разводящим цепи конвоя при мастерской 30 апреля и осматривая утром мастерскую, заметил в потолке прорез, но не доложил никому об этом, считая его сделанным ранее для провода труб. Из показаний караульного начальника приказного Ларионова и приставника казака Шайдурова, на дежурстве которых обнаружен побег, видно, что 30 апреля, входя вечером для поверки в тюрьму, они встретили смотрителя Тараторина выходящим из тюрьмы, который об'яснил им, что он поверял арестантов и они все налицо. Смотритель Тараторин при формальном

спросе это показание не опровергнул. Из переписки, присланной к делу заведующим нерчинскими ссыльно-каторжными, майором Потуловым, между прочим, видно, что г. забайкальский губернатор еще в феврале месяце с. г. сообщил заведующему, что по имеющимся сведениям преступники Мышкин и Войнаральский намерены совершить побег из тюрьмы, почему предписал иметь за ними самый бдительный надзор. По получении этого предписания, заведующий сс.-каторжными 8 марта за № 8 сообщил о содержании его смотрителю политической тюрьмы Тараторину и предписал иметь строжайший за преступниками этими надзор.

Смотритель Тараторин в данных им ответах об'яснение нижних чинов о порядке поверки и выпуска в мастерскую арестантов подтвердил, при чем об'яснил, что о подкопе было ему известно и ранее, но место подкопа в камере он не знал, письменного донесения он не делал; в 19 пункте ответов об'яснил, что поверка и наблюдение за камерой № 4 были производимы им внимательно. По списку поверял преступников 20 апреля перед приездом на Кару тайного советника Галкина-Врасского и по получении от командира сотни сведений о подходивших к мастерской ночью на 20 число двух неизвестных людях, а также производилась им поверка 29 и 30 числа апреля и ничего подозрительного не замечено. Желая собрать точные сведения о времени побега из тюрьмы Мышкина и Хрущева, следователь просил заведующего государственными преступниками на Каре доставить сведения, были ли получаемы на имя этих преступников письма с 10 апр. с. г. по 1 мая, если были, то когда выданы им. На это заведующий, майор Халтурин, уведомил, что Мышкину и Хрущеву были получены письма, которые выданы 25 и 26 апреля, как видно из донесений смотрителя от этих чисел за №№ 143 и 144. Имея положительное сведение, что Мышкина и Хрущева в это время в тюрьме уже не было, следователь просил о присылке подлинной переписки с подписками в получении, и по присылке обнаружено, что подпись за Хрущева и Мышкина сделана подложно. Подписки эти были им пред'явлены, из них Хрущев положительно не признал подпись своей, а Мышкин уклончиво с очевидным желанием не обнаруживать подлога, чтобы скрыть время ухода из тюрьмы, отозвался, что подпись эта, может быть, и его. Смотритель Тараторин, спрошенный о порядке выдачи писем, говорит, что в это число письма он выдавал сам в тюрьме, но при расписках в получении на списке не всегда находился.

На основании вышеизложенного, обвиняемыми лицами в деле побега преступников собственно из числа лиц, несших службу при тюрьме, являются, во 1-х, смотритель тюрьмы, коллежский регистратор Тараторин, нижние чины отряда, бывшие караульными начальниками с 19 апреля по 1-е мая, приставник казак Шайдуров и казак Осип Елгин, не доложивший о замеченном прорезе в мастерской. Обращаясь к рассмотрению вины смотрителя Тараторина, оказывается, что об имении особого усиленного надзора за преступниками Мышкиным и Войнаральским он имел предписание еще в марте месяце, между тем, этот Мышкин бежал первым 19 апреля, и побег его обнаружен только 1 мая по случаю тревоги со стороны военного караула, вызванной побегом других преступников. По собственному об'яснению Тараторина, он лично производил поверки арестантов по списку 20 апреля, а также поверки 29 и 30 числа, следовательно, поверяя по списку, он не мог не заметить отсутствие преступников, да еще того из них, о котором имел он предупреждение начальства,—он же говорит, что, поверяя, ничего подозрительного не заметил. При условиях этих на него, Тараторина, упадает обвинение, во 1-х, в допущении явных беспорядков и беззакония во вверенной ему тюрьме; во 2-х, в неисполнении предписаний начальства (за № 8), имеющем важные последствия, и, в 3-х, в знании и умышленном сокрытии побега как Мышкина с Хрущевым, так и других преступников с очевидной целью предоставить им возможность с успехом совершить побег, доказательством чему служит: а) невозможно допустить, чтобы, посещая тюрьму по нескольку раз в день, как сам об'яснил он, и производя поверку по списку 20 апреля, тем более ожидая приезда начальника главного тюремного управления, он мог не заметить того преступника, за которым ему приказано иметь особо бди-

тельный надзор; а что Мышкина не было уже в тюрьме 20 апреля, то подтверждается нахождением его в это число вместе с Хрущевым в Куларском поселке за 35 верст от тюрьмы, куда пройти по незнакомой дороге горными хребтами требуется немало времени; б) уверение им 30 числа апреля караульного начальника приказного Ларионова перед поверкой, что арестанты все налицо, доказывает желание его ослабить и без того недействительную поверку арестантов при смене караула, чтобы этим скрыть отсутствие в тюрьме бежавших; в) представление им подложных расписок в получении писем от имени Мышкина и Хрущева сделано для того же скрытия их отсутствия пред чинами тюремного управления. При этом является подозрение, что и деньгами на дорогу снабжал их он же, так как деньги преступников расходовались самим им и потому он легко мог показать расходом за что-либо те деньги, которые выданы им на руки; это подозрение оправдывается также и тем, что некоторые из преступников по доставленным сведениям не имели собственных денег, как, например, Мышкин, а у него найдено при аресте более 40 рубл. за расходом в пути следования. Так как преступления эти по важности своей влекут наказание, сопряженное с лишением прав состояния, то смотритель Тараторин, по постановлению 5 июля, заключен в Нерчинский тюремный замок, а нижние чины караула отданы под надзор начальства, так как существующие в тюрьме беспорядки, поддерживаемые тюремным начальством, ослабляют их виновность в деле побега.

В настоящее время дело о побеге преступников не получает окончания, во 1-х, за неприсылкою майором Потуловым ответов на вопросные пункты, отосланные к нему 5 июля за № 209, и о скорейшем исполнении подтверждено 10 августа за № 234, во 2-х, за неутверждением иркутским губернским судом копии постановления об аресте в тюрьме смотрителя Тараторина, каковая представлена 7 июля за № 214 и в 3-х, за недоставлением управлением Зерентуевского рудника сведений, затребованных 21 июня за № 162 о скорейшем доставлении которых вновь сообщено 16 сентября за № 270.

Следователь, верхнеудинский исправник *Смирнов.*

Копия.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1882 года июля 2 дня, составленное следователем, верхнеудинским окружным исправником Смирновым о том, что при производстве обысков в камерах государственных преступников, содержащихся в Карийской политической тюрьме, и осмотра находящегося там имущества следователем, между прочим, было найдено много писем, полученных заключенными от разных лиц, рукописных тетрадей и памятных книжек. В виду того, что в тетрадях и вообще бумагах могла оказаться какая-нибудь переписка, относящаяся до побега из тюрьмы преступников, невзятые ими или приготовленные для других фальшивые виды, а также бумаги, раз'ясняющие способ ведения переписки заключенными помимо администрации, что обнаружено письмами, найденными в Сретенске при обыске ссыльных Серякова и Екатерины Сарандович, следователь Смирнов признал нужным взять все оказавшиеся в камерах бумаги для тщательного пересмотра их.—При пересмотре этом, оконченном сего числа, оказалось, что вся переписка большею частию заключается, как выше сказано, в письмах, полученных от родственников и уже просмотренных начальством; тетрадях с выписками из цензурных изданий по разным отраслям наук (химии, технике, истории, политической экономии), переводов с иностранных сочинений; выписок из иностранных словарей и т. п. Хотя искомых бумаг, касающихся побега, и фальшивых видов при пересмотре и не найдено, между прочими бумагами найдены следующие рукописные сочинения преступников: 1-е, „Воспоминание о Софье Львовне Перовской“ в двух тетрадях; 2-е, „Мысли революционера“; 3-е, масса лоскутков бумаги с разными записками о действиях революционеров; 4-е, виньетки „Кары“ и „Кукиша“—журналов, издаваемых в тюрьме: рисованные карандашом карикатуры для этих изданий, стихи на русском,

БЕЖАВШИЕ С КАРЫ В АПРЕЛЕ 1882 г.

Н. ХРУЩОВ

Н. КРЫЖАНОВСКИЙ

Е. МИНАКОВ

малороссийском, польском и французском языках; стихи преступного содержания против особы государя императора под заглавием: „Мысли пряника по поводу последнего процесса“, и телеграмма 15 мая, также в насмешливом тоне, против государя императора; 5-е, „Мой революционный период“, воспоминания пропагандиста, соч. Фомичева[1]; 6-е, „Несколько слов по поводу злобы дня“,— Алексеева; 7-е, „Иеремия, ветхозаветный пророк Иудейский“ и „Записки о жизни Иисуса Христа“; 8-е, рукопись под заглавием „Отцы“, по надписи принадлежащая ссыльному Петру Алексееву; 9-е, книжка памятная в переплете, в которой записаны имена всех сосланных государственных преступников с обозначением мест их пребывания; 10-е, записки о путешествии в Сибирь какой-то женщины; 11-е, рукопись на польском языке—соч. Достоевского (вероятно, перевод); 12-е, рукопись под заглавием „Лапотная Русь“ из воспоминаний ходивших в народ, и 13-е, роман „Насмешка судьбы“, две тетради. Кроме сего, найдено: афиша и билет на спектакль, бывший в тюрьме 19 ноября с. г., две записки на имя „Владислава“ и записка „Илии“ о посылке букета—служащие доказательством существования передачи записок в тюрьму и, наконец, в одной из сумок в памятной книжке найдено 4 пилки для ажурной работы, крестик серебряный, вызолоченный со шнурком и портрет какого-то мальчика, вставленный в бронзовую рамку круглую. Из вышеизложенного оказывается, что, содержась в тюрьме, государственные преступники занимались устройством спектаклей (что подтверждается и показанием смотрителя тюрьмы Тараторина), писанием разных сочинений революционного направления и даже издавали два журнала также преступного направления, что доказывается найденными для этих журналов стихами „Мысли пряника“ и телеграммой, каковые оба сочинения заключают в себе оскорбление особы его императорского величества. За совершение этого преступления виновные должны подлежать наказанию по закону, а потому преступление это подлежит формальному обследованию, но так как оно не имеет прямого отношения к предмету порученного расследования,—производить же расследование о посторонних обстоятельствах, случайно обнаруженных, закон следователю воспрещает, предоставляя право лишь ограничиться запискою обнаруженного факта в особое постановление, а потому и в виду того, что в некоторых найденных сочинениях выяснено много личностей участников бывших процессов и из числа их, может быть, окажутся такие, которые еще не подверглись преследованию и неизвестны департаменту государственной полиции,—по мнению следователя вся найденная переписка подлежит представлению на распоряжение господина забайкальского губернатора при копии с настоящего постановления и копии подробной описи перепискам. Остальная же просмотренная переписка, а равно найденные крестик и портрет, как не подлежащие взятию к делу, должны быть переданы смотрителю политической тюрьмы под расписку. Найденные—пилку, афишу и три записки, как доказательства слабости тюремного надзора, приобщить к делу, а также приобщить и два письма, одно, писанное в тюрьме Калюжным (67), а другое без обозначения фамилии, писанное также в тюрьме. На основании этого следователь, исправник Смирнов, постановил: 1-е, найденным рукописям составить подробную опись и затем, прошнуровав их и припечатав при копиях с описи и настоящего постановления, представить на распоряжение г. забайкальского губернатора, при чем также внести в опись и представить найденную при обыске у Сарандович и Серякова в Сретенске рукопись перевода „Социологии Лэтурно“, а также найденную при обыске в камерах книгу „Дневник Герцена“, 2-е, так как при пересмотре бумаг искомых шифров и вообще указаний на способы пересылки заключенными писем в Россию не отыскано, то ныне же исполнить заключение, сделанное в постановлении 19-го мая, относительно производства обыска у проживающей в Одессе сестры государственного преступника

1 „Воспоминания пропагандиста“, а также „Путешествие в Сибирь“ и книжка с описанием имен и фамилий ссыльных представлены генерал-губернатору командиром батальона З. Руденко и рассматривались вместе с прочими, так как также найдены при обыске.

Николая Властопуло, Магдалины Властопуло, на предмет отыскания шифра и переписки, получаемой ею с Кары, и 3-е, о представлении г. губернатору найденных переписок и о имеемом назначиться по содержании некоторых из них формальном расследовании для привлечения виновных к ответственности сообщить заведующему государственными преступниками на Каре.

Подлинное подписал следователь, верхнеудинский исправник *Смирнов*. Исполнено г. забайкальскому губернатору с представлением переписок 14-го июня № 151 и заведующему государственными преступниками 14 июня № 152.

Верно: следователь, исправник *Смирнов*.

Г. коменданту тюрьмы государственных преступников.

Государственного преступника Ипполита Мышкина от лица 54 человек, голодающих восьмые сутки в тюрьме.

Заявление.

К тем стеснениям, каким мы подвергались и прежде, в роде, например, запрещения переписки даже с самыми близкими родными и высылки отсюда матери одного из нас за то только, что она, поддаваясь вполне естественному чувству, послала через подлежащих властей, а не каким-либо запретным путем, письмо, написанное одним из заключенных, после 11 мая, ознаменованного беспримерно вызывающим и невыносимым отношением к нам местного начальства и казаков и избиением некоторых из нас, привлеченных за это же избиение к судебной ответственности, начали совершаться все новые и новые стеснения и оскорбления: нам брили головы, несмотря на то, что на многих из нас, особенно на страдающих нервным расстройством и головною болью, операция эта действует очень вредно и предохраняющим от побегов средством она служить не может (Павел Иванов[0] бежал из Красноярска с бритою головою); некоторых из нас заковали в наручники, чему не подвергался до сих пор никто из нас в тех местах, где мы содержались на каторжном положении; нам приходится подвергаться массе мелочных придирок и оскорблений; несмотря на словесное предоставление нам права улучшать пищу на собственные средства, в действительности это право оказывается совершенно фиктивным: мы просим купить масла, и нам три недели не покупают его, просим о покупке самой дешевой ягоды (голубицы) и нам отказывают в ней, как в роскоши, хотя эта ягода требовалась, как противоцынготное средство; даже ложки и перец покупаются только после многократных в течение 8-10 дней напоминаний и просьб; одного из нас (Богданова) сажают в карцер и потом выпускают с об'яснением, что он попал туда „по недоразумению,“ какой-то мелкий чиновник наговорил напраслину, а подобающие администраторы не потрудились немедленно проверить степень справедливости наговора и поторопились упрятать в кутузку оговоренного; мужья лишены свиданий с женами, приехавшими за ними с разрешения высших властей и подвергшимися этому запрещению без всякого повода с их стороны; мы, удаленные от родных, от всех близких нам людей на много тысяч верст, лишены права переписки с отцом, матерью, братом, сестрою, хотя этим правом пользовались те из нас и тогда, когда содержались в централках. Значит, это запрещение проистекает не от закона, а от произвола неизвестных нам начальствующих лиц; нас не водят на прогулки и весь день безвыходно держат в недостаточно просторных, зараженных разными испарениями комнатах; отсюда развитие цынготной болезни, при чем нам не дают ни казенных противоцынготных средств, ни позволяют покупать на наш собственный счет; совершенное игнорирование наших просьб в роде приведенного факта о покупке припасов и подобных многочисленных однородных случаев, привело нас, наконец, к тому, что в последнее время мы стали уклоняться от всякого обращения к ближайшим начальствующим лицам с просьбою об удовлетворении наших текущих, обыденных по-

требностей. И, наконец, после 11-го мая, одно из самых первых мест принадлежит лишению нас права какого бы то ни было физического или умственного труда, лишению возможности иметь какие бы то ни было книги и таким образом мы обречены на убийственное изо дня в день, с утра до вечера безделье, представляющее одно из самых гибельных условий, разрушающих здоровье и умственные способности.—Многим краткосрочным из нас давно уже окончились присужденные им сроки каторги, и тем не менее их продолжают держать в тюрьме.

Насколько нам известно, все наши вещи, книги и вновь получаемые посылки сложены в беспорядочную кучу в сыром амбаре и подвергаются скорому гниению, так что от них скоро, вероятно, останется одна гниль. Указываем на то, как на одну из мелочей, характеризующих отношение к нам и к нашим вещам. И все это держится в амбаре на основании будто бы постановления следователя о секвестре нашего имущества с распространением его даже на посылки, присылаемые нам родными после первых чисел мая.

Заявление это написано мною, Мышкиным, а не другим кем-либо, собственно потому, что я принадлежу к числу тех немногих лиц, которые несмотря на недельный голод, сохранили еще некоторые мысли; остальные же голодающие товарищи, из которых одни проголодали уже семь, а другие даже восемь дней, уже совершенно ослабели; написано это заявление не раньше, а лишь после такого продолжительного голода (он начался для одних 12-го, для других 13-го июля), собственно потому, что лишь сегодня мы получили возможность изложить мотивы, принудившие нас к отказу от пищи. [1]

Июля 19-го дня, 1882 г. *Ипполит Мышкин.*

Я написал это заявление от лица 54 лиц, голодающих с самого начала; о других, пристающих к голоду, я не говорю. *Мышкин.*

О ПОКУШЕНИИ НА ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА ИЛЬЯШЕВИЧА.

Иркутскому генерал-губернатору, в Петербург министру внутренних дел и „его императорскому величеству" были отправлены телеграммы.

Первым двум:

„Сейчас военный губернатор ранен пулей из револьвера в правое подреберье уволенною от работ с Кары государственною ссыльною Кутитонскою. Определить степень опасности для жизни в данное время невозможно. В полном сознании. Преступница схвачена. Приступлено к производству формального следствия.

Вице-губернатор *Залесский*".

Царю:

„Военный губернатор генерал-майор Ильяшевич сего числа в 7 часов пополудни ранен из револьвера в правое подреберье уволенною от работ с Кары государственною ссыльною Кутитонскою. Определить степень опасности для жизни в данное время невозможно. В полном сознании. Преступница схвачена. Приступлено к производству формального следствия.

Вице-губернатор *Залесский*".

18 сентября 1882 г. Господину генерал-губернатору
№ 5304.

Около 7-ми часов пополудни 16-го сего сентября читинский окружной исправник доставил в дом г. военного губернатора Забайкальской области уволенную от каторжных работ государственную преступницу Марию Кутитонскую, бежавшую от места водворения г. Акши и проявившую желание видеть его превосходительство для об'яснений по своему личному делу.

[1] Голодовка была при майоре Халтурине.

Во время побега военным губернатором был Ильяшевич, а управляющим областью—Залесский. *А. Якимова.*

По докладе исправником г.-губернатору о прибытии Кутитонской, его превосходительство вышел в приемную, куда исправником приглашена была Кутитонская. Едва последняя прошла дверь приемной комнаты, тотчас выстрелила в его превосходительство из револьвера на самом близком расстоянии. Повидимому, преступница хотела повторить выстрел, но была моментально схвачена исправником Письменовым.

При производстве следствия государственная преступница Мария Кутитонская вполне созналась в своем преступлении и мотивы оного выразила собственноручным ответом в следующей форме: „Все меры, применявшиеся до последнего времени... страшную грозу."

Свидетели сего несчастного случая под присягою подтвердили совершившийся факт преступления. Как из показания самой преступницы, так и из производимого следствия вполне очевидно, что подобное преступление, покушение на убийство г. военного губернатора Забайкальской области, заранее обдумано и приведено в исполнение по заранее задуманному Кутитонскою плану, а потому учиненное преступление должно считаться, согласно 105 ст. Уложения изд. 1866 г., предумышленным.

Представляя о вышеизложенном на благоусмотрение вашего высоко превосходительства, имею честь покорнейше просить ходатайства вашего о предании государственной преступницы Марии Кутитонской за вышеозначенное преступление, согласно 31 ст. положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, распубликованного издан. указа правительствующего сената от 8 сентября с. г. за № 30282, военному суду по законам военного времени.

(Без подписи).

Черновик управляющего Забайкальск. областью.

Генерал-губернатор
Восточной Сибири.
и
Командующий войсками
Восточного Сибирского
военного округа
Октября 15-го дня 1882 г.
№ 232

21 октября 1882
в 7 часов пополудни.

Господину управляющему
Забайкальской областью.

На представление от 18-го минувшего сентября, за № 5304, уведомляю ваше превосходительство, что уволенная по окончании срока каторжных работ на поселение государственная преступница Мария Кутитонская, за побег с места поселения г. Акши, Забайкальской области и предумышленное покушение на убийство военного губернатора той же области, генерал-майора Ильяшевича, с нанесением ему раны в правый бок выстрелом из револьвера, предана мною военному суду при штабе войск Забайкальской области, с тем, чтобы суд произведен был над нею по формам и обрядам, установленным для мирного времени, но наказание к вине подсудимой было бы применено по законам военного времени.

При чем присовокупляю, что во время производства следует избегать излишней пересылки Кутитонской по городу; в виду чего соответственнее всего было бы производить допросы ей в самом тюремном помещении и там же об'явить приговор.

Копию с данного предписания временно командующему войсками Забайкальской области об учреждении военного суда над преступницею Кутитонскою [0]) за №, для сведения вашего и должного в чем следует содействия, при сем прилагаю.

Генер. штаба
генерал-лейтенант *Анучин.*

Обер-аудитор *Гладков.*

С. Богданов.

Смерть П. Г. Успенского[68].

(С предисловием и примечаниями А. В. Прибылева).

ПРЕДИСЛОВИЕ[1].

Насильственная смерть П. Г. Успенского на Каре уже давно не составляет секрета для тех, кто хоть сколько-нибудь занимается историей революционного движения и кто знаком с биографиями лиц, принимавших в нем активное участие. Ныне в статье С. П. Богданова мы имеем первое связное изложение этой печальной драмы со стороны лица, непосредственно пережившего ее в стенах Карийской тюрьмы[2].

Тяжелые, мрачные условия жизни на каторге больше чем что-либо другое способствовали расстройству нервной системы, особенно у лиц, предрасположенных к тому. Такая нервность подчас могла доходить до настоящего психоза, примеры чему бывали в Карийской тюрьме. Только таким нарушением психического равновесия возможно об'яснить этот ужасный факт—возникновение подозрения на товарища, ранее ни в чем предосудительном не замеченного.

Болезненно развитая подозрительность, при горячей жажде свободы и надежде с огромными трудностями завоевать таковую, могла ли остановить внимание Игната Иванова (69) и Юрковского (69) на необходимости уничтожить все, даже кажущиеся препятствия к осуществлению их заветной мечты? К сожалению, Успенский сам мог бессознательно подать некоторый повод к подозрению на него. Не даром он любил конспирацию даже там, где для нее в сущности не было места. Не даром он иногда бывал в общении вполне невинного свойства с представителями власти и пр. Но все это при нормальной обстановке жизни не могло бы иметь никакого значения. Не то в обстановке тюремной; не то для людей, осужденных на вечное заточение; не то для людей, поставивших последнюю жизненную ставку — мечтающих выйти из тюрьмы через прорытый уже наполовину подкоп. Что, если все это рушится? Чтобы этого не случилось, необходимо зорко смотреть за всеми и каждым, в корне пресечь возможное препятствие. И вот как-раз к этому моменту подвернулся несчастный Успенский. Как говорили позднее, была случайно найдена его записка, наводящая на подозрение[3], и этого было достаточно для напряженных, наполовину расстроенных нервов. Подозрение росло,

[1] Примечания тов. Прибылева включены в общий список с № 68 по № 74 (вкл.)—*Ред.*

[2] Сборник этот уже печатался, когда вышла 7 — 8 книжка журнала „Каторга и Ссылка" со статьей М. М. Чернавского о Мышкине, где смерти П. Успенского уделено автором много внимания.—*Ред.*

[3] В этой записке, адресованной в женскую тюрьму, Успенский выражал свое сомнение в благополучном исходе предприятия, и только.—*Ред.*

как снежный ком. Взвинченные нервы заинтересованных лиц усиливали и преувеличивали его значение, и мало-по-малу роковое для Успенского решение было принято. Такова психологическая основа этого печального факта, надолго взбудоражившего всю тюрьму и значительно отразившегося на взаимоотношениях членов этого общежития.

С. П. Богданов, исходя из описания гибели Успенского, попутно рассказывает и о последующих событиях. Здесь мы впервые узнаем о жизни 13-14 человек в Усть-Карийской и др. тюрьмах, после их удаления из общей Нижне-Карийской тюрьмы, о тех условиях, в какие попали при выходе из тюрьмы бежавшие 6 человек, о той обстановке, при которой велись подкопы, и пр. Поэтому небольшая статья С. П. Богданова, как показания очевидца описываемых событий, является ценным дополнением в истории наших старых политических тюрем.

А. В. Прибылев.

1. Как это случилось.

Это было 26 декабря 1881 года в Карийской политической каторжной тюрьме.

Рождественские праздники. В коридоре мы ставили спектакль. Не помню, какая разыгрывалась пьеса. В один из антрактов Юрковский °) прочитал какое-то стихотворение, при чем обвел рукой кругом шеи, как-будто хотел показать место, где обматывается веревка при повешении. Это был странный жест, но я его не понял и не придал ему значения.

На другой или на третий день рано утром в бане был найден за печкой повешенный Петр Гаврилович Успенский.

Был ли вызван караул и начальство, я не помню. Труп был перенесен в камеру «Харчевку» [1], где помещался Успенский.

Всех поразила эта смерть. Успенский всегда держал себя ровно. Никто не замечал, чтобы он тосковал, чтобы были какие-нибудь болезненные явления, которые могли бы толкнуть его на самоубийство. Он много читал и читал исключительно серьезные книги. Любил и поспорить.

В этот же день пошли разговоры, что Успенский не повесился, а был повешен. Начальство никакого следствия не производило и отнеслось к этому факту как-будто совсем равнодушно. Припоминалась и вчерашняя декламация Юрковского.

Настроение в тюрьме все повышалось. Возбуждение было ужасное и к вечеру оно дошло до апогея. Вечером была об'явлена сходка в больнице; на нее собралась вся тюрьма. Последними пришли из

[1] „Харчевка“—название одной из камер Карийской политической тюрьмы; другие названия камер—„Дворянка“, „Закутка“, „Синедрион“ и „Волость“ (см. план Карийской тюрьмы). *А. В. Прибылев.*

«Синедриона»[1]. Н. В. Яцевич (70) произнес речь, повидимому, подготовленную заранее в «Синедрионе». Я не помню содержания этой речи, но она никого не успокоила и не удовлетворила. Никто больше не говорил, никаких обсуждений не было. Сейчас же по окончании речи синедрионцы гордо удалились. Все были страшно подавлены и разошлись по своим камерам в угнетенном состоянии духа.

Вечером и ночью выходили в уборную только партиями по нескольку человек: никто не решался выходить один. Даже вооружались кто чем попало. Говорили, что первыми начали выходить вооруженными ниже названные три лица, на которых пало подозрение в убийстве. Камеры в то время на ночь не запирались, и во всякое время ночи заключенные могли выходить в уборную, находившуюся в конце коридора.

В это же время втихомолку говорили между собою, что Успенский повешен, как предатель, что инициатива этого исходила от Игната Иванова (71), сидевшего в «Харчевке», где помещался и Успенский и Юрковский.

При этом подчеркивалось, что нечаевцы в свое время убили студента Петровской академии Иванова, заподозрив его в предательстве, и труп его бросили в озеро. Потом выяснилось, что Иванов совершенно не повинен в предательстве, что это была роковая ошибка. — Иванова убили нечаевцы, от Иванова Игната исходила инициатива убийства нечаевца — Успенского.

Кто же были исполнители этого ужасного акта? Товарищи определено называли Юрковского, Баламеза Андрея и Овчинникова (72). Последний был из уголовных, распропагандированный в Киевской тюрьме.

Было ли кем-нибудь прослежено в роковое утро, что названные три лица выходили из камер в баню или кухню, находившуюся в одном здании с баней, я не знаю. Но говорили определенно, что Успенского вызвал Юрковский для конспиративных переговоров. Устроить это было нетрудно, так как Успенский всегда любил поконспирировать. Это был заговорщик по своей натуре.

Успенского я знал с конца 1877 г. Он сидел в одной с нами тюрьме и в одной камере с Е. С. Семяновским 0). Я не был с ним близок, да, пожалуй, никто из товарищей с ним близко не сошелся. У него был тяжеловатый характер; он как-то замкнулся в самом себе, да и время, в которое, он жил на воле—конец 60-х г. г.,—было другое. В 1879 г. мы были освобождены в вольную команду. В домике Успенского нередко собирались товарищи. Успенский всегда принимал горячее участие в обсуждении современных вопросов, любил поспорить. В общей тюрьме, когда мы были вновь посажены по распоряжению Лорис-Меликова (73), Успенский также как-будто ни с кем из товарищей близко не сошелся. Впрочем, я не сидел с ним в одной камере.

[1] По моим сведениям, эта камера получила название „Синедриона" как-раз после смерти Успенского, ранее она называлась „Академия".
А. В. Прибылев.

Возвращаюсь к смерти Успенского. Обвинение Успенского в шпионстве и убийство его было диким, несуразным явлением в нашей тюремной жизни. Решительно никаких оснований для обвинения его в предательстве не было. Не только для обвинения, а даже для подозрения. Это могло притти в голову только психически больному человеку, каковым и был Игнат Иванов. Я ужаснулся, когда узнал, что Петра Гавриловича Успенского заподозрили в предательстве. Это невероятно дико, глупо. Успенский был честнейший человек, искренний, убежденный революционер и в высокой степени порядочный человек во всех отношениях и во всех случаях.

2. Наши „конспирации".

Подозрение на Успенского, как говорили тогда, возникло в связи с подкопом, который велся из тюрьмы для предполагаемого побега. Велся он из камеры «Харчевки» [1]. О нем знала вся тюрьма. Подкоп не был окончен. Обнаружен он был уже после побега, во время разгрома тюрьмы 11 мая 1882 г., значит, через полгода после трагической смерти Успенского. С чего взяли, что подкоп был обнаружен при жизни Успенского, я решительно не знаю. Не мог же я не знать об этом. Если бы подкоп был обнаружен до 11 мая, ведь это наделало бы много шуму, нас встряхнули бы изрядно. А я все время был в тюрьме. Не мог же я так основательно забыть о таком важном происшествии.

Для характеристики того, насколько неконспиративно велись наши дела, могу привести такой пример. В 1880 г. велся подкоп в Средне-Карийской политической тюрьме — из бани. Подкоп тоже не был окончен. Начальство узнало о нем, и комендант Кононович дал знать через смотрителя нашей тюрьмы Тараторина, что ему известно о подкопе, и наказал при этом, чтобы мы засыпали его. Начальству нетрудно было догадаться, что затевается побег из Средне-Карийской тюрьмы. Мясо, нарезанное тонкими ломтями, сушилось на веревках в коридоре между двумя нашими камерами и, кажется, днем вывешивалось даже на дворе. Коридор разделял тюрьму на две половины. Здесь же в коридоре был вмазан котел для кипячения воды к чаю. Из коридора дверь вела на двор, через который проходили смотритель тюрьмы и караул, а мы, заключенные, выходили во двор гулять, шли через кухню, в мастерскую и в баню. Выходная дверь на двор запиралась только ночью, после поверки. Караула внутри двора не было.

Наши приготовления к побегу были уж чересчур откровенны. Начальству нетрудно было ночью осмотреть баню, кухню и мастерскую и таким образом обнаружить подкоп. Казаки могли свободно через щели в палях наблюдать все, что у нас делалось во дворе. На Нижнем промысле дело с подкопом велось немного конспиративнее.

[1] В подкопе работал и П. Г. Успенский.—*Ред.*

3. Настроение в тюрьме.

Допрашивали ли товарищи Успенского или, по крайней мере, наводили ли его на разговор о предательстве, мне неизвестно. В «Синедрионе» помещались Попко °), Яцевич °), Волошенко °), Фомин, Березнюк [1], Баламез, Лукашевич °), А. О. Стеблин-Каменский °), Попов М. Р. °) и др., которых не припомню.

Юрковский помещался в «Харчевке», Овчинников, кажется, в «Дворянке». Я решительно не допускаю, чтобы «Синедрион» в целом участвовал в заговоре против Успенского. Дело было решено, несомненно, небольшим числом лиц. Очень может быть, что «Синедрион» и совсем не участвовал в решении. Что синедрионцы держали себя на сходке сплоченно, это неудивительно. Яцевич, Попко, Волошенко были очень авторитетными, и вся камера с полным доверием предоставила им выразить мнение камеры о происшедшем. Да и Яцевич выступил не с защитой убийства Успенского. Он выразил желание синедрионцев не поднимать шума, прекратить всякие разговоры и обсуждения и успокоиться. Разумеется, это никого не успокоило, но желание синедрионцев было вполне понятно. Лично я думаю, что убийство Успенского было решено Игнатом Ивановым, только им одним.

Только больной человек мог додуматься до такого дикого дела. Юрковского ему трудно было привлечь к делу. Андрея Баламеза подговорить не составляло, вероятно, большого труда. Ему очень хотелось реабилитировать себя перед товарищами. Как он держал себя на суде, известно не только нам, а и всем читающим «Былое» и «Каторгу и Ссылку». А тут террористический акт, да еще без всякого риска. Как не соблазниться!

Положение в тюрьме становилось невозможным. Раздавались голоса, что мы перережем друг друга к удовольствию властей. Несомненно, власти были убеждены, что Успенский не повесился, а повешен. Это было видно из всего поведения начальства.

4. Выход найден.

Некоторые предлагали удалить из тюрьмы лиц, участие которых в трагедии было для всех или, по крайней мере, для большинства несомненным. Это было, конечно, нелепо. Тогда было решено удалиться из общей государственной тюрьмы тем, кто решительно не мог оставаться в ней. Куда — все равно. Таких набралось немного, кажется, 13 человек: Бибергаль А. Н. [3], Калюжный °) (мичман), Ефремов В. С. °), Зайднер, °) Тефтул И. И. °), Богданов С. П., Зубрилов В. П. °). Остальных не помню. Большая часть из «Дворянки», только Калюжный из «Синедриона».

[1] См. в „Мартирологе“ Тищенко-Березнюк.—*Ред.*

[2] Есть некоторые основания думать, что в „Синедрионе“ было какое-то предварительное обсуждение вопроса об убийстве Успенского.—*Ред.*

[3] Участник демонстр. 6 декабря 1876 г., член О-ва политкаторжан. Умер в 1925 г. в Москве.—*Ред.*

Был вызван комендант каторги полковник Потулов. В то время жандармов на Каре еще не было, и сс.-каторжными во всем Нерчинском округе заведывал один комендант. Потулов зашел в «Дворянку». Зайднер обратился к Потулову с просьбой перевести нас в другую тюрьму, при чем назвал фамилии 13 человек. Мы толпились здесь же. Потулов спросил, конечно, о причине такого неожиданного желания. Зайднер и другие товарищи заявили: «причину мы назвать не можем, но наше душевное состояние таково, что мы не можем оставаться в общей тюрьме». Потулов ответил, что он не может без уважительной причины выделить нас из общей государственной тюрьмы, при этом добавил, что мы можем попасть в худшие условия, чем те, в которых мы находимся сейчас. Мы ответили, что готовы мириться со всякими условиями, но оставаться здесь мы решительно не в состоянии. На это мы получили ответ от Потулова, что он еще подумает о нашем заявлении, но очень сильно сомневается, чтобы он мог удовлетворить наше желание. Тогда Зайднер заявил ему, что нам остается только одно—поджечь тюрьму. Потулов не вспылил и только сказал: «Что вы говорите!». Тогда Зайднер поправился: «Ну, конечно, я выразился очень сильно, прошу не придавать такого значения моим словам. Но поймите, что для нас этот вопрос стоит очень остро. Ведь не стали бы мы по пустякам требовать нашего выделения из товарищеской среды». Потулов удалился, не дав категорического ответа.

5. На Усть-Каре.

Через несколько дней, помнится, в начале января 1882 г., нас перевели в Усть-Карийскую тюрьму, отдельную от уголовных. Впоследствии там была женская тюрьма для политических. Тюрьма разделялась на маленькие камеры, в которых мы разместились по одному и по два человека. Между двумя рядами камер был широкий коридор с двумя печами в нем. Двери из камер в коридор не запирались ни днем, ни ночью. Запиралась на ночь только выходная дверь на двор. Здесь мы могли гулять весь день. Режим был очень сносный.

В апреле 1882 г. нас посетили начальник главного тюремного управления Галкин-Врасский и военный губернатор Забайк. области генерал Ильяшевич. Галкин-Врасский пытался заставить нас высказать причину нашего желания выделиться из общей тюрьмы. Мы заявили, что об'яснить причину нашего выделения мы не можем, но что нам необходимо побыть вне общей тюрьмы, и просили оставить нас на Усть-Каре. Галкин-Врасский заявил, было, что это недопустимо, но распоряжения о переводе нас в общую тюрьму не дал, и мы остались, к нашему удовольствию, в нашей новой обстановке.

Она нам нравилась. Каждый из нас мог удалиться в свою маленькую камеру, и вместе с тем мы не были лишены общения с товарищами. Коридор был залом, где мы вместе обедали, пили чай; в коридоре же была устроена трапеция для гимнастики. Там происходили общие беседы. Мы отдохнули и успокоились.

6. Побег восьми.

Но ничто не вечно под луною. В апреле 1882 г. из общей государственной тюрьмы бежали Мышкин и Хрущев. Недели через две после них бежали еще 4, затем еще 2 товарищей.

На Усть-Каре мы узнали о побеге только после его обнаружения.

Это сильно взбудоражило нас: с этого момента темой для разговоров служил только побег.

Погода в это время была дурная: шел снег, была слякоть. У нас шли разговоры о судьбе бежавших товарищей, которые должны были находиться в это непогодье в тайге. Мичман Калюжный, Александр Андреевич, делал вычисления, как велик радиус местности, захваченной непогодьем. Этот радиус был определен в 90 верст. Значит, товарищи еще не могли выбраться из круга, захваченного непогодой. В плохой одежде, с небольшим запасом пищевых продуктов, им нельзя было зайти ни в какое селение, развести в тайге огонь было рискованно. Все Забайкалье было поднято на ноги — казаки и крестьяне — для поимки бежавших.

Не помню, которого числа мая, мы узнали от надзирателя, что 6 человек, бежавших последними, пойманы в тайге между Шилкой и Аргунью и доставлены на Кару. О Мышкине и Хрущеве еще ничего не было известно. Что делалось в общей тюрьме, мы тоже не знали.

В половине мая наш двор был занят отрядом караульных казаков. Уже до этого нас во двор не выпускали, и у выходной двери был поставлен караул. Все, кто не был в кандалах, были закованы. Наконец, явилось начальство. Нас вывели во двор, окружили кольцом конвойных и вывели за ворота. Куда нас ведут, мы не знали. Казаки были страшно раздражены побегом. Грубые окрики и удары прикладов сыпались на отстававших товарищей. Офицер, командовавший конвоем, держался позади, верхом на лошади. Нас повели в направлении к Нижнему промыслу, где находилась общая государственная тюрьма. Конвойные торопили нас, заставляли итти быстро, что некоторым товарищам было не под силу. В особенности отставал маленький, слабый Левенталь [0]), и ему доставалось больше других. Когда офицер приблизился к нам, мы попросили сделать привал, на что получили согласие. Здесь же Ефремов [0]) заявил офицеру о грубом обращении конвоя. Офицер сказал казакам, чтобы они были повежливее. Но это вызвало ропот среди казаков: «вот сказали, что нет больше господов, а теперь опять господа».

7. На новых местах.

Нас привели в так-называемую «Новую тюрьму», хотя она была далеко не новая. Эта тюрьма находилась верстах в 4-х от Нижнего промысла. Поместили нас в общей уголовной тюрьме в 3-х или 4-х небольших камерах, отделенных от уголовных небольшим коридорчиком. Повидимому, эти камеры служили карцерами или одиночками. У нас было отобрано решительно все, кроме арестантских халатов, которые были на нас. Спать приходилось на голом полу. Было

прохладно, мы мерзли. Обед, т.-е. «баланду», приносили из уголовной кухни. Из нашего коридорчика дверь выходила в коридор уголовных, и они просовывали нам в щель под дверью табаку-махорки, бумаги и спичек. К сожалению, мы не могли ничем отплатить им. Был еще такой случай: часовой-казак, ходивший под окнами наших одиночек, на штыке поднес нам несколько лепешек к разбитому стеклу в окошечке. Мы взяли это даяние, и это нас очень растрогало. Везде есть люди, везде солнышко светит.

Скоро кто-то из нас заболел; попросили пригласить доктора. Доктор явился, выслушал больного и сказал, что ничем помочь не может, т. к. ему запрещено подавать помощь политическим.

В одиночках мы сидели недолго, около двух недель. Потом нас перевели в какой-то небольшой домик, должно быть, временно приспособленный для нашего помещения. В домике была одна камера с нарами, с одним окном, довольно светлым. В камеру была поставлена неизбежная параша, что порядочно портило воздух. При домике же была устроена кордегардия для караула, в котором находилось десятка два казаков.

Стали выводить на прогулку прямо на открытую площадь, ничем не огороженную. Это была прелестная прогулка. Мы могли ходить, греться на солнышке, любоваться оживающей природой. К нам приходили с Нижнего наши дамы, жены политических ссыльных, приносили цветы. Помню Долгушину, Бибергаль А. А.

Вскоре после перевода в этот домик, нас начали куда-то уводить по одному, и товарищи долго не возвращались. Загадка скоро разрешилась. Оказалось, что выводили в караульный дом — для бритья половины головы. До 11 мая нас не брили. Процедура была такая. В казарме были расставлены сплошной стеной казаки, с винтовками и примкнутыми штыками. Посредине стояли столик и табуретка и возле них цирюльник. Караульный офицер шмыгнул в караул. Смотритель тюрьмы смущенно сказал мне, что таково распоряжение высшего начальства.

После бритья нас вновь собрали в нашем уютном домике. Стали делать обыски утром и вечером. Все в камере перетряхивалось, ощупывались халаты, белье, кандалы. Начальство к нам не показывалось. Караульные казаки держали себя корректно. Обед приносили из уголовной тюрьмы. Состояние было угнетенное, мы чувствовали себя бессильными. Началась настоящая каторга. С нами можно было делать все, что вздумалось бы тому или иному самодуру. Мы могли ответить на это только самоуничтожением.

8. Снова вместе.

В домике мы просидели месяц или немного больше. Потом нас опять повели — оказалось, в общую государственную тюрьму. Мы были обрадованы. Как бы там ни было худо, но мы опять с товарищами. В тюрьме мы нашли большие перемены. Бревенчатыми перегородками большие камеры были разделены на три клетушки каждая,

с нарами и коридорчиком перед камерами. Этот коридорчик примыкал к общему коридору. Камеры не запирались, и мы могли собираться в коридорчике. Дверь в общий коридор была заперта днем и ночью. Днем выпускали в уборную, на ночь ставилась параша в коридорчик. Прогулок первое время не было. Пища попрежнему приготовлялась дежурными товарищами в кухне, находившейся во дворе. Староста наш мог выходить днем во всякое время в общий коридор и в кухню. Библиотека была отобрана. Управление тюрьмой перешло к жандармам, которые постоянно дежурили в коридоре. Все собственные вещи были отобраны.

Зимой, когда мы были еще на Усть-Каре, прибыли товарищи из харьковских централок: Войнаральский [0]), Ковалик [0]), Мышкин, Долгушин, Свитыч [0]) и прочие. Это внесло новую, освежающую струю в жизнь нашей тюрьмы, а затем встряска 11 мая сплотила нас еще больше [1].

Я не собирался писать об этой трагедии и делаю это только по настоянию товарищей А. В. Прибылева и покойного Н. С. Тютчева [2]. Александра Ивановна, жена Успенского, ушла из жизни, умер и Виктор Петрович Успенский ([74]). Я не разбережу теперь их раны. Уместно ли, своевременно ли выносить нашу внутреннюю, интимную товарищескую жизнь на суд людского моря, предоставляю судить товарищам. Пусть они решают. Но история должна знать все о нас, о нашей деятельности, о нашей жизни на воле и в тюрьме, все хорошее и худое.

Было бы желательно, чтобы товарищи, бывшие на Каре во время этого события, сообщили свои воспоминания об этой печальной драме, пополнили бы мои показания. А, может быть, найдутся и такие товарищи, которые смотрят на это событие иначе, чем я. Может быть, они знают больше меня. Сообщить все, что они знают, их прямая обязанность. Надо же в конце-концов или обвинить, или оправдать погибшего товарища.

---

[1] Для примирения обеих групп карийцев был избран арбитром С. Ф. Ковалик. При его участии особое „судилище“ расследовало обстоятельства смерти П. Г. Успенского и пришло к выводу, что подозревать его в предательстве подкопа не было никаких оснований, что товарищи были введены в заблуждение болтовней смотрителя тюрьмы, который говорил, что о подкопе он узнал якобы на свиданиях карийцев, в том числе П. Г. Успенского с их женами.

Примирение обеих групп состоялось, но некоторая отчужденность еще оставалась до событий 11 мая 1882 г.—*Ред.*

[2] Землеволец, участн. рев. движ. с 70-х годов. В посл. годы крупный исследователь. Умер в январе 1924 г. в Ленинграде. См. его работы в „Истор. рев. библиотеке“ за 1925 г., изд. журн. „Каторга и Ссылка“.—*Ред.*

Н. Виташевский.

На Каре.

Смерть П. Г. Успенского и побег 8-ми [1].

Готовиться к побегу в то время [2] было не только потребностью души, но и признаком хорошего тона.

Я не могу себе представить, чтобы Мышкин хотя на минуту мог отказаться от мысли о побеге. Почти убежден также, что Рогачев, доживи он до выхода на поселение, также непременно бежал бы.

Для Мышкина революционная деятельность была в известном смысле idée fixe. Раз он был поставлен в условия, когда таковою заниматься он лишен был возможности, перед ним встала нравственная обязанность выйти из этого положения. Что он будет делать дальше, т.-е. в чем проявит свою революционную деятельность, для него это было безразлично при решении вопроса—бежать или не бежать. И как ни заедал эту мятущуюся душу рефлекс, но в необходимости действовать «революционно», а, следовательно, и бежать, чтобы получить возможность *так* действовать, — в этом, говорю я, он ни на минуту не позволял себе сомневаться. Скажу больше: и в разгар революционного действования его мог заедать тот же рефлекс, — но он все-таки действовал, действовал в чаянии, что его сомнения разрешатся, и в сознании, что все равно *иначе* нельзя. Рогачев был по натуре слишком свободолюбивый человек. Кроме того, он был чрезвычайно приспособлен для совершения таких авантюр, как побег. Он говорил мне, что всего ему приходилось «скрываться» (в разных видах) восемь раз, и только на девятом разе не удалось. Физически сильный и выносливый, ловкий, в высшей степени находчивый, с налетом романтизма (подчас переходившего в мистицизм), который делал для него авантюру почти стихией, и при всем том беззаветно преданный идее революции, — Рогачев не мог не думать и не говорить о побеге, как о чем-то неизбежном, как о чем-то таком, что само собой подразумевается.

Рядом с такими безупречными, чистыми лицами не было недостатка в нашей среде и в лицах иного настроения, иного склада.

Сюда, прежде всего, следует отнести недостаточно революционно настроенных, чтобы революционная деятельность сама по себе представляла собою для них главное условие существования. Наоборот: по большей части в голове таких лиц уже в то время зарождались планы иного, совершенно мирного устройства своей жизни на поселении... Но такие лица все же не упускали случая говорить о

[1] Глава из воспоминаний автора „На Каре“, напечатанных в журнале „Голос Минувшего“ за 1914 г., кн. 8. Печатаем ее здесь полностью, без сокращений, сделанных в свое время редакцией журнала.—*Ред.*

[2] Речь идет о начале 1880-х годов.—*Ред.*

своем стремлении «на волю», о своем неодолимом стремлении бежать.

Для других побег представлялся попыткою выйти из безысходного положения, в котором они находились: впереди 15, 20, 30 лет пребывания в каторжной тюрьме, а жить хочется, жить *надо*...

Третьи являли собою тип чистейших авантюристов, без интимного отношения к идее революции (хотя и с грозными революционными выкриками на устах во всякое время дня и ночи).

Понятное дело, что для представителей двух последних групп организация побега заполняла собой все их существование. Понятно также, что вопрос о средствах к достижению цели здесь даже никем и не ставился. Жизнь человеческая, — *как и своя собственная,* — здесь ни во что не ценилась.

Следует еще заметить, что были лица, не перестававшие искренно мечтать о революционной деятельности, а в связи с этим—и о побеге, для которых, однако, было просто-напросто невыгодным бежать при данной кон'юнктуре, — например, потому, что слишком мало осталось времени до выхода на поселение, или бежать из тюрьмы или с дороги им не позволяло здоровье, отсутствие необходимой приспособленности и т. п.

Всю эту скалу настроений можно было наблюдать еще в пути по Сибири на каторжные работы. Весьма естественно, что с водворением на Каре дифференциация в указанном смысле среди заключенных подвигалась все дальше и дальше, углубляя разобщенность между отдельными группами, образуя в некоторых случаях ничем не заполнимую пропасть. Образовались две большие группы, на которые разделились все обитатели Кары: «заинтересованные» и «не заинтересованные», подразумевается—в организации побега из тюрьмы. Эти термины были ходячими на Каре.

Первая группа была малочисленнее: не заинтересовано в побеге было значительное большинство. Но среди незаинтересованных было немало лиц, готовых итти на все жертвы, чтобы обеспечить успех заинтересованных, не говоря о непосредственном оказании им помощи и содействия. Не всех незаинтересованных беспристрастно судили заинтересованные: в некоторых случаях последние были несправедливы к первым и многих сочувствующих относили к категории своих противников, — по правилу: «кто не за нас, тот против нас». В ответ на это многие из незаинтересованных, естественно, раздражались... Атмосфера была напряженная.

Я сказал, что заинтересованных было, вообще, меньше, чем незаинтересованных. Но среди первых было больше личностей с характером, сильных, настойчивых и — решительных. Оставалось одно: выделиться в особую группу и решать дела самостоятельно. Так оно и случилось. Но это еще более сгустило атмосферу.

Во время пути на Кару был ряд попыток к побегу. Одни из них увенчались успехом (Дебогорий-Мокриевич), другие оканчивались неудачей. В Иркутске была сделана грандиозная попытка, окончившаяся неудачей. Пытались бежать именно самые долгосрочные карийцы: Попко [0]), Березнюк [0]), Яцевич[0]). Неудачную попытку бежать

с пути предпринял и Мартыновский. Вообще, конечно, большая часть попыток оканчивалась неудачей.

Естественно, неудачи вели к усиленным исканиям их причин. Естественно также, что здесь публика шла в направлении наименьшего сопротивления. А что может быть проще предположения, что в неудачах повинна злая воля третьего лица... Ведь нет надобности определить, кто это третье лицо, — если угодно, не важно с полною достоверностью определить, кто именно, — можно и по догадке. Но как далеко может завести подобного рода логика, подобного рода поведение...

Если мне не изменяет память, попытка организовать побег была сделана еще во время пребывания карийцев в старой тюрьме, — «на Отряде». По всей вероятности, перевод в новую, специально для карийцев-политиков выстроенную тюрьму расстроил этот план.

В новой тюрьме сначала остановились на подкопе. Насколько помню, дорылись до воды или до грунта, не поддающегося выработке. Оставив этот план, решили вести пролом потолка. Работа была очень трудная: выбивались из сил... Наконец, насколько припоминаю, Мышкин (разумеется, примкнувший к готовившимся к побегу тотчас по прибытии на Кару) подал действительно гениальную идею, которая и была впоследствии осуществлена.

Но об этом я буду продолжать рассказ несколько ниже...

Допустим на время, что неудачи и промедления в осуществлении побега нервировали участников до такой степени, что они пришли к мысли искать причины в злой воле третьего лица.

И случилось вот что.

К рождеству готовили спектакль. Репетиции происходили в бане. И вот, когда однажды участвующие в спектакле собрались с шумом, плясом и пением в бане на репетицию, кто-то случайно остановил свой взгляд на узком промежутке между печью и стеной и — обомлел: перед ним висел чей-то труп. Раздались отчаянные крики, в баню сбежалась вся тюрьма: из петли был вынут еще теплый, но уже без признаков жизни труп нечаевца Успенского.

Вся тюрьма заволновалась. Из незаинтересованных нашлась группа лиц, которые были убеждены, что Успенский не сам повесился, а — был повешен.

Было наряжено следствие (официальное следствие было закончено очень быстро, и было установлено, что Успенский сам повесился), разросшееся до нескольких «томов». Усилия обвинителей были направлены к тому, чтобы доказать, что человек, который прибег к самоубийству, не мог бы оказаться в таком положении, в каком труп Успенского был снят с петли; что у Успенского не было никаких поводов кончать жизнь самоубийством; наконец, что поведение «заинтересованных» после обнаружения трупа Успенского доказывало, что они знали наперед, что труп будет найден.

С другой стороны, было известно лишь, что Успенский, в бытность свою в вольной команде, охотно проводил время в обществе низшей карийской администрации, при чем нередко играл и в карты. Вообще,

Успенский рисовался далеко не в привлекательном свете. Между прочим, рассказывали, что когда он, выиграв солидный куш с какого-то чина, потребовал уплаты, то тот пригрозил ему отправкой в тюрьму, — и Успенский, будто бы, это снес спокойно.

Заинтересованные (главным образом, «Синедрион» и те, кто с ним) проявляли большую выдержку. Они предоставляли противникам вести следствие, как им угодно, сами же держали себя, как посторонние делу люди. Один из видных централистов на мой вопрос ответил мне, что «Синедрион» в разговорах никогда не признает открыто факта, что Успенский был подвергнут смертной казни, но ни при каких обстоятельствах и не отрицает категорически этого факта, но во всяком случае почти невозможно сомневаться в том, что факт действительно имел место. Замечу, что в революционной иерархии этот централист стоял так высоко, что умышленно скрывать от него подобного рода факт у самого «Синедриона» не могло быть причин.

Исполнителями синедрионовского приговора в один голос называли Юрковского («Сашку-инженера») и Баламеза (Андрея). Помимо фактических данных (которые испарились из моей памяти) в пользу такого предположения говорила и репутация, которой пользовались эти два лица. Юрковский всегда бравировал своею готовностью на «всякое» дело, раз оно было связано с интересами революции (напомним, что он был главным деятелем в организации и совершении подкопа под казначейство в Херсоне). Что касается Баламеза, то еще задолго до подачи им прошения о помиловании все считали его человеком без твердых и устойчивых начал, (что он и доказал, действительно, впоследствии своим отступничеством). Кроме того, за ним были политические грешки по части излишней откровенности при даче жандармам показаний, и, думали многие, его нетрудно было заставить сделать что угодно во искупление этих грехов и обещанием держать в своей среде. А в последнем он, как долгосрочный, очень нуждался: тогда еще и мысли не являлось ни у кого о возможности купить себе благополучие путем подачи прошения о помиловании. Единственным средством к тому рисовался побег из тюрьмы (что могло быть осуществлено только общими усилиями). Да и вообще, хотя бы и грозило очень долгое пребывание в тюрьме, то, ведь, и тогда важно было сохранить «добрые» отношения с сильными мира карийского...

Была еще одна версия, уже явно абсурдная. Игната Иванова (без всяких, кажется, оснований) считали родственником того Иванова, который был убит при посредстве Успенского в гроте по приговору нечаевцев. А так как, мол, И. Иванову было известно, что его убитый родственник на самом деле не заслужил своей участи, то казнь Успенского наш И. Иванов с охотою взял на себя.

Повторяю: версия эта уж совершенно нелепа. Но я умышленно привожу ее здесь, чтобы показать, как сгустилась атмосфера в тюрьме к тому времени.

Как и всякий кариец, конечно, я всю жизнь ношусь с вопросом, в самом ли деле Успенский был повешен, и если — да, то были ли основания для этого (понятно, по существу меня мало занимает вопрос, кто был исполнителем приговора). Должен сказать, однако, что за все время, протекшее со времени печального события, я все-таки не слышал подтверждения тому, что Успенский виновен в доносительстве. Проезжая с товарищами два с лишним года спустя после смерти Успенского через Нерчинск, я виделся там с Чарушиным и Кузнецовым. Они нас расспрашивали об этом деле. И когда мы, в сущности, абсолютно ничего не могли сказать в пользу виновности Успенского, то они с своей стороны заявили, что, хорошо зная последнего, не допускают и мысли об этом. С другой стороны, даже от изменившихся до неузнаваемости членов когда-то грозного «Синедриона» до сих пор ничего не исходило о деле — ни в частных беседах, ни в литературе.

В свое время на Каре, и долго спустя, я относился к делу довольно равнодушно. Я понимал, что если даже и повешен Успенский, то у моральных и физических виновников этого акта было достаточно оснований, чтобы не оглашать подробностей дела. Теперь прошло уже достаточно времени, чтобы указанная причина молчания потеряла свое значение. Но с тем большею настойчивостью встает теперь передо мной вопрос: что за драма произошла на Каре перед рождеством 1882 года?

Трагедия с Успенским только теперь всплывает на свет божий. Возможно, что у кого-нибудь имеются материалы, которые способны пролить надлежащий свет на это темное дело. Было бы желательно, чтобы появление моих записок вызвало опубликование этих материалов.

Итак, страсти, повидимому, разгорелись еще в то время, когда так или иначе решалась судьба Успенского. Но, естественно, страсти поистине клокотали после совершившегося факта, во время производства в тюрьме следствия. Результаты следствия рассматривались на сходках. И об одной из этих сходок мне приходилось слышать нечто ужасное. Надо знать, что на случай побега в тюрьме было немало оружия: больших кинжалов, топориков и даже револьверов. И, говорили мне, на одну из сходок обе стороны явились вооруженными, что называется, с головы до ног. Народ бурлил, стороны приняли вызывающий по отношению друг к другу тон. И достаточно было бы ничтожнейшего эксцесса со стороны кого-нибудь из участников сходки, чтобы оружие было пущено в ход. Тогда произошло бы кровопролитное столкновение, и можно лишь с ужасом думать о последствиях его. Нужно тут же отметить, что нашлось немало лиц, которые, не находя в себе сил активно выступать, решили уйти от ужасов тогдашней внутренней жизни в тюрьме. 3—4 человека переселились в одиночки, а человек 20 ушли в другую тюрьму, на Усть-Кару.

Наша партия («централистов») прибыла на Кару, впрочем, в то время, когда острый период разнузданности страстей уже прошел. Были слухи, что синедрионовцы, будто бы, ждали прибытия централистов, в уверенности, что те их поддержат, но ошиблись, мол в рас-

чете. Я не думаю этого. Синедрионовцы были, во всяком случае, народ умный и прекрасно понимали, что централисты, тертые калачи, не кинутся, очертя голову, в омут страстей. Во всяком случае, упомянутый выше факт, что одному из виднейших централистов «Синедрион» не счел нужным сделать категорическое раз'яснение по делу Успенского, говорил за то, что «Синедрион» не считал нужным прибегать к поддержке централистов.

Но я все-таки полагаю, что появление наше на Каре внесло некоторую долю своего влияния на общее успокоение. Но такой результат был нами достигнут отрицательною стороною нашего поведения: не становясь резко ни на ту, ни на другую сторону, мы тем самым как бы указали на необходимость взаимных уступок в сторону обоюдной терпимости.

Это не исключает, впрочем, того, что и при нас далеко не все было спокойно на Каре. В моей памяти живо встает даже момент, когда С. Диковский вцепился на бурной сходке в огромную шевелюру Родионова... Помню также, что по рукам ходили чьи-то desiderata (пожелания), в которых предлагалось произвести взаимную чистку: путем плебисцита выяснить, кому оставаться в тюрьме, кому — просить перевода в другую тюрьму. Подобного же рода (но с рядом других предложений) desiderata выпустил при нас и Костюрин: это также было вызвано создавшимся несносным положением в тюрьме.

Итак, тюрьма раскололась на два лагеря. Но это не исключало того, что готовившиеся к побегу продолжали свое дело.

Я упомянул уже выше о гениальном проекте, пришедшем на смену массе других, которые, оказывалось, невозможно осуществить по тем или другим причинам, — проект, который принадлежал, кажется, Мышкину.

Тут я должен указать на ошибку, которую допускали, кажется, решительно все, кто писал о знаменитом побеге с Кары «восьми». Наши мастерские помещались *вне* тюремной ограды, а не внутри ее. Это обстоятельство и легло в основу всего плана. Если бы мастерские находились внутри ограды, то не представляло бы особого интереса бегущим прятаться в них до ночи: выбраться в этом случае из мастерских на волю было бы почти то же, что из самой тюрьмы. Это — потому, что как в том, так и другом случае одинаково приходилось бы перелезать через тюремную ограду и, вместе с тем, следовательно, прорывать цепь часовых. План же заключался именно в том, чтобы спрятаться еще днем в мастерских, избежать необходимости проделать и то, и другое.

Мастерские, конечно, на ночь запирались на ключ. Но приготовить предварительно в крыше отверстие, чтобы им воспользоваться ночью для выхода из здания мастерских, не представляло затруднений: в мастерских и без того стоял вечный стук и гром, и в них редко присутствовала стража. Скрыть от начальства наличность отверстия в крыше также было нетрудно: так как на ночь в мастерских «арестантов» не оставалось, то за целостью здания стража не особенно следила. Итак: отверстие в потолке готово, оно не будет преждевре-

менно обнаружено начальством; надо лишь суметь остаться в мастерских после того, как оттуда все товарищи будут переведены обратно в тюрьму, дождаться ночи, ночью потихоньку выбраться через отверстие наружу, и именно в сторону, обращенную к тайге; наконец, под защитой темноты, не производя шума, под прикрытием самого здания мастерских, потихоньку пробраться как можно дальше от тюрьмы, и дело сделано.

Первых бегущих, Мышкина и Хрущева, решили *вынести* из тюрьмы, спрятав их в кроватях, которые уносились в мастерские якобы для починки. Мышкина несли, помню, Ковалик и Лозянов [9]), как довольно сильные физически люди.

Когда стемнело, Мышкин и Хрущев столь же благополучно выбрались из мастерских и осторожно пробрались в тайгу. Как известно, они направились во Владивосток, где были через месяц арестованы.

Итак, Мышкина и Хрущева мы вынесли в кроватях. В других случаях прибегали к простому запутыванию счета выходящих из тюрьмы в мастерские: выйдет группа за ворота, но тут же кто-нибудь кинется обратно, якобы забыв что-то взять, а на его место просятся наружу еще двое, — и т. д. После этого начинается спор между выходящими и караулом о числе вышедших, и если не согласятся на интересном для нас числе, то предлагают конвою пересчитать, причем в мастерских двое к этому моменту оказываются уже так спрятанными, что конвою остается признать, что выпущено двумя менее, чем было выпущено на самом деле. Мне самому пришлось один раз (кажется, это был единственный случай, что я выходил в мастерские) участвовать в подобном запутывании конвоя.

Выпустить из тюрьмы — половина дела: надо было еще скрыть до поры до времени отсутствие в тюрьме бежавших. Для этого воспользовались способом укладки на кроватях манекенов. Манекены клались на кровати по числу вышедших из тюрьмы: сначала два, потом четыре, затем — шесть и, наконец, восемь.

Для приготовления манекенов делались даже деревяшки, долженствовавшие изображать человеческую голову. Помню, одну из таких деревяшек готовили мы с Коваликом: он, в качестве довольно искусного столяра, работал стамеской. Я же, в качестве «художника», давал ему указания, как придать форму носу, подбородку и пр. На эту «голову» были даже наклеены усы и борода. Впрочем, старались разнообразить устройство манекенов. Так, некоторых устраивали таким образом, чтобы они изображали закутавшегося с головою спящего человека., — иногда при этом торчали из-под арестантского халата обутые в сапоги «ноги» спящего. И здесь для достижения полной иллюзии пользовались «натурой»: заставляли кого-нибудь ложиться и по очертаниям его форм строили манекен.

За всем тем, наши произведения были далеки от совершенства. Но дело в том, что слишком беспечны были и наши стражи, не говоря уже о том, что нас считали при поверке, вечерней и утренней, не требуя, чтобы мы были при этом на ногах, — и при этом поверка производилась довольно небрежно. Иначе, конечно, произведения такого

художника, как я, и такого столяра, как Ковалик, должны были бы весьма скоро себя выдать. Наше начальство было, очевидно, слишком далеко если не от мысли, что из тюрьмы вообще побег возможен, то от предположения, что мы станем скрывать отсутствие скрывшихся товарищей при помощи манекенов.

Как бы там ни было, но даже в вечер перед ночью, когда был обнаружен побег,—другими словами, когда у нас гуляло *восемь* манекенов, — дело сошло благополучно. Результат нашей работы будет еще поразительнее, если я скажу, что между выходом из тюрьмы первой пары (Мышкина и Хрущева) и обнаружением побега прошло около месяца. Следовательно, в течение целого месяца лица, являвшиеся два раза в день для пересчета тюремной наличности, не обнаруживали, что частью считают не людей, а манекены. И само обнаружение побега произошло не потому, что открыта была в тюрьме наличность манекенов, а вследствие других обстоятельств. Само собою разумеется, что кровати, на которые мы клали манекены, каждый день менялись, а равно и внешний вид последних.

Несмотря на полный успех предприятия, мы не сомневались, что побег в тот или другой момент будет обнаружен. Была на этот случай создана особая организация, которая действовала с самой неослабной бдительностью.

Прежде всего, непрерывно в течение всей ночи у нас топились две-три печи: это для того, чтобы иметь возможность сжечь предметы, служившие нам для устройства манекенов. Кроме того, в бане всю ночь бодрствовал один из товарищей и прислушивался, что делается за оградой (баня находилась как-раз против мастерских, также очень близко от палей, но внутри ограды; при раскрытой форточке в бане было отчетливо слышно все, что делается около мастерских). Но выбежать из бани и явиться к нам для поднятия тревоги находившийся в бане товарищ не мог: как баню, так и нас в корпусе на ночь запирали, и проникнуть на двор мы не могли. В виду этого была установлена световая сигнализация: на окне в бане неугасаемо горела свеча, свет которой легко было наблюдать из коридора нашего корпуса. Тут бессменно находился кто-нибудь из нас, чтобы наблюдать за свечей: было условлено, что когда за палями поднимется тревога, то товарищ, находящийся в бане, свечу погасит.

Помню, как-раз именно я стоял «на часах», когда вдруг свеча на окне в бане погасла. Я проверил себя, пригласил еще кого-то для проверки и поднял тревогу...

Моментально дежурные у топившихся печей разворошили пламя, другие в то же время стаскивали сюда предметы, служившие для приготовления манекенов и могшие нас выдать, и стали одежду рвать на куски, а деревянные части рубить топорами. Еще мгновение — пламя пожирало вещественные доказательства нашего соучастия в побеге...

Очень быстро собралось в тюрьме начальство.. На этот раз нас уже поименно поверяли, и тут было обнаружено, кто именно бежал.

К утру были пойманы Минаков и Крыжановский. Вслед за тем были переловлены и еще две пары; Мышкин и Хрущев задержаны были значительно позднее.

Не забуду момента, когда долго, очень долго спустя были доставлены обратно в тюрьму Мышкин и Хрущев. Последний казался очень сконфуженным...

Приведу здесь кстати выдержку из сообщения сына бывшего нашего смотрителя Тараторина (напечатано в «Нови):

«Нынче летом мне пришлось работать в качестве депутата от забайкальского казачьего войска при размежевании казачьих земель по р. Аргуни. Казаки этого района все отбывали свою повинность на Каре, в пеших батальонах. От одного из этих казаков, Николая Ворсина, я услышал подробности поимки двух бежавших.

«Всем нам, казакам, — рассказывал Ворсин, — было обещано по 200 рублей за поимку бежавших. Я только первый год отбывал службу. Дома осталась молодая жена. Хотелось больно ее повидать. Вот я и об'явил командиру о своем желании итти на поимку.. Командир тогда у нас Руденко был. Сказал об этом товарищам. Они тоже рады были домой на побывку. А поимка у нас так, для отвода глаз как бы была. Руденко позволил. Пришли мы в Усть-Кару. Для отвода глаз же, как бы и впрямь на поиски пошли, мы стали спрашивать, не потерялась ли у кого лодка. Действительно, кто-то угнал с берега лодку ночь тому назад. Ну, вестимо, вверх на лодке не уплывешь. Пошли мы берегом Шилки вниз. Да нам и домой тем же путем надо было итти. Смотрим, около Кударок (в 15 верстах от Усть-Кары) на другом берегу стоит лодка. Мы — к ней. Видим: лодка не привязана, а около лодки следы сапог в илу. — «Ну, это, стало быть, они,». — Потому мы все ходим здесь в олочах. Пошли мы этак по следам. Прошли с версту. Видим: газетная бумага разбросана. Мы, казаки, бумагу не бросаем никто, так как сами покупаем ее на цыгарки. — «Они». Нам бы итти да итти за ними и 200 рублей заработали бы. Но уж больно к бабам домой захотелось. Мы свернули со следов, да через хребет домой и пришли. Рассказали своим. Пока с бабами прохлаждались, станичники наши бросились на поиски. Лес знаем, как свои пальцы, все тропинки наперечет. Ведь, перехватили-таки их около Какталги (верстах в 60-ти не доходя до китайской границы). Смеху-то сколько было у нас, как это их ловко. Идут, — рассказывают, — политические. Двое их. Ну, знамо, от казаков отличны. — «Куда вы?» — спрашивают наши.—«Да вот, на ключ (около Какталги есть, действительно, минеральные содистые воды, которые на местном наречии называются вообще «ключ»). Заблудились, должно быть». — Смекнули наши, кто им попался... — «Нет ли у вас, братцы, поесть чтонибудь?» — спрашивают. Наши предложили им почаевать (сибирское выражение: пить чай). Сварганили чай и стали пить. Те оружие — револьверы у них были — в сторону положили. Ну, наши видят, что они, как волки, накинулись на хлеб и чай, стали у них оружие рассматривать, как-будто, а потом, когда взяли его в руки, тогда и крикнули: «Ну, теперь сдавайтесь. Мы знаем, кто вы, и начальству должны

вас представить». Они ажно побелели, трясутся все, просят их отпустить и деньги сулят. Ну, а наши завернули им руки за лопатки, да в станицу и представили. Через месяц нашим и награду выслали. А политических под конвоем в Кару препроводили. Вслед за ними и мы направились».

Для смотрителя нашей тюрьмы, добродушного Тататорина, это событие имело роковые последствия. Он, по сообщению его сына, тут же сошел с ума и был посажен под строгим караулом в больницу. А когда немного оправился, то был отправлен в Нерчинск в тюрьму, где и просидел под следствием целый год. Суд его оправдал, после чего ему дали место смотрителя детского приюта на Каре. Потрясенный всеми этими событиями, он умер через два года.

А. Фомин.

Карийская трагедия.

(По архивным документам) [1]

С примечаниями А. Якимовой и Е. Ковальской. (75)

В журнале „Былое“ за июнь 1906 года была помещена статья Г. Ф. Осмоловского 0) под названием „Карийская трагедия“. В этой статье автор, на основании личных воспоминаний и некоторых имеющихся в его руках документов, как непосредственный свидетель происходивших событий, [2] дал, в общем, довольно верную картину тех причин, которые привели к трагической развязке в мужской и женской тюрьмах Карийских приисков после наказания розгами Надежды Константиновны Сигиды 0).

Мы можем дополнить теперь эту картину официальными документами.

5 августа 1888 года приамурский генерал-губернатор, барон Корф, выходя из женской политической тюрьмы на Усть-Каре и увидав сидящую на дворе Ковальскую, потребовал, чтобы она встала. На это она ответила отказом, заявив, что не признает русского правительства, а тем более его представителей. Раздраженный ее отказом исполнить приказание, барон Корф сказал: „Я вас заставлю уважать правительство и власть“. На это Ковальская ответила: „Да, вы можете меня уничтожить, но я все-таки останусь при своих убеждениях.“ [3]

Жандармскому подполковнику Масюкову, заведующему политическими тюрьмами на Карийских приисках, генерал-губернато-

[1] Приводимые официальные документы, скопированные в читинском архиве после революции 1917 года А. А. Фоминым, появляются в печати впервые. Для выявления этой трагедии в исчерпывающем и полном виде, отчасти повторяется и то, что было уже известно из ранее опубликованных материалов. См. также документы в ст. „Из недр архива“.—*А. Якимова.*

[2] „Непосредственным свидетелем“ Осмоловский быть никак не мог, но, по поручению товарищей мужской тюрьмы, он вел следствие о моей отправке, основываясь на показаниях жандармов, тюремной надзирательницы и других лиц, непосредственно подчиненных коменданту Масюкову и, естественно, боявшихся показывать против своего начальства. Теперь это вполне ясно из сопоставления их показаний с нижеприведенными документами. Они отрицали участие мужчин во время моего переодевания, что признал сам Масюков в своем донесении (См. дальше в тексте).—*Е. К.*

[3] Мой разговор с Корфом передан не совсем верно. На приказание Корфа „встать“, я ответила: „Я не признаю вашего правительства и перед его представителями не встаю“.—*Е. К.*

ром было отдано личное распоряжение отправить Ковальскую в г. Читу секретной арестанткой № 3 в распоряжение военного губернатора Забайкальской области Хорошихина.

В донесении своем от 10 сентября 1888 г. за № 230 в Иркутское жандармское управление подполковник Масюков сообщает, что 8 августа губернатор Забайкальской области дал ему письменное предписание об отправке Ковальской в Читу и приказал командиру 2-го пехотного казачьего батальона полковнику Самойлову дать в распоряжение Масюкова казаков для выделения Ковальской и, кроме того, разрешил взять несколько человек каторжан на случай сопротивления Ковальской при уводе ее из тюрьмы. [1]

11 августа, в $4^1/_2$ часа утра, комендант Масюков с исполняющим должность смотрителя мужской политической тюрьмы Голубцевым, жандармским унтер-офицером Кравченко, смотрителем Усть-Карийской каторжной тюрьмы Бобровским (76), сельским старостой Усть-Карийского селения Киргизовым и двумя уголовными каторжанами вошли в женскую политическую тюрьму. Ковальская в это время не спала, была в сорочке и юбке.

Ее окутали в одеяло и вынесли в приготовленную на этот случай телегу.

По донесению Масюкова, во время этого переезда Ковальская вела себя неприлично, бранила его и Бобровского неприличными словами. [2] По приезде на земскую квартиру, Ковальская была переодета в арестантскую одежду надзирательницей при политической женской тюрьме и при помощи двух уголовных мужчин. Что же касается того факта, что при переодевании присутствовали Масюков и Бобровский, позволявшие себе издевательство над Ковальской, то Масюков, отрицая факт издевательства, пишет в своем пояснении, что все присутствовавшие во время переодевания были на крыльце, и если бы даже и были на ее счет издевательства и глумления, то слышать этого Ковальская не могла. [3]

[1] См. ниже возражение военного губернатора от 13 октября 1888 года за № 261.—*Ред.*

[2] Не совсем верно передана сцена в тюрьме. На меня набросились, когда я спала в постели. Куском моего же одеяла заткнули мне рот и потащили на руках через двор на улицу, где уже стояла приготовленная телега. Ругаться „неприличными словами", как донес Масюков, я не могла уже по той простой причине, что у меня все время был заткнут рот; я едва дышала, вследствие чего и потеряла на момент сознание.—*Е. К.*

[3] Бобровский стоял не на крыльце, а недалеко от меня во время переодевания в комнате; забыть это я не могла потому, что, воспользовавшись моментом, когда надзирательница с уголовными бросилась за казенным бельем, оставив меня, я успела дать пощечину Бобровскому, издевавшемуся надо мной. Об этой пощечине Масюков (в своем донесении) и жандармы (при допросе их Осмоловским) умолчали. Единственный жандарм, распропагандированный мною в тюрьме, Наумов, в своих показаниях твердил: „Бобровский говорил „идиотские" выражения в отношении Ковальской (об этом пишет в „Дневнике Карийца" Стефанович, издеваясь над Наумовым, что тот на вопрос, „какие же были эти идиотские выражения", ни-

Относительно того, что во время переодевания Ковальской Масюков вышел на крыльцо, то этого факта не отрицает и Осмоловский, производивший по поводу увоза и переодевания Ковальской негласное расследование.

После выделения Ковальской из тюрьмы, Ковалевская [0]), Калюжная [0]) и Смирницкая [0]) об'явили голодовку, при чем ими через коменданта Масюкова на имя нач. Иркутского жандармского управления полковника фон-Плотто было подано 28 августа следующее заявление, каждой лично от себя:

«11 августа 1888 года комендантом нашей тюрьмы было исполнено приказание генерал-губернатора Корфа о выделении государственной преступницы Елизаветы Ковальской из женской тюрьмы. Выделение это произошло при следующих обстоятельствах: В пять часов утра в коридор женской тюрьмы вошли жандармы и хотели запереть камеры, в которых находились женщины. Шум открываемой в коридор двери разбудил некоторых из женщин, и они выбежали в коридор узнать, в чем дело. На предложенный вопрос: „что вам нужно?“, жандармы не ответили ни слова и, видя, что запереть нельзя, выходят и призывают в коридор смотрителя уголовной тюрьмы Бобровского, в сопровождении четырех уголовных арестантов и сельского старосты. При появлении этих последних опять нами был задан вопрос: „что вам нужно?“, и повторялся несколько раз, но ответа на него не было дано. Четыре уголовных арестанта и сельский староста втолкнули нас в камеры и тотчас же заперли.

Во время этого шума Ковальская проснулась и, накинув на себя одеяло, вышла также в коридор узнать, что случилось, совершенно не подозревая, что пришли именно за ней. В это время, когда заперли камеры, уголовные арестанты, не говоря ни слова, не спросив, пойдет ли она, схватили ее на руки, как она была, совершенно раздетая, и понесли за ворота тюрьмы.

По закону позволяется употреблять насилие только в том случае, если заключенный отказывается выполнить данное распоряжение. В данном случае не только не было отказа Ковальской итти из тюрьмы, но ей даже не было об'явлено распоряжение генерал-губернатора отправить ее в Сретенск. Из нашей тюрьмы Ковальскую отправили в избу, так-называемую „генеральскую

чего больше пояснить не мог). Жандарм оказался более чутким, не пожелав повторить оскорбительные слова Бобровского по моему адресу. Тот же Наумов, не принимавший участия в моей отправке, но по долгу службы присутствовавший все время, и рассказал, по словам Стефановича, подробности отправки моим товарищам. Возможно, что он же и прокламации расклеил на столбах.

Все безобразие моей отправки об'ясняется тем, что накануне всю ночь Масюков с Бобровским, старостой и проч. компанией пьянствовали и пришли за мной в состоянии полной невменяемости. Для Бобровского, определенного садиста, наслаждавшегося мучительством уголовных, моя отправка представляла случай приятного развлечения.—*Е. К.*

квартиру“, где с нее сняли рубаху и юбку. При этом присутствовали уголовные арестанты (что подтверждает и сам комендант Масюков), помогая надзирательнице в переодевании Ковальской, так как она была в обмороке. Когда надзирательница просила воды, чтобы привести Ковальскую в чувство, то ей не позволили этого сделать. Распоряжались этой возмутительной экзекуцией Масюков и Бобровский. Опять-таки по закону для переодевания женщины могут быть употребляемы только женщины, а не мужчины. После указанных здесь нарушений комендантом Масюковым своих чисто юридических обязанностей, после оскорблений, которые он нанес нам, как женщинам, позволив жандармам, смотрителю (вовсе не нашей тюрьмы) и уголовным врываться к сонным и раздетым женщинам, после того возмутительного поругания чувства женского достоинства и стыдливости, в виде раздетой женщины и переодевания ее при мужчинах, пользуясь ее беспомощным обморочным состоянием,—после всего этого мы не можем иметь дела с Масюковым, как представителем власти. Я не могу допустить после всего вышеизложенного, чтобы Масюков исполнял какую-нибудь официальную роль относительно меня. Я не признаю его больше комендантом, и он не может больше являться в ту тюрьму, где нахожусь я.

Желая испробовать чисто легальный путь, я обращаюсь к вам, как к непосредственному контролеру действий коменданта, с заявлением о необходимости удалить его от занимаемого им места. Если вы не можете этого сделать на основании только нашего заявления, то я желала бы, чтобы вы прибыли на Кару сами или прислали доверенное лицо для расследования этого еще небывалого в летописях тюрьмы дела. Я не могу допустить возможности повторения подобных преступлений, и если высшее начальство не обратит внимания на такое бесцеремонное нарушение закона, то я вынуждена буду употребить собственные средства во избежание возможности оскорбления меня или моих товарок по заключению. Я желала бы получить от вас, полковник, какой бы то ни было ответ на это заявление, что оно действительно доставлено вам, а не находится здесь».

Отношением своим от 6 октября 1888 года за № 756 на имя коменданта Масюкова полковник фон-Плотто ответил, что заявления эти им препровождены на зависящее распоряжение военного губернатора, а копии своему начальству, что независимо от распоряжения местного областного начальства он будет иметь в виду изложенные в этих заявлениях обстоятельства в предстоящей зимой настоящего года поездке на Усть-Кару, о чем и просит об‘явить означенным государственным преступницам, с предупреждением их, что выраженное ими в заявлении нежелание подчиняться распоряжениям Масюкова, обязанного по должности заведующего государственными преступниками посещать их тюрьму, совершенно неуместно, и этим они подвергают себя ответственности за всякое нарушение порядка при посещении Масюкова.

16 августа 1888 года, после выделения 11 августа из тюрьмы Ковальской, на телеграфных столбах в селении Усть-Кара появились расклеенные листки о том, что трое содержащихся вместе с Ковальской преступниц [1], желая во что бы то ни стало сделать известным допущенное при этом случае оскорбительное обращение с Ковальской, решили уморить себя голодом и отказались принимать пищу. О расклейке листков Масюков не только не донес по начальству, но даже не сохранил представленные унтер-офицером Кравченко шесть экземпляров означенных листков.

На запрос Масюкова губернатору, как поступить с голодающими женщинами, был получен следующий ответ: „Если не хотят есть—пусть не едят, только чтобы пища была ежедневно приносима“. Но так как голодовка все-таки продолжалась и Масюков, как видно из донесения от 10 сентября полковнику Плотто, боялся грустных последствий, то и разрешил брату Калюжной, Ивану Калюжному [0]), поехать к сестре и уговорить ее прекратить голодовку.

Результат поездки И. Калюжного был тот, что голодовка была временно прекращена, до получения от жандармского полковника фон-Плотто ответа на заявление о прекращении всяких сношений с комендантом Масюковым. Но эта поездка Калюжного вызвала в дальнейшем интересный отклик со стороны департамента полиции. Ознакомившись с препровожденным начальником Иркутского жандармского управления в копии отношением от 10 сентября с/г. за № 524, департамент полиции усмотрел, что для прекращения голодовки, добровольно наложенной на себя государственными преступницами Ковалевской, Смирницкой и Калюжной, подполковник Масюков прибег к увещанию последней из них и возложил эту обязанность на брата ее, Ивана Калюжного, содержащегося в мужской Карийской тюрьме. В виду сего департамент полиции извещает Масюкова, что указанный выше способ прекращения голодовки является нарушением порядка тюрьмы и совершенно недопустим, тем более, что в данном случае Масюкову надлежало в точности исполнить сделанные по сему предмету указания забайкальского военного губернатора.

Этот последний в отношении своем от 13 октября 1888 года за № 261 на имя коменданта Масюкова сообщает, что, рассмотрев присланный Масюковым в Иркутское жандармское управление отзыв от 10 сентября с. г. за № 524, он, губернатор, считает прежде всего необходимым указать на те неправильности, которые вкрались в означенный отзыв:

«а) с генерал-губернатором в женской политической тюрьме я не был; б) приказания относительно употребления казаков, а тем более арестантов, для выделения государственной преступницы я не давал. Просьба о переводе Марии Ковалевской [2], с одной

[1] Ковалевская, Смирницкая и М. Калюжная.—*А. Я.*

[2] Масюков виновницей всех беспорядков считал Марию Ковалевскую и просил перевести ее в уголовную тюрьму.—*А. Я.*

стороны, в виду уже последовавшего отказа генерал-губернатора о выделении ее в общую тюрьму, а с другой—в виду определяющегося в близком будущем перевода политических в Акатуй, отклонена».

Увоз Е. Ковальской вызвал отклик и в мужской государственной тюрьме.

9 сентября 1888 года Масюков донес полковнику Иркутского жандармского управления, что, при посещении им 2 сентября мужской тюрьмы, государственные преступники, поименованные в прилагаемом списке, заявили следующее:

«11 августа с. г. состоялось выделение из женск. тюрьмы госуд. преступницы Ковальской, по распоряжению забайк. губернатора. Они полагают, что будто бы распоряжение об этом выделении было вызвано тем, что когда 5 августа приамурский генерал-губернатор, возвращаясь из здания женской тюрьмы, увидал сидящую на дворе Ковальскую, то последняя на его требование встать ответила отказом. По их мнению, при выделении Ковальской проявлена была ничем не вызванная грубость, состоящая в следующем: будто бы местное начальство, т.-е. я, не об‘явил Ковальской распоряжения об отправке и не спросил, нельзя ли исполнить его спокойно, без насилия. Лицо, которому было поручено это дело, явилось 11 августа на рассвете в женскую тюрьму, в сопровождении двух уголовных арестантов, которые взяли Ковальскую, не успевшую одеться и не знавшую, в чем дело, перенесли ее в дом на Шилке и потом переодели с помощью тех же арестантов, при чем на крыльце этого дома велись будто бы грубые, громкие разговоры, которые она могла вполне слышать.

По мнению государственных преступников, исполнение распоряжения забайкальского губернатора зашло слишком далеко по пути ненужной жестокости, особенно, если принять во внимание, что Ковальская, как говорят, женщина тяжело-больная.

В виду этого, они доводят до сведения вашего высокоблагородия свое заявление, выражая надежду, что спокойное и беспристрастное изложение обстоятельств этого дела, как они говорят, укажет вам, как далеко заходят низшие органы администрации при исполнении порученных им распоряжений. Они выражают также надежду, что их заявление побудит вас принять меры тем или другим путем для предотвращения повторения подобных фактов в будущем».

13 октября 1888 года иркутский жандармский полковник обещал быть в политической женской тюрьме зимою текущего года для расследования дела об увозе Ковальской. Он приехал на Кару в феврале 1889 года, произвел следствие и обещал сделать все для устранения Масюкова от должности коменданта, но ничего в этом направлении не сделал, и Масюков продолжал оставаться на своем месте.

Тогда, 22 мая 1889 года, Мария Ковалевская подала на имя начальника Иркутского губ. жандармского управления следующее заявление:

«В виду того, что личное ознакомление ваше с событиями, бывшими при увозе Ковальской и подтвержденное в вашем присутствии жандармами, не имеет никаких видимых последствий, и комендант Масюков продолжает быть начальником женской тюрьмы, я не надеюсь больше на то, чтобы высшее начальство обратило внимание на нарушение Масюковым законных постановлений. В силу этого я вынуждена сама поставить себя вне всякого ведения коменданта Масюкова и фактически прекратить отправление своих служебных обязанностей относительно меня; я прекращаю безусловно все сношения, хотя бы и посредственные, со всем тем, что носит на себе санкцию коменданта Масюкова. Я не буду принимать никаких предметов, даже казенного пайка, как проходящих через ведение коменданта Масюкова».

Такие же заявления поступили и от Добрускиной ([76a]), Смирницкой, Калюжной и Саловой [1].

Корбой, Якимовой, Ивановской и Сигидой были поданы следующие заявления [2].

«Во время вашего последнего приезда на Кару в феврале сего года вы лично убедились в нарушениях закона комендантом Масюковым при увозе Ковальской и дали слово, что сделаете все, от вас зависящее, чтобы комендант был смещен с должности. Так как с тех пор прошло более трех месяцев и распоряжение насчет увольнения коменданта до сих пор не сделано, то я считаю нужным заявить, что если в течение трех дней не последует удовлетворительного ответа, то я отказываюсь иметь какое-либо дело с комендантом Масюковым и даже принимать казенный паек».

24 мая комендантом Масюковым была подана полковнику фон-Плотто и военному губернатору следующая телеграмма:

«Представляю почтой девять заявлений преступниц, в которых они просят удалить меня с должности коменданта за то, что якобы вы обещали им это при посещении тюрьмы в феврале, иначе 25 мая они будут голодать. Инициатива Ковалевской. Копию заявлений представляю, телеграфирую губернатору. Прошу указаний. В случае голодовки, прошу разрешить временно разместить их в карцерах при уголовных тюрьмах для водворения спокойствия в тюрьме».

Военный губернатор телеграммой от 25 мая уведомил Масюкова, что если будут отказываться принимать пищу—пищу все же оставлять, подавать.

[1] По приходе на Кару, Добрускина и Салова были помещены в то же здание, где были Ковалевская, Смирницкая и Калюжная.—*А. Я.*

[2] Во время увоза Ковальской они сидели в другом помещении, а потом были все переведены из Усть-Кары на „Отряд" в новую тюрьму.—*А. Я.*

От полковника Плотто была получена 25 мая следующая телеграмма:

«Еще не получено разрешение рапорта вашего о перемещении вас, равно ходатайство преступниц об удалении вас. Я им об'яснил о могущих встретиться затруднениях и никаких обещаний давать не мог. Должно ожидать».

26 мая комендантом Масюковым была послана полковнику фон-Плотто и губернатору следующая телеграмма:

«Преступницы другой день голодают, пища готовится, подается ежедневно, но не принимается. Мужская тюрьма посылает женскую молоко. Запрашивает меня, что случилось женской тюрьме (несколько слов неразборчиво). Прошу указаний».

В ответ на эту телеграмму губернатор рекомендует прекратить всякие сношения мужской тюрьмы с женской и усилить надзор.

27 мая Масюков донес губернатору и Иркутскому жандармскому управлению, что политические мужской тюрьмы отказались принимать пищу, обе тюрьмы голодают, и просит указаний. На это последовал ответ—поступать согласно распоряжению губернатора, подтвержденному предписанием департамента полиции от 8 декабря 1888 года за № 5104, циркуляром департамента от 9 июня 1881 г. за № 3615 и циркуляром штаба корпуса жандармов от 11 декабря 1887 г. за № 31.

30 мая Масюков телеграфировал губернатору и полковнику Плотто, что преступники в числе 33 челов. из числа 41, убедившись в своем необдуманном поступке, прекратили голодовку. Преступницы голодают.

Врач Нижне-Карийского лазарета от 31 мая за № 211 донес рапортом помощ. нач. Иркутского жандармского управления, что 31 мая, на основании приглашения смотрителя Карийской государственной тюрьмы, он посетил женскую государственную тюрьму. Все преступницы, содержащиеся в первой половине тюрьмы, без исключения продолжают голодать. У всех явление голодания выражается, кроме бледности лица и видимых слизистых оболочек, упадком сил, усиленным и учащенным сердцебиением, особенно неприятным запахом изо рта, учащенным пульсом, бессонницею и апатиею. У одной из них явления эти выступают не в очень резкой форме, у других, напротив, в весьма значительной степени. На левой половине, некоторые начали принимать пищу, остальные же отказываются. В числе последних государственная преступница Ивановская, истощенная хроническою болезнью органов брюшной полости, у которой к явлениям голодания присоединилось кровотечение; она лежит на кровати, остальные же голодающие при моем посещении были на нарах. Пациентки заявили, что они отказываются и от пищи, и от лечения по причинам, вам известным, что голодание лишь тогда намерены прекратить, когда они будут перемещены в другую тюрьму, или в лазарет, или куда им будет сообщено, и причина голодовки будет устранена.

На телеграмму Масюкова от 30 мая губернатор ответил: «администрации безразлично, будут ли они есть или не будут. Продолжайте поступать, как приказано. Хорошихин».

2 июня Масюков послал губернатору следующую телеграмму:

«Преступники, проголодав два дня и убедившись в своем необдуманном поступке, на третий день прекратили голодовку. В женской тюрьме Лешерн⁰) и Ананьина⁰) вначале еще не сочувствовали остальным преступницам, не подписали даже заявления и только из страха к другим голодали пять дней. Корба и Ивановская последовали их примеру и начали есть на шестой день. В камерах, где содержатся Ковалевская и Калюжная, зачинщицы всех беспорядков в тюрьме, прекратили голодовку на восьмой день. Отказываясь от принятия пищи, они надеялись на какую-то поддержку со стороны высшего начальства и, убедившись, что таковой быть не может, начали принимать пищу».

31 августа 1889 года Масюковым была отправлена губернатору следующая телеграмма:

«Преступница Сигида сегодня была вызвана мною на квартиру для личных со мною об'яснений, где нанесла мне оскорбление действием. Сигида временно помещена в карцер караульного дома. Прошу распоряжения заключить ее в секретной камере уголовной тюрьмы или в уголовную тюрьму. Подробности почтой».

В тот же день губернатору была послана почтой копия постановления:

«1889 года 31 августа, Нижняя Кара, Забайкальской области. Я, помощник начальника Иркутского жандармского управления на Карийских приисках, подполковник Масюков, составил настоящее постановление по следующему обстоятельству: 30 августа унтер-офицер Долганов, находящийся при женской тюрьме, представил мне записку преступницы Сигиды, в которой она меня просит вызвать ее как можно скорее ко мне в канцелярию для личных со мной об'яснений, так как считает неудобным об'ясняться внутри тюрьмы. 31 августа, в 10 часов утра, преступница Сигида была привезена из тюрьмы и. д. вахмистра Голубцовым и в присутствии Голубцова, смотрителя государственной тюрьмы Похорукова и жандармского унтер-офицера Помелова, довольно спокойным голосом спросила меня, есть ли для нее письма и деньги. Когда я дал на этот счет удовлетворительный ответ, то она приблизилась ко мне и начала выражаться так: „Хотя я и не была здесь при выделении Ковальской, но товарищи мне передали о безобразном поступке ее выделения, и хотя я надеялась, что вас отсюда уберут, но начальство до сих пор не обращает внимания на наши заявления, вследствие чего наношу вам личное оскорбление“,— и при последних словах подбежала ко мне и ударила меня рукою по голове. Преступница Сигида была немедленно схвачена жандармами и заключена в карцер при караульном доме, о чем мною было телеграфировано военному губернатору Забайкальской области, прося его превосходительство преступницу Сигиду, за не-

имением карцеров при политических тюрьмах, заключить в секретную камеру при женской уголовной тюрьме или в женскую уголовную тюрьму. Постановил: настоящее постановление представить на благоусмотрение военного губернатора Забайкальской области, а копию с него—начальнику Иркутского жандармского управления».

4 сентября от губернатора была получена телеграмма, коей разрешалось Сигиду временно перевести в секретную камеру.

3 сентября Масюковым была отправлена губернатору, копия Плотто, следующая телеграмма:

«Преступницы Ковалевская, Салова ([76a]) Добрускина ([76a]), Смирницкая, Тринитатская[0]), Калюжная другой день голодают, не входят на ночь в камеру, причина старая[1]. Пища ежедневно приготовляется, подается. Остальные преступницы просят выделить голодающих тюрьмы куда-нибудь, тогда прекратится подобный беспорядок. Желательно выделить в уголовную тюрьму. Прошу указаний».

На эту телеграмму губернатор Хорошихин ответил: «пищу продолжайте приготовлять, подавать. Преступницы обязательно должны входить в камеры».

Унтер-офицер Долганов донес подполковнику Масюкову рапортом от 1 сентября 1889 года следующее:

«Сего числа преступницы Лешерн, Корба и Ананьина потребовали меня к себе в камеру и об'явили мне, чтобы я передал вашему высокоблагородию, что они просят вашего ходатайства перед начальством о переводе преступниц Ковалевской, Калюжной, Смирницкой, Саловой, Добрускиной и Тринитатской в какое-нибудь другое помещение от них. Тогда они обещают вести себя прилично и никаких беспорядков в тюрьме не производить. О вышеизложенном доношу вашему высокоблагородию». Копия настоящего донесения была отправлена полковнику фон-Плотто. [2]

Смотрителем государственной тюрьмы от 3 сентября подполковнику Масюкову был подан нижеследующий рапорт:

«Сего числа государственными преступницами Якимовой и Ивановской я был вызван в женскую тюрьму, которые заявили мне, что если дня через два или три не будут из тюрьмы выделены в какую-нибудь другую тюрьму государственные преступницы Ковалевская, Смирницкая и Калюжная, то они, Якимова и Ивановская, хотят поджечь тюрьму. О чем и доношу вашему высокоблагородию»[3].

Об этих осложненных отношениях между заключенными женщинами Масюковым было донесено губернатору, который потре-

[1] Не старая, а новая: Ковалевская, Смирницкая и Калюжная выставили требование выделения их в другую тюрьму, надеясь попасть туда же, где Сигида.—*А. Я.*

[2] Совершенно неверно, что Корба, Лешерн и Ананьина делали такое заявление и „обещали вести себя прилично и беспорядков в тюрьме не производить“. Масюков—для подтверждения своего желания о выделении Ковалевской, Смирницкой и Саловой в уголовную тюрьму — сочинил это заявление. Сборник „Народная Воля“—Прибылева-Корба, стр. 127.—*А. Я.*

[3] Не помню и тоже думаю, что врет с той же целью. Заранее не обещалась поджигать тюрьму, а прямо поджигала при других обстоятельствах на Усть-Каре, еще до увоза Ковалевской.—*А. Я.*

бовал более подробного донесения, почему именно должны быть удалены Калюжная, Ковалевская и Смирницкая, и свои соображения вместе с заключением заведующего районом, куда удобнее перевести.

Масюков ответил, что Ковалевскую, Смирницкую и Калюжную необходимо выделить из тюрьмы, первую,—как зачинщицу беспорядков, последних,—как сообщниц. Только с выделением их можно водворить порядок в тюрьме, как об этом заявляют их товарки по заключению, и предлагает перевести их в женскую уголовную тюрьму. Заведующий районом согласен на перевод.

Согласно распоряжению губернатора, Ковалевская была переведена в женскую уголовную тюрьму, с употреблением лишь на очередные работы в самом тюремном помещении, с лишением права получения улучшенной пищи, газет, книг. Смирницкую и Калюжную губернатор предлагает предупредить, что если они будут продолжать вести себя дурно, то с ними будет поступлено, как с Ковалевской. На распоряжение губернатора Калюжная и Смирницкая ответили, что до тех пор будут голодать, пока не выделят их, как и Ковалевскую. На это заявление губернатор ответил, что могут голодать сколько им угодно, пищу давать.

Это распоряжение губернатора не оказало, конечно, никакого влияния на поведение Смирницкой и Калюжной, и они продолжали настойчиво требовать их перевода в уголовную тюрьму.

13 сентября Корба обратилась с просьбой прислать в женскую тюрьму врача для осмотра больных женщин.

Тюремный врач Гурвич, осмотрев больных женщин, дал следующий отзыв: содержащиеся в женской государственной тюрьме женщины голодают 13 дней; наружный вид голодающих производит впечатление сильного изнурения и упадка сил. Исключая Саловой, все остальные голодающие сохраняют лежачее и полулежачее положение на своих кроватях, но труднее всех найдены Якимова и Добрускина. В исследовании пульса, температуры тела и состояния нервных путей, пищеварительного аппарата ему было отказано, а равно отвергнуто всякое медицинское пособие.

На это донесение от губернатора последовало распоряжение о выделении в уголовную женскую тюрьму Калюжной и Смирницкой, но не иначе, как с согласия заведующего каторгой.

22 сентября Калюжная и Смирницкая были переведены в женскую (уголовную.—*А. Я.*) тюрьму, и голодовка была прекращена.

Переходим к документам, относящимся к выступлению Н. К. Сигиды и последующим событиям.

10 октября комендантом Масюковым от губернатора Хорошихина была получена следующая телеграмма:

«Согласно телеграмме приамурского генерал-губернатора, постановлением моим, сего числа состоявшимся, постановлено: сс.-каторжную государственную преступницу Сигиду за нанесение вам

оскорбления действием подвергнуть телесному наказанию ста ударами розог. Приведение в исполнение сего постановления мною возложено на заведующего тюремным районом с тем, чтобы таковое в отношении наказания Сигиды было исполнено после прочтения преступникам преподанной ныне генерал-губернатором инструкции. Об этом уведомляю ваше высокоблагородие для сведения и прошу принять возможные предупредительные меры в мужской и женской тюрьме, где означенное наказание, вероятно, вызовет волнения.

Для руководства и точного, в случае надобности, исполнения препровождаю при сем телеграммы приамурского генерал-губернатора ко мне от 30 сентября о принятии мер строгости, в изменение существующего ныне порядка в обращении с государственными преступниками. При этом препровождаю прилагаемый при сем пакет за № 444, содержащий в себе инструкцию по этому поводу, распечатать пакет в тюрьме государственных преступников, пригласив для присутствия при этом начальника команды, заведующего Нерчинским тюремным районом и при их бытности объявить преступникам содержание означенной инструкции».

Копия телеграммы из Никольского от 30 сентября 1889 года была такого содержания:

«Неоднократно повторяющиеся беспорядки среди государственных преступников мужской и женской тюрьмы вынуждают прибегнуть к мерам строгости. Поэтому предписываю подполковнику Масюкову коренным образом изменить обращение с ними, без всякого снисхождения взыскивая за всякий проступок, о чем предупредить их. За каждое действие скопом переводить всех на продолжительное время на обыкновенное арестантское довольствие и лишать всего, что разрешено иметь за собственные деньги, не исключая и письменных принадлежностей и тому подобное. В случае сопротивления при аресте кого-нибудь из них или по другому какому случаю употреблять вооруженную силу, не стесняясь за последствия. Отдельно провинившихся и зачинщиков подвергать без малейшего послабления телесному наказанию, наравне с уголовными преступниками. Подполковнику Масюкову и всякому начальству строго воспрещать входить к ним без установленного конвоя солдат и жандармов и обязать постоянно иметь впереди себя двух жандармов при посещении тюрьмы или при разговоре с преступниками. Подлинный подписал Корф».

Инструкция эта была прочтена в мужской и женской тюрьмах в присутствии заведующего Карийским тюремным районом и начальника местной команды 26 октября.

Заведующий Карийским тюремным районом Гомулецкий донес Масюкову, что приговор над Сигидою в отношении наказания 100 ударами розог приведен в исполнение помощником заведующего Нерчинскою каторгою Бобровским 7 ноября.

12 ноября комендант Масюков донес телеграфно губернатору и департаменту полиции:

«Приамурский генерал-губернатор постановил наказать ста ударами розог переведенную в уголовную тюрьму государственную преступницу Сигиду за нанесение мне оскорбления действием. Постановление приведено в исполнение 7 ноября уголовным начальством. 7 ноября Сигида отравилась, умерла, содержащиеся вместе с Сигидой в уголовной тюрьме Ковалевская, Смирницкая и Калюжная отравились, были отправлены в Нижне-Карийский лазарет, где первая умерла на 8 ноября, остальные на 9 ноября. Преступники вольной команды, узнав об этих событиях, волнуются. Преступник Геккер[0]) покушался на самоубийство, легко ранен, помещен в лазарет. Государственная тюрьма не знает. Приму все меры для спокойствия».

В ответ на эту телеграмму от губернатора получилось распоряжение принять все законные меры к сохранению порядка в государственной тюрьме, не делать никаких уступок и послаблений против существующих правил.

В государственной тюрьме наказание и смерть Н. К. Сигиды вызвали массовое самоубийство, закончившееся смертью Калюжного и Бобохова[0]). Об этом имеются документы: акт и протоколы.

АКТ.

«1889 г. ноября 15 дня, в $4^{1}/_{2}$ часа утра, жандармский унтер-офицер Помелов дал мне знать, что в тюрьме опасно заболели двое государственных преступников, вследствие чего я, смотритель тюрьмы, явился в квартиру заведующего государственными преступниками подполковника Масюкова, который тотчас же приказал послать за врачем, который немедленно и прибыл и совместно со мной, вахмистром Помеловым, отправился в тюрьму, где нашли в камере № 3 двух лежащих на кроватях, поставленных посреди камеры, государственных преступников—Ивана Калюжного и Сергея Бобохова. По свидетельству врача оказалось следующее: оба больные лежали на спине в совершенно бессознательном состоянии, с закрытыми глазами, бледными покровами и совершенно искаженными чертами лица. Зрачки глаз у обоих больных найдены суженными и на свет не реагирующими. Дышали они неправильно, конечности оказались почти парализованными, пульс угнетенным, частым и крайне изменчивым. Что же касается мероприятий для спасения, то таковые врачем признаны поздними и совершенно безнадежными. Причина такой опасной и внезапной болезни признана, по всей вероятности, отравление.

Подписали: Смотритель тюрьмы *Похоруков*.

Врач *Гурвич*.

Вахмистр *Помелов*».

ПРОТОКОЛ.

«1889 года, ноября 15 дня, я, помощник начальника Иркутского жандармского управления, подполковник Масюков, составил настоящий протокол по следующему обстоятельству: вследствие заявления врача Гурвича, что семь преступников сего числа внезапно заболели в мужской государственной тюрьме, и он, Гурвич, предполагает, что они отравились, по всем признакам, опиумом, то я в силу его, Гурвича, заявления, сего 15 ноября, в 11 часов утра, в сопровождении смотрителя тюрьмы Похорукова и с подлежащим конвоем, отправился в мужскую тюрьму для отобрания в лазарете камера № 2 всех медикаментов. Когда все было отобрано, некоторые преступники заявили мне, что беспорядки будут продолжаться в тюрьме до тех пор, пока не уничтожат новую инструкцию приамурского генерал-губернатора, читанную им от 26 октября сего года, где применяется к ним телесное наказание. В чем и составлен настоящий протокол за общею подписью».

В телеграмме своей от 15 ноября в департамент полиции подполковник Масюков, донося о происшедших событиях, добавляет, что в телеграмме его от 12 ноября наказание Сигиды произведено по постановлению не генерал-губернатора, а военного губернатора Хорошихина.

На донесение Масюкова губернатору о происшедших в мужской тюрьме событиях от Хорошихина была получена телеграмма, в которой он предлагает немедленно выделить колеблющихся преступников, не желающих подчиниться руководителям, вызвать их под благовидным предлогом, подыскать совместно с капитаном Томилиным помещение для обеих тюрем, обсудить с ним, где поместить, избегать действовать на всех сразу, особенно силою, чтобы не породить действия скопом, просить предупредить кого следует, что телесное наказание без причины применено не будет. Выделенным разрешить собственную одежду, книги, улучшенную на их счет пищу, не подвергать их предварительному обыску, допустить свидание с родными и знакомыми. В случае крайности, умерших не вскрывать до прибытия врача.

На эту телеграмму Масюков ответил, что, по словам Томилина, свободного помещения совершенно нет. Разделять по группам, пока не улеглись страсти, считает неудобным. На основании этой телеграммы выделение политических из государственной тюрьмы в какое-либо другое помещение было губернатором отменено.

18 ноября от губернатора была получена следующая телеграмма: «Генерал-губернатор еще раз подтверждает: никаких уступок, ни компромиссов, твердо, энергично не допускать никаких беспорядков, не обращать ни малейшего внимания и даже вовсе не замечать демонстрации».

ПРОТОКОЛ.

«1889 года, ноября 24 дня, я, помощник начальника Иркутского жандармского управления подполковник Масюков,составил настоящий протокол по следующему обстоятельству: 15 сего ноября в тюрьме государственных преступников, по заявлению врача Нижне-Карийского лазарета Гурвича, отравились неизвестно каким ядом семь государственных преступников, а именно: Иван Калюжный, Сергей Бобохов (оба умерли), Сергей Диковский, Павел Иванов, Феликс Кон, Никита Левченко, Николай Санковский. Для выяснения настоящего обстоятельства постановил: всех вышепоименованных преступников допросить отдельно 1) какая причина побудила их принять яд, 2) каким ядом они отравились и 3) где достали яд.

1) Государственный преступник Сергей Диковский показал, что после осуждения его на каторгу, согласившись сам с собою жить на каторге, он тем самым согласился переносить над своею личностью известного рода наказания и даже до известной степени унижения. Он знал, конечно, что его, как сс.-каторжного, могут подвергнуть и телесному наказанию, и тогда же, еще в России, решил, что если ему будет грозить применение телесного наказания или он подвергнется ему, то в обоих случаях ответом на эту меру с его стороны будет смерть. Прибыв на Кару, он узнал от своих товарищей, что заведующим Карийскими приисками дано было им знать (косвенно, конечно), что мера телесного наказания не будет применяться к государственным преступникам. И действительно, все приговоры к телесному наказанию за побеги всегда были отменяемы высшей инстанцией.

В 1882 года, после 11 мая, когда одного из нас, Овчинникова, вызвали для освидетельствования врачем и, кажется, имели намерение подвергнуть его этому позорному наказанию, мы, тюрьма, начали голодать и голодали 12 дней. В это время нам тоже косвенно дано было знать, что эта мера не будет применяться к нам, а насчет освидетельствования Овчинникова было об'яснено, что его хотели отправить на Сахалин, а потому и свидетельствовали. Мы были в уверенности, что эта мера не будет применена к нам, что таково мнение министра внутренних дел. Так жили мы до 1889 года. 24 октября нам всем вместе была прочитана от генерал-губернатора бумага, где среди других мер нам категорически было заявлено, что ныне к нам будет применяться телесное наказание. После такого категорического заявления со стороны высшей инстанции мне оставалось только одно—умереть, потому что ни мое воспитание, ни тем более сильно развитое чувство человеческого достоинства *не позволяли жить мне* под такой вечной угрозой страшного для меня позора и унижения. На меру телесного наказания я смотрю так, что она по отношению к нам, государственным преступникам, ничего не предупреждает, а имеет тенденцию унизить и опозорить нас. Конечно, не мне ука-

зывать высшей администрации на меры, которые она может применять. Этих мер так много и они так ужасны,—замечу только, что на расстреляние Неустроева я смотрю, как на наказание ужасное и жестокое, но и только, как на таковое. В моей смерти я видел два момента: во-первых, протест против применения телесного наказания к кому бы то ни было из государственных преступников, во-вторых, своею смертью я хотел избавиться от ужасного телесного наказания. Наказание и смерть Сигиды ускорили только осуществление моего решения. Смерть я избрал отравлением морфием, препарат которого от долгого хранения, как теперь видно, попортился, потому что я принял более 5 грамм, а такая доза при хорошем препарате действует и быстро и верно. Относительно, впрочем, принятой дозы яда я не могу говорить определенно, так как я его не вешал, а принимал на-глаз. Морфий был приобретен после ужасов 11 мая 1882 г. без всякой определенной цели, а потом „на всякий случай“ и тщательно хранился до этого времени. От долгого хранения он, вероятно, испортился, и этим я об'ясняю то обстоятельство, что он не подействовал хорошо. От кого был приобретен яд—я не знаю, также не знаю и того, где или у кого он хранился. Знала ли об этом яде вся тюрьма—мне тоже неизвестно.

Сергей Диковский.

2) Государственный преступник Павел Иванов показал:

11 ноября, после поверки, я подошел к столу, взял свою порцию яда (морфий) и принял его. Через час, находя еще в себе достаточно сил, поднялся с нар, подошел к столу и принял вторую такую же порцию, лег на нары и заснул. На другой день, около 10 часов утра, я, к сожалению, проснулся. Поступил я так потому, что нашел это единственным возможным средством выразить протест против убийства Надежды Сигиды, и притом убийства не прямого. Кроме этого преимущественного мотива, была еще отдаленная надежда, что, быть может, моя вольная смерть поможет, хотя отчасти, уничтожить вообще эту форму насилия над человеком в нашем отечестве. Из несколько туманной речи военного губернатора я заключил, что непосредственным участником этого квалифицированного убийства был генерал-губернатор и военный губернатор, ибо, кроме такого наказания, какое они выбрали, существуют цепи, тачки, медленная смерть голодом, прибавка лет каторги и, наконец, смертная казнь. Последнее наказание ценнее уже потому, что не повлекло бы за собой шести других смертей. Полагаю, что такое последствие наказания Сигиды было небезызвестно и все-таки не только не остановило их, но даже не преодолело обыкновенной у нас канцелярской процедуры. Точно не знаю, откуда яд, но думаю—давнишний, старый, потому что сила его не соответствовала размерам принятой порции.

П. Иванов.

3) Феликс Кон показал:

С фактом надругательства над нашим товарищем Надеждой Сигидой я не мог примириться. В виду того, что все пути протеста для меня закрыты, я прибегнул к самоубийству, как к единственному исходу из этого положения. Во избежание недоразумений, считаю нужным пояснить, что причина моего поступка была не наказание само по себе, а та форма, в которой она была применена к Сигиде. В руках правительства есть целый арсенал средств, при помощи которых оно в состоянии наказать в чем-нибудь провинившихся; но средство, примененное в этом случае, принадлежит к разряду тех, с которыми никто из нас никогда, как я думаю, не примирится. Эта самая жестокая смертная казнь, казнь путем надругательства над человеком, и притом казнь, совершенная не по приговору суда, а административно. Из того, что факты в прошлом достаточно выяснили наше отношение к такого рода наказаниям, я в наказании Сигиды вижу предумышленное убийство. Травился морфием, который принял дважды, но яд не подействовал. Откуда получил морфий,—отказываюсь отвечать. Такой взгляд разделяют в тюрьме многие, участвовавшие в самоотравлении.

Ф. Кон.

4) Никита Левченко показал:

Не касаясь общего положения дел нашей жизни вообще, я касаюсь только данного факта с Сигидой. То страшное впечатление, которое произвел самый факт, безотносительно—будет ли это с мужчиной или женщиной,—способно само по себе вызвать самый решительный поступок. Сознание нашей невозможности помочь товарищу, когда ему наносят тяжелое оскорбление, а также всей безысходности своего положения, привело меня к единственно возможной мысли—самоубийству посредством отравления. Травился морфием, добыт он был до 11 мая 1882 года, кем—не знаю, где хранился—не знаю.

Н. Левченко.

5) Николай Санковский показал:

Мною заранее было решено не оставаться равнодушным к факту оскорбления моих товарищей. Поступок с Сигидой заставил меня выразить свой протест подобным образом. Травился морфием, который в нашей камере лежал на столе. Где же он хранился и откуда взят—не знаю.

Н. Санковский.

6) Наум Геккер показал:

Мое желание покончить самоубийством вызвано было телесным наказанием, примененным в начале ноября сего года к покойной Сигиде, *независимо от ее смерти.* Подтверждаю эти слова потому, что наложение телесного наказания над одним из нас, государственных преступников, является для меня само по себе достаточным поводом для прекращения моей жизни, ибо дальнейшее мое существование всегда представляется мне невыносимым при условиях такого же-

стокого обращения с нами. Не говоря уже о жестокости этой меры наказания со стороны ее физического воздействия, я вижу в ней факт глумления над нашей личностью, издевательства над нашим человеческим достоинством, оскорбление нашей чести и тех основных нравственно-общественных чувств, которые присущи всему сколько-нибудь сознательно мыслящему человечеству. Узнав о совершенном, я хотел убить себя, желал хоть своею смертью выразить протест против совершенного насилия в самой постыдной его форме и тем обратить внимание высшего правительства на вопиющее значение такой карательной системы в применении к нам, государственным преступникам. На вопрос, откуда я достал револьвер, ответить не могу. 23 ноября 1889 г. *Н. Геккер.*

По поводу представленного подполковником Масюковым дознания о семи отравившихся государственных преступниках, военный губернатор ответил, что показания свои они все один за другим вписали сами на одном и том же листе, при чем, разумеется, каждый из последующих показателей мог видеть предыдущее показание и придерживаться его содержания, что во всяком случае следовало предотвратить. Кроме того, им была предоставлена полная свобода в изложении своих впечатлений, вследствие чего некоторые из них, как Диковский, Иванов, Кон, вышли из пределов возможного: они позволили себе распространяться о побочных обстоятельствах, вдаваться в критическую оценку выбора наказания Сигиды. Иванов дошел даже до того, что без всякого стеснения говорит о предумышленном, будто бы, убийстве Сигиды.

Не считая нужным возбуждать преследование виновных за неуместные и явно умышленные, оскорбительные для правительственных властей выражения и находя неудобным представлять в таком виде дознание генерал-губернатору, губернатор просил представить ему новые протоколы дознания по упомянутому поводу, с изложением в них содержания показаний всех допрошенных преступников в том об'еме, насколько они отвечают на заданные Масюковым вопросы.

На это предписание Масюков ответил, что на его предложение дать вторичное показание о причинах, побудивших на самоотравление, с тем, чтобы они не распространялись в своих показаниях и ограничились ответом на заданные им вопросы, все заключенные отказались от каких-либо показаний по этому поводу и от подписи таковых. При этом заявили, что в показаниях, данных ими 24 ноября, они показали все то, что считали с своей стороны нужным, и что данные 24 ноября показания они сократить или что-нибудь к ним прибавить отказываются [1].

[1] О происшедших событиях на Усть-Каре и в мужской тюрьме мы на Отряде узнали чуть ли не через месяц после описанных событий, после того как временно прерванные сношения между мужской и женской тюрьмами вновь восстановились. Общее решение было—в данное время ничего уже не предпринимать.—*А. Я.*

П. Ивановская.

Письма о прошлом.

(Из жизни Акатуя в 1890 г.)

1. Николай Санковский [0]).

Николай Санковский—двоюродный брат Ольги Санковской, принимавшей участие в деле убийства провокатора Рейнштейна, который выдал в начале 79 года Обнорского [0]) и очень много рабочих „Северо-Русского Рабочего Союза". Предатель был убит в Москве.

13 ноября 1881 года Санковский с письмом явился к товарищу министра внутренних дел, генералу свиты его величества Черевину, исполнявшему с 5 октября 1878 года обязанности помощника шефа жандармов, а с 6-го уже занимавшему эту должность. В своем письме Санковский просил аудиенции. Черевин вышел в зал и едва подошел к Санковскому, как тот вынул револьвер и выстрелил в Черевина. Выстрел был неудачен. Черевин сам бросился на стрелявшего, свалил его и стал бить по чем попало. Следствие показало, как тогда писали правительственные слуги, что «Санковский был авантюрист, не имевший ни кола, ни двора, мещанин Брест-Литовска, 26 лет, литовец, католик, учился в гимназии». На 19-м году Санковский поступил вольноопределяющимся в пехотный полк, в котором за очень важный проступок против дисциплины был осужден на год тюремного заключения. По отбытии записался в волонтеры в Черногорию, путешествовал за границей и был обворован примазавшимся к нему одним русским писателем (Молчановым), при чем вместе с вещами был захвачен паспорт. Это заставило Санковского вернуться на родину по подложному паспорту. В покушении на Черевина вместе с Санковским принимал участие Мельников([77]), своей рукой написавший письмо. Они оба никакого участия в революционных организациях не принимали и не имели даже знакомства среди них. По этой причине после покушения последовало от партии заявление от 22 ноября о непричастности ее к этому акту.

5 января 1882 года в Спб. военно-окружном суде разбиралось дело Санковского и Мельникова, обвинявшихся в покушении на жизнь ген.-ад'ютанта Черевина. Санковского приговорили к смертной казни, Мельникова—к 20 годам каторжных работ.

Смертная казнь начальником округа была заменена Санковскому пожизненной каторгой.

В 1883 году Санковский прибыл на Кару. В тюрьме он был одним из беспокойных, „непримиримым", взятым в плен врагами, и только. У него было немало происшествий с начальством на почве тюремных инструкций. В теоретических суждениях он был резок и ярко, выразительно, крайне оригинально определял как целые общественные движения, так и поступки и образ мыслей отдель-

ного лица. Обаятельность его состояла в действенном поведении в личной и общественной жизни, никогда не подчиняясь компромиссным побуждениям. В 1890 году вместе с другими, не кончившими свой срок, Санковский с Кары был переведен в Акатуй. Здесь произошло 17 ноября 1890 года столкновение Н. С. с начальником тюрьмы Архангельским(78).

Вот как описывал тогда эту мрачную трагическую историю нам, вольнокомандцам на Каре, Павло Иванов0), товарищ Санковского по заключению в Акатуе:

«Решились мы снести всю физическую акатуйскую невзгоду (пищу, жилище, непосильный труд), снести добровольно, до последней крайности, что для некоторых из нас, в виду немощи телесной, было равносильно смерти. Почему мы так решили, говорить не буду, но так решили. И хотя прожитое время уже сказалось на некоторых из нас и хотя перспективы удручающим образом действуют на наше прозябание, но сознание последовательности и твердости в выполнении принятой на себя тяготы дает все-таки чувство некоторой удовлетворенности при всей неприглядности бытия. Все-таки можно долго тянуть канитель прозябания, тем более, что условия жизни акатуйца очень несложны: чуть свет — в гору на работу, около 4-х часов раздача хлеба, чай, поверка, а в 5—6 часов—уже на запор. Трудно предположить, чтобы правительство предначертало сжить нас со свету—не мытьем (физически достаточно), так катаньем (ковырянием в душе, систематическим долблением), потому что все-таки хочется думать, что оно должно быть дальше мелочей тюремной обыденки. Скорей склонен приписать это уверенности в полной безнаказанности, злой воле или желанию выслужиться нашего Хойтинского № 2-й [1].

Вначале мы ходили работать через два дня в третий (Гаврила [2], Дед [3] и Малый, как любители физического труда, каждый день), пока приспособлялись к работе и усвоению баланды—хлебова. Раз после поверки Архангельский сказал Мечику (Маньковскому 0) итти на работу, на что тот ответил, что не пойдет, так как завтра не его очередь. Сверкнув глазами, Архангельский крикнул:

— Нет, вы пойдете на работу...

— Нет, я не пойду на работу.

— Я заставлю итти.

— А все-таки завтра не пойду...

Вероятно, он выбрал Мечика, как иностранца, плохо говорящего по-русски, а следовательно более безответного. Неделю спустя Мечик сидел на нарах, с Дедом разговаривал (уже после зари и барабана). Подошел к форточке Архангельский и сказал, что пора спать.

— Как же нам спать, когда не хочется?

— Нужно спать, чтобы не мешать другим.

— Мы никому не мешаем.

[1] № 1-й Хойтинский был смотрителем на Каре.
[2] Тищенко-Березнюк.—*Ред.*
[3] Дзвонкевич.—*Ред.*

— По инструкции нужно спать в это время.

— Да плевать мне на такую инструкцию, что велит спать, когда я не могу.

Через некоторое время Мечика позвали в канцелярию, где Архангельский, окруженный свитой, при виде жертвы просто озверел и закричал:

— А, так тебе плевать на инструкцию!

— А хоть бы и так.

— Ты, дрянной полячишка, хочешь презирать законы, утвержденные государством?

— Надзиратель, уведите меня в камеру, а мы расквитаемся после за «как ты смеешь, дрянной полячишка».

— Не в камеру, а в карцер.

— А ты, дрянной офицеришка!

— Сечь тебя буду.

— И негодяй,—добавил, уходя, Мечик.

Мечика окружили надзиратели и увели в карцер.

На другой день, узнав о происшедшем, мы отправили Нагорного ⁰) к Архангельскому с требованием немедленного выпуска Мечика из карцера и извиниться (условие прекращения инцидента). Мечика освободили тотчас же. На дальнейшее Архангельский ответил, что оскорбление было обоюдное, и отрицал свою ругань и угрозу сечь. Санковский так горячо это принял к сердцу, что решил сам итти к Архангельскому и убедить его извиниться, так как инициатива оскорбления принадлежит ему, Архангельскому. Он это Архангельскому и высказал и назначил срок об'яснения с Мечиком завтра до 4-х часов 11 ноября.

Тяжелы были эти сутки. Санковский был мрачен и никому не об'яснял своих ожиданий и приготовлений. Я был в «горé»[1] и только вечером видел его в коридоре взволнованного, но переговорить не удалось, ибо пошли репрессии: камеры все на замке (поверка вечером двойная: строятся все во дворе, считают, выкликают фамилии назначенных на работы на завтра; поют молитву и расходятся по камерам, куда сейчас же является начальство, раздается команда: „стройся“, пересчитывает и камеры на замок). Когда поверка проходила по коридору, Санковский распахнул дверь и бросил фарфоровым чайником (не успел допить чаю, завернул чайник в платок) в Архангельского. Архангельский отскочил, выхватил револьвер, направил его на Санковского и закричал:

— Чего тебе нужно, мерзавец?

— Я тебе вчера говорил,—ответил Санковский, которого тотчас же увели в карцер, сделали поверку, заперли камеры и ушли... . . . . (дальше нельзя было разобрать) [2].

[1] На работах.—*Ред.*

[2] В карцере Санковский отравился, узнав о намерении Архангельского подвергнуть его телесному наказанию. См. документы в ст. „Из недр архива“—*Ред.*

Приезжавший чиновник Кейзерлинг говорил уголовным:

— Это мальчишки, не знающие жизни, а вы их слушаете. Это самые последние люди. Правительство считает их хуже вас, потому что вы люди добрые, знаете жизнь и должны заставить их слушаться начальства... И знайте, до тех пор вам будет плохо, пока вы их не заставите жить по-хорошему с начальством.

Призывал поодиночке нас, допрашивал о деле и условиях жизни вообще и уехал. Со всеми нами был изысканно вежлив, кроме Мечика...

По вечерам Никита (Левченко), Петя (Якубович), Мечик и я учим сожителей (уголовных) грамоте. Я наделал деревянных букв, пока не придет ответа о книгах. Списки книг пошли на утверждение чуть ли не в Питер. Слушаем рассказы и быль, и после зари уже спим. Так живем бездумно и безмысленно изо дня в день. «Привыкла собака бегать за возом, побежит и за санями». Очень горько писать, ну, да написал. Означает эта пословица, если несколько отрезвиться от кошмара, не более, как временное гнетущее состояние духа человеческого, ну, а все же означает: вот в чем и горе. А тут хоть бы откуда звук человеческий! В письмах читаем новости: наследника нашего где-то встречали, а в Италии холера... Что ты тут поделаешь?

Мечика предали суду по 286 ст. ул. о наказ.

Похоронили Санковского на горе, и мы ходим мимо его могилы в рудник и скверно у нас на душе»...

2. Алгачи и Карийская „вольная“ команда.

Давно обещанная нам Акатуйская тюрьма была, наконец, окончена к середине сентября 1890 года и открыта для приема политических каторжан. К этому времени решено было усть-карийские места заключения (как часть уголовных, так и все политические тюрьмы) упразднить, сосредоточив отбывание каторжных работ в Нерчинском округе, с административным центром—управлением в Нерчинском Заводе.

Поздней осенью 1890 года значительную часть из отбывавших каторжные работы мужчин на „Нижнем“ промысле и четырех женщин на „Отряде“ (в 4-х верстах от мужской тюрьмы) выпустили в так-называемую вольную команду, т.-е. за стены тюрьмы на вольные квартиры, без постоянного надзора жандармов. Всего вышло 17 человек. 13 долгосрочных мужчин, не окончивших свои испытуемые сроки, перевели в Акатуй, в новую тюрьму, а 4-х женщин с „Отряда“, не кончивших свои сроки, перебросили на Усть-Кару в общеуголовную каторжную тюрьму. Вольная команда сохранялась на „Нижнем“ промысле, и все кончавшие свои испытуемые сроки присоединялись к вольнокомандцам на Каре.

К сожалению, все эти пертурбации и окончательное закрытие карийских тюрем прекратили приток новых осужденных в России

каторжан: этим прервалось получение вестей с родины. Налаженное сношение с родными и оставшимися на воле друзьями на время замерло. Нелегальная переписка велась через уходящих от нас на поселение товарищей, которые по пути следования опускали в крупных городах письма по чистым и нетронутым адресам. В редких случаях пользовались книгами. Для этой цели в запасе почти всегда хранились раньше приобретенные книги сибирского издательства невинного содержания и как можно скучливее. В книгу между печатных строк заносились невидимые строчки, писавшиеся вслепую. Потому-то порой одна строчка покрывалась другою. Бывало и того хуже—книга долго где-нибудь залеживалась, конспиративные невидимые строки сами, без содействия полуторахлористого железа, начинали довольно ясно обнаруживаться. Полной надежности этот путь не представлял, но долгая томительная неизвестность вынуждала принять этот способ сношения с вольными людьми, и порой тем же путем получались самые неожиданные ответы.

Приводимое ниже письмо писано в книге вышеуказанным химическим способом. Предназначалось оно сестрам—Е. С. Короленко и А. С. Малышевой, уже отбывшим свое испытание и жившим в России.

5 января 1892 г.[1]

«Давно, давно, мои бесценные голубки, я вам не писала. Этим способом еще перед выходом в команду послала вам книги, исписанные химическим раствором, но или вы их не получили, или получили да не поняли, не сумели обнаружить...

Теперь хочется поговорить об акатуевских товарищах. Трое из них (всего 13 человек было туда отправлено) месяца два назад пришли к нам в команду: Спандони, Левченко и Диковский. Двоих—Мойшу[2] и Чуйко[3] — ожидаем на-днях. Остались в Акатуе: Гаврило Березнюк, он же Тищенко, Якубович, Маньковский, да из Питера прибыли туда 5 осужденных каторжан. После истории Санковского с заведующим Акатуйскою тюрьмою Архангельским, из Акатуя были отделены и увезены поодиночке: Нагорный — в Зерентуйскую тюрьму, Павло Иванов—в Алгачи, Дзвонкевич—в Кадаю. Последний выпущен в вольную команду. От всех них мы редко и не всегда исправно получаем письма, из которых я сделаю вам выписки, рисующие их жизнь и настроение. Недавно получили от поэта Якубовича очень мрачное письмо, где он сообщает о новых столкновениях с Архангельским, который в виду прибытия новых из России начинает вводить строгости и всяческие утеснения. Этого письма у меня нет под руками, и я ограничусь стихотворе-

[1] Письмо печатается с сокращениями.—*Ред.*
[2] Аарон Исаакович Зунделевич, по «процессу 16-ти» с казненными Пресняковым и Квятковским.
[3] В. И. Чуйко судился с В. Н. Фигнер.

нием Якубовича, одновременно написанным с письмом и, как он сам говорит, рисующим его душевное состояние всего вернее [1]....

. . . .

Вот вам выдержки из писем Иванова, находящегося в Алгачинской тюрьме.

„...Хожу каждый день в гору и весьма этому рад, потому что хоть подчас спину испортишь и грыжа, кажется, у меня образуется, да все-таки там имеешь дело с угрюмым и молчаливым камнем, а не с изолгавшимся сухарником или лихастурами [2] — надзирателями. Там у меня три нарядчика: Николаич, Степаныч и Игнашкин—все три совершенно одинаковы, их можно отличить только по ругне. Первый говорит: „всего язви, распроклятые", второй: „чтобы тебя черная немочь, язву", третий: „а, мать вашу переверни, язвы проклятые". Собственно говоря, в этом состоит вся их служба. Выработка под землей, верст тридцать, и вся она ведется так, вообще, куда-нибудь, как-нибудь и скоро вся провалится. Но им до этого ровно никакого дела нет, потому—это знает пристав, который никогда в горе́ не бывает. В тюрьму придем, пообедали и уже вечер, поверка, на которой я не бываю—и на замок.

По воскресеньям идет штос и драка. Я живу больше в горе́, получаю выписки—рубль, ем свой обед раз в месяц и половину приходится раздавать. По средам и пятницам тяжело на душе и легко на брюхе, ибо бывает постная, отвратительная баланда [3], теперь с гнилой картошкой. Перепадает иногда воровским манером калач или кусок баранины. Тогда хорошо, тогда праздник. С начальством тихо. Когда тронут—огрызнусь, и опять тихо. Книги есть, но читать приходится часа 2. Раз ходил на деревню („два солдата впереди")—лечить фельдшера нашего от воспаления легких, собственно от водки...

...Гвалт стоит настоящий. Очевидно, дневкою хочет воспользоваться каждый из моих 25 сожителей, т.-е. наговориться, поспорить и т. д., потому что завтра можно поспать больше обыкновенного, на работу не погонят и вдобавок еще, несмотря на пятницу, баландой мясной покормят. Сегодня, по случаю Ивана Постного, мы, придя с горы, страшно разочаровались, получив постную баланду, вместо ожидаемых 64 зол. мяса, да еще с каким курьезом. Опустили, говорят, мясо в котел, но тут вмешался писарь, сказав, что из уважения к народному обычаю нельзя есть мясо. Заведующий, признав такой резон, велел вынуть мясо из котла и выдать постные продукты. Теперь долго будешь помнить, что 29 августа бывает очень серьезный праздник—Иван Постный.

[1] Пропущено пять приводимых П. С. Ивановской стихотворений П. Ф. Якубовича в виду того, что они вошли в 1 т. собрания его стихотворений: „В те годы ужаса, когда во тьме неволи", „Во мраке былого, в грядущих веках", „Юность", „На страже" и „К родине".

[2] Местный тюремный жаргон.

[3] На арестантском жаргоне—жидкое хлебово, похлебка.

Камера здесь с двумя этажами нар, так что вышеупомянутый гвалт идет со всех сторон, и сверху и снизу. Я и два жмудина спим на полу. Они под нарами, я под окном. Гвалт еще больше от разноязычности... Да, правду сказать, коли грудь свободна, голова не болит, я весьма охотно работаю, не замечая усталости и не думая ни о книжке, ни о чем решительно. А поворочавши таким манером пудов 500—600 камня, приходишь на нары мокрый, как мышь, и лежишь в полном удовольствии. Что же, если чувствуется сносно, значит так нужно, так хорошо, так требует организм. Но немного бывает таких дней, и вот, в худшее время думаю, что хорошо бы было залезть в книжки, чтобы даже не замечать всего того, что не хочешь замечать.

Живу, хожу в гору, ем отвратительную баланду с отвратительной картошкой в мундирах, получаю 3 рубля в месяц жалования из своих денег.

Тюрьма бедная, а потому этих грошей очень мало: тому покурить, тому кусок сахару и бумаги на письмо и т. д. Но зато с месяц меня никто не тревожит. Заведующего на глаза не вижу. А надзиратель, после того, как я прикрикнул на него, чтобы он не трогал арестантов своей тростью,—сделался до того воздержанным, что даже других надзирателей в минуту широкого разгула уговорил, что драться им нельзя.

Ходим на работу в гору каждый день с ранней зари до трех часов.

Кобылка ждет манифеста, полной воли, приезда наследника и женитьбы его в Алгачах на китайской царевне... Попал в трущобу, камеры на запоре весь день и теснота страшная—50 человек и больше в камере. Выйти на двор—нужно пройти 3 запретительных поста. Пища отвратительная, в расходах ограничивают. В гору хожу, головные боли часты и сильны... Раз, идя с горы, я отстал, ибо надорвал спину, подавая лотками породу из очень глубокой шахты, и за это чуть не влетело мне прикладом, если бы старший не сказал: „не шевели“. Посылают в забой иногда совсем больного и, когда говоришь по-человечески, чтобы этого не делали, мало слушают, а когда, раздражившись, загнешь крепкое словцо (животное, негодяй), становятся более внимательны. Больница порядочная, но медицинская помощь не совсем, ибо Томилин (главный заведующий) скажет: „много, мол, хины истратили или молока“,—и дело врачевания сокращается до того, что при раскомандировке, при заявлении о болезни, младший фельдшер обыкновенно отвечает: „а ты поди в гору, может, и полегчает, а придешь, иодом помажу“.

Напишу теперь нашу конституцию, которая даст вам более ясное понятие о нашем устройстве.

«Общие положения.

Ст. 1. К организуемой артели могут принадлежать:

а) все вольнокомандцы, мужчины и женщины.

б) их родственники, живущие на Каре.

Примечание. Ежели лицо, пожелающее вступить в артель, ставит спец. условия, на которых оно желает вступить, то принятие или непринятие зависит всякий раз от решения артели.

Ст. 2. Средства артели состоят:

а) из казенной провизии, получаемой на членов артели;

б) из наличного имущества, оставшегося от прежней тюремной артели;

с) из денег, присылаемых кем бы то ни было на имя одного из членов артели;

д) из вычетов, делаемых на основании ст. 5 из заработков отд. членов артели или целых групп (ст. 5, примеч. 1 и 2, ст. 6-я).

Ст. 3. Весь доход артели принадлежит совокупности лиц, ее составляющих.—За вычетом общих расходов, упомянутых в ст. 4 и примеч., — вся остальная сумма делится поровну между всеми действительными и номинальными членами артели (эквивалент).

Примечание 1. Член артели может отказаться от своего эквивалента.

Примечание 2. Деньги, присылаемые для особых целей, расходуются согласно своему назначению лицом, которое их получает.

Примечание 3. Расход денег, полученных для специальных целей, может быть сделан только с разрешения артели, согласно той цели, для которой деньги присланы.

Ст. 4. В общие расходы входят:

а) содержание и ремонт инвентаря (лошадей, телег и т. д.);

б) ремонт домов, утвари и т. п.;

в) расходы на больных и снабжение деньгами уходящих на поселение;

г) особые расходы, как выписка журналов и газет;

д) некоторая сумма на акатуйцев.

Примечание 1. В состав больничного расхода входят затраты на аптечные средства и медикаменты, не имеющиеся в лазарете, и улучшение пищи по предписанию врача.

Примечание 2. Поселенцам выдается при отправке 30 руб. Эта сумма в исключительных случаях может быть увеличена на счет особых расходов.

Примечание 3. Под особыми расходами разумеются всякого рода выдачи и пособия, не предусмотренные другими статьями расхода. На покрытие сих расходов составляется фонд посредством вычета 15% из общей суммы получаемых денег. Ассигнование из этого фонда требует постановления артели.

О заработках.

Ст. 5. Посторонние заработки отдельных лиц составляют их собственность, но подлежат обложению на следующих основаниях:

Менее 3-х рублей обложению не подлежат.

От 3—4 руб. облагаются 5%; от 4—5 облагаются 7%; от 5—6 облагаются 9%; от 10—11 облагаются 15%; от 20—21 облагаются 30%; от 25—26 облагаются 40% и т. д.

Примечание А. В случае минуса член артели должен прежде всего покрыть его из заработка.

Примечание Б. Для желающих дозволяется вносить из заработка и более, каковой излишек идет на угощение.

Примечание С. Заработок компании или группы предварительно разделяется между участниками, и обложению подлежит доля каждого.

Примечание Д. В некоторых случаях % обложения определяется постановлением артели.

Ст. 6. Вычеты из посторонних заработков делятся между лицами, не имеющими заработков.

Организация артели.

Ст. 7. К числу общественных работ относятся:

а) заготовка дров для всех квартир и кухни;

б) приготовление бани.

Ст. 8. Никто не в праве уклониться от общественных работ, результатами которых он пользуется.

Ст. 9. Для заведывания артельными делами избирается староста абсолютным большинством голосов действительных членов артели,—сроком на 6 месяцев.

Ст. 10. На обязанности старосты лежит:

а) составление сметы для наступающего месяца. Смета составляется таким образом: из дохода прошлого месяца староста вычитает ожидаемые общие расходы, указанные в ст. 4. Остальная же сумма, разделенная на число действительных и *потенциальных*[1] членов артели, составляет вероятный личный эквивалент. Окончательно же эквивалент определяется в конце месяца, когда станут известны общие расходы;

б) оптовые закупки продуктов, необходимых для членов артели;

с) отпуск этих продуктов членам артели или группам их в счет эквивалента;

Примечание. Операция эта производится старостой таким образом, чтобы все потери при развеске, расходы на перевозку, поездки и т. д. покрывались соответственно надбавкой в ценах.

[1] Не состоявшие членами артели, как-то парашники, голуби (письмоносцы) и пр.

д) прием и выдача казенной провизии;

е) сношения с начальством по хозяйственным делам.

Примечание к пункту 1. Эквивалент не должен превышать известный максимум и быть меньше известного минимума [1].

Примечание в. Минусы, делаемые членами артели, не могут превышать 5 руб., в противном случае начинается обязательное погашение в 10% с текущего эквивалента.

Ст. 11. Староста пользуется двойным эквивалентом.

Ст. 12. Организуется общая столовая, все участники которой обязуются участвовать общим трудом (по дежурству) в приготовлении пищи.

Ст. 13. Освобождаются от этой обязанности:

а) больные (участники столовой);

б) имеющие на стороне занятия, несовместимые с дежурством на кухне, по соглашению с другими столовниками;

с) староста, конюх [2], библиотекарь.

Ст. 14. Участники столовой по взаимному соглашению определяют ежемесячный расход на пищу, а также на ремонт кухонной (кроме больничной) посуды. Эти расходы оплачиваются ими из их средств.

Ст. 15. Заведывание лошадьми [3] предоставляется охотнику, утвержденному голосованием. Кроме обыкновенных забот о лошадях (ковка, дача корма и питья, собирание кусков по квартирам и кухне, поимка лошадей для поездок старосты и женщинам, наблюдение за исправностью сбруи), он обязан вести очередь пользования ими.

Ст. 16. Лошадьми могут пользоваться все действительные и потенциальные члены артели для следующих надобностей:

а) заготовки дров для квартиры.

Примечание. Кухня, как таковая, имеет свою очередь.

в) Если организуются группы для возки воды зимой, то таким же правом юридического лица пользуются и эти группы.

с) Староста и другие члены артели для поездки по делам артели и для свидания с женщинами на Усть-Каре.

Примечание. Свиданиям отдается предпочтение перед другими работами.

д) Для перевозки материалов при ремонте домов.

Ст. 17. Конюх пользуется $1^1/_2$ эквивалентом.

Ст. 18. Каждый член артели имеет право обращаться к ней с просьбой о займе для приобретения инструментов или орудия [4] производства с тем, чтобы уплатить долг из заработков. Инструмент составляет его собственность.

[1] Кажется, $1^1/_2$ рубля.

[2] Конюх ухаживал за приобретенными вольнокомандцами лошадьми для возки дров, воды, поездки на Усть-Кару старосты и т. п.

[3] Заведывал доброволец, утвержденный голосованием членов артели.

[4] Некоторые занимались огородами, хлебопашеством, часовым мастерством, гонкой дегтя, для чего требовались лопаты, бороны, кадки и лошади.

Ст. 19. Получаемые посылкой вещи и инструменты могут быть оставляемы в частной собственности.

Права и обязанности потенциальных членов.

Ст. 20. Не члены артели могут пользоваться кредитом в размере содержания действительных членов артели, общественной кухней, услугами старосты, артельными лошадьми и квартирой.

Ст. 21. Соответственно этому на них лежит обязанность:

а) Все получаемые деньги, в том числе и заработок, вносить в уплату сделанного долга.

б) Исполнять артельные работы постольку, поскольку они будут пользоваться артельными учреждениями.

Ст. 22. Вслед за учреждением артели, лица, не вошедшие в состав ее и принадлежащие к категории потенциальных членов, должны установить сами свои имущественные отношения к артели и указать такие способы расчетов, которые обеспечивали бы интересы обеих сторон.

Выборы должностных лиц.

Ст. 23. Выборы должностных лиц производятся на следующих основаниях:

Каждое из участвующих лиц имеет право выставить своего кандидата, написав его фамилию на закрытом билетике. По вскрытии билетов и оглашении имен кандидатов, каждый из неотказавшихся кандидатов подвергается закрытой баллотировке. Тот из кандидатов, который получит наибольшее число голосов, считается избранным (для выбора старосты требуется, чтобы это наибольшее число голосов было и абсолютным большинством членов артели).

В артели состоит большинство командцев, за исключением 5—6 человек. Эквивалент бывает в разные месяцы разный, смотря по получкам; иной месяц три рубля, другой 5 и редко доходило до 8, в среднем по 5. Заработки посторонние имеют очень немногие, да и то ничтожные гроши. Уроки здесь оплачиваются весьма скудно,—пять, а то и три руб. в месяц в большинстве случаев. Другой работы, кроме промывки золота [1], нет, но и эта отрасль заработка нам воспрещена по какому-то особому распоряжению в бытность еще здесь поляков, дабы политические не могли взбунтовать рабочий элемент. Самое выгодное положение здесь и вообще в Сибири—положение знающего врача, потому что идут сюда доктора из России—самое, кажется, отребье. А те, которые и знали что-нибудь, скоро забывают, предаваясь одному услаждению—питью напропалую водки. Здесь всё пьет, пьет до самозабвения, до полной потери сознания; этому греху подвержены и наши кое-кто, и,

[1] По падям и руслу маленькой речушки Кары из песку промывалось хищниками золото. Все золотоносные земли принадлежали кабинету его величества, и потому частная промывка преследовалась и каралась со всей суровостью, как уголовное преступление.

к сожалению, надо сказать, что пьют лучшие люди. Иногда, мои голубки, жутко становится заглянуть в будущее... Аравийская пустыня, песчаная, безмолвная, без людей и движения жизни. Жаль бывает глядеть на этих утомленных странников и не осуждаешь строго их слабости.

Сама я живу кое-как. Целый день чем-то занята, а в сущности ничего путного в результате нет. Практикую немного, как акушерка. Несколько раз принимала у бедняков, не могших пригласить казенной акушерки, да они (здешние обыватели) более охотно обращаются к нам, предполагая в нас кладезь всяческих познаний и мудрости.

Я вам несколько раз писала о Волошенко. Петро (Волошенко) вышел из крепости совсем больной, но скоро оправился. В тюрьме же здесь он перенес несколько серьезных болезней, особенно нефрит подорвал его здоровье. Часто, очень часто меня мучает мысль, что он никогда не поправится.

Познакомлю вас еще немного с Петро. Он большой умник, способный к умственной работе, зато большой ленивец, вернее, обессилевший,—в практических делах большой россомаха, не умеющий раздать корму двум свиньям. За это я часто с ним напрасно ссорюсь: только горбатого могила исправит. Он много просидел в тюрьме, больше 12 лет, да в крепости больше года. Пережито много тяжелого, что не могло не оставить печальных следов. Бывают у него дни полнейшей апатии ко всему, физическая расслабленность и спячка. У меня тогда так тяжело делается на душе, точно я хороню что-то, прощаюсь со всеми своими надеждами.

Читаем мы „Русские Ведомости", „Русскую Мысль" и „Вестник Европы"—контрабандой, изредка доходят до нас старые революционные издания. Так, недавно получили газетку социалистическую и плехановские брошюрки [1], но это так все старо, как божий мир.

Эти очень старые издания не дают ровно никакого представления о том, что делается у вас. Как живут и, главное, чем живут люди. Приехавший Богомолец рассказывал, что в России ничего нет, один мрак и всеобщее уныние. Богомолец живет от нас в 15 верстах, на Усть-Каре, где сидят в тюрьме наши женщины. Жена его тоже там, в тюрьме. У нее чахотка в последних градусах. Он отдался весь уходу за ней и нигде не бывает, никого не видит. Россикова в лазарете, на Каре, сошла окончательно с ума. Недавно выпустили к нам в команду Тринитатскую, тоже сумасшедшую. Что же сообщить вам еще? Право, меня очень удерживает боязнь, что это мое писание пропадет, не дойдя до вас, как было с предыдущими разами.

Вообще, в последние разы писала много, но наш смотритель [2] прохвост, трус удивительный. Он-то, повидимому, задерживает мои письма. Адриан, по-моему, хотя я его мало знала на воле, очень

[1] О Чернышевском, Монизм и др.
[2] Похоруков.

изменился. Он стал вялый, мало откровенный, довольно прозаичный мужчина. Одно можно поставить ему в великую заслугу, что он остался радикалом и вряд ли изменится.

Хоть бы этот тяжелый год (голодный 1891 г.), это громадное горе не прошли бесследно, чем бы нибудь вознаградил и страдающий народ и мятущихся людей.

Е. Ковальская.

В Горном Зерентуе 90-х годов.

Прошло более 50-ти лет со времени, когда в Горном Зерентуе после декабристов снова появились политические. Мне первой после декабристов пришлось в начале 90-х годов начать новую серию „политиков“.

В 1888 г., вследствие столкновения на Каре с ген.-губернатором Корфом, я была отправлена в Верхнеудинскую тюрьму в строгое одиночное заключение. Здесь мною была сделана попытка к побегу, на этот раз неудачная (два первые мои побега из Иркутской тюрьмы дали мне возможность пробыть хотя недолгое время на воле). Эта моя попытка вызвала распоряжение отправить меня в Горный Зерентуй. Содержали меня там даже не под моей фамилией, а под № 3.

Несмотря на строжайшее предписание Корфа изолировать меня[1] и усердные старания верхнеудинской администрации, уголовные сумели установить со мной почту и снабжали продуктами посредством так-называемого „коня“ (веревки).

Уголовные всегда как-то умели ранее всех узнавать все новости. Поэтому мне стало известно заранее о том, что ждут в тюрьму Корфа, о том, что, благодаря моей попытки к побегу, меня перевезут в Горный Зерентуй, что там меня будет принимать Бобровский, который распоряжался приведением в исполнение телесного наказания над Сигидой[0]).

Мои побеги из Иркутской тюрьмы создали мне большую популярность между уголовными. Когда я обратилась к более видным из них с просьбой добыть мне револьвер, они сумели украсть его у одного из надзирателей. У меня создался план убить Корфа, когда он будет входить в женское отделение. Окно моей камеры выходило на крыльцо, по которому Корфу неизбежно пришлось бы проходить. Но Корф в тюрьму не заехал. Револьвер был огромный, везти его с собой в Горный Зерентуй не было возможности. Я его возвратила и просила сделать мне из хорошего ножа кинжал, который я могла прятать в рукаве куртки.

Несколько дней и ночей везли меня без отдыха из Верхнеудинска в Горный Зерентуй. Вечером приехали мы в Нерчинский Завод. Праздник. Много пьяных. На земскую квартиру, где мы остановились, приходили люди поглядеть на диковинную арестантку, каких там еще не бывало. Усталая, боясь задремать и обнаружить спрятанный в рукаве кинжал, я пытливо смотрела на зрителей. Вдруг через толпу любопытных протискивается молодая, очень красивая, с тон-

[1] См. прим. № 2 и документы в ст. „Из недр архива“.—*Ред.*

ким, изящным лицом женщина в платочке, бросается передо мной на колени и со слезами кричит: „Святая страдалица, за правду идешь, угнетенных защищаешь!“. Я была поражена и не успела опомниться, как хозяин земской квартиры схватил ее за руку и вывел за дверь.

Не только я, но и мой конвой заинтересовался, стал расспрашивать, кто это. Хозяин неохотно ответил: „Так, тут шитьем занимается; сказывали, будто незаконное отродье какого-то князя, что тут тоже на каторге был“. Впоследствии я разыскивала в Нерчинском Заводе, узнавала, но так и не увидела больше эту странную женщину, может быть, незаконную внучку кого-нибудь из декабристов.

***

Ночь. Небо покрыто тяжелыми, нависшими черными тучами. Моментами выплывает луна. Тройка медленно поднимается в гору, печально позвякивает колокольчик. Кое-где по сторонам дороги кресты забытых могил. Впереди нас другая тройка с силуэтами солдат.

Вот и конец дороги—Горный Зерентуй. Обе тройки остановились подле тюрьмы. Окруженная моим конвоем, еще какими-то солдатами и надзирателями, вхожу в одноэтажное длинное здание. Большая комната уставлена полками с банками—аптека. В конце комнаты узнаю Бобровского, подле него несколько тюремных чинов. Быстрым движением, прорвавшись между конвоем, бросаюсь с кинжалом на Бобровского, но меня схватывают за руки раньше, чем я успела его коснуться. Бобровский, бледный, не двинулся с места, молчал. Начальник тюрьмы Зеленский (как я узнала потом) обратился ко мне:

— За что вы бросились на помощника заведующего каторгой?

— За то, что он привел в исполнение телесное наказание над Сигидой.

Зеленский позвал кого-то составить протокол. Бобровский горячо возразил:

— Не надо, не надо.

Зеленский растерялся.

— Я вам приказываю протокола не составлять,—повторил Бобровский.—Отведите арестантку в камеру.

Зная Бобровского по Каре, я была уверена, что в случае неудачи покушения он расправится со мной тут же на месте. Меня отвели в камеру в том же здании. Это был лазарет, а камера, вполне изолированная от всех других, куда меня поместили, была мертвецкая, куда обыкновенно выносили трупы. На этот раз она была очищена и заранее приготовлена для меня.

Мне не спалось. Крупные капли дождя ударяли по крыше. Ветер стонал и ревел. Вдруг выстрелы, крики, беготня, шум... Невеселая была первая ночь в Зерентуе. Утром служитель, убиравший комнату, шепнул мне, когда надзиратель отошел, что ночью

был неудачный побег двух уголовных. Их подстрелили, и теперь они лежат тут же в лазарете.

Первое время я ждала расправы со мной. Но проходили дни за днями—все было спокойно. Каждый день уголовный служитель в сопровождении надзирателя или фельдшера убирал комнату и приносил в обед нес‘едобную арестантскую баланду. На прогулку меня не выводили, никто из начальства ко мне не заходил. Около месяца спустя молодой дежурный фельдшер Шихардин, смотревший на меня как-то очень сочувственно, сам внес баланду в мою камеру без уголовного служителя и таинственно шепнул:

— Не бойтесь, ничего вам не будет, Бобровский умирает, у него чахотка, мы по ночам дежурим у него, он в бреду все кричит: „Я подлец, Ковальская была права, она должна была меня убить...“

Вскоре Бобровский умер. Я ничем не поплатилась за свое покушение.

Прошло около 2-х месяцев. Однажды отворилась моя дверь, и в камеру вошел начальник Нерчинской каторги Томилин ([1]). Сняв почтительно фуражку, с видом соболезнования он обратился ко мне:

— Я имею распоряжение держать вас очень строго, на одном казенном, без переписки с родными, без собственных денег, без прогулок, без книг, но постараюсь улучшить ваши условия, насколько возможно.

Я молчала. Вежливо откланявшись, он вышел.

Вечером фельдшер принес мне несколько новых номеров „Вестника Европы“ и предложение, не пожелаю ли я взять заказы делать вышивки для рубах. Материал мне принесут, а деньги за работу я могу получать на руки, для улучшения своей пищи. Я согласилась и через два дня принялась крестиками по канве выдумывать разные узоры. Быстро сделав первую косоворотку, я вручила ее фельдшеру. На другой же день он принес мне 2 р. за работу и новый заказ. Так я вышивала бесконечные ленты для украшения косовороток и могла улучшить свое питание. Тот же фельдшер сообщил мне, что Томилин написал куда-то бумагу о том, что я очень больна и держать меня без прогулки невозможно. Спустя некоторое время меня стали выводить в лазаретный дворик на прогулку.

Как-то поутру в мое дверное окошечко кто-то постучал с коридора. Подойдя, я увидела небольшого роста человека в очках, в арестантской одежде...

— Я—Нагорный, [0]) меня перевели из Акатуя сюда за то, что я там был старостой и в мое время там были беспорядки.

Томилин жил сам в Горном Зерентуе и давал низшей администрации тон гуманного обращения с политическими. Впоследствии он даже прятал нелегальную литературу. Нагорного

часто выпускали якобы в лазарет за лекарствами,—на самом деле—для разговоров со мной.

Вскоре по приезде Нагорного к нам прислали из Акатуя Мечислава Маньковского[0])—за „дерзкое поведение с начальством", затем старика Дзвонкевича,[0]) тоже за непокорность. Таким образом, Горный Зерентуй становился как бы карцером, в который отправляли за „дерзкие поступки".

Как-то осенью Нагорный подбежал к моему окну в необычное время:

— Меня выпускают в вольную команду, мой срок окончился. Томилин добился, чтобы и тебя выпустили в вольную команду по болезни (у меня, действительно, был в это время туберкулез),— только Маньковскому придется еще посидеть до будущего года.

Потом меня и Нагорного отправили в вольную команду в Кадаю ([79]).

В Кадае после поэта Михайлова[0]), умершего там, несколько десятков лет политических не было. Мы с Нагорным начали новый список политических.

Большое селение Кадая раскинулось среди сопок. На одной из сопок могила поэта Михайлова, рядом с могилами польских повстанцев. Большие куски белого мрамора с вкрапленными ярко красными пятнами, точно брызгами крови, лежат на могиле Михайлова. Раннею весною, как ковром, покрывается верхушка сопки белыми маргаритками, окаймляя могилы венками.

Спустя несколько лет после нашего водворения в Кадае, на той же сопке, вблизи могилы Михайлова, похоронили мы Павла Иванова (моего товарища по „Южно-Русскому Рабочему Союзу"), умершего в Кадае. Как бывший студент-медик, при отсутствии врачей, он лечил больных и заразился тифом.

По выпуске нас в вольную команду, возникал вопрос об употреблении политических на работы, но Томилин дипломатично обходил этот пункт под разными предлогами, и нас оставляли в покое. Благодаря отсутствию в деревне школы, к нам стали обращаться жители с просьбой обучать их ребят. У нас образовалась маленькая школа. В числе учеников были и дети администрации, и администраторы-родители заинтересовались сами—нам препятствий не чинили. До приезда к нам П. Иванова крестьяне обращались ко мне и за медицинской помощью. Не имея специально медицинского образования, я брала исключительно усердием, проводя ночи у больных детей. Благодаря счастливой случайности, мои больные выздоравливали. Интересен случай, в котором выявилась особая логика сибирячки. Я вылечила ребенка, мать предложила мне плату. Я отказалась потому, что не была врачом и не считала это заработком. Вслед за моим отказом женщина набавила мне цену на молоко, которое я у нее покупала. Крайне изумленная, я спросила:

— Почему вы увеличили цену?

— Коли ты не берешь денег за лечение, значит богатая, можешь и дороже платить.

Но был и другой случай. Как-то зимой к домику, в котором я жила, подкатили сани. Вылезает из саней молодой солдат с женщиной и тащит из саней огромный куль. Входят ко мне.

— Вот, Лизав. Николаевна, привез жену, чтобы она поглядела на вас. Вы уж не обидьте нас, примите наши гостинцы, мы, ведь, за 100 верст нарочно ехали к вам.

Я ничего не понимаю.

— Да и откуда же вы меня знаете?

— Вы разве не узнали меня, ведь я же был в вашем конвое, везли мы вас в Верхнеудинск. Вы нам тогда всю правду про все рассказали. Мы часто вспоминаем ваши разговоры. Узнал я от одного человека, что вы здесь, вот и собрались с женою поехать, может, вы в чем тут нуждаетесь, привезли кой-что из своего хозяйства.

Попробовала, было, отказаться, но вижу, что это будет для них незабываемая обида. Взяла. Чего только там не было! И цыплята, и поросята, и всякая снедь.

Конвой, который сопровождал меня после истории с Корфом от Читы в Верхнеудинск года три перед этим, весь состоял из так-называемых „семейских". Это—потомки сосланных в Сибирь старообрядцев.

Все были, как наподбор, молодцы, рослые, сильные, красивые, с умными, энергичными лицами. Живо интересовались политическими. В первый же день дороги задали мне вопрос: „В чем наша вера?" Много дней в дороге мы оживленно беседовали. Я видела, как каждое слово проникало в их душу, им была понятна борьба за идею, хотя преломлялась она у них в виде веры. Самопожертвование, особенно женщины, высоко ценилось ими, вызывало преклонение перед моральной силой. Они резко отличались от остальных сибиряков.

*
* *

Вслед за нами стали заселять политическими вольную команду Кадаи в таком приблизительно порядке (возможно, что я не вполне точно вспоминаю последовательность). Первыми после нас пришли вилюйцы: Леонид Берман ([80]) и Михаил Эстрович ([81]), затем Павел Иванов. После—Петр Филип. Якубович с Березнюком (настоящая фамилия Тищенко), Анисья Давыд. Болотина ([82]). Много времени спустя приехала Роз. Франк, жена Якубовича.

В конвойной команде Кадаи были два молодых офицера Г. и М., умные, еще не испорченные военной средой; они познакомились с нами. Г. обратился к Иванову за медицинским советом, а М. к Болотиной, узнав, что она художница, с просьбой сделать его портрет. Так началось наше знакомство. Очень скоро они стали у нас своими людьми: пересылали нашу нелегальную переписку, привозили из Читы нелегальщину, вообще оказывали услуги. Хо-

зяйка моей комнаты, видя, как они в белых кителях, засучив рукава, ставят мне самовар, затопляют печь, так была поражена, что задала мне вопрос: „Нешто это настоящие офицеры, это должно переодетые“. Они познакомили нас со своими зерентуйскими товарищами, которые оказались тоже не плохими. Один из них, сильно выпивавший, бросил военную службу и уехал в Америку простым рабочим. Судьба М., очень симпатичного, была трагична. Очень нервный и глубоко чувствовавший, возможно и с плохой наследственностью, воспитанный в монархических понятиях, крайне искренний, встретив новые взгляды,—он тяжело переживал перелом и заболел психически. Отправленный на лечение в Ялту, он совсем свихнулся и стал рассылать телеграммы министрам, царю и разным лицам, приглашая явиться в Ялту на собрание, где он откроет им новую жизнь, в которой все люди будут братья. Перевезенный в Петербург, он умер в Николаевском психиатрическом госпитале. Наше влияние на офицеров и рядовых впоследствии, когда я уже жила в Нерчинском Заводе, дошло до таких явлений: офицер К. приходит поздно домой, его денщик спит на его кровати. К. обращается к нему: „сойди, братец, с кровати, я спать хочу“. Денщик, продолжая лежать, отвечает: „так как вы позднее меня пришли, то можете лечь на моей постели“. И К. покорно ложится на постель денщика.

***

Однажды, при поездке из Кадаи в Горный Зерентуй, опрокинулся тарантас, в котором я ехала с матерью моей ученицы. Мне разбило ногу, вследствие чего я была оставлена для лечения в Горн. Зерентуе. Там я застала: Мих. Гоца, Марка Брагинского (83) и О. С. Эстровича в лазарете; жену Гоца—Гассох (83а), жену Брагинского—Перли (84), Фундаминского с женою—Е. Гуревич (85), Л. Фрейфельд (86) да Терешковича (87) и выпущенного из тюрьмы Маньковского—в вольной команде.

Осматривая каторгу, заехал в Горный Зерентуй Галкин-Врасский. Он сделал распоряжение: всех женщин-каторжанок отправить на Сахалин, мотивируя тем, что надо заселять Сахалин, а женщин там мало. Недалеко от тюрьмы был поселок, в котором жили выпущенные в вольную команду уголовные. Там они строили себе так-называемые землянки: между двух плетней на близком друг от друга расстоянии насыпалась земля. Это и составляло стены избушек. Приказ Галкина взбудоражил весь поселок. Невенчанных жен разлучали с их мужьями, разоряли насиженное хозяйство [1].

Вот в такой момент неожиданно является ко мне старший тюремный надзиратель:

[1] На эту тему был написан мною небольшой рассказ „Избавление“, подписанный псевдонимом „Мариан“, помещенный в марксистском журнале „Новое Слово“, издававшемся Люб. Гурвич.

— Идите в контору сейчас, велено всех женщин записывать на Сахалин.

Это меня ошеломило.

— Я добровольно не пойду, так и скажите.

Прошло несколько дней в напряженном ожидании. Томилин был занят с Галкиным и повидать его никак не удавалось. Когда же он узнал, наконец, то дал нахлобучку надзирателю за то, что, не спрося его, он сам пошел ко мне и понапрасну причинил мне беспокойство. Политических женщин и не думали отправлять на Сахалин. Помню в это же время одну жуткую ночь. В ожидании решения своей участи, я долго не спала. Полночь. Слышу стук в дверь моей избушки. Спрашиваю: „кто там?“. Молчание. Слышу, как стараются оттянуть дверь, но дверь не поддается. На мои вопросы ответа нет. Дверь начинает слегка пошатываться. Я одна в избушке, никого близко нет. Слышу топот грязных ног. В стекле низкого окна вырисовывается страшное лицо татарина. Молча начинает налегать на раму. Я всегда на ночь оставляла подле себя заряженный революьвер; направляю дуло на татарина, кричу: „Буду стрелять, уходи“. Испуганный татарин быстро побежал от окна. Здесь нередки были убийства ради того, чтобы поживиться какой-нибудь ничтожной добычей, особенно перед отправкой партии. Совершались убийства даже не с целью грабежа, а чтобы новым преступлением задержаться в Горном Зерентуе, где оставалась близкая женщина.

После пересмотра дела вооруженного сопротивления в Якутске (в 1889 г.), все вилюйцы постепенно были увезены из Горного Зерентуя на поселение.

Перед увозом последних вилюйцев среди тюремной администрации пошли слухи, что остальных оставшихся политических переведут в Акатуй. Акатуй представлялся всем гиблым местом, где царствовал самодур Архангельский, и такой перевод нам не улыбался. Довольно долго мы находились в напряженном ожидании, но все обошлось благополучно: нас оставили в Зерентуе.

Спустя некоторое время из Акатуя в Горно-Зерентуйскую тюрьму был переведен Н. И. Кочурихин (88). Затем с Кары перевели Фомичева 0). В вольную команду были потом переведены в Горн. Зерентуй Славинский (89), а затем М. Попов.

После увоза вилюйцев из Горного Зерентуя, оставались в вольной команде я и Маньковский. Перед приездом Фомичева с Кары Томилин обратился ко мне и Маньковскому с вопросом: как быть с Фомичевым? Он человек нервно больной, буйный, избил в тюрьме смотрителя Похорукова и побил двух товарищей в вольной команде, поэтому его и переводят в Горн. Зерентуй: посадить ли его в тюрьму, или оставить в вольной команде, так как на Каре он уже был в вольной команде?

За себя мы не боялись, но можно ли было ручаться, что он не искалечит кого-нибудь из жителей Горного Зерентуя? Лично я его не знала, но согласиться оставить его в тюрьме—казалось нам тоже недопустимым. Решили взять его на поруки и следить за ним поочередно. Первое впечатление от Фомичева было далеко не успокоительное. Мрачный вид, небольшие серые глаза, подозрительно посматривающие, и огромная сучковатая палка в руках, с которой он не хотел расставаться ни на минуту. Но постепенно мы очень сдружились с ним и полюбили его. Это был человек удивительной чистоты души, но чрезвычайно нервный.

Мы с Маньковским завели знакомство в Нерчинском Заводе с техником горного ведомства Станиславом Владимировичем Девель, братом старого землевольца Михаила Девеля. Он устроил при горном училище ремесленные классы. Меня он пригласил преподавать в них переплетное, а Маньковского—столярное ремесла. В Нерчинском Заводе мы не имели права жить, но могли ездить туда каждый день. Для этого завели лошадь. Часа в четыре утра мы вставали, Маньковский вел лошадь на водопой, который был очень далеко, я затопляла печь, готовила пищу, затем пускались в путь. Около 20 верст до Нерчинского Завода мы ехали почти шагом; горы, под‘емы, нельзя было утомлять коня ежедневно, половину шли пешком. В Заводе уроки в училище, уроки в частных домах, возвращались в Горный Зерентуй ночью. Эти путешествия были слишком утомительны. Летом снимали кусок луга, косили сами и свозили во двор своих хозяев. Эта косьба была единственным пунктом препирательства Фомичева со мной. Я никак не могла приспособиться хорошо косить, оставляла следы, брала неровно. Фомичев, страстный любитель полевых работ, выходил из себя, хмурился, временами покрикивал на меня, но в конце-концов, смеясь, мы дружески возвращались на телеге, полной только-что скошенной травы.

Мы с Маньковским очень подружились с семьей Девеля. У меня явилась мысль основать в Нерчинском Заводе общественную библиотеку. Девель—человек большой энергии и инициативы—охотно взялся работать со мной. Мы привлекли ветеринарного врача Сизова, и дело пошло у нас на всех парах. Завели сношения с петербургскими и московскими обществами грамотности, которые имели возможность пересылать книги бесплатно. Организовали в библиотеке кабинет для чтения, выписали газеты, журналы. Организовали склад книг для продажи, и дело развертывалось все шире и шире. Вначале работали только я, Девель, Маньковский и Сизов. Затем приехал казачий врач Ев. Вл. Бек (впоследствии изучивший на Аргуни особую местную болезнь, которая теперь в медицине известна, как бековская болезнь). Бек рьяно взялся развозить при своих служебных поездках книги по Аргуни (потом развозил и нелегальщину, которой мы его снабжали). Самоотверженный, готовый всегда итти на помощь, он пользовался огромной симпатией казачьего населения.

Ездить каждый день за 20 верст из Горн. Зер. в Нерч. Зав. и обратно было совсем не по силам. В это время началось боксерское движение в Китае. Туда двинулись русские войска. Медицинский персонал был почти весь мобилизован, нехватало фельдшеров. Я воспользовалась этим и предложила безвозмездно работать фельдшерицей в нерчинско-заводской амбулатории, а для этого надо было жить в Нерчинском Заводе. Окружной начальник Савинский, старик, слышавший рассказы о декабристах и мальчиком сам учившийся у петрашевцев, относился с большим уважением к политическим. Он написал в Читу губернатору, что в виду недостатка медицинского персонала в Нерчинском Заводе желательно утилизировать предлагающую свою работу Ковальскую в качестве фельдшерицы при амбулатории. Прибавляя при этом: „хотя Ковальская осталась при своих старых взглядах, но в Нерчинском Заводе ее идеи почвы не найдут, а потому просил бы ее перевести в Нерчинский Завод замещающей фельдшера“[1]. Таким образом, я переехала в Нерчинский Завод, со мной переехал Маньковский, с которым мы были уже обвенчаны и который оставался добровольно в районе каторги, хотя имел право выехать за границу, как иностранный подданный[2].

Утром до 3-х часов я работала в лазарете под руководством врача Сильвинского, а вечером—в библиотеке, которая сделалась культурным центром Нерчинского Завода. У меня завязались знакомства с местными жителями, с учениками горного училища, с офицерами стоявшего в Заводе казачьего батальона, с рядовыми казаками.

Присматриваясь в библиотеке и в лазарете к разным лицам, я вначале давала легальные книги, а затем перешла к нелегальным изданиям. Маньковский ездил часто в Читу и привозил оттуда нелегальщину. Мы ее переписывали от руки (никаких приспособлений не было), распространяли в Нерчинском Заводе, а через доктора Бека и в казачьих станицах. Бывали доносы, но начальник округа Савинский не давал им хода и пресекал сам всякие выпады против нас.

Обстоятельства сложились для нас чрезвычайно благоприятно. С одной стороны, Савинский, с другой—Сюненберг, начальник кабинета его величества, самая важная персона в Нерчинском Заводе, женатый на родной сестре Игельстрома(90), судившегося вместе с Маньковским по делу „Пролетариата“ в Варшаве,—оба явно покровительствовали нам. Томилин, начальник каторги, относился к нам, политическим, с большой симпатией.

[1] Это заявление приложено к делу Ковальской, находящемуся в Ленинградском архиве.

[2] В то время иностранных подданных, по окончании каторги, отправляли не на поселение, а в свое отечество. На этом был построен Маньковским план моего от‘езда в Австрию, как жены иностранного подданного.

Выпущенные позже в вольную команду Кочурихин и Славинский(90), особенно первый, много работали в библиотеке и складе. К этому времени в Нерчинский Завод приехал врач Сильвинский, который принялся усердно работать по библиотеке.

В 1903 г. окончился срок моей каторги. Я была назначена в Якутскую область на поселение, но Маньковский послал министру внутренних дел заявление, что я, как австрийская подданная (жена иностранного подданного принимает подданство мужа), должна быть выслана вместе с ним на его родину. Долго тянулась переписка, проходя разные инстанции вплоть до Николая II[1]. А тем временем меня выслали в Верхнеудинск до решения этого вопроса.

В 1903 г. получилось распоряжение—выслать меня с Маньковским в Австрию, без права обратного в'езда в Россию.

---

[1] Вся эта переписка находится в деле Ковальской в Ленинградском архиве.

ЕЛИСАВЕТА НИКОЛАЕВНА
КОВАЛЬСКАЯ

ИППОЛИТ НИКИТИЧ
МЫШКИН

Н. Ростов.

Расплата.

(Алгачи и убийство Бородулина).

1. Акатуй в 1905-6 г.г.

Едва почувствовав под ногами твердую почву после ударов 1905-1906 г.г., царское правительство не замедлило обратить свое внимание на содержавшихся в Акатуе политических каторжан. Их было много там. Помимо группы шлиссельбуржцев—Созонов⁰), Гершуни⁰), Сикорский, Мельников, Карпович⁰)—каторжную тюрьму заполняли участники восстаний конца пятого года и террористических актов 1906 г. В условиях распада центральной власти, в Акатуйской тюрьме сложился тот удивительный режим, о котором Созонов впоследствии говорил, как о „гостинице". В действительности, так оно и было.

Местная власть не посягала на завоеванные условия даже после ряда побегов [1].

Больше того, в мужскую тюрьму была помещена группа политических каторжанок—Спиридонова, Измайлович и другие.

13 октября 1906 г. совершился побег Г. Гершуни. С этого момента Акатуй не сходит со страниц черносотенной прессы, а в недрах главного тюремного управления вопрос об „укрощении" каторжан становится в порядок дня. Собственно вопрос шел не об одних политических каторжанах. Негодным было признано и все местное начальство тюрьмы.

В начале 1907 г. главное тюремное управление предписало военному губернатору Забайкальской области произвести ряд реформ в условиях содержания политических каторжан в Акатуе, руководствуясь при этом уставом о ссыльных. На обыкновенном языке это значило, что все льготы, которыми пользовалась тюрьма, должны пойти на-смарку.

2. Метус и Бородулин.

Военный губернатор с своей стороны преподал начальнику каторги Метусу ряд указаний, предложив ввести в Акатуе новый режим с 15 февраля 1907 г. Одновременно им было предложено всех женщин перевести в Мальцевскую тюрьму.

Метус, как сообщает ген. Спиридович, «стал энергично проводить в жизнь новые порядки». Он лично приехал в Акатуй и

[1] По данным генерала Спиридовича, с 17 июля по 26 октября 1906 года из Акатуя бежало 15 человек. Повидимому, в эту цифру входят и уголовные.

привез с собой в качестве ретивого исполнителя начальника Алгачинской тюрьмы Бородулина. Приказы его были лаконичны— отобрать большую часть книг, заковать, запереть, лишить улучшенной пищи.

В зимнюю стужу было приказано вывезти женщин (некоторые были больны) в Мальцевскую тюрьму. Е. Созонов и Карпович предложили протестовать всей тюрьмой против этого увоза. Но сами женщины от этого отказались. Увоз их прошел без инцидентов. Это несколько раздосадовало Метуса и Бородулина, ибо они полагали дать „бой" именно на этом, отчасти выгодном для себя вопросе.

Этим и можно об'яснить, что новые меры, даже по официальному заявлению, «проводились с большой резкостью». Несомненно, что столкновения жаждала администрация. Поэтому она сделала второй шаг, закончившийся плачевно, в конечном итоге, для нее же самой.

Желая обезглавить акатуйцев, Метус приказал перевести тридцать человек в другие тюрьмы—15 в Горный Зерентуй и 15 в Алгачи. В последнюю партию входили Созонов, Карпович и др.

3. В Алгачах.

2 марта партия прибыла в Алгачи. С этого момента начинается ряд насилий и издевательств над акатуйцами. Перед водворением их в тюрьму, Бородулин приказал всех остричь и переодеть. В ответ на отказ последних была применена сила, при чем конвойный ударил прикладом первого отказавшегося стричься— Штильмана ([91]). Во время переодевания и стрижки администрация, во главе с Бородулиным, вела себя нагло вызывающе. Очень далекий от каких бы то ни было симпатий к каторжанам, жандармский генерал Спиридович говорит, что «администрация была предубеждена против вновь прибывших, тюремные надзиратели обращались грубо, Бородулин кричал и грозил привести к повиновению самыми решительными мерами». Подобное отношение не могло не вызывать противодействия со стороны акатуйцев. Они решили не подчиняться алгачинскому режиму, не снимать шапок перед Бородулиным, не становиться на поверку. 3 марта вечером вся камера, где были изолированы акатуйцы, запела. Это был вызов, брошенный в лицо Бородулину, стремление схватиться с ним поскорей, „не затягивать", как писал Созонов Спиридоновой. Но Бородулин на этот раз смолчал. Сам Созонов, протестуя против учиненного насилия, принял морфий. О своих мотивах он написал в письме, оставленном у П. Куликовского. Но доза оказалась недостаточной, и на утро он проснулся «с невыносимой головной болью и рвотой».

4. Письмо к Якубовичу.

События разыгрались 5 марта. Подробности этого столкновения мы находим в письме Е. Созонова к поэту П. Ф. Якубовичу-Мельшину:

«2 марта мы покинули Акатуй. При уходе из Акатуя я получил предупреждение: „Будьте осторожней. Вы взяты по личному ходатайству Бородулина и переводят вас со специальной целью, чтобы там что-нибудь сделать с вами". Это предупреждение касалось лично меня и еще почему-то Штильмана. Предупреждения, впрочем, были излишни, мы и так не могли не знать, что нас ведут на муки и издевательства. И когда по приходе в Алгачи нам сказали, что нас переоденут во все казенное—а своего у нас ничего не было, кроме белья на себе—и остригут, то в этом мы увидели начало издевательств и, чтобы надолго не затягивать мук, решили протестовать. Нас среди глубокой ночи поодиночке уводили в канцелярию под конвоем. Там было очень торжественно: яркое освещение, присутствие всей администрации, у дверей конвой. „Шапку долой! Сорвать шапку! Раздеться! Сорвать с него все! Остричься!... Остричь его насильно"—слышалась команда Бородулина, который то появлялся из соседней комнаты, то снова прятался туда, скрываясь за стеной солдатских штыков. Протестовавшего схватывали, срывали все платье и все белье и стригли. Двух первых товарищей—Штильмана и Рыбникова ([92]), особенно первого—сильно избили прикладами. Бородулин кричал: „Прикладами его, в голову, я вас усмирю! Здесь вам не Акатуй. И костей от вас не останется". И все это проделывалось не секретно, а при торжественнейшей обстановке, на глазах многолюдного общества. К полуночи мы, наконец, снова очутились все вместе в отведенной для нас камере и из общих рассказов могли восстановить полную картину содеянного над нами преступления... Очевидно, нам предстояло совершить еще длинный скорбный путь

Так как очевидно было, что Бородулин ищет предлогов придираться и мучить нас, то мы, предвидя, что при остром желании Бородулина предлоги всегда найдутся, решили не делать никаких уступок ни дисциплине, ни режиму. Мы отказались строиться на поверку и вставать по команде „смирно, встать", которая раздавалась всякий раз при появлении начальства (в Акатуе ничего подобного не было). Первые 3 дня нашего пребывания здесь были днями приговоренных, ожидавших казни... Ежедневно, ежечасно, ежеминутно, дежуря ночью, ожидали мы, что вот явится палач, чтобы окончательно расправиться с нами... И 5-го он явился... Тов. Рыбников, встретившись в коридоре с Бородулиным, не снял перед ним шапки и за это был уведен в карцер. Мы могли ожидать, что там его изобьют или сделают с ним еще что-нибудь похуже. Поэтому мы потребовали к себе Бородулина, угрожая, если он не явится, выбить дверь... Бородулин явился с солдатами. Послышалась команда: „смирно, встать". Мы, не вставая, отвечали: „Мы не встанем. Верните нам товарища, или всех нас возьмите в карцер, потому что Рыбников не виновнее нас".—„Молчать, возьму кого захочу. Возьмите вот этих",—закричал Бородулин, указывая на двух товарищей, сидевших с краю. Солдаты, было, бросились к указанным жертвам, но мы схватились за товарищей и

не пускали их... „Прикладами их, в голову",—кричал Бородулин. Произошла дикая свалка. „Розог сюда",—закричал Бородулин, и розги были уже принесены. Мы сбились в кучу, схватились рука в руку и образовали сомкнутую цепь... Солдаты снова бросились на нас; озверевшие, с оскаленными зубами, они стали бить нас прикладами куда ни попало. Скоро на полу, как трупы, валялись трое товарищей... На голове одного зияла рана, лицо другого в крови, третий почти без памяти стонал, схватившись за грудь. Солдаты, отнявши одного из товарищей, утащили его в карцер и теперь стояли перед нами, созерцая плоды своей победы. Из-за их спин выглядывал Бородулин... Что-то на этот раз удержало его от мысли привести в исполнение свой приказ относительно экзекуции... Приказавши отобрать у нас постели, он лишил нас горячей пищи, прогулок, велел на целый день поставить парашу. „Пусть сидят в светлом карцере" (двое товарищей, уведенные в карцер, закованы в наручники). Во время свалки на нарах нашли столовый нож; вот—предлог для нового обвинения в покушении на этот раз уже не в оскорблении, а на жизнь... Можно предать даже военно-полевому суду.

Все возможно и, заглядывая даже в недалекое будущее, мы не видим границ произволу. Говорят, Бородулин ждет указаний начальника каторги относительно розог... Единственный для нас выход, это—в последний момент заставить палача убить нас. Все сочувствие тюрьмы, не исключая и уголовных, которых Бородулин старается подкупить разными льготами, на нашей стороне, и нам стоит большого труда удерживать заключенных от вмешательства в нашу борьбу. Если разыграется история, будет много крови и масса жертв. Не смеем верить в благополучный исход, но мы спокойны тем спокойствием, с которым ждет своей смерти приговоренный. Только одно дело—умирать смертью активного борца и другое, совершенно другое—пасть жертвою произвола такого ничтожества, как Бородулин...

До сих пор все, что сказано вами в „Мире отверженных", было так далеко от нас, что казалось почти легендарным. Теперь для нас—не знаем, надолго ли—возвращаются старые времена, может быть, даже времена Алексеевского равелина. Дай бог, чтобы для нас последних...».

5. Через месяц.

Месяц понадобился для того, чтобы алгачинские события стали достоянием гласности. 5 апреля член II Государственной Думы Успенский получил телеграмму из Благовещенска от Серафимы Клитчоглу ([93]).

«Акатуйской тюрьме происходят ужасы: политических бьют. Алгачи переведены 15 политических Акатуя. При переодевании арестантскую одежду жестоко избили прикладами по приказанию начальника тюрьмы Бородулина. Позже ввел тюрьму 60 солдат и приказал бить политических прикладами. Весь пол был залит

кровью, били потерявших сознание, 13 человек избиты, двоих за ноги потащили по полу и сбросили с крыльца на камни. Бородулин запросил разрешения начальника каторги Метуса пороть политических розгами, заключенные в отчаянии—жизнь всех в большой опасности. Ваша обязанность немедленно расследовать дело, охранить жизнь политических каторжан.

Клитчоглу».

Эта телеграмма была сигналом к известному выступлению с.-р. и с.-д. в Государственной Думе. Хотя пред‘явленный правительству запрос и был принят, но реальных последствий он не имел. Зато агитационное его значение было очень велико. Это почувствовала и сибирская администрация. Сам Бородулин начал искать пути, если не примирения, то хотя бы некоторого отступления. Характерен в этом отношении его разговор с Созоновым[1] происшедший после убийства 28-го мая в Чите Метуса[2]:

—Вот я скоро должен буду посылать в Алгачи,—сказал Бородулин,—политических на работу по ремонту тюрьмы. Уверен, что встречу сопротивление. Я должен буду наказывать, а потом дело может кончиться оружием.

Созонов ответил, что политические никогда не тешили себя ложной надеждой, что жизнь их находится в безопасности.

Бородулин начал уверять, что жизнь их находится в безопасности.

— Вы еще не знаете меня. Вы, если поживем с вами подольше, еще убедитесь, что я далеко не зверь. И за что вы на меня так озлоблены? Ведь я только исполняю, что мне приказывают. А я знаю, что меня убьют. Я не боюсь этого, но интересно знать, за что же?

— Вам это так же известно, как и всей России,—ответил Созонов.

Тогда Бородулин начал просить Созонова написать, чтобы его скорей убили.

— Самое мучительное,—говорил он,—ожидать, уж лучше бы поскорее. Пишите письмо, даю слово пропустить.

Созонов указал, что самый разговор этот показывает, насколько внутренне он считает себя виновным и достойным смерти.

— Мое письмо,—продолжал Созонов,—ничего не может изменить. Господином вашей судьбы были вы сами, сами своими действиями заслужили известные последствия, а будут они или нет, это решат люди на воле, а не мы.

— Значит, мне пора заказывать гроб и копать могилу за сопкой?—жалко улыбаясь, обратился Бородулин к надзирателям.

[1] „Знамя Труда“, № 33.

[2] Убийство это совершила член боевой организации п. с.-р. Щукина-Козловская (94).

На воле, действительно, судьба Бородулина была решена. Уже в июне в Алгачах был сибирский боевик, известный под кличкой „Иван Иванович". Но как-раз в это время Бородулин, пытаясь отвести от себя руку Немезиды, взял отпуск и уехал в Псков. Сообщения тогдашних газет и заграничного „Знамени Труда", будто Бородулин «вымолил себе перевод в Европейскую Россию», не верны: Бородулин поехал в Псков, чтобы забрать семью и вернуться обратно в Нерчинскую каторгу.

„Иван Иванович" поехал следом за Бородулиным и, убедившись, что тот едет в Псков, где и остановился, выехал в Петербург и вступил в связь с „Северным летучим отрядом", во главе которого стоял „Карл"—Альберт Трауберг (95). Этот отряд и решил судьбу Бородулина.

6. Конец Бородулина.

В начале августа 1907 года в Псков прибыла группа членов „Северного летучего отряда". Она состояла из трех человек: „Ивана Ивановича", „Федора Ивановича" и Ф. Масокина (96). Во главе псковской организации п.с.-р. стоял М. А. Еленев, живший по паспорту Владимира Ивановича Елисеева. Совещания приехавших боевиков состоялись в квартире Еленева, который жил вместе с членами организации Рамзе и Жандром (97) в отдельном домике Гуппе за вокзалом. Здесь и был выработан следующий план убийства С. Бородулина.

Федор Масокин под видом разносчика телеграмм должен был проникнуть в квартиру Бородулина и во время разговора застрелить его. Для того, чтобы задержать Бородулина, адрес на телеграмме должен был быть несколько искажен.

24 августа в Петербурге из почтового отделения в Лесном была послана телеграмма в Псков „Бородулину". Масокин, одетый в форме почтового разносчика, с сумкой, получив фальшивую телеграмму, вечером отправился на Гоголевскую улицу в квартиру Бородулина. Через некоторое время он вернулся и заявил организаторам акта, что Бородулина не застал дома.

В действительности, случилось следующее: подойдя к квартире Бородулина, Масокин спрятал под забором браунинг и позвонил. Вышла жена Бородулина, которой он передал телеграмму, а сам остался в ожидании расписки. Через несколько минут вышел сам Бородулин и заявил, что телеграмма адресована, повидимому, не ему, и стал тут же соображать, кому бы она могла быть. В конце-концов Масокин забрал телеграмму и вышел.

Как видите, план был разработан прекрасно, если бы исполнителем его не был будущий предатель, обозначившийся уже в этом деле. Ночью в тот же день состоялось новое заседание, на котором было решено Масокина отправить в Петербург, а убийство Бородулина поручить двум членам летучего отряда: „Ивану Ивановичу" и „Федору Ивановичу".

К этому времени отпуск Бородулина заканчивался. Решено было убить его, когда он будет делать свои прощальные визиты. Выбрали момент посещения Бородулиным начальника Псковского централа, полк. Черлениовского (98). „Федор Иванович" должен был задержать лошадь, а „Иван Иванович" застрелить его, приняв во внимание, что на Бородулине мог быть одет панцырь.

28 августа с утра все участники вышли на Кохановский бульвар. Ждать пришлось долго. В два часа дня Бородулин выехал из каторжной тюрьмы, проехал дровяной переулок и направился по Кохановскому бульвару. „Федор Иванович" вышел наперерез и схватил лошадь под уздцы. Ничего не сообразивший извозчик крикнул:

— Брось, чего балуешь?

В это время „Иван Иванович" вскочил на подножку и выстрелом в лоб убил Бородулина наповал.

Оба бросились бежать—„Федор Иванович" через огороды, за город, „Иван Иванович" прямо по Кохановскому бульвару. За ним погнались, он сделал попытку отстреливаться, но выстрела не последовало, ибо *первая гильза застряла* в стволе. „Иван Иванович" был схвачен. Прибежавший полковник Черлениовский собственноручно стал избивать его шашкой. „Федор Иванович" скрылся.

При аресте „Иван Иванович" пред'явил паспорт на имя Федора Рыбака. В дальнейшем заявил, что он—сын нарымского купца Петр Яковлевич Иванов. До сих пор не удалось установить, есть ли это имя подлинное[1]. На суде Иванов признал свою принадлежность к „Северному летучему отряду". Убийство Бородулина мотивировал его жестоким обращением с политическими в Нерчинской каторге. Приговоренный к смертной казни, Иванов был повешен на Лисьем носу.

7. Предательство Ф. Масокина.

Ф. Масокин прибыл в Финляндию и явился к Карлу с сообщением о своей неудаче. В ответ на это Карл дал ему прочесть газету от 29 августа, где было помещено сообщение об убийстве Бородулина.

И вот теперь задаешься вопросом, как мог такой выдающийся по уму человек, как Карл, после этого поручить Масокину покушение на Щегловитова (99).

Арестованный на этом покушении, Масокин стал предателем, выдал, между прочим, и псковскую организацию, поскольку она участвовала в деле Бородулина, но жизнь себе этим не спас. Он был казнен 14 марта 1908 года.

8. Максимовский и Рогозинникова.

Убийством Бородулина алгачинские события не закончились. 15 октября 1907 г. член того же „Северного летучего отряда" Е. Рогозинникова (100) („Медвеженок") застрелила начальника главного тюремного управления Максимовского. По приговору военного суда Рогозинникова казнена 18 октября 1907 года на Лисьем носу.

[1] Это был, действительно, П. Иванов, которого я лично знала еще в Чите, когда он был гимназистом, и в 1905 г. в России. *А. Я.*

И. Жуковский-Жук.

В дни борьбы.

(Воспоминания и документы о Кутомаре).

Смеркалось, когда нашу небольшую партию человек в 13 после нелюбезного приема загнали в пересыльную камеру Горного Зерентуя. Нас, политических, было трое: я, Миней Губельман (Емельян Ярославский (101) и мой сопроцессник Орест Михайлович Боков (102). Минут через 15 к нам в камеру пробрался брат Губельмана (103)—Моисей, работавший в Зерентуе в тюремной мастерской и пользовавшийся сравнительной свободой. Он рассказал нам вкратце о Кутомаре, о происшедших там самоубийствах и о настроении в Горном Зерентуе. Он обнадежил нас, что мы, по всей вероятности, останемся в Зерентуе, что политики будут хлопотать за нас, но это мало радовало. Сознание было отравлено трагедией, творимой в Кутомаре.

Назавтра нас троих перевели в нижний этаж тюрьмы в одиночку. В тот же день Губельман был переведен в мастерскую к брату, и мы остались вдвоем.

В связи с кутомарскими событиями на каторгу ожидался приезд высшего начальства, и в Горном Зерентуе к этому усиленно готовились. Всюду подметали, мыли, скоблили, чистили.

Начальник тюрьмы Ковалев любил хвастнуть перед высшим начальством образцовым порядком тюрьмы и наводил внешний лоск на старую гниль.

Ковалев был ловкий тюремщик. Он знал по опыту, что каждое посещение тюрьмы властями предержащими неизбежно оканчивается каким-нибудь столкновением с политическими. Поэтому он решил сделать так, чтобы и овцы были целы и волки сыты, — задача не из легких, но он с ней справился блестяще. Зашел к политическим, рассказал им, что ожидается приезд губернатора Кияшко и предложил им путем компромисса избежать столкновений с генералом (в тот период отношения у политиков с Ковалевым были сносные). Соглашение скоро было достигнуто: оно заключалось в том, что все политические в присутствии губернатора исполнят все требования и формальности вплоть до «тыкания», а по уходе начальства они попрежнему сохранят льготы и привилегии, какими пользовались до сих пор.

Когда соглашение было заключено, к окну нашей одиночки подошел т. Михлин, посвятил нас во все дела зерентуйских политиков, об'яснил их поведение и спросил, согласны ли мы присоединиться к ним в вопросе о встрече Кияшко. Нас, новичков, это поставило в затруднительное положение, и мы ответили категорическим отказом.

Они не посоветовались с нами и не спрашивали нас, когда договаривались с Ковалевым. Естественно, что их готовому решению в

таком серьезном для политических вопросе мы с легким сердцем присоединиться не могли. Мы ответили Михлину, что будем действовать по-своему, не связывая себя с ними, и реагировать на поведение Кияшко соответствующим образом. Мы твердо решили оберегать свое человеческое достоинство, всеми средствами вплоть до самоубийства, и просили товарищей через Михлина снабдить нас ядом. Мы ожидали от тюремщиков всего и готовились к худшему.

Михлин ушел с опущенной головой.

Так прошел тяжелый день. Наутро от уголовных мы получили известие о прибытии из Кутомары партии протестантов из числа голодающих. Мы приняли меры, чтобы связаться с ними, но это нам не удалось. Узнали только, что фамилии прибывших: Алешкер [0]), Брильон [0]), Михайлов [0]), Горбунов [104]), Зимин [105]), Полубояринов [106]), Ф. Петров, Мошкин, Пирогов [0]) и Курцбарт и что оставшиеся в Кутомаре политики голодовку продолжают. Мы предвидели, что нас отправят в Кутомару. Начальник тюрьмы Ковалев в беседе с одним зерентуйским политиком заявил, что держать у себя политических, особенно строптивых, он не намерен и отправит их в Кутомару.

Мы принадлежали к числу строптивых: накануне у нас произошло столкновение с помощником Макаровым из-за того, что мы не встали, когда он заглядывал в дверной волчок. Он набросился на нас с грубой руганью, грозил египетскими казнями и, повидимому, пожаловался на нас Ковалеву. Действительно, кажется, в тот же вечер нам об'явили, что завтра нас отправят в Кутомару.

Был конец августа. Стояли холодные утренники, и земля по утрам серебрилась инеем, когда однажды нас вызвали с вещами. После традиционного обыска мы вышли за тюремные ворота. Там в кольце конвоя стояло несколько каторжан. Это были кутомарцы. После двухдневного пребывания в зерентуйской больнице их отсылали снова в Кутомару, на новые страдания, может быть, даже на смерть.

Хитрый Ковалев не хотел концентрировать у себя неспокойных политиков и, во избежание скандала, отправил их обратно обманным способом. Перед отправкой он заявил им, что они идут в Кадаинскую тюрьму, в больницу, в виду отсутствия мест в Зерентуе. В действительности же, они назначались в Кутомару.

Передо мной стояли бледные, изможденные люди. Особенно поразил меня Алешкер. Маленький, худощавый, бледный, он походил на скелет. А между тем это был человек неимоверного упорства, огромной силы воли и выносливости. Его острые, проницательные глаза горели решимостью. Мы быстро перезнакомились и через несколько минут дружески беседовали на злобу дня: о предстоящем пути и о Кутомаре.

Кровавых событий на Нерчинской каторге нужно было ожидать давно, и политические их ждали. Тюрьмы Забайкалья были почти единственными, где в некоторой степени политические еще чувствовали себя людьми. На верхах не могли мириться с этим и послали в Кутомару Головкина, чтобы довершить то, что не успел в Зерентуе Высоцкий.

Головкин принял Кутомарскую тюрьму в начале июля. Среднего роста, худощавый, с кирпичного цвета лицом, изрытым оспою, с жидко пробивающимися темными усиками, с бессмысленным холодным взглядом, он производил жутко-отталкивающее впечатление. Его маленькие, злые глаза никогда не смотрели прямо в лицо, а куда-то в сторону.

Говорить связно он совершенно не умел, и речь его пересекалась на каждом слове фразой: «так сказать, так сказать».

Должность начальника тюрьмы, неограниченная власть над сотнями людей опьяняла его, кружила ему голову. Человек с мелким самолюбием и ничтожной душонкой, Головкин на каждом шагу давал почувствовать свою власть. В манерах он старался подражать офицеру, но выходило это у него грубо и карикатурно.

У него уже был некоторый тюремный стаж. Он служил одно время помощником в Орловском централе, затем был переведен на Амурскую дорогу начальником рабочей каторжной команды, а когда понадобился человек-автомат для усмирения политических, Головкина назначили в Кутомару. Название автомата к нему весьма подходит. Я, например, никогда не видал его улыбающимся, а когда он злобствовал, то казалось, что это совершается механически, как в машине, колеса которой с одинаковым темпом ломают и бездушные предметы и мыслящего человека, попавшего под зубцы.

В наших дорожных разговорах о событиях последних дней мы как-то невольно заговорили о тюремном терроре, о применении его к Головкину, виновнику смерти товарищей. Эту мысль выдвинул Брильон, и мы за нее горячо ухватились. Мошкин, Брильон, Михайлов и я долго и подробно ее обсуждали. Строили различные планы, как и где можно напасть на Головкина и воздать ему по делам его. С самым искренним и горячим желанием убить начальника приближались мы к тюрьме. Не дрогнули бы руки в решающий момент. Но..., к сожалению, момент этот не наступил. Для нас, закованных по рукам и ногам, под зорким наблюдением стражи, Головкин оказался недосягаемым.

Вечером 30 августа голодные, продрогшие, мы прибыли в Кутомару. Дорогой некоторые товарищи, как Михайлов и Алешкер, обессиленные голодовкой, не могли итти, и их пришлось вести под руки. От усталости я не чувствовал ног.

Истекал пятнадцатый день, как была об'явлена в Кутомаре последняя голодовка. Мы совершенно не знали, что творится в тюрьме: голодают ли товарищи, все ли живы и попрежнему крепки, или Головкин сломил их? Проходя мимо барака политических вольнокомандцев, мы увидели стоящих часовых. Это значило, что вольнокомандцы арестованы и что события остались без изменений. Стоявший у своего домика единственный не арестованный тов. Сошников ([107]) крикнул нам, что голодовка продолжается.

Мы приготовились к худшему: шапок решили не снимать, не отвечать «здравия желаю», а это неизбежно влекло избиение, может быть, и порку. По два в ряд вошли мы в раскрытые ворота в мрачный, опустевший двор. Головкин стоял в стороне, а рядом с ним старший надзиратель Апрелков. Ни команды «смирно», ни «шапки долой», ни «здорово», ни прочих скорпионов не последовало, только полушопот надзирателя-привратника, считавшего арестантов: «раз, два, три, четыре»,... нарушал кладбищенскую тишину.

Тюремный двор, действительно, напоминал нечто могильное. Было темно, накрапывал холодный дождь, встречные надзиратели и арестанты двигались молчаливо и безжизненно. Из 1-го корпуса, где сидели голодающие, на постели тащили в тюремный лазарет полуумирающего т. Капульского [0]). Начальство не давало ему спокойно умереть и решило поддерживать жизнь искусственным питанием.

Нас загнали во 2-ю камеру 3-го корпуса. Нужно было наметить план дальнейшего поведения. Все сошлись единодушно на одном — поддержать голодающих и разделить их судьбу. Павел Михайлов вызвал дежурного надзирателя и от имени всех заявил, что мы, 10 политических, присоединяемся к товарищам из 1-го корпуса и об'являем голодовку. Немедленно мы стали выкладывать из сумок все с'естное: чай, сахар, масло, творог, которыми запаслись в дороге, и все до кусочка передали остальным заключенным, не участвовавшим в протесте.

После утомительного пути голод давал себя чувствовать. Страшно хотелось есть — до тошноты. Так вкусно пахло свежим хлебом, только-что принесенным для нас, и так приятно манил кипяток своим дымящим паром.

Кончилось чаепитие, камера готовилась к поверке. Условились с уголовными, чтобы на поверке стать в разных местах: мы могли подвергнуться побоям, и, чтобы не попало невинным, нужно было разделиться. Так и сделали.

30 заключенных стали в одном ряду, а мы, 10 политических,—в другой стороне камеры. Поверка, сверх всякого ожидания, прошла спокойно: Головкина не было, поверял помощник Каблуков.

На другой день была приемка партии. Сначала приняли уголовных, затем нас. Выгнали всех в холодный коридор, раздели до-нага, и, пока производили обыск, мы голые стояли и дрожали. Отняли у нас все до ниточки, одели в грязное рваное белье и одежду и вновь загнали в ту же камеру.

Через час пришел старший и сообщил, что политические со вчерашнего вечера прекратили голодовку и приняли обед. Мы отказались верить ему на слово и требовали, чтобы он разрешил нашему представителю убедиться лично, что голодовка кончилась. Тюремщик отказался. Мы продолжали голодать. Перед вечером нас вызвали в коридор и перевели в первый корпус к политическим, которые действительно голодовку прекратили.

Из камеры, куда я вошел, на меня пахнуло трупным запахом. На нарах, словно покойники, лежали люди, худые, тощие. Они почти не шевелились, и только по лихорадочному блеску глаз можно было узнать, что это не трупы, а живые люди. Я прислонился к стене, оглядывая всех недоумевающим взглядом.

— Да ведь это наши, — привел меня в себя голос т. Полубояринова. Даже он, проведший вместе с ними несколько лет, не мог их узнать, настолько люди изменились.

Начались приветствия, расспросы, и тут только в этих измученных людях заискрилась жизнь. Мне стало легче. На столе лежала наваленная груда хлеба и кусочков мяса, накопившихся за время голодовки. Все это теперь было внесено в камеру — засохшее и гниющее. Некоторые потихоньку жевали хлеб, еле шевеля губами.

— Ешьте, товарищ, суп, — предложил мне худой, высокий старик Сердюков ([108]), бессрочный каторжанин. — Голодовку мы действительно окончили, — продолжал он, — потому что в нашем положении она потеряла всякий смысл...

О событиях, происшедших за период голодовки, точное указание дает письмо участника голодовки, тов. Лышковского, к возвратившемуся из Зерентуя Брильону:

«Здравствуйте, дорогой Израиль Нисонович. У нас на поверке все стоят, но лишь раздается команда «смирно» — садятся и сидят вплоть до закрытия камер. Так будет и впредь, конечно, но сидеть еще до команды — мы сами еще этого не делаем, да и вам бы не советовали. Товарищ прокурора, между прочим, задал такой вопрос Петрову ([109]) Василию и Медницкому ([110]), вызванным от 3-й камеры. «А что, если кто-либо из вас, вследствие ли озлобления или по другой причине, не захочет вставать без команды?». Василий ответил, что таких случаев у нас не было и не может быть. Наконец, если бы нечто подобное случилось, то мы постарались бы убедить такого товарища вставать, и, в случае его упорства, предложили бы ему уйти от нас... Этот ответ, кажется, записан товарищем прокурора. Как видите, удобнее будет стоять на поверке до команды.

Раньше, чем перейти к допросу товарища прокурора, упомяну вкратце, что у нас произошло после вашего ухода. — На 14-е сутки голодовки у нас был обыск. Все вышли в коридор, и здесь производилось переодевание, после чего каждый из нас заходил в пустовавшую 2-ю камеру. По окончании обыска и уборки 1 и 2 камер, нас разместили как-то наудачу, хотя и вызывали по спискам. Сидим теперь в 3 камерах без различия, кандальный ли, не кандальный. В 1-й сидят: Верба ([111]), Козлов ([112]), Минаев, Черствов °), Капульский °), Васильев °); во 2-й — Кириллов, Горбунов, Зарецкий ([113]), Петров Феодор, Оссовский ([114]), Тур([115]), Пахомов, Коткин, ([116]), Паэгли °), Семеняк °), Иванов, Алешкер °) и я, в 3-й — остальные.

Голодовка протекала замечательно единодушно. Всего отстало, как знаете, четверо, да ведь из них может вызвать недоумение лишь один отставший, относительно же остальных можно только удивляться, как они смогли продержаться так долго. Пшеняник, например,

ушел ведь на 15-ые сутки. Никто не сожалеет об их уходе. Головкин вводит изоляцию. Началось заколачивание «телефонов», осмотр клозета после ухода оправившейся камеры, запрещение подходить к волчкам и пр., даже коридорщиков выгнали. Они заходят в наш корпус лишь утром, в обед и вечером. Затем, после того как первая от имени всех заявила об окончании голодовки, Головкин счел нужным опросить нашу и 3-ю камеры. При чем сказал: «не думайте, что если человек принял пищу, то его уже не тронут. Все, что требовалось раньше, будет требоваться и сейчас, а за неподчинение, как и прежде, будут применяться дисциплинарные взыскания». В 3-й он, между прочим, спросил: «почему вы перестали голодать, раз не подчиняетесь режиму?»...—«Потому, ответила камера, что нас стали кормить насильно»... «Ну, что ж — раз бы накормили вас, другой бы накормили, и так могло бы продолжаться месяц, полгода, а вы бы не сдавались».

Доктор всех нас записал на больничное довольствие на 2 недели. После от'езда доктора, на 4-й день после голодовки, Головкин приказал списать всех с больничной порции; уже хлеб накануне был нам выдан экономом, и вдруг на следующий день утром, когда мы хлеб отчасти уже с'ели, заявляется в камеру эконом и говорит, что нас по ошибке вписали, нельзя ли, дескать, хлеб возвратить. Но, конечно, ушел ни с чем, хотя хлеб все равно не пропадет. В этом инциденте важно то, что больничная пища нам возвращена была, пожалуй, под давлением тов. прокурора. В продолжение голодовки врач посещал камеры ежедневно. Приезжал тов. прокурора Читинского окружного суда. Держался также вежливо, но в камеру ходил с командой. Мы садились, — был он у нас 2 раза — после обеда и вечером на поверке на 9-е или 10-е сутки голодовки,—но он все-таки здоровался с нами и спрашивал, нет ли у нас заявлений. Ему ответили у нас (в 1-й кам.), что «вам главное все уже известно». Он это подтвердил, но тем не менее пожелал ближе познакомиться с «делом». Мы промолчали, и он ушел. Во второй ему при посещении тоже ничего подробно не заявили. На поверке же у нас в первой произошел такой разговор: «все-таки мне желательно было бы узнать от вас о ваших намерениях и цели голодовки». Я ответил: «у нас теперь одно намерение—умереть»... «К чему это? Ведь дело, быть может, можно будет и без смерти уладить». — «Нет, заявлений никаких не будем делать», — был наш ответ. Он ушел. Во второй же камере Иван Михайлович Козлов в ответ на обращение прокурора, не захотят ли его познакомить с обстоятельствами голодовки, попросил вызвать его, что и было сделано спустя 10—12 минут. Вызвал он Ивана Михайловича в коридор и здесь выслушал подробное изложение причин голодовки. После разговора с товарищем прокурора у Ивана Михайловича составилось мнение, что все должно было уладиться, если не в тот же вечер, то на следующий день, однако, это ожидание не оправдалось. На 12-е сутки голодовки приехал к нам чиновник особых поручений, командированный сюда читинским губернатором. Этот фрукт, между прочим, пользуется, должно быть, большим фавором у губернатора. Это видно из следующего: чиновник этот служил где-то на Кавказе и теперь вот недавно

переведен в Читу. Прямо с поезда отправившись к губернатору с целью представиться ему, он тут же получил поручение с'ездить в Кутомару и, узнав в чем дело, уладить наш конфликт с Головкиным. Мы к этому суб'екту отнеслись крайне подозрительно. Войдя к нам в камеру, он начал с того, что надо встать, когда командуют «смирно». Мы отмолчались. Тогда он опять обратился к нам со словами: «кто из вас может встать, чтобы поговорить?». — «Никто». Последовала длинная пауза, после которой я заметил ему, что голодовка продолжается 12-е сутки. Он ничего не ответил, повертелся немного в камере, затем спросил у Головкина, сколько в этой камере человек, проверил число пирогов, лежавших на столе, выданных нам по случаю торжеств, посчитал порции и ушел. Во второй держался еще возмутительнее. Войдя к ним, спросил Головкина, «что они не встают?». Ему кто-то из наших ответил, что голодают 12-е сутки (кстати, надо вам сказать, что большинство как в первой, так и во второй лежали или полулежали). «Ну, — обратился он к камере, — а если бы я хотел переговорить с кем-нибудь, сможет ли кто-либо встать?». — «Ты, например, мог бы встать», — обратился он к Капульскому. — «Я на такое обращение не отвечаю». — «Какое обращение?». — «Надо обращаться по-человечески». — «А «ты» разве не человеческое обращение?». — «Вы сами знаете», — и с этими словами Капульский отвернулся. Нахальный гость полюбопытствовал узнать у Головкина фамилию Капульского. Затем спросил Малахова ([117]), сможет ли он встать. Несмотря на то, что обращение было на «ты», Малахов стал с ним разговаривать. Он утверждает, что хорошенько не расслышал, на «ты» или на «вы» к нему обратился развязный гусь.

Узнав, что и Малахов не в состоянии встать, начальство ушло. Стали вызывать для допроса кого попало. Допрос производился в пустовавшей тогда третьей камере. От нас из первой вызывали Оссовского. Обратившись к нему на «ты», этот человек предложил ему сесть. Оссовский отказался и попросил его уволить от разговора. Фрукт не сдавался, но сразу перешел на безличную форму обращения, однако, Оссовский настоял на своем отказе от разговора. Вторично получив щелчок, наш гусь стал сдержаннее с Мейзеровичем ([118]), вызванным от первой камеры, и с Костиным — от второй. Но и от них немного ему удалось узнать, так как они не особенно разговорились.

У мирового судьи, приезжавшего на-днях, были я и Тур от второй, Верба и Васильев от первой. Судья (он же и следователь) допрашивал довольно-таки шаблонно. Заговорив с ним, я сразу убедился, что ему известно все подробно. Мои показания свелись, можно сказать, вот к чему: «недоразумения» с начальником начались со дня приема заключенных (к Зарецкому обратился на «ты»). Ставить перед ним вопрос о вежливом обращении пришлось после «вступительной» речи Головкина и особенно после того, как на раздавшуюся в первый раз команду «смирно» мы сели, что вызвало со стороны начальника реплику, подкрепленную увесистой русской бранью. Тут я привел буквальное выражение Головкина. Говоря о причи-

нах голодовки, я напирал, конечно, главным образом, на порку, на обещание Головкина сделать ее повседневным явлением; привел его слова относительно того, что за малейшее неповиновение к нам будут применяться дисциплинарные взыскания до применения оружия включительно.

«Из слов начальника,—продолжал я,—мы поняли, что порка Брильона, проделки с посылками и другие мелкие и крупные издевательства, практиковавшиеся начальником до того, все это — лишь цветочки, а ягодки впереди. Порка и другие издевательства, как обыденные, повседневные явления нашей жизни, создали для нас безвыходное положение. После речи начальника, сказанной им 17 августа на поверке, каждый из нас почувствовал медленно затягивавшуюся петлю. Нам оставалось ускорить этот процесс. У кого был яд, тот пытался отравиться, остальные же прибегли к голодовке не как к средству борьбы за какие-нибудь выставленные требования, а как к способу самоубийства. Если в разговорах с товарищем прокурора Чит. окружн. суда и чиновником особых поручений была речь о команде, обращении, молитве и проч., то говорилось об этом не как о требованиях отменить то и другое, а как о заявлениях, что того-то и того-то мы делать не можем. Ошибочно полагать, что голодовка нами была об'явлена с целью добиться каких-нибудь требований; об'являя голодовку, мы никаких требований не выставляли, целью последней голодовки было только самоубийство, так как положение создалось безвыходное. Мы могли вполне надеяться, что путем голодовки нам удастся покончить с собой, так как начальник дал нам гарантию, что мешать самоубийствам не будет. В таких случаях, по его словам, его дело лишь хоронить, и начальник сдержал бы свое слово. Но, к сожалению, вмешался кто-то третий и, приказав доктору применять ко всем голодающим насильственное кормление, сделал невозможным самоубийства путем голодовки; цель ее была сделана недостижимой, и тогда голодовка потеряла всякий смысл. Мы ее прекратили потому, что ничего другого, кроме смерти, не хотели ею добиться».

Вот, приблизительно, к чему сводится мое показание, данное на допросе у мирового судьи. Возможно, что кое с чем вы, одиночники, не согласитесь, но фактически это так было у нас.

У товарища прокурора Иркутской судебной палаты были я и Горбунов из второй, Минаев и Черствов из первой, Петров Василий и Медницкий — из третьей. Тема разговора та же, что и в ваших разговорах с ним. Вам удалось больше говорить, чем нам. Судя по вашим запискам, с вами он больше откровенничал, с нами он все время держался настороже. Но все же намек один, хотя и неясный, он сделал. Нас он спросил:—«скажите, пожалуйста, допустим, что телесное наказание отменено, тогда на другие стороны режима вы бы стали реагировать смертью?». — «Нет, мы бы прибегли к другим средствам». — «Ну, на команду «смирно» вы будете садиться, а что предпримете в случае, например, обращения на «ты»? — «Что ж, не будем отвечать!». — «Да, конечно!». В общем наш разговор с ним во многом был похож на ваш. Фигурировал, например, тот же вопрос о том, по

собственному ли почину отравились четверо или нет, кроме этого, были и другие вопросы, задаваемые всем о выписке, о добавочной прогулке и проч. и проч.

Все предыдущее мной было написано еще вчера, но я не успел переправить «ксиву» [1]. Между тем, вчера вечером у нас произошли некоторые изменения. Перед вечером третью камеру разместили в первую и во вторую. К нам попали — Сердюков, Бабенко, Малахов, а остальные в первую. После поверки дело раз'яснилось: туда — в третью — поместили наших прискателей. Их вчера, оказывается, взяли в партию прямо с разреза; они не успели захватить с собой ничего. Вчера на поверке они очутились в «калоше». Ничего не зная о том, что у нас тут произошло и происходит, а услышав команду, раздавшуюся в первой и во второй, они были озадачены, т. к. мы не успели сообщить им, как у нас обстоит дело с командой; они на команду не сели. Но сегодня уже мы с ними говорили, и они свое поведение намерены приноравливать к нашему. О них пока все; больше мы еще не успели узнать. Ждем от них записки. Из команды сообщали, что слухи об уходе Головкина — простая болтовня. Говорят, что якобы здесь будет Князев, теперь он будто бы на Шаманке. Команда со дня на день ждет нашествия Головкина. Числа 3-го сентября от них 15 человек повели на работу копать казенный огород. Как видно из записки «Дружка», у них настроение прескверное. Ну теперь, кажется, все. Сообщайте, что у вас? Нового ничего! Если будет охота и возможность, то черкните подробнее мне — Кедрину (Федору Лышковскому). Жму руку, Кедрин. Привет всем от всех».

Тянулись томительные дни неизвестности. Головкин своих позиций не сдавал. Каждую поверку мы ждали, что нас потащат в карцер, станут избивать, и нервы от этого были напряжены до крайности. Некоторые ждали помощи с воли — надеялись, что воля придет на выручку. Воля молчала.

Мы буквально задыхались в головкинских лапах, а бессильные попытки вольнокомандцев разрубить Гордиев узел террористическим актом не привели ни к чему. По этому поводу мы получали записки, мы знали горячее желание Исая Бланкова ([119]) и А. А. Яковлева [0]) убить Головкина, но осуществить этого им не пришлось.

У многих теплилась некоторая надежда на то, что вмешательство высшего начальства образумит, наконец, Головкина. Носился слух, что иркутский генерал-губернатор поручил забайкальскому губернатору Кияшко расследовать дело, а Кияшко, по слухам, был либералом. В действительности это был самый завзятый черносотенец, что и выявилось при его посещении тюрем.

Приезда Кияшко мы ждали с нетерпением. Обсудили детально, как себя вести, что делать. Решили поведения своего не менять и встретить его так:

В случае команды «смирно» — мы садимся, а затем один товарищ встанет и от имени всех об'явит ему причину нашего поведения. Ли-

[1] „Ксива“ на тюремном жаргоне—записка.

беральный генерал — не Головкин: он поймет нас и отнесется по-человечески. Как мы были наивны!

Кияшко приехал в Кутомару 13 сентября. Около 11 часов утра всех политических вывели на тюремный двор и выстроили у первого корпуса по 2 в ряд. Тут же невдалеке в новых мундирах выстроились солдаты конвойной команды.

На дворе было пасмурно и холодно. Лишенные долгое время прогулки, мы, очутившись на свежем воздухе, быстро продрогли и тряслись в своих арестантских бушлатах, как в лихорадке. Минут через 5 явился Кияшко с огромной свитой и почетным караулом. В серой генеральской казачьей шинели, в черной папахе, с палкой в руке, он быстро прошелся раза два по фронту и остановился около нас. Без команды и без приветствия, с места в карьер он приступил к «беседе»:

— Я—забайкальский военный губернатор, приехал сюда на каторгу, чтобы посмотреть лично, что здесь у вас творится. До меня дошли слухи, что вы, политические, ведете себя весьма неприлично: не слушаетесь начальства, не здороваетесь, не отвечаете на «ты», а на поверке, в присутствии администрации, кувыркаетесь на нары, как мальчишки...

— Господин начальник, — обернулся он к Головкину, вытянувшемуся в струнку, — правда ли это?

— Так точно, ваше превосходительство, — отчеканил Головкин.

— По-моему, этого больше не должно повторяться, — продолжал Кияшко. — Все арестанты должны подчиняться установленному законом режиму. Вы говорите, что вы политические, а не солдаты, и желаете, чтобы с вами обращались вежливо... У меня нет ни политических, ни уголовных — есть каторжные. Господин начальник, откуда вы взяли слово «политические»? Чтоб больше я его не слышал!

— Слушаюсь!

Кияшко продолжал:

— У меня есть верноподданные и скверноподданные. Вы — враги государства, вы — скверноподданные и должны подчиняться! Правительственному закону подчиняются все беспрекословно. Смотрите, вот стоят солдаты, верные защитники родины и престола, и они не протестуют, когда с ними здороваются.

Подойдя к замершим солдатам, Кияшко гаркнул:

— Здорово, молодцы!

— Здравия желаем, ваше превосходительство! — прогудело 30 с лишним голосов.

Кияшко вернулся к нам:

— Смотрите, как дружно они отвечают, а вы не хотите отдать приветствие начальнику. Теперь я, как истый русский человек, поздороваюсь с вами чисто по-русски.

И пройдя быстрым шагом вдоль нашей шеренги, он крикнул:

— Здорово, ребята!

Его слова жутко прозвучали в тишине и не встретили никакого ответа. Только до слуха его долетело чье-то робкое: здравствуйте!

Наступала буря.

Кияшко от неожиданности передернулся.

— Здравствуйте — не ответ, — сказал он презрительно. — Нет, не ответ!

Вдруг лицо генерала побагровело от злости, глаза загорелись ненавистью.

— Мерзавцы,—взвизгнул он.—Свиньи! Так вот как вы отвечаете на мое приветствие! Я с вами говорю по-человечески, а вы мне как отвечаете? Так вот как вы встречаете высшее начальство! Откуда вы знаете: быть может, я человек добрейшей души? Я приехал облегчить ваше положение, а вы?..

Он захлебывался, не мог найти слов. Задыхался от бешенства.

— Ведь большинство из вас бывшие рабочие и крестьяне, ведь многие из вас служили в солдатах, а теперь не хотите здороваться. Среди вас нет людей с высшим образованием, а вы мечтаете перестроить государство? Где же тут логика? Знаете ли вы, что такое логика? Логика, логика... это есть наука о мышлении, так сказать.

Он долго пытался об'яснить слово «логика», а затем снова стал уличать нас в невежестве и необразованности.

— Ведь вы — полуграмотные люди. Я просматривал ваши статейные списки в конторе; у вас значится: один недоучившийся реалист, один фельдшер и один студент, остальные солдаты и рабочие.

Внезапно изменив тон, Кияшко, отчеканивая каждое слово, произнес:

—Со свиньями поступают по-свински! Господин начальник, слушайте мои приказания! Я лишаю их всех законных льгот. Бессрочным прибавлю по 2 года кандального срока, а срочным—по году срока.

Вглядевшись пристально на наши ноги, он увидел, что некоторые товарищи без оков и в сапогах.

— Э, да я вижу, здесь некоторые без оков и даже в сапогах! Снять с них сапоги, заковать мерзавцев всех по рукам и ногам, отнять книги, выписку, лишить прогулок и переписки! И разогнать их по уголовным камерам!

Перечисляя все эти египетские казни, Кияшко кивал головой, а в такт ему кивал головой и Павел Михайлов. Заметив это, генерал позеленел.

— Чего ты крутишь головой?—крикнул он Михайлову;—смотри, чтоб она совсем с шеи не свалилась.

— Как его фамилия? — обратился он к Головкину.

— Михайлов, ваше превосходительство!

Он пытливо смотрит на Михайлова, но Павел выдерживает взгляд. Губернаторская свита затаила дыханье, ждет решения генерала... но тот ни звука.

Нас разогнали по камерам.

В тот же вечер всех вывели на коридор, принесли кандалы, заковали по рукам и ногам и снова заперли. Мы вздохнули свободно. Пусть холод, голод, карцер и лишения,—лишь бы не порка,—остальное нас не смущало. А губернатор, карая нас, ни слова не сказал о розгах.

Значит, минула нас чаша сия. Не страшен теперь тупой Головкин, — так думал радостно каждый из нас.

Под впечатлением пережитого шагаю возбужденно по камере. На меня в первый раз надели наручники. Железо на руках мешает ходить. С непривычки не знаю, как держать руки, и невольно размахиваю ими. Глядя на меня ([120]), старик Васильев заливается хохотом от моих неуклюжих движений. Ему ничего — бессрочник, он уже лет шесть ходит со скованными руками. Привык.

На другой день 14 сентября арестовали всех наших вольнокомандцев и посадили в тюрьму. Кияшко и у них так же разорялся, как и в тюрьме. Под впечатлением всего происходящего вольнокомандец Иван Ошко [0]) принял яд с целью самоубийства. Его унесли в лазарет, где благодаря своевременной помощи он остался жив. На вечерней поверке Головкин заявил, что губернатор уехал, приказав ему подчинить политических тюремному режиму, и он, Головкин, не остановится перед поркой.

— Советую вам обсудить положение и подчиниться, — закончил он. — Завтра приду за ответом.

Он ушел, а мы молчали.

Нужно ли говорить, какую пустоту почувствовали мы вдруг. Слишком коротка была наша преждевременная радость.

Снова начались самоубийства. Ночью отравился бессрочный Кириллов [0]). Матрос Черноморского флота, прошедший ряд каторжных тюрем, он всюду воевал с тюремщиками, отстаивая свое человеческое достоинство. А тут силы не выдержали, и он принял морфий. Яд оказался испорченным. Но Кириллов не был из тех, кто отступает от намеченного решения. Утром он принял стрихнин. И на этот раз яд действовал плохо. Началась медленная агония: он весь корчился в судорогах, извивался от боли и затаенно стонал, боясь, чтобы не услыхали тюремщики. Товарищи принуждены были смотреть на эти страдания и молчать.

Было около двух часов дня. Наша первая камера дремала, лежа на нарах. Мне не спалось.

Вдруг резкое и частое дребезжание и звон цепей о нары в соседней камере заставили меня вздрогнуть.

— Слышишь, что это?—толкнул я моего соседа Капульского.

— Вероятно, отравился кто-нибудь,—сказал он каким-то страшным голосом, — вот и мучит судорога.

От его слов я вскочил, как безумный. Мои товарищи по камере отнеслись к этому более спокойно. Они видели такие виды не первый раз, каждый из них не раз глядел в глаза смерти. Нервы их притупились. Я же был в такой обстановке в первый раз.

Мое волнение передалось и другим. Все приподнялись с нар. Сна как не бывало. Подошедший к отверстию в стенке, разделяющей камеры, Козлов узнал, что отравился Кириллов. Настроение мое было приподнятое до экзальтации. У Капульского был яд. Я это знал и бросился к нему.

— Дай мне яду, — молил я.

Но слова мои не долетали до него, погруженного в какую-то мысль. Когда я повторил свою просьбу, он бросил мне:

— Глупость задумал! Ты еще здоров и силен, ты должен бороться. Умереть всегда сумеешь, — и снова погрузился в свои думы.

А судорожное дребезжание цепей о нары продолжалось больше часу. Затем обитателей 2-й камеры повели в баню. Умирающий остался с Горбуновым или Алешкером, которые отвлекали внимание надзирателя от Кириллова. Пока в камере было много людей пока они разговаривали и гремели цепями, заглушая стоны страдальца, тюремщик ничего не подозревал. Но теперь в опустевшей камере неестественное звяканье кандалов привлекло внимание дежурного надзирателя.

Открыв камеру, он заметил скорчившуюся фигуру Кириллова на нарах и, несмотря на то, что товарищи прикрыли его какими-то лохмотьями, почуял, что случилось. Немедленно был вызван старший помощник Каблуков и Апрелков, которые с помощью уголовных-«лягавых» потащили умирающего в больницу. В этот момент нас выгнали в уборную. Стаскивая Кириллова с нар, «лягавые» бросили его на пол, как бездушный предмет. Глухой стон огласил камеру. Затем его вынесли на коридор. Кириллов хрипел, порой из его груди вылетал слабый стон. Очевидно, он был в агонии.

Спасти его уже нельзя было. Он умирал. На губах выступала кровавая пена. Его едва дотащили в лазарет. Он умер, не приходя в сознание.

Жить с каждым часом становилось невыносимее. Наступающий день приносил все более и более тяжелые вести. Прежде всего мы получили известие, что арестованные 14 сентября вольнокомандцы все подчинились тюремному режиму. Это окончательно доконало нас: теперь мы совершенно оказались забытыми и брошенными всеми. Не только воля, но и ближайшие товарищи бросили нас. Для Головкина это была большая победа.

Тут начались одиночные бегства из наших рядов. Некоторые товарищи не могли вынести такого тяжелого, гнетущего своей неопределенностью положения и поодиночке уходили. Они заявляли надзирателю, что подчиняются, тот немедленно открывал дверь, и товарищи, не глядя на нас, выскакивали из камеры.

Ко всему этому прибавились вести, принесенные возвратившимся из Зерентуя Пироговым. Он передал нам, что Кияшко, как смерч, проехал по всем тюрьмам и всюду чинил погром политических. В Зерентуе и Алгачах политические подчинились и рассажены по уголовным камерам.

Перед нами во всей своей грандиозности вставал и настойчиво требовал разрешения вопрос: подчиниться всем требованиям Головкина, или умирать. Середины быть не могло.

Вечером Головкин на поверке сказал, что дает последний срок для обдумывания нашего решения. При чем он добавил, что сидящие в одиночках Мошкин, Брильон и Михайлов подчинились. Мы чувствовали, что он не лжет. Это было видно по его торжествующему тону.

В эту ночь с 14-го на 15-е в наших камерах никто не спал. Решали вопрос: подчиняться, или нет. Обсуждали вопрос долго и подробно, взвешивали все. Большинство решило подчиниться, меньшинство—Васильев, Мейзерович ([118]) и Алешкер—стояло за неподчинение. Они предлагали об'явить голодовку и довести ее до смерти, но на уступку не итти. Чем сильнее доказывали первые необходимость подчиниться, тем упорнее становились вторые. Особенно непоколебим был Алешкер. Маленький, тщедушный, чахоточный, этот человек обладал могучей душой и стальной непоколебимой волей. Выходец из духовной, еврейской среды, анархист-коммунист по убеждению, он на каторге не подчинялся никакому режиму принципиально. Его тюремная жизнь, это—сплошная борьба с тюремщиками. «Каждый шаг революционера должен быть борьбой», страстно доказывал он, и в то же время он был противником самоубийств.

— Не нужно облегчать палачам задачу, — говорил он, — не мы себя, а они нас пусть убивают, если мы не можем их убить.

В нем было много чудачества, но вместе с тем душевной красоты и благородства. Увидя, что подавляющее большинство склоняется к подчинению, Алешкер заявил, что подчиняться отказывается и об'являет голодовку. Его поддержал Васильев.

Такой оборот дела тяжело действовал на всех: фактически становились чужды друг другу. Мы упрекали их в срыве единства действий и товарищеской солидарности, они нас — в трусости и малодушии.

События, между тем, надвигались. Приближался срок, когда мы должны сказать Головкину свое решение. Мы и не подозревали, что в тот же вечер, когда он был у нас и ставил ультиматум, из одиночек он взял на порку Иванова и Лышковского и не привел ее в исполнение только потому, что они заявили о своем подчинении.

Выхода не было. Мы решили подчиниться. Чтобы понять наше состояние в тот момент, нужно было пережить его. Словами этого не расскажешь. Я думаю, что многие из нас были в тот момент на грани безумия.

Утром 16 сентября кто-то сказал старшему надзирателю, что мы подчиняемся, а вечером перед нами стоял палач Головкин, сияющий и как-будто улыбающийся.

— Здорово!

Мы нестройным хором ответили.

— Ну, так сказать, на первый раз ничего! Пой молитву, — и, торжествующий, он вышел из камеры. Хам победил.

В тот же день нас рассадили по уголовным камерам, а Васильева и Алешкера перевели в одиночку. Нас выгнали в коридор для обыска, и минут через 15 мы с т. Корешковым были посажены в уголовную камеру 3-го корпуса. Нужно отдать справедливость уголовным: относились они к нам в высшей степени хорошо и по-товарищески, хотя губернатор и Головкин старались их натравить на нас.

Мытарства наши на этом не кончились. Не говоря уже о том, что на каждой поверке грубый солдафон помощник Судаков, придираясь к каждому из нас, заглядывал в рот, пели ли мы молитву, правильно ли стоим и т. д., нам пришлось выпить еще одну горькую чашу; 21 сентября Головкин приказал наказать розгами Алешкера и Васильева. Их привели на место экзекуции. Даже фельдшер Казенас, бездушный и тупой чиновник, осмотрев Алешкера, не признал возможным его пороть. Но все же Алешкера тюремщики избили прикладами и кулаками до полусмерти. Васильев подвергся порке.

Когда его пытались положить на скамейку, он стал отчаянно сопротивляться. Раз'яренные тюремщики свалили его, связали и стали бить. Переломали ему несколько ребер, перебили барабанную перепонку, всего изувечили и выпороли. Сутки после этого прожил старик Васильев. Он умер в 6 часов 40 мин. вечера 22 сентября. Умирая, он успел сказать фельдшеру Аразову ([121]): «передайте всем в свое время, что Головкин надо мной издевался всеми средствами... Третьего дня он заскочил в мою одиночку с Апрелковым и приказал избить. Апрелков ударил меня в ухо, отчего лопнула барабанная перепонка».

О смерти Васильева были две версии: по одной — он умер от побоев, по другой — от яда, принятого после порки. По крайней мере, уголовный, сидевший с ним рядом, передавал, что Васильев знаком показал ему, что отравился. Думаю, что здесь было и то и другое.

Приезжал следователь для вскрытия тела. Было расследование. Кончилось тем, что нескольких товарищей долго морили в карцере за то, что они на следствии подтвердили избиение Васильева.

На одиннадцатый день голодовки Алешкера отправили в Горный Зерентуй; трупы Васильева и Кириллова предали земле. Началась долгая, беспросветная вакханалия издевательств, избиений и порки, творимых Головкиным и его ближайшими помощниками — Судаковым, Апрелковым и Кореневым.

Кончилась эта вакханалия только в 1914 году, когда Головкин ушел на войну.

Из недр архива.

Наш сборник уже был готов к печати, когда мы получили из Читы об'емистый пакет документов, извлеченных из тамошнего архива б. Нерчинской каторги заботливой рукой товарищей-забайкальцев.

За краткостью остававшегося времени и по недостатку места, мы не имели возможности использовать все присланные нам материалы, освещающие различные моменты из жизни Нерчинской каторги.

Но и то, что нами выбрано и приводится далее, свидетельствует о необычайно важном значении Читинского архива и о необходимости безотлагательной дальнейшей разборки его и систематизации документов.

Приветствуя ценную инициативу читинских товарищей, целиком поддерживаемую Нерчинским землячеством, мы уверены, что центральные учреждения нашего Общества сумеют обеспечить доведение этой работы по разборке архива до конца.

Этим шагом откроется возможность приступить к составлению полной и документально обоснованной истории Нерчинской каторги.

Приведенные ниже документы ярко иллюстрируют воспоминания карийцев и других авторов статей настоящего сборника, уточняя и дополняя их работы. Мы располагаем эти материалы, за небольшим исключением, в хронологическом порядке, заключая их списком клиентов каторги, относящимся к 1907 г.

20 декабря 1926 г. Москва.

В. Плесков.

Награда—ищейкам.

(К делу о побеге 8-ми карийцев).

М. В. Д.
Завед. Нерчинскими
сс.-каторжными.
Мая 29 дня, 1882 г.
№ 2809.
Нижне-Карийский
золотой промысел,
Забайкальской обл.

Копия.

Господину военному губернатору
Забайкальской области.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ.

Командированные мною для поимки 8-ми человек бежавших государственных преступников смотритель пересыльной тюрьмы, титулярный советник Барин и помощник смотрителя Цехов, канцелярский служитель Патрин, первые открыли верные следы бежавших. А именно, Патрин разведал в станице Куларской, что Мышкин и Хрущев были там арестованы под чужими именами Казанова и Миронова,

выдавая себя за слесарей, плывущих во Владивосток, открытием этим дал возможность уверенно преследовать их на Амуре и завершить розыски поимкою Мышкина и Хрущева. Барин же отыскал верный след четырех человек: *Баламеза, Левченко, Диковского и Юрковского,* оставивших лодку, на которой плыли, повыше деревни Черновой и отправившихся через хребты и гольцы на речку Газимур, рассчитывая пробраться на Аргунь. Открывши следы, он пустился в поиски, известил жителей поселка Какталгинского, с помощью которых и задержал *Баламеза и Левченко* и легко мог бы схватить и *Юрковского с Диковским,* если бы во время преследования не выпал глубокий снег, скрывший все следы беглецов, которые 10 дней сидели в гольцах [1] на одном месте, не подавая никакого признака о своем пребывании там, а когда оставили свое убежище и вышли из него, то вскоре же были схвачены теми же жителями поселка Какталгинского.

Доводя до сведения вашего превосходительства о похвальной деятельности смотрителей Барина и Патрина, вполне заслуживающей поощрения, я имею честь покорнейше просить ходатайства вашего превосходительства о награждении титулярного советника Барина и канцелярского служителя Патрина по вашему усмотрению.

Чита.

Майор *Потулов.*

„О злоумышленных слухах на Каре".

ТЕЛЕГРАММА.

15 декабря 1883 года. Иркутск. Начальнику жандармского управления

Тюрьме слух от вновь прибывших преступников Иркутска: из Петербурга Иркутск будет прислан террорист покончить генерал-губернатора за расстрел Неустроева [2]. Иркутске есть люди, горячо сочувствующие осуществлению такого злодеяния. Почтою доношу.

Капитан *Манаев.*

Копия с записки Манаева начальнику Иркут. губ. жандармского управления от 19 декабря 1883 года, за № 37:

В дополнение телеграммы от 15 декабря доношу в. в-ству, что привезенными в последнее время из г. Иркутска преступниками распространен слух также о том, что Неустроев публично перед самой казнью завещал свою библиотеку госуд. преступникам на Каре.

При всем старании узнать что-либо более положительное относительно фамилий иркутских террористов или же имеющего прибыть из С. П. Б., это не удалось.

[1] См. ст. Н. Левченко.—*Ред.*
[2] См. ст. Ф. Богдановича.—*Ред.*

По более позднейшим слухам, именно вчерашнего числа, мне создалось известие, что в тюрьме говорят, что ген.-лейт. Анучин выехал в С. П. Б. и его заменил ген. Ильяшевич. Сожалеют, что не удался замысел лишить его жизни в Иркутске, что у них там есть решительные люди, которые, в случае чего-либо дурного со стороны генерала Ильяшевича, не замедлят исполнить над ним какое-либо злодеяние, в роде покушения на жизнь. Из среды преступников Ив. Цыплов старается по моему указанию и под наблюдением дежурных надзирателей разузнать более точные подробности.

Капитан *Манаев.*

„Невозможно не следить“...

Помощн. начальника
Иркутск. губ. жандарм.
управления
на Карийских приисках.
Апреля 2 дня, 1886 г.
№ 29.
Нижняя Кара, Забайкальской области.

Копия.
В. секретно.

ДОНЕСЕНИЕ НА № 134.

Из полученных денежных писем мною замечено, что из Селенгинска какая-то Фанни Залькинд присылала деньги для некоторых из государственных преступников, содержавшихся на Каре, и не из евреев. Так точно из письма, представленного вашему превосходительству, в числе прочих при рапорте от 1-го апреля за № 252, адресованного *Зунделевичу* из Тунки, при котором прислано 30 рублей от какой-то Крыловой, которая даже не знает его имени, что и сама поясняет в письме, то в виду этого можно предположить, что деньги эти были пожертвованы кем-либо из их социально-революционной партии.

Кроме того, из Ялуторовска от какой-то Малышевой присылаются деньги для *Ивановской;* из г. Минусинска—*Якимовой* (государствен. преступн.) и другим высылают какие-то Мартыновы, тоже ссыльные государственные преступники.

В Селенгинске проживает ссыльная поселянка, Екатерина Брешковская, которая ведет обширную переписку с многими государственными преступниками и, вероятно, сообщает какие-либо сведения.

Относительно получения разных сведений, то в виду особых условий, в которых Кара находится и в которой проживает 12 человек государственных преступников, находящихся в вольной команде, мать преступницы *Армфельдт* и три жены преступников, то не трудно им получать все сведения, тем более, что они ведут знакомство с разными лицами; а *Прибылева-Ястремская,* так точно и умерший *Веймар* вели довольно тесную дружбу с врачем горного ведомства *Ковригиным* и его женою. Да и много есть таких лиц на Каре, которые находятся в хороших отношениях (с государственными преступниками), по возможности скрывая от меня, хотя при бдительном, негласном наблю-

дении мне это известно, ибо коль скоро проживает столько на Каре, то невозможо не следить за их действиями и круге знакомства, хотя, как я и ранее имел честь доносить, что только случай может дать возможность раскрыть их тайные действия и замыслы. Зная по опыту, сколь вредно отзывается в интересах службы пребывание вольной команды в районе расположения государственных тюрем, я и ходатайствовал об удалении и их отсюда, имеющих право на жительство вне тюрьмы, заменять ссылкою на поселение.

При переводе тюрьмы в Акатуй, это прекратится, ибо таковое будет представлять более средств для наблюдения.

На Каре есть множество средств для преступников и всегда могут обойти надзор, будучи неуловимы. В настоящее время самое важное — это наблюдение, дабы кто-либо из преступников не совершил побег из тюрьмы, и по возможности наблюдение за проживающими вне оной.

При сем считаю долгом доложить вашему превосходительству, что, безусловно, резрешение женам и родным преступников проживать вблизи района тюрьмы весьма неудобно[1]; коль скоро не имеется самых подробных справок о подобной личности, как в настоящее время вдова *Армфельдт*, которая имеет знакомство и ведет переписку со многими из преступников и вообще женщина с такими взглядами, что вместо пользы, только вред приносит не только дочери, но даже влияет на других лиц; слишком хитрая, осторожная в своих действиях, а титул вдовы действительного статского советника прикрывает многое, а судя по ее письмам, а также получаемым ею, ясно видно, что она успела обойти многих из лиц в России, родственники которых находятся в Карийских тюрьмах; так равно, ехавши сюда, успела найти Комаровскую и привезти на Кару без разрешения, которая тоже из России была выслана на Кару. Действия подобной личности уловить весьма трудно, будучи одному. Вот ей необходимо было с кем-либо ближе завести знакомство, но никто из тюремного надзора не поддавался ее заискиваниям. Но, к сожалению, б. смотритель Хонтинский, по прибытии на Кару, поддался ее влиянию и стал ее с дочерью навещать довольно часто, просиживая далеко заполночь, рассчитывая, что он может быть полезным в их видах, и дабы более был развязным, то и на столе ставился графин с водкой и закуска, а к первому он был непрочь. Последствиями подобных посещений было то, что г. Хонтинский совершенно действовал вразрез с требованиями инструкции, и последствия его продолжительного пребывания на Каре отозвались бы очень вредно в интересах службы. Поэтому я решаюсь и доложить, что личности, подобные Армфельдт, в видах пользы делу, не следует допускать на жительство вблизи расположения тюрем и пребывания ссыльно-каторжных государственных преступников.

Ротмистр *Николин.*

[1] См. вводную статью А. Фомина.—*Ред.*

„Не настолько виновен".

ТЕЛЕГРАММА.

Чита — губернатору; из Нижнего Промысла.

27 января—1887 года.

Проживающий вне тюрьмы преступник Ровенский дозволил себе в ночное время оказать сопротивление патрулю, затем был замечен полицмейстером шатающимся ночное время. Позвал Ровенского, чтобы ему сделать внушение. Он позволил себе дерзкие и ругательные слова. Чтобы прекратить подобные выходки примеру других, приказал заковать, поместить карцер.

Ротмистр *Николин.*

Помощн. начальника
Иркутск. губ. жандарм.
управления
на Карийских приисках.
Января 27 дня, 1887 г.
№ 78.
Нижняя Кара, Забайк.
области.

Секретно.

Военному губернатору
Забайкальской области.

РАПОРТ.

В дополнение телеграммы моей от сего числа, за № 75, имею честь донести вашему превосходительству следующее: ссыльно-каторжный государственный преступник Файвель Ровенский проживал вне тюрьмы и поселился на конце Нижнего промысла, в местности, называемой «Юрдовка». Неделю тому назад он был взят обходом, ровно и другие поселенцы и каторжные, ибо, будучи пьяными в обществе на вечеринке, затеяли общий шум и драку. И когда туда зашел обход, то оказывал сопротивление (об этом в настоящее время производится, по приказанию заведующего нерчинскими ссыльно-каторжными, дознание). Затем, вновь спустя несколько дней тому назад и. д. карийского полицеймейстера передал смотрителю государственной тюрьмы, что в 11 часов ночи он заметил государственного преступника Ровенского, выходящего из зимовья, занимаемого обще-уголовными (преступниками) каторжными, где, вероятно, он играл с ними в карты. В виду всего вышеизложенного, я сего числа вызвал к себе преступника Ровенского к 9-ти часам утра; но так как назначенное время истекло, а я к 10-ти часам должен был уехть по делам службы к войсковому старшине Сойманову, но при выходе из квартиры я встретил с жандармом названного Ровенского, которому в весьма вежливой форме передал приказание для избежания некоторых недоразумений и тем более, что он жил в Юрдовке, этим является небольшое неудобство по многим причинам, я предлагаю в течение двух дней перейти в другую квартиру и проживать в той же местности, где сосредоточены все другие государственные преступники вне тюрьмы; и тем более, что самое короткое время он намечен полицией. На что он ответил, что он

не желает оставить настоящую квартиру. Я ему вторично приказал без всяких возражений исполнить в точности данное ему приказание. Возвращаясь домой около 3-х часов от г. Сойманова, я нашел записку, писанную Ровенским, содержания дерзкого, которую при сем имею честь представить на благоусмотрение вашего превосходительства. Выражение в оной «безмозглые бараны» относится к караулу и полицеймейстеру, так как он, по его распоряжению, ночью арестован и препровожден ко мне, и о чем в настоящее время по распоряжению заведующего нерчинскими сс.-каторжными производится дознание, так как с Ровенским в числе лиц, оказавших неповиновение об'езду и производили шум, замешаны и поселенцы из уголовных каторжан. По прочтении поименованной записки, я немедленно послал за Ровенским, который и был привезен ко мне и. д. вахмистра Голубевым, и на мое замечание Ровенский, в присутствии того же Голубева, начал с криком порицать безмозглые действия администрации и затем, на мое приказание молчать, еще более кричал: «Ты сам молчи, дрянь». Находя для себя неуместным вступать с Ровенским в брань, я тотчас распорядился послать за смотрителем государственной тюрьмы и двумя жандармами унтер-офицерами, приказав его заковать в оковы и временно поместить в карцер, находящийся при караульном доме государственной тюрьмы, и распорядился содержать его на хлебе и воде в течение недели, но через два каж. дня получить горячую казенную пищу. А затем, чтобы было примером наказания для преступников, прошу распоряжения вашего превосходительства разрешить его содержать до окончания срока выбытия на поселение или до исправления, так как предполагаю, что изолирование его и заключение в тюрьму может все-таки на него подействовать.

О чем имею честь донести вашему превосходительству. Вместе с сим прошу разрешения, если бы Ровенский позволил бы себе еще какие дерзкие выходки, разрешить подвергнуть телесному наказанию, тем более, что из мещан евреев. К прибавлению сроков пребывания в тюрьме преступники вообще относятся с насмешкою, подобные же наказания будут более чем существенными. И они, видя, что за неуместную выходку тотчас привлекают к ответственности и наказанию, они уверены все, что надзор и начальство можно оскорблять, но так как они государственные преступники, подвергать его наказанию никто не имеет права.

Ротмистр *Николин.*

Копия.

Г. комендант.

Так как абсолютно нет никакой возможности с вами об'ясняться, во 1) потому, что вы позволяете себе на меня кричать так, как не позволит себе ни один цивилизованный человек кричать на своего лакея, во 2) вы обладаете такой сильной логикой, опровергать которую я, к стыду своему, бессилен (например, по-вашему выходит, что я виновен в том, что: «безмозглые бараны устраивают мне скандалы»), то прибегаю к письменной форме для того, чтобы об'явить вам, что

завтра в десять часов утра я направляюсь бродить по направлению к Среднему промыслу. Решаюсь на бессмысленный поступок потому, что это единственный путь заставить вас посадить меня в тюрьму. А тюрьма для меня единственный выход, если вы выгоняете меня из моей квартиры.

1 декабря 1887 года. *Ровенский.*

Помощн. начальника
Иркутск. губ. жандарм.
управления
на Карийских приисках.
Июня 27 дня, 1887 г.
№ 388.
Нижняя Кара, Забайк.
области.

Копия.
Секретно.

Военному губернатору
Забайкальской области.

Содержащийся с 27 января сего года в темном карцере при караульном доме государственной тюрьмы ссыльно-каторжный, государственный преступник Ровенский по наведенным мною справкам оказался поведения хорошего и спокойного характера. Вследствие чего имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, не признаете ли возможным преступника Ровенского теперь же отправить на поселение в Якутскую область.

Обращаясь за снисхождением вашего превосходительства к преступнику Ровенскому, я считаю долгом доложить, что к проступкам, за которые Ровенский в настоящее время содержится около пяти месяцев в одиночном карцере, вызвало поведение моего предместника ротмистра Николина, что усмотрено мною из показания преступника Ровенского, вполне подтверждаемого показанием и. д. вахмистра вверенной мне команды Голубцова, присутствовавшего при разговоре ротмистра Николина с названным преступником.

Поводом к столкновению ротмистра Николина с Ровенским послужило то обстоятельство, что Ровенский отказался перейти с квартиры (на Юрдовке), занятой им с разрешения ротмистра Николина, как показывают свидетели, и, по неимению квартир, просил поместить его обратно в тюрьму, впредь до отправления его на поселение в Якутскую область. Но ротмистр Николин, не принимая во внимание никаких заявлений преступника, настойчиво требовал через жандармов исполнения своего приказания, чем и вынудил Ровенского прислать с жандармом Голубцовым записку, представленную в подлиннике вашему превосходительству при рапорте сего года, за № 78. Прибывший по требованию ротмистра Николина в его квартиру, Ровенский хотел выяснить все предыдущее, не имел на это возможности, так как ротмистр Николин начал ругать его, называя: мошенником, каторжным, фактором, жидом, и т. п. и, наконец, раздражавшись хладнокровием Ровенского, как заявляет свидетель, схватил его за руку и едва ли не хотел ударить по лицу, но был во-время остановлен преступником, который удерживал его за руку; вследствие чего ротмистр

Николин приказал жандарму Голубцову рубить и бить преступника, но Голубцов, видя, что ротмистр Николин крайне раздражен, не исполнил его приказания, а счел нужным встать между ним и Ровенским, за что ротмистр Николин, оставив преступника, начал нецензурными словами ругать Голубцова за непунктуальное исполнение его приказания.

Прослеживая далее действия Ровенского, я пришел к убеждению, что названный преступник не настолько виновен, насколько высказывался ротмистр Николин в своих донесениях вашему превосходительству, на основании чего и прошу помилования преступника Ровенского, впадшего невольно в проступок.

Ротмистр *Яковлев.*

„Люди неодобрительного поведения".

Помощн. начальника
Иркутск. губ. жандарм.
управления
на Карийских приисках.
Марта 19 дня, 1888 г.
Нижняя Кара, Забайк.
области.

Копия.
Секретно.

*Военному губернатору
Забайкальской области.*

РАПОРТ.

Вчерашнего числа унтер-офицер вверенной мне команды, находящийся за старшего при Усть-Карийской женской государственной тюрьме, Иосиф Кравченко, рапортом донес мне, что государственные преступницы Якимова и Ананьина не заходят в тюрьму и требуют немедленного выделения их из тюрьмы, не об'ясняя, какие к тому причины. Но так как подобные неурядицы происходят в тюрьме от преступниц Богомолец и Россиковой, поэтому я счел необходимым, для водворения на будущее время спокойствия в тюрьме, выделить из тюрьмы последних; и сего числа в 5 часов утра я взял с собой трех жандармов и отправился в Усть-Кару с целью выделить из тюрьмы преступниц Богомолец и Россиковой. По приезде моем в названную тюрьму, я сделал распоряжение, чтобы все преступницы, за исключением Россиковой и Богомолец, во избежание опасности со стороны преступниц, были заперты в своих камерах. На предложение мое Россиковой и Богомолец, чтобы они добровольно вышли из тюрьмы, последние окончательно отказались, что не пойдем по добровольному согласию, если нужно—берите силой. Вследствие чего Россикова и Богомолец вынесены были из тюрьмы на руках и отправлены в Нижне-Карийский лазарет, в помещение, занимаемое преступником Фомичевым. Последний заявил, что он чувствует себя совершенно здоровым, поэтому был обратно заключен в тюрьму.

Когда же выносили из тюрьмы Россикову и Богомолец, то остальные преступницы били двери, ломали стекла в окнах, а когда Россикова и Богомолец были вынесены из тюрьмы, то я приказал отворить камеры, но лишь запереть общую дверь на двор, для того, чтобы

хотя несколько этим их успокоить. Но преступницы Якимова и Ананьина настоятельно требовали, чтобы их немедленно выделили из тюрьмы. Якимова даже выразилась, что если оставят ее в тюрьме, то она зажжет тюрьму, что и сделала: навалила около печи в коридоре бумаги, то-есть книг, дров и зажгла. Видя подобный беспорядок, я приказал дежурному отворить дверь. Когда преступницы выбежали из тюрьмы, пожар был утушен, каковой не причинил никакого ущерба, лишь сгорело три книги. На неоднократные мои убеждения, преступницы Якимова и Ананьина окончательно заявили, что в тюрьму не пойдут, а если посадят силой, то непременно сделаем пожар. Во избежание чего Якимова и Ананьина сего числа выделены из тюрьмы на время в карцер, где содержатся Корба, Лешерн и Ивановская [1].

Вследствие вышеизложенного, имею честь покорнейше просить вашего превосходительства для того, чтобы обуздать преступниц, необходимо принять самые строгие меры: воспретить на некоторое время чтение книг, журналов, курение табаку, употребление собственной своей пищи, получение и отправление писем, а также прогулки. Но при этом, чтобы не подвергнуть надзор опасности, необходимо по тщательном обыске каждую из преступниц заключить отдельно в карцеры, которые находятся внутри женской тюрьмы. О последующем прошу меня почтить предписанием. О вышеизложенном мною донесено вкратце в департамент полиции.

Подполковник *Масюков.*

ТЕЛЕГРАММА.

Чита — Губернатору.

20 марта 1888 года.

Вчерашнего числа государственные преступницы поджигали тюрьму, пожар потушен домашними средствами. Имея в виду, что женская политическая тюрьма одном здании с общей уголовной, случае уничтожения которой пожаром до 400 преступников могли остаться решительно без помещения, считаю долгом донести вашему превосходительству необходимости принять строжайшие меры устранению повторений подобных покушений, воспретив преступницам варку тюрьме пищи, имения спичек и вообще запрещенных предметов.

Коморский.

[1] См. ст. Фомина „Карийская трагедия“.—*Ред.*

Инструкции к увозу Елизаветы Ковальской из Кары.

Приамурский
генерал-губернатор.
Путевая канцелярия.
7 августа 1888 г.
№ 462.
Усть-Кара.

Копия.
Совершенно секретно.

Господину забайкальскому
военному губернатору.

Признавая необходимым находящуюся в Карийской государственной женской тюрьме преступницу Елизавету Ковальскую, в виду чрезвычайно неодобрительного поведения и вредного влияния ее на прочих, удалить окончательно из среды государственных преступниц, я предлагаю вашему превосходительству распорядиться переводом ее в Верхнеудинский тюремный замок и подвергнуть ее там одиночному заключению на самых строгих основаниях [1].

В тех видах, дабы эта мера имела значение не простого перевода, а могла бы служить примером для всех остальных, я прошу ваше превосходительство принять следующие меры:

1) Отправить названную преступницу при особом конвое, не менее как из трех испытанных в благонадежности нижних чинов, особо от арестантских партий, а до Сретенска на отдельной лодке, при запечатанных документах, без всяких задержек в попутных тюрьмах и этапах, содержа ее в последних совершенно отдельно от прочих арестантов.

2) Ни конвоиры, ни местные попутные власти и вообще никто, кроме вашего превосходительства и забайкальского областного прокурора, не должен знать фамилии означенной арестантки и даже принадлежности ее к государственным преступницам, именуя ее секретной арестанткой № 3.

3) Конвоирам должно быть дано строжайшее предписание безусловно препятствовать этой арестантке во всяких сношениях и разговорах с кем бы то ни было и независимо от того и самим с нею не разговаривать, а также, если бы случайно обнаружилось ее звание или фамилия, то никому о сем по долгу присяги не разглашать.

4) Смотритель Верхнеудинского замка, равным образом, не должен знать, кто именно содержится у него под наименованием «секретной арестантки № 3», не допускать с ней, помимо лично себя, никаких сношений ни с кем, даже с чинами надзора, никогда не вступать с ней в какие бы то ни было разговоры, не разглашать нигде, что она содержится в замке, и охранять ее вообще и во всех отношениях на личной и строжайшей своей ответственности, числя ее содержанием за мной, по особому от вашего превосходительства предписанию.

5) Из начальствующих лиц могут быть допускаемы к означенной арестантке лишь ваше превосходительство, областной прокурор,

[1] См. ст. Е. Ковальской.—*Ред.*

местный его товарищ, по особому его распоряжению, и лица, командированные мною с особым на это предписанием.

6) Секретная арестантка № 3-й должна быть отправлена и содержаться в казенном арестантском платье, а в случае сопротивления ее конвою или покушения на побег, независимо мер, указанных в уставе о службе в гарнизоне, может быть временно связываема смирительною рубашкою, но телесному наказанию подвергаться не должна.

7) Собственных вещей, денег, а также книг, кроме св. евангелия, арестантке иметь не дозволяется. Постельные принадлежности должны быть отпущены на счет Верхнеудинского тюремного отделения.

8) В камерах, в соседних с тою, в коей будет помещаться секретная арестантка № 3-й, не следует помещать никого, особенно же государственных преступников.

9) Доктор и священник, буде потребуется, могут быть допускаемы к ней не иначе, как в присутствии смотрителя.

Генерал-губернатор г.-л. *барон Корф.*

Секретно.

Начальнику Иркутского губернского жандармского управления.

На отношение от 7-го марта за № 201 уведомляю ваше высокоблагородие, что водворение внутреннего порядка крайне желательно в Карийской политической тюрьме, но при настоящих условиях не может быть достигнуто, что меры к восстановлению порядка будут приняты по утверждении новых штатов и по переводе государственных преступников в Акатуй, и что вместе с сим предложено инспектору по тюремной части распорядиться устройством особых карцеров при женском отделении для женщин беспокойного характера.

Военный губернатор ген.-майор *Хорошхин.*

№ 158. Секретно.

23 марта 1889 г. *Инспектору по тюремной части, управляющему Нерчинской каторги.*

Из отношения начальника Иркутского губернского жандармского управления от 7-го марта за № 201, между прочим, видно, что во вновь построенной политической тюрьме в Акатуе вовсе не имеется карцеров для женщин-преступниц, и таковые устроены только при мужском отделении тюрьмы.

Имея в виду, что в настоящее время содержатся на Каре в отдельном помещении государственные преступницы — Богомолец и Россикова — и чаще встречается необходимость применения этой меры взыскания к женщинам-преступницам, нарушающим правила

тюремной дисциплины, я прошу ваше высокоблагородие распорядиться устройством в Акатуе, при женском отделении, особых карцеров для женщин беспокойного характера и о последующем меня уведомить.

Военный губернатор генерал-майор *Хорошихин.*

Помощн. начальника
Иркутск. губ. жандарм.
управления
на Карийских приисках.
Августа 23 дня, 1889 г.
№ 301.
Нижняя Кара, Забайк.
области.

Копия.
Секретно.

Военному губернатору
Забайкальской области.

На № 365.

РАПОРТ.

На предписание от 3 сего августа за 365 доношу вашему превосходительству, что на государственных преступниц Россикову и Богомолец не было наложено никаких других взысканий, помимо перевода Россиковой в отряд испытуемых, так как рапортом от 14 минувшего июля за № 256 я просил распоряжения вашего превосходительства о набавлении сказанным преступницам срока каторжных работ, Россиковой—до одного года, а Богомолец—до двух лет; кроме того, желательно было бы воспретить им получение всякой корреспонденции и чтение книг и газет.

Подполковник *Масюков.*

Как наказание, воспрещаю получение газет, журналов и книг в течение 2-х месяцев.

31/VIII

Г.-м. *Хорошихин.*

Копия.

19 октября 1889 г.

Секретно.

№ 454. *Смотрителю Верхне-Удинского тюремного замка.*

Препровождая при сем копию с инструкции, данной согласно указательств г. приамурского генерал-губернатора о порядке содержания ссыльно-каторжных государственных преступников, прошу ваше высокоблагородие об'явить содержащейся во вверенной вам тюрьме государственной преступнице Ковальской, предупредив ее, что предписываемые инструкцией меры будут применяемы и к ней в том случае, если она будет проявлять неповиновение начальству и вообще неодобрительное поведение, а вам рекомендую пользоваться в

отношении ее правами, предоставленными ст. 838 устава о ссыльных, не исключая телесного и других наказаний.

Во время прохода партий пересыльных арестантов Ковальскую выделять в особую камеру.

Губернатор.

Копия.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1889 года, октября 27-го дня. Нижняя Кара.

Я, помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления, подполковник Масюков, 26-го настоящего октября поручил смотрителю государственной тюрьмы Похорукову прочесть предписание губернатора Забайкальской области от 10-го октября за № 444, относительно принятия строгих мер против допускаемых преступниками беспорядков, преступницам, содержащимся в карцере при Нижне-Карийском лазарете — Богомолец и Россиковой. 27 октября смотритель тюрьмы донес, что он 26-го октября, с сопровождением жандармов Андреева и Попова, отправился к преступницам Богомолец и Россиковой. По прочтении им предписания, Богомолец кинулась на смотрителя Похорукова, желая ему нанести оскорбление действием, но была удержана жандармом Поповым, а преступница Россикова хотела бросить в Похорукова оловянную кружку, но в момент этот смотритель удалился; тогда вслед смотрителю обе преступницы начали кричать, выражаясь следующими словами: «Все вы подлецы, мерзавцы».

Так как вышеозначенные преступницы позволяли себе уже неоднократно дерзкие выходки против начальствующих лиц, я полагал бы их выделить в секретные одиночные карцеры, но за неимением таковых при государственной тюрьме постановил: преступниц Богомолец и Россикову лишить права получения книг, журналов, газет, равно денежных, простых писем и посылок до полного их исправления

Копию настоящего постановления представить г. военному губернатору Забайкальской области.

Подлинное подписано, с подлинным верно: помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления
Подполковник *Масюков.*

ТЕЛЕГРАММА.

Из Хабаровки от 5—XII—1889 года на имя губернатора.

Прошу обратить внимание, во избежание недоразумений, что по раз'яснению министерства, телесному наказанию могут быть подвергаемы политические только из непривилегированных сословий и всякий раз с моего разрешения.

Сообщите, что вызвало бывшую летом голодовку.

Корф.

„О некоторых неправильностях по внутреннему порядку в Карийских политических тюрьмах“[1].

Начальник
Иркутск. губ. жандарм.
управления.
Марта 7 дня, 1889 г.
№ 201.
г. Иркутск.

Секретно.

Господину военному губернатору Забайкальской области.

Во время пребывания моего с 15 по 20 числа минувшего февраля на Карийских приисках, Забайкальской области, выяснились некоторые неправильности по внутреннему порядку в тамошних мужской и женской политических тюрьмах.

1) Заведующий государственными преступниками помощник мой, подполковник Масюков, с сентября месяца прошлого 1888 года не посещает женского отделения политической тюрьмы, об'ясняя, что после подачи преступницами Ковальской, Калюжной, Смирницкой заявлений, посланных 28 августа и препровожденных к вашему превосходительству при отношении моем от 6 октября за № 756, о нежелании их подчиниться подполковнику Масюкову, он отправлялся в помещение тюрьмы, но из опасения застать преступниц неодетыми, посылал предупредить их о своем посещении, при чем каждый раз получал ответ, что они не имеют надобности его видеть.

Получив такое сведение лично от подполковника Масюкова лишь по прибытии моем на Нижний промысел 15 февраля, так как он ничего не доносил об этом ранее, я настоял, чтобы он отправился в женскую тюрьму 16 февраля и, в случае сопротивления преступниц посещению его, составил бы о том протокол для представления вашему превосходительству. Но преступницы и на этот раз ответили отказом, о чем и составлен протокол. Затем я намеревался, при посещении моем тюрьмы, настоять на доступе в оную подполковника Масюкова, но последний по случаю болезни, продолжавшейся все время пребывания моего на Нижнем промысле, не мог сопровождать меня при посещении женского отделения тюрьмы 18 февраля, а преступницы на все требования и раз'яснения мои отозвались, что они после допущенного подполковником Масюковым оскорбительного обращения уголовных ссыльно-каторжных арестантов при выделении 11 августа из тюрьмы преступницы Елизаветы Ковальской, положительно не могут видеть подполковника Масюкова и просят о назначении на его место другого лица, так как в лице Ковальской нанесена всем им обида, и они думают, что потеряли бы к себе всякое уважение, если бы иначе относились к столь чувствительному, по их словам, для каждой женщины оскорблению. Из об'яснений самой Елизаветы Ковальской, которую я расспрашивал в Верхнеудинской тюрьме в проезд мой через означенный город 7-го февраля, а также из об'яснений

[1] См. ст. Фомина „Карийская трагедия“.—*Ред.*

преступниц, содержащихся в Карийской тюрьме, и расспросов посторонних лиц, выяснилось, что Ковальской не было вовсе об'явлено о том, чтобы она оделась и следовала, куда ей будет приказано, а только смотритель уголовной каторжной тюрьмы Бобровский, принявший на себя неизвестно почему распоряжение по выделению Ковальской из тюрьмы, указал на нее уголовным каторжным арестантам, те бросились на Ковальскую и, обернув ее в одеяло, которым она прикрывалась, встав с постели неодетою, вынесли ее из тюрьмы; сам же подполковник Масюков, оставаясь на дворе, вовсе не входил в тюрьму. По словам Ковальской и прочих преступниц, она не имела намерения оказывать сопротивление и, ожидая взятия ее в карцер или вообще употребления какой-либо меры наказания, даже просила прочих преступниц не противодействовать в данном случае. Она высказала также, что единственной причиной дерзкой выходки ее при посещении тюрьмы г. приамурским генерал-губернатором 5 августа прошлого года, выразившейся в ответе ее, что она не признает русского правительства и его представителей, было намеренное желание достигнуть перемещения ее в какую-либо другую тюрьму, хотя бы путем совершения нового проступка, к чему побуждало ее страдание бугорчаткою легких и опасение подвергнуть заражению этой болезнью других преступниц, о чем она заявляла мне при посещении тюрьмы 25 февраля прошлого года, а мною сообщено было г. н. д. забайкальского губернатора 11 апреля того же года, за № 243.

Чтобы не подать преступницам повода считать могущий последовать перевод подполковника Масюкова на другую должность результатом домогательства их, об'яснил им, что подполковник Масюков сам не желает оставаться в настоящей должности, не соответствующей его характеру, и ходатайствует о переводе его, о чем последний действительно заявлял при представлении мне 15 февраля, и мною разрешено ему подать о том рапорт.

2) Содержащийся в Карийской политической тюрьме ссыльно-каторжный государственный преступник Николай Санковский[1] упорно отказывается снимать шапку в камере, даже при посещении начальствующих лиц, вследствие чего Санковский, как видно из донесения ко мне подполковника Масюкова от 8 декабря 1888 года, за № 680, по приказанию г. приамурского генерал-губернатора, перед посещением его превосходительства тюрьмы в августе месяце того же года, был заключен в одиночный карцер, с тем, чтобы содержался в оном до тех пор, пока станет снимать шапку. Между тем, по об'яснению подполковника Масюкова и по наружному виду самого Санковского, в нем замечаются признаки умственного расстройства, а при рассмотрении мною дел канцелярии помощника оказалось пришитым (в деле № 3 «по разным предметам» за 1888 год) отношение бывшего врача Нижне-Карийского лазарета Рогалло еще от 11 ноября 1887 года за № 291, помеченное в получении лишь 19 июня 1888 года и занесенное в журнал того числа, под № 391, которым

[1] См. статью Ивановской „Письма о прошлом“.— *Ред.*

врач Рогалло уведомляет подполковника Масюкова, что Санковский страдает невралгией тройничного нерва, усиливающейся во всех случаях, когда верхняя часть головы подвергается влиянию температурных перемен, иногда до такой степени, что больной, при быстром обнажении головы, теряет сознание до полного обморока. В виду этого, как об'ясняет далее врач Рогалло, он советовал упомянутому больному держать постоянно голову закрытой шапкой и просит разрешить Санковскому, находясь в камере, постоянно быть в шапке. По отношению этому подполковником Масюковым не было донесено начальству к установлению правильности заключения врача Рогалло и к разрешению затем Санковскому иметь постоянно голову закрытой. Равно не доложено г. генерал-губернатору при назначении Санковскому наказания посажением в карцер и, как об'яснил мне подполковник Масюков, о получении означенного отношения он совершенно забыл. При настоящем посещении моем тюрьмы, 16 февраля, Санковский оставался также с покрытой головой, но не в шапке, а вязанном из гаруса небольшом колпачке, вопреки данного, как я узнал впоследствии, обещания прочим преступникам снять таковой при моем посещении. На вопрос мой Санковскому, почему он не подчиняется приказанию оставаться с непокрытой головой при посещении начальствующих лиц, Санковский ответил: «Зачем вы спрашиваете меня об этом в присутствии всех, разве это приятно прочим». В виду сведений об умственном расстройстве Санковского, я отошел от него, повторив, что надо исполнять требования начальства, а потом, при рассмотрении делопроизводства, найдено мною упомянутое выше сообщение врача Рогалло.

3) В черновом отпуске отношения подполковника Масюкова к инспектору по тюремной части при генерал-губернаторе Приамурского края, от 22 октября 1888 г. за № 566, о перерасходе дров на отопление тюрьмы в 1887 году (в деле № 3, «по разным предметам»), употреблено выражение: «государственный преступник Рехневский, как староста тюрьмы». Между тем, еще в 1883 г. последовало распоряжение г. министра внутренних дел об упразднении в Карийской тюрьме должности старосты, в том соображении, что ссыльно-каторжным государственным преступникам не предоставлено законом права избирать тюремного старосту, и допущение подобного избрания может лишь способствовать к единению преступников в интересах одного общего дела. Об этом, как видно из дел канцелярии помощника, бывшим забайкальским военным губернатором предписано было для исполнения зеведующему государственными преступниками от 2 декабря 1883 года за № 777, а затем при предписании к бывшему помощнику моему на Карийских приисках от 10 ноября 1886 года за № 505, препровождена копия последовавшего по этому предмету предложения г. министра внутренних дел к генерал-губернатору Восточной Сибири от 3 октября 1883 года за № 4268.

4) Некоторые арестантские деньги записаны на приход по имеющейся на этот предмет шнуровой книге № 9, спустя месяц после получения оных с почты, а именно: полученное 30 октября 1883 года

письмо с деньгами 30 рублей на имя преступника Яцевича записано 13 ноября; полученные 12 ноября на имя преступника Баламеза 200 руб. записаны только 13 декабря и полученные 20 ноября на имя преступника Кона 99 руб. — записаны 19 декабря.

5) Подполковник Масюков, по словесному заявлению начальника Нерчинско-Александровской местной команды, содержащей караул при политической тюрьме, капитана Толмачева о недостатке людей в означенной команде, согласился на снятие двух ночных постов часовых на тюремном дворе, внутри ограды мужской политической тюрьмы, а также на отмену наряда конвоя во время прогулок арестантов на том же дворе днем, вследствие чего тюрьма эта с 15 января сего года остается без требуемой охраны внутри тюремного двора.

Я лично раз'яснил подполковнику Масюкову, что такую меру он не в праве был предпринимать без разрешения начальства, утвердившего расписание о числе караульных постов при тюрьме и наряде конвоя, и что означенную ошибку он должен немедленно исправить, имея в виду, что допущенное им отступление может повлечь за собой побег преступников в ночное время посредством подкопа, а днем — с прогулки на тюремном дворе, чему бывали примеры в других тюрьмах.

6) В тех же соображениях представляется опасным допущенное подполковником Масюковым в течение настоящей зимы незажигание фонарей вокруг тюрьмы в лунные ночи, тогда как освещение отпускается на круглый год, к чему имелись, вероятно, достаточные основания, и в тюрьмах уголовных преступников Карийского района подобное отступление не допускается.

7) Летом прошлого года допущено было посажение начальником Нерчинско-Александровской местной команды капитаном Толмачевым в карцер политических преступников, находящийся внутри тюремной ограды, провинившегося унтер-офицера означенной команды, каковой беспорядок был устранен лишь благодаря вмешательству бывшего командира 2-го пешего казачьего батальона и начальника местного гарнизона, полковника Саймонова, узнавшего об оном случайно.

8) По об'яснению подполковника Масюкова, во вновь построенной политической тюрьме, в Акатуе, вовсе не имеется карцеров для женщин-преступниц, и таковые устроены только при мужском отделении тюрьмы. Между тем, чаще всего представляется необходимость в применении этой меры взыскания к женщинам-преступницам, нарушающим правила тюремной дисциплины. О таковом существенном недостатке в Акатуевской тюрьме донесено подполковником Масюковым г. и. д. забайкальского губернатора 15 марта 1888 года, за № 196.

Об означенных обстоятельствах, как требующих принятия мер к устранению допущенных подполковником Масюковым беспорядков по заведыванию политическими тюрьмами, состоящими в главном ве-

дении вашего превосходительства, имею честь довести до сведения вашего, на зависящее от вас распоряжение.

Полковник *фон-Плотто.*

Дело Забайкальского областного управления о покушении ссыльно-каторжного Николая Санковского на жизнь начальника Акатуевской тюрьмы—Архангельского[1].

Началось: 13 ноября 1890 года.

Кончилось: 31 декабря 1890 года.

ТЕЛЕГРАММА.

13/XI—1890 г. *Чита — губернатору.*

Вчера было сделано на мою жизнь покушение Санковским. Удар, направленный голову, пришелся по руке. Санковский был тотчас же арестован карцере, сегодня найден мертвым. Донесено заведующему каторгой. Подробности почтой.

Архангельский.

ТЕЛЕГРАММА.

Хабаровка — генерал-губернатору.

14 ноября 1890 года.

Вчера получил две телеграммы. Томилин Нерчинского завода сообщает: Россикова пыталась зажечь ретирад, замеченный огонь потушен. Архангельский Александровского завода доносит: двенадцатого на него сделано покушение Санковским, удар пришелся по руке, арестованный карцере на утро найден мертвым. Дальнейшее, как узнаю, донесу.

Хорошихин.

ТЕЛЕГРАММА.

Чита — военному губернатору.

Александровский завод—15/XI—1890 г.

Благодарю. Здоровье пока удовлетворительное. Страдаю нравственно. Являются приступы злобы.

Архангельский.

[1] См. ст. П. Ивановской „Письма о прошлом“.—*Ред.*

Надпись на телеграмме:

Не следовало бы это телеграфировать, ответь на мою частную телеграмму.

Эту телеграмму следует переписать и послать без подписи его прев., г. воен. губ.

ТЕЛЕГРАММА.

Чита — губернатору.

Хабаровка—15/XI—1890 года.

Телеграфируйте скорее, чем вызывалось покушение на Архангельского. Чем нанесен удар и вообще подробности. Не ожидая дознания причины смерти.

Корф. 128.

ТЕЛЕГРАММА.

Хабаровка — генерал-губернатору.

Требуемых сведений не имею. Архангельский доносит, что подробности почтой. Томилин отправил уже чиновника и доктора. Посылать открытые депеши было неудобно. Вероятно, им получится на-днях шифр. Командировать кого-либо решительно не могу. Граф вернется 21 ноября.

Хорошихин.

ТЕЛЕГРАММА.

Чита — губернатору.

Хабаровка—16/XI—1890 года.

Командируйте Акатуй графа Кейзерлинга обстоятельно узнать в чем дело, но не производить официально дознания и под другим предлогом.

Корф. 132.

Копия.

ТЕЛЕГРАММА.

Чита — губернатору.

Александровского завода 20/XI—1890 года.

Причина смерти разрыв сердца.

Архангельский.

ТЕЛЕГРАММА.

Чита — губернатору.

Хабаровки, 22/XI—1890 года.

Об'явите Кейзерлингу, чтобы он из Акатуя заехал Читу вам доложить и затем возвратился бы в Хабаровку.

Корф. 405.

М. В. Д.
Начальник
Акатуевской тюрьмы.
Ноября 12 дня, 1890 г.
№ 15.
Руд. Акатуй.

Копия.
Экстренно.
Секретно.

Г-ну заведующему Нерчинской каторгой.

РАПОРТ.

Девятого числа сего месяца, около 12-ти часов ночи, я, по обыкновению, отправился в тюрьму проверить службу надзирателей, часовых, караул и проч. Подойдя внутри тюрьмы к камере № 5, я через имеющееся в дверях окошко увидал ссыльно-каторжного из государственных преступников Мечислава Маньковского сидящим на нарах совершенно одетого и с кем-то разговаривающим. Постучав в окошко и подозвав Маньковского, я сказал ему: «пора спать». на что Маньковский спросил: «разве инструкция этого требует?». «Требует» — был мой ответ. «Так я плевать хочу на вашу инструкцию» — дерзко ответил Маньковский и начал ходить по комнате, производя в ней шум. Подозвав его вторично к окошку, я сказал ему, что если ему самому спать не хочется, то не следует в этом мешать другим. «Хочу и хожу и никто мне в этом не помешает» — еще более дерзко ответил Маньковский. Послал за ключами к себе на квартиру и, вызвав Маньковского в дежурную комнату, спросил:— «Как, плевать на инструкцию, инструкцию, основанную на законе».— «Я и на ваш русский закон плевать хочу». — «Как ты, гадкий полячишка, смеешь так выражаться!» — воскликнул я. — «Да знаешь ли ты, что за эти слова и полноправных лиц ссылают в Сибирь, а тебя, как лишенного всех прав, за это выпорют, если не сделают чего-нибудь похуже». — «Да, плевать хочу и на закон и на вас всех, дрянных русских офицеров. И вы тоже дрянной русский офицеришка».

Приказав дежурному надзирателю отвести Маньковского в карцер, сам я остался на дворе ожидать, пока карцер не будет заперт. Дежурный надзиратель Беспрозванных, возвратясь, доложил мне, что Маньковский, запертый в карцер, начал бить ногами в дверь и кричать: «надзиратель, передай начальнику, что он — подлец!».

11-го числа ссыльно-каторжный той же категории Николай Санковский просил меня вызвать его после поверки, имея сообщить мне что-то очень важное и секретное. Вызванный Санковский с угрожающей миной сказал: «вы вчера оскорбили Маньковского, и завтра не позже четырех часов вечера мы все ждем от вас извинения.

Если с вашей стороны его не будет, то дело для вас кончится роковым образом». Не желая выслушивать дальнейшие его речи, я приказал запереть его обратно в камеру.

Сегодня в 5 ч. вечера Николай Санковский сделал покушение на мою жизнь. Произошло это при следующих обстоятельствах. Окончив поверку арестантов на дворе и разведя их по камерам, я отправился в сопровождении надзирателей: Слепкова, Чупрова, Лепшикова, Петухова и Беспрозванных в здание тюрьмы, чтобы там по обыкновению вторично их проверить по камерам и в своем присутствии запереть их. Проходя мимо камеры № 2, где содержался Санковский, я заметил, что дверь этой камеры быстро открылась; повернувшись, я увидел что-то летящее мне в голову и Санковского со словами: «проклятый тюремщик». Откинувшись корпусом и подняв из чувства самосохранения руку вверх, я в тот же миг почувствовал на кисти руки обжог и сильный удар, от которого это «что-то» разбилось. Сам же Санковский, стоя у двери, порывался, повидимому, броситься на меня, но выхваченный быстро из кармана револьвер и бросившийся надзиратель Чупров остановили его в этом намерении.

Отправив Санковского в карцер и заперев камеры, предварительно проверив арестантов, стали рассматривать то, что было в меня брошено Санковским. Оказался довольно большой фарфоровый чайник с горячим чаем, завязанный в платок, платок же, в свою очередь, был завязан в узел для лучшего, надо полагать, размаха.

Донося о вышеизложенном вашему высокоблагородию, прошу распоряжения о предании Санковского и Маньковского суду.

Приложение: две копии с актов и копия постановления.

Капитан *Архангельский.*

Копия с копии.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1890 года, ноября 12 дня, ссыльно-каторжный Николай Санковский сего числа, в 5 часов вечера, сделал покушение на жизнь и. д. начальника тюрьмы Архангельского, бросив ему в голову довольно большой чайник с горячим чаем; по счастливой случайности, направленный удар пришелся не по голове, а по руке, а потому, впредь до особого распоряжения, постановили: ссыльно-каторжного Николая Санковского запереть в секретную камеру с закованием в ручные и ножные оковы, с бритьем половины головы и с выдачей горячей пищи ежедневно.

И. д. начальника Акатуевской тюрьмы *Архангельский.*

Надзиратели: *Петухов, Слепков, Чупров, Лапшиков, Беспрозванных.*

И. д. помощника—*Окладников.*

АКТ МЕДИЦИНСКОГО ОСМОТРА.

1890 года, ноября 13 дня, я, нижеподписавшийся, медицинский фельдшер Петр Никитин Новиков, сего 13 числа ноября месяца, в 8 часов утра, был приглашен лично начальником Акатуевской тюрьмы капитаном г. Архангельским в тюрьму, в секретную камеру № 1 для осмотра трупа умершего в ночь на 13-е ноября государственного преступника Николая Санковского. Прибыв в упомянутую выше камеру, я, в присутствии начальника Акатуевской тюрьмы капитана г. Архангельского, помощника его г. Окладникова, сельского старосты Акатуевского участка Ильи Ковригина, надзирателей: Чупрова, Лапшикова и Воронова, приступил к осмотру трупа, лежащего на спине по длине пола наискось; верхнею половиною тела под нарами, нижнею половиною, т.-е. ногами — к двери. Труп несколько окоченевший, руки лежат свободно на груди, одна против другой на расстоянии трех вершков; в казенной серого сукна куртке и таких же шароварах. Под ними казенные вещевая рубаха и таковые же подштанники (порты), в казенных сапогах. Кроме этого, под рубахой на теле бумажная тонкая рубашка (фуфайка). Все вещи на трупе свободны, без малейшей затяжки. По снятии куртки и рубах, на теле трупа по наружному осмотру знаков насильственной смерти не замечено, глаза полуоткрыты, рот сжат, лицо бледно-синеватого цвета.

В чем сей акт и постановлен.

Старший медицинский фельдшер—*П. Новиков.*

Сельский староста Акатуевского участка—*Ковригин.*

И. д. нач. Акатуевской тюрьмы—капитан *Архангельский.*

И. д. помощника нач. тюрьмы—*Окладников.*

Надзиратели: *Чупров, Лапшиков и Воронов.*

М. В. Д.
Начальник Акатуевской
тюрьмы.
Ноября 13 дня, 1890 г.
№ 16.
Руд. Акатуй.

Копия с копии.
Экстренно.

Г-ну заведующему Нерчинской каторгой.

РАПОРТ.

В дополнение рапорта моего от вчерашнего числа, за № 15, доношу, что арестованный вчерашнего числа в карцере Николай Санковский сего числа найден мертвым.

В 6 часов утра дежурный надзиратель, придя ко мне на квартиру, доложил, что Санковский лежит в карцере на полу как-будто мертвый.

Пригласив с собой помощника г. Окладникова, фельдшера Новикова, надзирателей: Чупрова, Лапшикова и дежурного Воронова, отправился к карцер, где был арестованный Санковский. Придя, увидали, что Санковский лежит действительно на полу, ногами к двери, головой под нарами и несколько на левом боку. По освидетельствовании фельдшером он оказался мертвым, но без всяких видимых следов насильственной смерти.

Был приглашен тотчас же сельский староста Акатуевского участка, при участии которого составлен медицинский акт, который при сем прилагается. Покойный оставлен непохороненным до вашего распоряжения.

Приложение: медицинский акт.

И. д. нач. тюрьмы, капитан *Архангельский.*

РЕЗОЛЮЦИЯ.

Дело это, как не требующее дальнейшего производства, из числа нерешенных исключить и сдать на хранение в архив.

Декабря 31 дня 1890 года.

Подпись неразборчива.

В последние годы...

Начальник
Иркутск. губ. жандарм.
управления.
По району.
Марта 8 дня, 1913 г.

Копия.

Совершенно секретно.

Помощнику моему в Забайк. области.

Из департамента полиции в управление препровождена копия письма, добытого агентурным путем и адресованного в гор. Мысовск, Забайкальской области, на имя Василия Серова, Полицейская улица. Отправителем письма является некий «Макс», живущий в гор. Кракове, и, как оказалось впоследствии, означенным «Максом» является доктор Марек, проживающий в гор. Кракове.

Адресатом письма по установке оказался ссыльно-поселенец Василий Матвеевич Серов, б. член 2-й Государственной Думы, принадлежащий к Р.С.-Д.Р.П. и осужденный по процессу «20» членов 2-й Государственной Думы к 5-ти годам каторжных работ.

Из содержания вышеупомянутого письма усматривается, что: к Серову препровождаются деньги из-за границы для оказания помощи политическим ссыльным; даются директивы для установки правильных сношений с тюрьмами, о чем упоминается в тексте письма: «Октябрьские события их совершенно оторвали от нас», а также выражается желание получить от Серова материалы, статистические сведения и статьи, посвященные жизни ссыльно-поселенцев и каторги, для чего предлагается раздобыть соответственных корреспондентов.

При этом письме переводится на имя Серова 40 рублей с указанием, что могут выслать и еще денег, с пожеланием, чтобы эти деньги были употреблены на устройство кооператива и для чего-нибудь в этом роде, или же послужили фондом для создания кассы взаимопомощи, если таковой не имеется.

В виду вышеизложенного, у ссыльно-поселенца Василия Серова был произведен на квартире его, в гор. Мысовске, 5-го сего марта обыск, по которому обнаружена различная переписка с политическими ссыльными и другими лицами, а кроме того:

1) Подлинник письма тождественного содержания, полученный агентурным путем, вместе с конвертом, адресованным на имя Серова, и отправленный из гор. Кракова.

2) Напечатанная на клочке бумаги записка с заглавием: «Краковский союз помощи политическим узникам», в которой, между прочим, говорится, что союз принял на себя обязанность снабжать политических ссыльных революционной партийной литературой и охарактеризовать каторгу и ссылку путем систематического помещения статей в журнале «Политический узник».

На означенной записке имеется адрес доктора Марек.

3) Четыре расписки от разных лиц в получении от Серова денежной помощи, всего на сумму 28 рублей.

4) Отрезанные купоны денежных переводов на имя Серова от членов Государственной Думы, принадлежащих к думской фракции с.-д.

5) Клочек бумаги с собранными справками на различных лиц, могущих представлять конспективный материал для статей.

Из вышеизложенного и имеющихся агентурных данных усматривается, что Серов, оказывая материальную помощь, является в то же время лицом, могущим сорганизовать ссылку и руководить партийной организацией [1].

Кроме того, имеются сведения, что Серов, вопреки положению, ведет занятия с детьми в школе гор. Мысовска [2].

Предписываю вам произвести по сему делу расследование, приступив к переписке в порядке охраны.

Приложение: Протокол обыска Серова, протоколы допроса: Василия Серова, Францпски Шатковской, Михаила Душина, Елены Стрежелецкой и переписка Серова, отобранная по обыску, отпечетанная в одном тючке.

Полковник *Васильев.*

[1] Заключение жандармов о В. М. Серове вполне соответствовало действительности.—*Ред.*

[2] Это неверно. В. Серов, Р. Малецкий и В. Плесков обучали ребят у себя на дому.—*Ред.*

После революции.

Копия.

ТЕЛЕГРАММА.

Чита — Забайкальскому тюремному инспектору.

Верхнеудинска 29/III—1917 года.

Прошу выслать мне поездки Петроград сумму в размере думских проездных.

Председатель Верхнеудинского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, член Второй Думы—*Серов.*

Военный губернатор
Забайкальской области.
Милост. государю,
члену второй Государст.
Думы,
В. М. СЕРОВУ.
№ 5159.

Мил. государь

Василий Матвеевич!

Сегодня мною получена телеграмма г. иркутского генерал-губернатора о полном освобождении осужденных особым присутствием Правительствующего Сената 1 декабря 1907 г. членов 2-й Государственной Думы, уведомляя о чем, имею честь сообщить, что мною одновременно телеграфировано начальнику Забайкальской жел. дор. о предоставлении вам отдельного купэ I класса при желании выехать в Петроград, и, в связи с указаниями главного начальника края, сделаны соответствующие распоряжения тюремному инспектору на случай, если бы в поездке вашей в Петроград явилась необходимость в покрытии расходов. Пользуясь настоящим случаем, прошу принять уверение.

Забайк. област. тюрем.
инспектор и начальник
Нерчинской каторги.
Милост. государю,
члену второй Государст.
Думы,
В. М. СЕРОВУ.
4 марта 1917 г.
№ 5163.

Мил. государь

Василий Матвеевич!

Вследствие поручения военного губернатора и в дополнение письма его превосходительства за № 5159, имею честь сообщить, что, по вашему требованию, необходимая сумма в путевые расходы имеет быть выписана мною по ассигновке из казначейства, о размерах коей покорнейше прошу меня уведомить.

Пользуясь настоящим случаем, прошу принять уверение.

ВЕДОМОСТЬ

политических арестантов, содержавшихся в тюрьмах Нерчинской каторги к 1 августа 1907 г.

Акатуевской тюрьмы.

1. Петр Александров Куликовский.
2. Иван Семенов Кривоносенко.
3. Николай Андрианов Хмелев.
4. Алексей Дмитриев Замошников. Бежал 5 авг.
5. Иннокентий Карпов Костырев.
6. Иосиф Дмитриев Дмитриев.
7. Александр Ильин Богоявленский.
8. Алексей Павлов Рыбин.
9. Николай Николаев Розов.
10. Оскар Иванов Мейлуп.
11. Иван Иванов Греков.
12. Михаил Никифоров Дылло.
13. Индрик Замелев Розенберг.
14. Василий Иванов Башенин.
15. Исай Исаев Бондарев.
16. Исай Аронов Шинкман.
17. Константин Михайлов Белоглазов.
18. Михаил Ефимов Братеньков.
19. Георгий Федоров Голубцов.
20. Марк Иванов Козулин.
21. Илья Иванов Туранов.
22. Всеволод Петров Чистохин. Бежал 5 августа.
23. Никита Сергеев Шемякин.
24. Петр Афанасьев Федоров.
25. Владимир Федоров Ефимов.
26. Виктор Цезарев Ингелевич.
27. Иван Борисов Микешин.
28. Шимель Лейба Сикорский.
29. Григорий Ильин Белякин.
30. Михаил Иванов Чиков.
31. Иосиф Иванов Ясинский. (отправ. на посел. 2 авг.)
32. Александр Герасимов Быков
33. Дмитрий Кириллов Губин.
34. Василий Васильев Немазанников.
35. Петр Корнеев Сидорчук.
36. Семен Бегляров Фарашьян.
37. Вениамин Федоров Андриевский.
38. Алексей Кириллов Кузнецов.
39. Лев Филиппов Мирский.
40. Лейба Мовша Лейвиков-Алешкер.
41. Аваак Янкелев Арушанов.
42. Натан Янкелев Гринфельд.
43. Мордхель Залманов Кравец.
44. Сергей Михайлов Панов.
45. Константин Дмитриев Бакшанов.
46. Валентин Вильгельмов Гиндерзин.
47. Марк Наумов Стародуб.
48. Иван Пахомов Носов.
49. Меркурий Семенов Пшеничников.
50. Владимир Вольский.
51. Александр Ерохов.
52. Александр Семенов Петров.
53. Александр Федоров Чайкин.
54. Трофим Шушпан.
55. Федор Петров Лышковский.
56. Василий Петров Шебунин.
57. Фрол Иосиф Квятковский.
58. Петр Дмитриев Фугаев.
59. Иван Федоров Токарев.
60. Иван Семенов Субботин.
61. Иван Евгеньев Архангельский.
62. Александр Яковлев Василовский.
63 Александр Тимофеев Масаковский.
64. Александр Иосифов Ожиновский.
65. Александр Иосифов Сосновский.
66. Александр Иванов Смецкий.

67. Василий Александров Яровой.
68. Фрол Ефремов Савельев.
69. Илья Гирш Абрамов Атлас.
70. Моисей Мордхель Абрамов Атлас.
71. Мовша Юдель Иоселев Блюменталь.
72. Ян Янов Брадзенек.
73. Нисон Моисеев Янкелев Бейлин.
74. Александр Иванов Беломестнов.
75. Александр Константинов Бонишко.
76. Николай Васильев Васильев.
77. Мефодий Павлов Глущенко.
78. Митрофан Фомин Ветрюк.
79. Нахман Ицко Хаимов Гринберг.
80. Фриц Эристов Знот.
81. Владимир Андреев Змиев.
82. Георгий Константинов Кунени.
83. Иосиф Федотов Кобузан.
84. Андрей Микелев Купинский (он же Куповский).
85. Кафизов Хайюрза Мухаметов.
86. Петр Дмитриев Лиморенко.
87. Мозель Иоселев Аронов Левитис.
88. Мордко Лейба Мовишев Лютенберг.
89. Сергей Евдокимов Михайлов.
90. Иван Павлов Мешков (он же Мишков.)
91. Дмитрий Трофимов Печерских.
92. Пимен Тихонов Перепонов.
93. Павел Гавриилов Поздняков.
94. Прош Перчев Прошянц.
95. Иван Яковлев Перевалов.
96. Захарий Васильев Порфиров.
97. Иосиф Хаимов Ройтман.
98. Михаил Сергеев Скородумов.
99. Федор Константинов Стулов.
100. Степан Толмачев.
101. Григорий Никитин Тер-Оганян.
102. Илья Борисов Таубман.
103. Калман Янкель Гилелев Талесник.
104. Константин Андреев Туканов.
105. Григорий Никитов Фролов.
106. Вениамин Госелев Фридман.
107. Густав Вильгельм Фридрихов Фендзелау.
108. Григорий Андреев Шишкин.

Мальцевской тюрьмы.

1. Анастасия Биценко.
2. Мария Беневская (по мужу Моисеенко).
3. Лидия Езерская.
4. Александра Измайлович.
5. Мария Спиридонова.
6. Аустра Тиавайс.
7. Ривка Фиалка.
8. Мария Школьник.
9. Ксения Шмидт (она же Зисля Бронштейн).
10. Вера Штольтерфорт.
11. Паулина Метер.
12. Сура Деркач.
13. Фрейда Новик.
14. Сура Роткопф.

Алгачинской тюрьмы.

1. Франц Войцехович Адамческий.
2. Иоган Христианов Бергман.
3. Антон Балацко.
4. Иван Дмитриев Белокопытов.
5. Емельян Петров Ганенко (Анков).

6. Федор Иванов Гриднев.
7. Иван Николаев Давыдов.
8. Михаил Самуилов Зварчук.
9. Иван Михайлов Иванов.
10. Венедикт Иванов.
11. Израиль Яковлев Купин.
12. Михаил Иванов Кленский.
13. Андрей Михайлов Комков.
14. Леон Борисов Китиков.
15. Егор Макаров Кузьминых.
16. Семен Алексеев Кокорин.
17. Степан Ефимов Колодин.
18. Митрофан Касьянов.
19. Василий Карпов Латин.
20. Мартин Антонов Лопан.
21. Ефим Лихута.
22. Моисей Абрамов Магазинер.
23. Яков Виколов Мелешкин.
24. Матвей Иванов Максименко.
25. Павел Мухин.
26. Тимофей Мазаев.
27. Дмитрий Новоселов.
28. Василий Иванов Пирязов.
29. Егор Сергеев Созонов.
30. Евгений Александров Смолин.
31. Андрей Дмитриев Стасенко.
32. Иван Васильев Синцов.
33. Иосиф Иванов Соснов.
34. Петр Степанов Соловьев.
35. Константин Сидоров Сивек.
36. Корнилий Дмитриев Смирнов.
37. Федор Соколов.
38. Зильман Тульчинский.
39. Фридрих Константинов Фейфер.
40. Григорий Федоров Храмченко.
41. Петр Цепенщиков.
42. Федор Георгиев Шаврин.
43. Хаим Шмулев Шварц.
44. Дмитрий Константинов Щелканов.
45. Эль Аронов Коган.

Зерентуйской тюрьмы.

1. Павел Антонов Архаров.
2. Андрей Емельянов Аненков.
3. Иван Абасьев.
4. Степан Иванов Арташкин.
5. Виссарион Павлов Бабенко.
6. Георгий Иванов Бренинг.
7. Афанасий Миронов Батрак.
8. Феофан Митрофанов Бессарабов.
9. Оскар Эрнестов Блумбер.
10. Карл Микелев Болот.
11. Жан Юрьев Брекман.
12. Ефим Петров Бойко.
13. Сергей Николаев Вертоградов.
14. Степан Иванов Винокуров.
15. Андрей Петров Вичвинский.
16. Александр Львов Вовченко.
17. Иван Николаев Гудков.
18. Георгий Романов Гантимуров.
19. Яков Васильев Гантимуров.
20. Бенедикт Файвелев Гурцман.
21. Василий Галюков.
22. Карл Карлов Граудин.
23. Максим Афанасьев Гороноpy.
24. Филипп Емельянов Гусев.
25. Фишиль Перчев Гранас.
26. Яков Атов Грикора.
27. Константин Иосифов Дмитриев.
28. Иван Михайлов Девяткин.
29. Михаил Васильев Душин.
30. Ян Янов Дадсе.
31. Ян Карлов Ермуш.
32. Павел Тихонов Журавлев.
33. Феофан Знаменский.
34. Михаил Семенов Зотов.
35. Ян Микелев Зильберг.
36. Владимир Александров Иванов.
37. Карл Мартинов Ирбе.
38. Герман Калюжный.
39. Тимофей Федотов Колыхалин.

40. Филипп Кормильцев.
41. Яков Андреев Ковалев.
42. Андрей Колмаков.
43. Сергей Корякин.
44. Вульф Шоломанов Крейнес.
45. Жан Карлов Кандевиц.
46. Яков Якобов Кальгин.
47. Григорий Иванов Конопка.
48. Степан Иванов Лутков.
49. Андрей Петров Лопатин.
50. Устин Дорофеев Лазаренц.
51. Константин Григорьев Ланских.
52. Тимофей Антонов Киричко.
53. Яков Юрьев Лаусман.
54. Иван Иванов Линкевич.
55. Виле Христофоров Либерт.
56. Юрий Вернестов Лейтис.
57. Даниил Мезенин.
58. Иван Степанов Малышев.
59. Никита Сергеев Марченко.
60. Василий Маноилов.
61. Лаврентий Мосидзе.
62. Федор Илларионов Молчанов.
63. Михаил Михайлов Маглюк.
64. Степан Игнатьев Макаров.
65. Файфель Семенов Могилевский.
66. Никифор Трофимов Пахаренко.
67. Иван Степанов Орлов.
68. Иван Исаков Ошко.
69. Ян Карлов Озолин.
70. Георгий Васильев Полубояринов.
71. Александр Григорьев Простакишин.
72. Константин Матвеев Пешков.
73. Федор Дмитриев Патуров.
74. Григорий Палатнюк.
75. Николай Пименов.
76. Дмитрий Гаврилов Патрушов.
77. Иван Емельянов Понов.
78. Андрей Николаев Петров.
79. Станислав Адамов Питашко.
80. Яков Сергеев Ростовцев.
81. Степан Миронов Рубисов.
82. Николай Владимиров Рычков.
83. Цырыныл Цырынылов Ранжуров.
84. Лаврентий Васильев Распопов.
85. Алексей Васильев Ремизов.
86. Абросим Борисов Сизов.
87. Алексей Лаврентьев Суворов.
88. Павел Степанов Селеев.
89. Алексей Иванов Соколиков.
90. Иван Васильев Столяров.
91. Матис Карлов Скупе.
92. Франц Якобов Осипа.
93. Антон Иванов Савульский.
94. Эрнест Карлов Скупе.
95. Илья Иванов Телечнев.
96. Израиль Шмулев Ушеров.
97. Иван Васильев Фомин.
98. Индрик Андреев Фельш.
99. Николай Иванов Харьков.
100. Иван Михайлов Цыпленков.
101. Карл Карлов Цепурнек.
102. Григорий Иванов Чирков.
103. Гавриил Иванов Чистохин.
104. Петр Францев Шмидарь.
105. Иван Степанов Ясенко.
106. Янис Андреев Вердин.
107. Бронислав Осипов Выгановский.
108. Петр Александров Григоренко.

Последняя страница.

Финал Нерчинской каторги.

В № 21 (199) газеты «Забайкальский Крестьянин» от 1925 г. была напечатана следующая заметка.

«Тюрьма для культурных целей.

Забайкальский губисполком постановил: передать в распоряжение волисполкомов все здания бывших каторжных тюрем для культурно-просветительных и хозяйственных целей».

Ознакомившись с этой заметкой, бюро Нерчинского землячества послало в Читу, губисполком, копия — отделению О-ва политкаторжан следующую телеграмму:

«Президиум Центрального Совета О-ва политкаторжан и Нерчинское землячество членов О-ва, ознакомившись в газете «Забайкальский Крестьянин» с решением губисполкома использовать здания каторжных тюрем для культурно-просветительных нужд местного населения, приветствует это решение, как лучшую дань революции памяти погибших политкаторжан. Просим прислать текст вашего постановления, связать Нерчинское землячество с волисполкомами, которым передаются здания тюрем. Да здравствует революционная власть рабочих и крестьян.

Секретарь Совета *Грюнштейн.*

По поручению землячества *Старр, Гершкович, Плесков, Мелков».*

Е. Никитина.

Библиографический справочник по истории Нерчинской каторги.

НЕСКОЛЬКО ВВОДНЫХ СЛОВ.

Предлагаемая работа составляет часть задуманного труда по библиографии каторжных тюрем предреволюционной эпохи[1]. Делается она вся по одному плану, преследуя одну цель: дать материалы не только по отдельным тюрьмам, но по возможности полно осветить и всю тюремную систему царской России, начиная с массовых политических процессов, т.-е. с 80-х годов. Поэтому, соблюдая логическую последовательность, я разбила справочник на три основных отдела:

В первый отдел отнесены воспоминания, письма, биографии. Вся литература о Каре (исчерпать ее полностью я не пыталась — это предмет отдельного большого исследования) вошла в этот первый отдел целиком; сюда же отошли извлечения из нелегальной (большею частью заграничной) литературы, писанные очевидцами или со слов таковых. Материалы 1-го отдела подобраны *по алфавиту авторов* и перенумерованы в порядке этого алфавита; за периодическими изданиями оставлена их собственная нумерация, и расположены они по алфавиту названий и *по внутреннему хронологическому порядку.*

Второй отдел — официальные и полуофициальные источники. Многих из них я не могла найти в Москве, и потому пришлось ограничиться отделом „хроники" авторитетного юридического еженедельника „Право", который составлялся довольно полно из вырезок современных ему газет и стенографических отчетов заседаний Государственной Думы. Этот ряд источников использован мною насколько возможно широко: хотелось устами самих законодателей показать полную неизбежность Зерентуйских, Кутомарских и иных „трагедий", старательно подготовлявшихся всеми циркулярами, проектами и усиленными сметами на „тюремное дело", при молчаливом попустительстве Думы.

Третий отдел—работы общего характера—подводит итог всему накопившемуся материалу. Расчленить их было бы очень трудно, к тому же от такой операции мало выиграет справочник, но очень пострадает художественное и революционное достоинство статей, поэтому для них, естественно, составляется особый отдел. Понятно, что этот 3-й отдел не вошел в указатель по отдельным

[1] См. в № 5 (18) „Каторги и Ссылки" за 1925 г.—„Амурская колесная дорога", в № 1 (22)—1926 г. „Александровский централ".

тюрьмам Нерчинской каторги, так же, как и часть 2-го, официального, отдела: материалы их относятся не только ко всей Нерчинской каторге вообще, но и ко всему тюремному делу в России.

В заключение, предвидя упреки в неполноте справочника, я должна оговориться, что помещала в нем только материалы, мною лично просмотренные, дабы случайной ошибкой в аннотации не ввести в заблуждение читателя. Поэтому, многие ценные документы, которые отыскать я не успела, не вошли в справочник. Так, я не могла использовать журнал «Будущее», издававшийся в Париже Бурцевым и богатый тюремной хроникой; материалы комитета В. Н. Фигнер; архив главного тюремного управления и многое другое. За всякое указание, а тем более за присылку (хотя бы на просмотр) упущенных материалов в редакцию издательства «Каторга и Ссылка», буду несказанно благодарна. Так как многое было напечатано в местных периодических изданиях, достать которые в центре почти невозможно, было бы очень желательно получить от авторов этих заметок, если не текст, то хоть короткие проспекты напечатанных статей. Надо собирать крохи воспоминаний и зафиксировать их, пока мы живы, пока они не стали изустным, искаженным преданием.

Приношу свою глубокую благодарность В. И. Горовиц и работникам библиотеки Коммунистической Академии за товарищескую помощь и указания.

Отдел I[1].

Воспоминания, письма, рассказы очевидцев, биографии.

1. ***Александров, В.*** „Каторга и Ссылка".—Соврем.—1912 г. № 2—3. Акатуевская катор. тюрьма и рудники—1890—1897 г.г. История Акатуя, начиная с 40-х годов.
2. ***Биценко, А. В.*** В Мальцевской женской тюрьме (1907—1910 г.г.). Скорее психологическая оценка, чем фактический рассказ о внутренней жизни тюрьмы, отрезанной от мира. К. и С. № 7. 1923 г.

[1] Необходимые сокращения.

Был.	—журнал „Былое"
В. Евр.	— „ „Вестник Европы".
Г. Д.	— Государственная Дума.
Гол. Мин.	— жур. „Голос Минувшего".
Г. Т. У.	— Главное тюремное управление.
Гор. Зер.	— Горный Зерентуй.
Загр.	— заграничное издание.
Зас.	— заседание.
К. и С.	— журнал „Каторга и Ссылка".
М.	— Москва.
Мин. Юст.	— Министерство юстиции.
Образ.	— журнал „Образование".
П.	— Петербург-Ленинград.
Пр.	— газета „Право".
Р. Бог.	— журнал „Русское Богатство".
Р. М.	— „ „Русская Мысль".
Сес.	— сессия Государственной Думы.
Совр. М.	— журнал „Современный Мир".
Соврем.	— „ „Современник".
Соз.	— созыв Государственной Думы.
Т. В.	— журнал „Тюремный Вестник".

3. *Белозерский, Н.* От Петербурга до Нерчинска.—Р. М.—1902 г. № 12. Характеристика Нерчинской каторги 60-х годов

4. *Беломестнов, Н.* По поводу записок Мельшина-Якубовича „В мире отверженных“.—Тюр. Вестн.—1914 г., стр. 1332. Написанная ,очевидно, старым служащим, чиновником областного правления, статья интересна поправками и раз‘яснениями, которые вносит автор, хорошо знакомый с описанной средой. Раскрываются псевдонимы, как начальства, так и арестантов; попутно наивно описываются факты, которых не решился коснуться Мельшин (покушение и смерть политического каторжанина Саньковского в 1890 г.).

5. „*С. Н. Бобохов*“ Некролог. Был. (загран.) № 1. Кара за 10 лет жизни на ней Бобохова (1879—1889).

6. *Богданов, Б.* Помощник прис. поверенного Е. С. Семяновский (один из первых карийцев). Был.—1906 г. № 11. Карийская каторга и вольная команда в годы „свободного режима“ до 1882 г.

7. *Брешковская, Е.* Автобиография—П.—1917 г. Кара 70-х, 80-х г.г. Из воспоминаний.—Гол. Мин.—1918 г. № 10—12. О женщинах-каторжанках—Н. Армфельд, Т. Лебедевой, М. Крыловой, Г. Гельфман и др. на Каре.

8. *Брильон, И.* На каторге, воспоминания—П.—1917 г. Сибирский этап, Горный Зерентуй, Кутомара, Акатуй, Алгачи 1910—1913 г.г. Очень подробный рассказ о трагических событиях и режиме Нерчинской каторги непосредственного участника, биографии многих политических каторжан. Есть мелкие ошибки (описки) в именах и датах, но живость, простота и искренность повествования делают книгу очень ценной.

9. *Васильченко, С.* По падям Забайкалья.—Побег А. Брайловского и Колоскова из Акатуя в 1905 г. К. и С. 1921 г.—№ 2.

10. *Его же.* После первого боя, гл. 4-я. Этапный путь от Красноярска до Акатуя (1904 г.) К. и С. 1922 г.—№ 4.

11. *Виташевский, Н.* „По Владимирке“. Сборн. „Наша Страна“— П.—1907 г. „Этапный путь от Тюмени до Кары“ (1881 г.)

12. *Его же.* На Каре. Гол. Мин. 1914 г. № 8. Подробное описание Кары 1882-1883 г. и побега 8-ми человек во главе с Мышкиным.

13. *Галкин, М.* Памяти тов. В. А. Васильева.—К. и С. № 7, 1923 г. Нерчинская каторга—1908-1912 г. г.

14. *Геккер, Н.* Политическая каторга на Каре (краткая история каторги, психологический этюд). Был. 1906 г. № 9.

15. *Гершуни, Г.* Мой побег.—Пск.—1917 г. Описание побега из Акатуевской каторжной тюрьмы в 1906 г., короткое живое изображение момента каторжной жизни.

16. *Данилов, В.* Воспоминания.—Кара с 1883—84 г.—Был.—1907 г. № 8.
То же—см. в статье Пекарского—Был.—1922 г.—№ 19.

17. *Дейч, Л.* 16 лет в Сибири.—П. 1906 г. Нерчинск, Кара, Акатуй (1886—1891 г. г.). Очень подробное описание сибирского этапа 80-х годов, Нерчинской тюрьмы и Карийской каторги, много биографий и силуэтов политических и уголовных каторжан, типы начальствующих; интересны описания первых углубленных разногласий между марксистами и народниками.

18. „Еще к ликвидации старого строя“—К самоубийству политкаторжанина Макарова, высеченного по приказу ген. Кияшко в Кутомаре в 1912 г. (по поводу назначения ген. Кияшко на пост командующего Туркестанским военным округом.) «Дело Народа» (Чита) № 66—1917 г.

19. *Жуковский-Жук.* Из неволи в могилу—Памяти Корешкова и Лисиша. Кутомара 1912—1914 г. г. К. и С.—№ 13—1924 г.

20. *Его же.* К политическим каторжанам (о ген. Кияшко)—1913 г. „Труд. Респ.“—1917 г. № 13. Кронштадт.

21. *Его же.* Кровавые пятна.—(Этап из Харбина в Кутомару и жизнь там в 1912 г.) „Гол. Максим“, Благовещенск. 1910 г. № 12.

22. *Его же.* Памяти Н. Ф. Степанова. Горн. Зерент.—1910—1916 г. г. К. и С. № 7—1923 г.

23. *Зубковский, А.* С пути на Кару (письмо 1883 г.).—К. и С. № 11.—1924 г.
24. *Ивановская, П.* Страничка из истории каторги.—К. и С. № 5 — 1923 г.— Карийская женская тюрьма. 1885—1888 г. г.
25. *Измайлович, А.* Из прошлого.—К. и С.—№ 7—1923 г. и № 8—1924 г. Акатуй—1906 г. и коротко о Нерчинской каторге вообще позднейших годов.
26. Из материалов Краковского союза помощи политическим заключенным. (1914 г.)—К. и С. № 9—1924 г. 1. Письмо из Зерентуя (без года). 2. Проезд г. Грана (нач-ка гл. тюр. упр.) по Нерчинской каторге 1913. 3. Трагедия в Горном Зерентуе (избиение вольнокомандцев конвоем в 19 3 году.
27. „Карийская трагедия 1889 года".— Воспоминания и материалы. П.—1920 г. Статьи: Е. Ковальской, Г. Осмоловского, В. Петровского. Исчерпывающий материал.
28. *Каховская, И.* Воспоминания—К. и С.—№ 22 (1)—1926 г. Мальцевская женск. тюрьма—1909—1911 г.г., Акатуй (женск. т.)—1911—1913 г. г.
29. *Кеннан, Д.* Сибирь и ссылка.—Тюрьмы в России.—П. 1905 г. История Карийской каторги с 70-х годов до конца 90-х. Интересные книги, но устаревший и порой неточный материал.
30. *Климушкин, П.* Как нас освободили. Горн. Зерентуй—1917 г.—К. и С. №1—1921 г.
31. *Новалик, С.* К биографии П. И. Войнаральского. Кара—1881—1883 г.—К. и С. № 11—1924 г.
32. *Его же.* Революционеры-народники в каторге и ссылке.(1882—1884 г.).Там же.
33. *Кон, Ф.* В каторге на Каре. (1886—1889 г.)—М. 1926 г.г.
34. *Его же.* От Кары до Иркустка (1890 г.) К. и С.—№ 4—1922 г. Отд. изд. М.—1925 г. Немногочисленные, но интересные черты Нерчинской каторги 90-х годов.
35. *Корнилов, Н.* Генерал Кияшко—„Револ. Севастополь"—1917 г. № 50 (Нерчинск. кат. 1912—1913 г. г.)
36. *Котнин, Е.* Шестнадцать дней (самоубийства и голодовки в Кутомаре 1912 г.)—К. и С. № 2—1921 г.
37. *Кравчинский, С.* Царь чурбан, царь цапля, ч. II. П. 1921.—Кара 1889 г. Подробное описание дела Сигиды и его последствий.
38. *Крамаров, Г.* Большая и малая коммуны. К. и С. № 8—1924 г. Горн. Зерентуй 1907—1910 г. г.
39. *Его же.* Памяти А. В. Попова-Бритмана. К. и С. № 6—1923 г. Горн. Зерент.—1908 г.
40. *Его же.* Памяти матроса Акима Воробьева. К. и С. № 3—1922 г. Горн. Зерентуй—1910 г.
41. *Его же.* Нерчинская каторга. 1907—1910 г. г. К. и С. № 3—1922 г.
42. *Кубалов, Б.* П. П. Овчинников. К. и С. № 12.—1924 г. Кара—1881 г.
43. *Куликовский, П.* Матросы-революционеры 1905-го года. „Свобод. Флот"—1918 г. № 12. Акатуй—1906 г.
44. *Лагунов, В.* Поездка в Горный Зерентуй (покушение на Высоцкого в 1911 г.) К. и С. (Киевск. отд.) № 1—1924 г.
45. Литература партии „Народная Воля". Под редакцией Богучарского, вып. II. М.1907 г. 1) Хроника арестов,—заметка (стр. 44). 2) Тюрьма и ссылка, большая статья (стр. 51—65). Кара 1880—81 г.
46. *Майнов, И.* С. Н. Доллер. Кара 1880—1884 г. К. и С. № 12.—1924 г.
47. *Максимов, С.* Сибирь и Каторга, 4 т., изд. Просв. П. 1896 г. Нерчинская каторга до 60-х годов. Очень подробное описание вдумчивого постороннего наблюдателя, больше этнографа, чем историка. Богатый материал, много мастерских бытовых подробностей. Книга в продаже очень редка и в выборках требует переиздания.
48. *Мельшин, Л. (П. Якубович).* В мире отверженных. П. 1912 г. Акатуевский („Шелаевский") рудник 1890—93 г. и Кадая. (Этап и вольная команда) 1894—1896 г.
49. *Михайлов, М. И.* Записки (1861—1862 г. г.) П. 1922 г. Этапный путь в Сибирь и Нерчинские заводы. Приезд в Кадаю—1862 г..

50. *Муравский, М.* Ссылка и каторга в 60-х г. г. Был.—вып. II.—1906 г.—Рост. н/Д. Краткий, но обстоятельный рассказ о жизни в Александровском заводе Нерчинской каторги (1865—1870 г. г.). Об Алгачах, как о месте ссылки и смерти (1869 г.) каракозовца Ишутина.
51. *Осмоловский, Г.* Карийцы—материалы для статистики. Полный список карийцев-каторжан и членов их семей. „Мин. Годы" № 7 1908 г.
52. *Памяти Фрумкиной и Бердягина.* М. 1908. (С предисловием В. Н. Фигнер). Сборник начинается небольшой вводной статьей, об'ясняющей роль двух замечательных революционеров, восставших на защиту человеческого достоинства арестанта; обвинительные акты, речи на суде и особенно письма Фрумкиной дают яркую общую картину тюремного режима 1907 года; Нерчинская каторга упоминается несколько раз.
53. *Пекарский, Э.* Рабочий Петр Алексеев (Из воспоминаний С. Ковалика). Был. 1922 г. № 19. Кара 1882 г.
54. *Пивоваров, П.* Генерал Кияшко в Алгачах 1912 г.)
Революционные силуэты—тоже. Кат. и С. Киевск. отд). №1—1924 г.
55. *Пирогов, В.* Смерть Е. С. Созонова. К. и С. № 1—1921 г. и № 3—1922 г. Горн. Зерентуй—1910 г.
56. *Плеснов, В.* Две жизни (А. Попов-Бритман и В. Серов). Ист.-Рев. Бюл. № 1—1922 г.—Горн. Зерентуй. 1907—1914 г. г.
57. *Его же.* Зерентуйские побеги и подкопы (1907—1913 г. г.) К. и С. № 8—1924 г.
58. *Его же.* Из литературного архива Горного Зерентуя (Тюремные журналы 1909 г.). К. и С.—№ 6—1923 г.
59. *Его же.* На Нерчинской каторге (1907—1911 г. г.) К. и С.—№ 1—1921 г.
60. *Его же.* Памятные дни—Горн. Зерентуй (1910 г.)—К. и С.—№ 3—1922 г.
61. *Поляков, М.* Н. К. Малаксиано-Сигида (по пути на Кару в 1888 г.). К. и С. № 12—1924 г.
62. *Его же.* В. А. Данилов. Там же (Кара 1886 г.)
63. *Попов, М.* К биографии Ф. Буцинского.—Кара 1881—1882 г.—К. и С. № 5—1923 г.
64. *Его же.* К биографии Мышкина. „Былое"—1906 г. № 2. Неудачный побег с Кары 1883 г. Собств. о тюрьме очень мало.
65. *Прибылева, А.* Мои воспоминания о Каре. Р. Бог.—1914 г. № 3 (80-е годы).
66. *Ее же.* Народная Воля, ч. 5 (1882—1889) М.—1926 г.
67. *Ее же.* Воспоминания о П. Ф. Якубовиче. Рус. Бог.—1912 г. № 10. Карийская каторга конца 80-х годов.
68. *„Егор Созонов".* Материалы для биографии, воспоминания, письма, документы. М. Изд. „Гол. Минув." 1919 г. Составленная из писем Созонова к близким людям, книга захватывает с первых строк. Постепенно читатель проходит многострадальный путь Созонова от Шлиссельбурга через Москву в Акатуй (1906 г.), Алгачи (1907 г.), Горн. Зерентуй (1907—1910 г. г.), постепенно выявляются условия жизни за эти 7 лет и огромная фигура самого С., так спокойно, с открытыми глазами подвигавшаяся к неизбежному концу.
69. *„Егор Созонов".* Письма к родным—1895—1910 г. Изд. „Кат. и Сс."—М. 1925 г., стр. 383.
Это собрание писем дополнено ценными документами, вводной статьей Б. Козьмина, воспоминаниями друга Созонова—Г. Фролова и освещением обстоятельств самоуб-ва Соз. по официальным документам в статье Н. Ростова. Библиогр. справочник и исчерпывающие примечания.
70. *„Р. М. Семенчиков".* Материалы для биографии. (1877—1911). Собрал А. Рябинин. М.—1922 г. Письма из Алгачей и Горн. Зерент. 1909—1911 г. г.
71. *Соболь, А.* На каторжном пути. М. 1924 г. Картины из жизни Горного Зерентуя 1908 г.
72. *Его же.* Отрывки из воспоминаний. К. и С. № 13—1924 г. Тоже.
73. *Спиридонова, М.* Из жизни на Нерчинской каторге. К. и С. № 14, 15 и 16—1925 г. Портреты политических каторжан и жизнь их в Акатуе 1906 года и дальше (Сидорчук, Фарашьянц, Карпович, Прошьян, Гершуни, Созонов).

74. *Ее же.* Прош Прошьян. К. и С. № 9.—1924 г. Горн. Зерентуй, 1906 г.
75. *Станчинский, А.* В Алгачах (1907 г.)—К. и С. № 3—1922 г.
76. *Его же.* Очерки тюремного быта.—К и С. № 4—1922 г. Обще - тюремные картинки быта Нерчинской каторги 1908—10 г. г.
77. *Его же.* Памяти Л. А. Плесковой (как „попечительницы" Нерчинской каторги).—К. и С. № 1—1921 г.
78. *Стеблин-Каменский, Р.* Письмо (о Каре 1885 г.).—К. и С. № 12—1924 г. Общие условия жизни, очень подробно.
79. *Стефанович, Я.* Дневник карийца. П. 1906 г.

    Кара 1888—89—90 г. г. Подробное до мелочности описание внутритюремной жизни. Много личных выпадов, подрывающих доверие к правильной оценке фактов и лиц.
80. *Терешкович, К.* Памяти трех друзей. М. Р. Гоц, М. И. Фундаминский, А. С. Гурвич. Сборник „Якутская трагедия" М. 1925 г.

    Автор и три его друга отбывали каторгу после Якутской бойни (в 1889 г.) в Вилюйске и Акатуе, которому и посвящены подробные описания во всех 3-х биографиях. На стр. 159—165 краткая история Акатуевской политической каторги, составленная со слов П. Ф. Якубовича-Мельшина (1890—1895 г. г.).
81. *Типунков, И.* О том, что было; прилож. к книге Г. Н. Чемоданова „Нерчинская каторга". М. 1924 г. Воспоминания о Кутомарской каторжной тюрьме с 1907 по 1912 г.
82. *Фролов, Г.* Воспоминания о Е. С. Созонове. „Нар. Дело" (Чита)—1917 г. № 50. То же—„Егор Созонов в письмах"—М.—1925 г.
83. *Чемоданов, Г.* Нерчинская каторга. М. 1924 г. (Записки бывшего начальника конвойной команды).

    Интересные воспоминания об официальной каторге. Много ценных материалов из жизни всех тюрем Нерчинской каторги. В приложении статья каторжанина Типункова о Кутомарской тюрьме. Подробные примечания и указатель имен.

Нелегальные издания.

„Голос Социал-Демократа".

№ 10—11 (1908 г.). „Акатуй", сводка корреспонденций, „Алгачи", корреспон., там же.

№ 24 (1910 г.) Горный Зерентуй. статья Ф. Дана „Зерентуйская трагедия и либеральное общество".

Приложение к № 24. „Письмо бывших нерчинских каторжан". История Нерчинской политической каторги с 1907 по 1911 г., подробности последних событий и смерти Созонова.

„Знамя Труда".

1907 г. № 1—Письмо Созонова—«Нерчинская каторга». № 4 «Летопись войны» (общая картина); «Убийство Бородулина»; «Возобновление зверств в Алгачах». № 5—«Алгачи» (корресп.) № 6—«Убийство Метуса». № 7—«Убийство Максимовского» «К событиям в Алгачах».

1908 г. № 13—„Горный Зерентуй", № 14—„Из Алгачинской каторги".

1909 г. № 25 то же (очень подробно)

1910 г. № 26—„Мальцевская женская тюрьма". № 32—„Зерентуйская каторга" (С 1909 до смерти Е. Созонова, очень подробно).

1911 г. № 33—Весь номер посвящен смерти Е. Созонова и предшествовавшим событиям в Г. Зерентуе, Акатуе, Алгачах, Кутомаре. № 34—Письма Е. Созонова и 4 корресподенции с мест. № 35—„Горный Зерентуй". № 36—Мальцевская женская тюрьма. № 37—„Забайкалье" (Мальц. ж. т.); А. П.—„Воспоминания о Е. Созонове"; „П. К. Сидорчук"—некролог. № 38—Извещение Ц. К. о покушении на Высоцкого.

1912 г. № 39—Покушение на Высоцкого (описание со слов Лагунова).—Воззвание к цивилизации о защите политических заключенных.

1913 г. № 46—„Алгачи"—письмо. № 47—„Письмо из Читы" (Проезд ген. Кияшко по Нерчинской каторге). № 48—то же.

„Правда“
1910 г. № 13—„Алгачи“ (корресп.)
1911 г. № 20—„Свободу пленникам царизма“.
„Революционная Россия“. „Нерчинская каторга и Алгачи“.
1903 г. № 31 (Хроника арестов). № 35 (Побег Б. Славинского из Акатуевской вольн. команды)
„La Tribune Russe“—(на французском языке). Париж.
1908 г. № 11—Заявление акатуевцев начальнику тюрьмы.
1912 г. № 1 и 2—Кутомара, Алгачи, сообщения о митингах и запросах.
1913 г. № 4 и 8—Статьи Братова о русской политической каторге.
„ „ № 5 и 6—Речь Прессансэ на митинге протеста против жестокостей в русских тюрьмах (3 февр.—1913 г.), отклики печати.
„ „ № 9/10—Отчет комитета помощи политическим каторжанам под председательством В. Н. Фигнер (финансовый и фактический).

Отдел II. Официальные источники.

Из материалов Нерчинской каторги. „К. и С.“ № 2.—1921 г.

1. Офиц. доклад начальника Нерчинской каторги о состоянии тюрем и содержащихся в них каторжан (к сожалению, без даты).

2. Донесение Забайкальского военного губернатора о подробностях подкопа в Горном Зерентуе в 1908 г.

„Право“, еженедельная юридическая газета; отдел „Хроники“. 1907 г.
1907 г. № 8. Сообщение о репрессиях, начавшихся в Акатуевской тюрьме.
№ 11. О незаконном содержании в Акатуе А. Кузнецова.
№ 12. Перевоз политических каторжан из Акатуя в Алгачи 12-го марта (подробно).
№ 15. Телеграмма деп-ту Успенскому о том же (подробно).
№ 22. Убийство (в Чите) бывш. нач-ка Акатуевской тюрьмы Метуса (28-го мая).
№ 23. Покушение на настоящего нач-ка Акатуевской тюрьмы Бородулина (в Иркутске 30-го мая).
№ 42. Убийство нач-ка Г. Т. У. Максимовского (в Петербурге 15-го октября)—подробно.
№ 51 Данные о переполнении Нерчинской каторги.
1908 г. № 12 Циркуляр министерства юстиции об ограничении права вмешательства прокурора во внутренние тюремные усмирения.
№ 14. Цирк. Гл. Т. Упр. о наручнях, предохранительных связках и кандалах.
№ 15. То же об отмене ссылки на Сахалин сс.-каторжан и замене ее каторжными тюрьмами Нерчинского округа.
№ 18. Сведения Гл. Т. У. о числе заключенных (168 тысяч чел.) и о переполнении мест заключения.
№ 20 Цирк. мин. юст. о неуклонном проведении мер предупреждения побега арестантов.
№ 21 „Права сс.-каторжан и поселенцев“; письмо в редакцию П. Г-ина (о замене каторги тюрьмой с продлением срока и пр.).
№ 24. Цирк. Г. Т. У. о привлечении к судебной ответственности чинов тюремной администрации, уклоняющихся от выробатанной Г.Т.У. инструкции в отношении арестантов.
№ 25 Раз'яснение Г. Т. У. о неприменении скидки $1/_4$ срока каторги отбывающим срок в тюрьмах смешанного типа.
№ 30 Проект М. Ю. о реформе каторги и подробные данные о санитарном состоянии каторжных тюрем, в частности Нерчинского округа. Статистика смертности, перегруженности, расходов, бунтов и пр. в период с 1906 по 1908 г г.
№ 36. Опубл. правил М. Ю. о режиме для сс.-каторжан, находящихся в тюрьмах смешанного типа (тел. наказ., карцер, наручни и пр.).
Там же—Предписание Г. Т. У. об игнорировании тюремных добровольных голодовок вплоть до смерти голодающих.

№ 38. Смета Г. Т. У. на 1908 г. (29.366.465 руб.).
№ 41. О том же.
Цирк. о прекращении ссылки каторжан в Нерчинский округ и об учреждении Шлиссельбургской каторжной тюрьмы.
№ 49. Данные Г. Т. У. о самоубийствах и беспорядках в тюрьмах за 1906—1908 г. г.
№ 51. Проект закона об отмене вольного поселения для ссыльно-каторжн. по государственным преступлениям.
№ 52. Тиф и смертность на Нерчинской каторге (цифры).
1909 г. № 8. Данные о тифозной эпидемии по тюрьмам.
№ 22. Цирк. М. Ю. о неприменении законной скидки к каторжанам, содержащимся в тюрьмах общего типа.
№ 23 Сведения, полученные с.-д. фракцией Гос. Думы об отмене выхода в вольную команду для полит-каторжан всех сибирских тюрем.
№ 32. Сведения Г. Т. У. о переполнении мест заключения, о числе каторжан (20 тыс.), подробная разработка данных.
№ 33. О тюремных самоубийствах.
№ 37. Общие данные о переполнении тюрем, число заключенных, избиения, усмирения.
№№ 38 и 39. Цирк. М. Ю. и Г. Т. У. об антисанитарном состоянии тюрем и переполнении (в связи с испрашиваемыми кредитами).
№ 42. Смета тюр. вед. и общее состояние тюремного дела за 1907, 1908 и 1909 г. г.
№ 44. Проект преобразования каторжных тюрем в изолированные централы.
Там же. Данные отчета Г.Т.У. по тюрьмам за 1908 г.
№ 50. Проект преобразования каторги на обсуждении совета министров. Подробно.
1910 г. № 15. Состояние тюрем в России в 1909 г. по данным Г. Т. У.
№ 16. Выдержки из благовещенского „Эхо“ о положении каторжан в Акатуе.
№ 22. Письмо уголовных о Нерчинской каторге к с.-дем. фракции Г. Д.
№ 28. Отчет Г. Т. У. за 1908 г.—Подробные цифровые данные, отдельно о Нерчинской каторге нет.
№ 31. Цирк. Г. Т. У. об отдельном и строжайшем содержании каторжан по различным категориям в губернских тюрьмах.
№ 37. Смета М. Ю. по тюремной части ($32^1/_2$ мил. руб.) и число каторжан (30 тыс. чел.) на 1910 г.
№ 38. Гл. Т. У. „Описание современного состояния тюремных заданий“ в связи с испрашиваемыми кредитами и таблица переполнения тюрем.
№ 49. Запрос с.-дем. фракции Г. Д. о телесных наказаниях в каторжных тюрьмах в связи с избиением в Горном Зерентуе и смертью Созонова.
№ 50. Самоубийства в русских тюрьмах по данным доктора Прозорова.
1911 г. № 19. Г. Т. У. о самоубийствах в тюрьмах.
№ 21. Сообщение о Нерчинской каторге и режиме в ней.
№ 34. Покушение на Высоцкого.
№ 35. Смета Г. Т. У. на 1911 г. (35 мил. руб.)
№ 38. Об'яснение Г. Т. У. к смете о росте преступности и числе каторжан, в частности о Нерчинской каторге (4.234 чел.)
№ 45. Цирк. Г.Т.У. об „упорядочении карцеров“ и об ужасном их состоянии в некоторых тюрьмах (не названы).
№ 49. Цирк. Г.Т.У. об ответственности чинов тюремной администрации за побеги арестантов с работы и мест заключения.
1912 г. № 3. Подробная инструкция Г.Т.У. о положении каторжан различных категорий.
№ 12. Заключение бюджетной комиссии Гос. Думы при рассмотрении сметы М. Ю. „о неудовлетворительном состоянии Нерчинской

каторги" в связи с общим антисанитарным состоянием сибирских тюрем. Об'яснение нач-ка Г.Т.У. Хрулева.

№ 36. Сообщение о массовом покушении на самоубийство в Кутомарской и других тюрьмах Нерчинской каторги после наказания розгами Брильона по распоряжению фон-Кубе (20 авг. 1912 г.)

№ 37. Дополнительные сведения о Кутомарской тюрьме.

№ 38. Проект (И. Сементковского) о реорганизации сибирской каторги.

№ 39. Подробности проекта реформы каторги.

№ 43 Упоминание об избиениях в Алгачах и Кутомаре в связи с сообщением о режиме Орловского централа.

№ 46. Проект военного министра Сухомлинова военно-тюремной реформы.

№ 47. Еще подробности о проектах реформы каторги.

№ 48. Законопроект Мин-ва Юстиции в Гос. Думе о преобразовании штатов управления Нерчинской каторги. Интересные цифры.

№ 50. Подробности законопроекта о преобразовании каторги, внесенного в Гос. Думу Гл. Т. Управлением.

1913 г. № 6. Запрос с.-дем. фракции о режиме на Нерчинской каторге в 1912 г.

№ 10. Телеграмма депутату Манькову о голодовке в Горном Зерентуе, вызванной применением телесных наказаний.

№ 16. Самоубийство (покушение) В. Празнера в Горном Зерентуе.

№ 22. Извлечение из цифрового и фактического отчета Г. Т. У. за 1911-й год.

№ 23. Смета Г.Т.У. в Гос. Думе на 1913 г. (31½ тысяч человек).

№ 24. Новый пересмотр проекта реформы каторги в Г.Т.У. (подробно).

№№ 29 и 30. Новая редакция законопроекта о каторге в Мин. Юстиции. Цифровой обзор с 1905 года.

№ 36. Извлечение из сметы Мин. Юстиции по тюремной части. Интересные цифры.

№ 45. Проект о преобразовании каторги в совете министров (подробно).

№ 50. Подробности законопроекта о преобразовании каторги, внесенного в Гос. Думу Гл. Т. Управлением.

1914 г. № 5. О будущем с'езде русских тюремных деятелей (официальных); программа с'езда.

№ 11. Подробный отчет заседаний II-го с'езда русских тюремных деятелей под председательством мин. юстиции Щегловитова.

№ 25. Резолюция председателя совета министров на законодательное предположение 53-х членов Гос. Думы об отмене телесного наказания для каторжан и ссыльно-поселенцев: „за сохранение телесных наказаний, как единственной карательной меры в отношении лиц, утративших чувствительность к наказаниям нравственного характера, необходимой при подавлении беспорядков" и пр.

№ 36. Резолюция Щегловитова на просьбы арестантов о зачислении их в добровольцы в действующую армию: „удовлетворяют лишь в исключительных случаях и при безукоризненном поведении".

„Тюремный Вестник", орган главного тюремного управления. Петербург.

Часть историческая:

„Нерчинская каторга". Из отчета бывш. начальника Г.Т.У. А. Соломона (из поездки) 1898 г." Т. В. 1900 г. стр. 471.

Очень подробное и добросовестное обследование условий жизни, труда и правового положения каторжан. Интересные исторические справки, цифры и факты полной бесхозяйственности управления.

„Каторга в Сибири. Извлечение из отчета начальника Г.Т.У. о служебной поездке в 1909 г. в Иркутск. губ. и Забайкальскую область".

Приложение к № 8—9. Т. В. за 1910 г. Довольно обстоятельное описание внешнего состояния отдельных тюрем Нерчинской каторги

и Александровской группы, много фотографических снимков; главное внимание уделено мастерским и внешним работам.

„Предстоящее преобразование каторги". Проект Г.Т.У. Т.В. 1910 г. стр. 897. Вначале краткая официальная история каторги.

„Краткая об'яснительная записка к проекту преобразования каторги". Т.В. 1913 г. стр. 1833.

Очень подробная официальная история возникновения и развития „каторжных работ" с XVIII века до последнего времени.

Часть юридическая.

„Краткий очерк деятельности Г. Т. У. за первые 35 лет существования". (1879—1914 г. г.). Т. В. 1941 г. стр. 284.

Исчерпывающая история развития тюремного законодательства за данный период, в приложении хронологическая таблица-справочник.

„Краткий перечень главных общих мероприятий и начинаний Министерства Юстиции по тюремной части за десятилетие 1894—1904 г.г.". Т. В. 1904 г. стр. 686.

Расположен в хронологическом порядке.

„Обзор преобразований по тюремной части при новых законодательных установлениях (1906—1912 г. г.)".

Очень полная и интересная картина борьбы Г.Т.У. с Гос. Думой. В приложении перечень принятых законоположений и запросов.

„Резолюции II с'езда тюремных деятелей" (1914) г.—Прилож. к № 11 Т. В. за 1914 г.

Стенографические отчеты заседаний Государственной Думы.

1907 г. Зас. 22—5/I—Запрос № 11 левых фракций об избиении в Акатуе 2-го марта 1907 г.

„ Зас. 23—6/IV—Обсуждение запроса № 11. Спешность принята.

„ Зас. 34—7/V—Раз'яснения правительства и прения по запросу № 11 об избиении в Акатуе и Алгачах.

1908 г. Зас. 55—28/IV—Обсуждение сметы Мин. Юстиции по тюремной части на 1908 г. Речи деп-тов: Антонова, Чиликина, Черносвитова, Шингарева.

1909 г. Зас. 67 и 68—3/III—Обсуждение сметы Мин. Юстиции по тюремной части на 1909 г. В речах левых депутатов обрисовано положение тюремного дела с 1906 г. (Герасимов, Кузнецов).

„ Зас. 111—12/V—Запрос № 63 соц.-демократ. фракции об избиениях, расстрелах и телесных наказаниях в тюрьмах. Спешность отклонена. (Запрос остался нерассмотренным).

„ Зас. 22—25/XI и зас. 25/XII—Прения по запросу № 25 об ограничении прав защитника при посещении им тюрьмы. Речь министра юстиции Щегловитова о тюрьмах и ответы на нее левых депутатов. Запрос принят, формула перехода.

1910 г. Зас. 59—1/III—Обсуждение сметы Мин. Юстиции по тюремной части на 1910 г. Речи левых депутатов: о К у т о м а р с к о й тюрьме (Кузнецова)—подробно о применении телесного наказания, и об А л г а ч а х (Антонова).

„ Зас. 60—того же дня. Ответ нач-ка Г. Т. У. Хрулева. В приложении см. подробную таблицу сметы.

„ Зас. 4—20/X—Обсуждение запроса № 75 о стрельбе по окнам в Ярославской тюрьме; речь по этому поводу депутата Предкална с указанием фактов стрельбы, бывших в Г о р н о м З е р е н т у е. Об'яснения Щегловитова.

„ Зас. 27—29/XI—Запрос № 115 левых фракций о применении телесных наказаний к политическим каторжанам в Вологде и Г о р н о м З е р е н т у е о массовом покушении на самоубийство и о смерт Созонова. Спешность отклонена. Запрос остался нерассмотренны

" Зас. 37—15/XII—Обсуждение запроса о Рижсокм крае. В речи депутата Кузнецова упоминаются самоубийства политических каторжан в Горном Зерентуе.

1911 г. Зас. 69—1/III—Обсуждение сметы Мин. Юстиции по тюремной части на 1911 г.; о трагедии в Горном Зерентуе и о режиме Высоцкого. Речи депутатов: Кузнецова, Белоусова, Петрова, 3-го, Родичева.

1912 г. Зас. 79—29/II—Общие прения по бюджету Мин. Юстиции на 1912 г. Речь депутата Шингарева об ассигновках на тюремное ведомство, речь депутата Покровского—развитие этой темы (сравнительные цифры по тюремному ведомству за 1907—1910 г.г.)

" Зас. 125—5/V—Обсуждене сметы Мин. Юстиции по тюремной части на 1912 г.

" Зас. 126—7/V—Продолжение обсуждения сметы; речь депутата Антонова о негодности тюрем Нерчинской каторги, об'яснения нач-ка Г. Т. У. Хрулева.

" Зас. 131—12/V—В приложении—таблица сметы по Мин. Юстиции по тюремной части.

1913 г. Зас. 17—25/I—Запрос № 11 левых фракций о незакономерных действиях администрации Алгачинской и некоторых других тюрем. В тексте запроса подробности о репрессиях в Алгачах, Горном Зерентуе и Кутомаре (телесное наказание и массовые самоубийства полит. каторжан).

" Зас. 18—30/I—Обсуждение запроса № 11. Речи депутатов: Манькова — об Алгачах и Керенского — о Кутомаре. Спешность отклонена.

" Зас. 57—29/V—Обсуждение сметы Мин. Юстиции на 1913 г. по тюремной части. Речь депутата Керенского об антисанитарном состоянии тюрем, в частности об Акатуевской тюрьме и об избиениях в Горном Зерентуе каторжанина Макарова. В прилож. таблица сметы по тюремн. части на 1913 г.

" Зас. 24—7/XII—Требование левых фракций о постановке на обсуждение запроса № 11 в ближайшее заседание, подробная мотивировка и повторение фактов об избиениях в тюрьмах.

1914 г. Зас. 55—26/II—Оглашение запроса № 11.

" Зас. 59—16/IV—Обсуждение запроса № 11; речь депутата Керенского о Нерчинской каторге вообще. Запрос принят.

" Зас. 84—16/V—Обсуждение сметы Мин. Юстиции по тюремной части на 1914 г.; речи депутатов: Александрова об антисанитарном состоянии сибирских тюрем; Шагова о Горном Зерентуе (режим 1912—1913 г.); Керенского о посещении Нерчинской каторги генералом Кияшко и последствиях этого посещения для каторжан.

Обзор деятельности Государственной Думы III созыва, ч. III.

Рассмотрение гос. росписей.

Таблица смет Мин. Юстиции по тюремной части за 1907—1912 г.г. и разработка ее в тексте, стр. 257—269.

Работы бюджетной комиссии Государственной Думы.

Стенографические отчеты (№№ по порядку поступления докладов за данный год):

на 1908 г. по тюремной части Мин. Юстиции (без прений) № 39, стр. 1662.

" 1909 " " " " " № 13 (без прений) и формула перехода № 39.

" 1910 " " " " " № 13—докладчик Воейков, защищал смету нач-к Г. Т. У. Хрулев, возражали Шингарев, Розанов, Бабенко.

" 1911 " " " " " № 13—докладчик Воейков, защищал Хрулев, возражали Шингарев, Годнев, Тимошкин:

„ 1912 „ „ „ „ „ № 56—докладчик Воейков, защищал Хрулев, возражали Шингарев, Антонов, Розанов.

„ 1913 „ „ „ „ „ № 16—докладчик Замысловский, защищал тов. мин. юстиции Веревкин, возражал Шингарев. Приложена официальная справка Г. Т. У. о болезнях и смертности в тюрьмах за 1911 г.

„ 1914 „ „ „ „ „ № 16—докладчик Замысловский, защищал нач-к Г. Т. У. Гран, возражал Шингарев.

Отдел III. Работы общего характера.

П. А. Тюремное дело в 1906 г. „Право", 1908 г., № 42. Статья на основании отчета Г. Т. У. Собственно о Нерчинской каторге немного.

Войтинский, В. Вне жизни. П. 1915 г.

Напечатанные первоначально в легальных „толстых журналах", очерки имеют характер общих мест, без дат, имен, ссылок и, таким образом, совершенно лишены исторического значения. Но потрясающие картины тюремного произвола, бесправия, тупой жестокости и какой-то наивной изощренности в мучительстве делают эти рассказы очевидца и участника драгоценными иллюстрациями к документам о страшном десятилетии русской тюрьмы и каторги. „Такое" могло быть и бывало, как в Орле, так и Тобольске, в Екатеринославе, в Бутырках и Алгачах. Снабженная комментариями, книга требует переиздания.

Гернет, М. В тюрьме.—Очерки тюремной психологии. М. 1925 г.

Книга, предназначенная осветить психологию заключенного в различные моменты его тюремной жизни, иллюстрирована богатым фактическим материалом, взятым из мемуарной русской литературы. В конце приложена довольно полная библиография тюремных воспоминаний.

Исаев, М. Предстоящее преобразование каторги. „Право", 1911 г., № 6—7.

Подробное и тщательное использование официальных источников о положении русской, в частности Нерчинской каторги в 1908—1910 г.г.

Клейнборт, Л. Равенство в бесправии. „Образ.", 1909 г., №№ 2—3.

Статья, посвященная политике Г. Т. У., огромный фактический материал, взятый из официальных источников, иллюстрирует полное бесправие и беззащитность арестанта, и, как следствие бездействия общественного контроля над тюремной администрацией,—развитие тюремного террора. Период 1906—1908 г. г.

Як. Л. В тюрьмах и ссылке. Ежегодник газ. „Речь" за 1912 г. П.

Обширная статья о росте и расширении „тюремного дела", данные статистические и фактические о внутреннем состоянии, режиме и происшествиях во всех почти главных тюрьмах России, в частности и о Нерчинской каторге, за период с 1906 по 1911 г. г., по цифрам Гл. Т. У.

Ларский, И. Там, где ревизии не будет. (Вопросы текущей жизни). Совр. М. 1911 г. № 7.

Избиения и режим по тюрьмам, в частности об Акатуе, за 1908—1910 г. г. Богатый фактический материал.

Мельшин, Л. Вместо Шлиссельбурга.—Вести из политической каторги. П.—1906 г.

Очень сильное и сжатое описание Нерчинской каторги 90-х г. г.

Мякотин, В. О современной тюрьме и ссылке.—Р. Б. 1910 г. № 9.

Общий обзор режима и насилий по тюрьмам, в частности об Алгачах (большой фактический материал).

Набоков, В. Наши тюрьмы в официальном освещении. Пр. 1911 г. № 48.

Критика политики Г. Т. У. с обильным фактическим материалом за 1909 год.

Николаевский, Б. Новое о прошлом.—Был. 1918 г. № 12 и 1919 г. № 15.

Тюремные воспоминания в газетах и журналах 1917—1918 г. г. (гл. обр. сибирских). Интересный материал, но в некоторых случаях не указаны авторы статей и даже названия.

О Нерчинской каторге ряд статей в газетах (приведены в д нном указателе).

Очевидец. О каторге. Пр.—1912 г. №№ 11, 12, 13.

Обширная статья юридического характера о бессмысленной жестокости настоящих условий отбывания на азания в переполненных, грязных, закупоренных помещениях, без работы и без воздуха. Иллюстрирующие факты.

Скабичевский, А. Каторга 50 лет тому назад и ныне. Рус. М.—1898 г. № 9—10.

Статья литературно-публицистического характера. Сравнивается описание и освещение каторги Максимовым, Достоевским, Мельшиным и Чеховым. О Нерчинской каторге в этих рамках довольно подробно.

Тимашев, Н. Окончательный проект преобразования каторги. Пр.—1914 г. № 4.

Юридический разбор и критика проекта Гл вн. Тюремн. Управления, внесенного в Государственную Думу в 1913 г. Ссылка на т. 4-й „Трудов Юридич. Петерб. Общества", посвященного этому же вопросу, со статьями М. Исаева, П. Люблинского и Л. Жижиленко.

Цебрикова, М. Каторга и ссылка. П.—1907 г.

Картины тюрьмы, каторги и ссылки 80—90-х г. г.; общие места, фактов, имен и ссылок почти нет, но освещение правильное, и чувствуется большая осведомленность, законспирированная по понятным для того времени причинам.

Указатель к справочнику—по отдельным тюрьмам.

Алгачинская тюрьма.

Отд. I. (номера по порядку алфавита): 8, 13, 25, 26, 35, 47, 50, 52, 54, 68, 69; 70, 73, 75, 76, 81, 82, 83.

„La Trib. Russe“ 1 и 2 (1912 г.); 4, 5, 6, 8 (1913)

„Знамя труда“ №№ 1, 4, 7 (1907 г.); 14, (1908 г.); 25 (1909); 33 (1911 г.); 39 (1912 г.); 46, 47, 48 (1913 г.)

„Правда“ №№ 13 (1910 г.), 20 (1911 г.)

„Голос. Соц.-Дем.“ № 10/11 (1908 г.); приложен. к № 24 (1910 г.)

Отдел II. „Право“ 1907 г.—№№ 12, 15, 51; 1908 г. №№ 30, 52; 1910 г. № 22; 1912 г. № 43, 1913 г.—№ 6;

Засед. Гос. Думы. (стенографические отчеты) 7 мая—1907 г. 1 марта—1910 г. 25 января—1913 г., 30 января—1913 г., 26 марта—1914 г. 16 апреля 1914 г., 16 мая 1914 г.

Акатуевская тюрьма

Отдел I. (номера по порядку алфавита): 1, 4, 8, 9, 10, 13, 15, 17, 25, 26, 28. 35, 41, 43, 47, 48, 52, 68. 69. 73, 76, 80, 82, 83.

„La Trib. russe“—№№ 11 (1908 г.); 4, 5, 6, 8 (1913 г.).

„Револ. Россия“—№ 35 (1903 г.).

„Знамя труда“ №№ 1, 4, 6 (1907 г.); № 33 (1911 г.) № 39 (1912 г.) №№ 47, 48 (1913 г.)

„Голос Соц.-Дем.“ № 10—11 (1908 г.); прилож. к № 24 (1910 г.)

Отдел II. „Право“ 1907 г.—№№ 8, 11, 12, 15, 22, 23, 51; 1908 г. № 30, 52; 1910—№№ 16, 22; 1913—№ 6.

Зас. Гос. Думы (стенографические отчеты) 5 апр.—1907 г., 6 апр. 1907 г., 7 мая 1907 г., 29 мая 1913 г.

Горный Зерентуй.

Отдел I. (номера по порядку алфавита): 8, 13, 22, 25, 26, 30, 35, 38, 39, 40, 41, 44, 47, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 81, 82, 83.

„La Trib. Russe“ №№ 4, 5, 6, 8, 9—10 (1913 г.).

„Знамя труда“ №№ 13 (1908); 32 (1910 г.); 33, 34, 35, 37, 38 (1911 г.); 39 (1912 г.); 47, 48, (1913 г.).
„Голос Соц.-Дем.“ № 24 (1910 г.) и прилож. к № 24.
Отдел II. „Право“ 1910 г.—№№ 22, 49; 1911 г.—34; 1913 г.—6, 10, 16.
Зас. Гос. Думы (стенографические отчеты) 16 окт. 1910 г., 29 ноября—1910 г., 15 дек. 1910 г., 1 марта 1911 г., 25 января 1913 г., 29 мая 1913 г., 26 марта—1914 г., 16 апр. 1914 г., 16 мая 1914 г.

Кадая.

Отдел I, (номера по порядку алфавита): 3, 11, 48, 49.

Карийская каторга. (до 90-х г. г.).

Отдел I. (номера по порядку алфавита): 5, 6, 7, 12, 14, 16, 17, 23, 24, 27, 29, 31, 32, 33, 34, 37, 42, 45, 46, 47, 51, 53, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 78, 79.

Кутомара

Отдел I. (номера по порядку алфавита): 8, 18, 19, 20, 21, 25, 26, 35, 36, 47, 73, 81, 82, 83.
„La Trib. Russe“ №№ 1, 2 (1912 г.).
„Знамя труда“ №№ 33 (1911 г.); 39 (1912 г.); 47, 48, (1913 г.).
„Голос Соц.-Дем.“ Приложение к № 24 (1910 г.).
Отдел II. „Право“ 1912 г. №№ 36, 37, 43.
Зас. Гос. Думы (стенографические отчеты): 1 марта — 1910 г., 25 янв. 1913 г., 30 янв. 1913 г., 26 марта—1914 г., 16 апр. 1914 г., 16 мая 1914 г.

Мальцевская женская тюрьма.

Отдел I. (номера по порядку алфавита): 2, 28, 69, 73.
„Знамя труда“ №№ 26 (1910 г.); 36, 37 (1911 г.).

И. Жуковский-Жук.

Мартиролог Нерчинской каторги.

Нерчинское землячество Всесоюзного Общества политкаторжан и сс.-поселенцев делает в этом сборнике первую попытку восстановить и собрать воедино имена всех политкаторжан, которые погибли на Нерчинской каторге или за ее пределами.

В этот синодик вошли как те, что погибли в самих тюрьмах и на поселении, так и те революционеры, кто пережил неволю и погиб в дальнейшей революционной борьбе или отойдя от нее, на склоне своей жизни.

В интересах исторической правдивости в наш список включены без различия все, судившиеся и отбывавшие каторгу по политическим делам—от подлинных революционеров до тех, кто малодушно изменил красному знамени, отойдя от революции или даже перейдя в лагерь ее врагов.

Составляя этот мартиролог за время от декабристов по 1917 г. на основании всех доступных печатных источников, автор проверял факты и события архивными данными, насколько это было возможно. Многое проверить не удалось. Эту работу составитель рассматривает, как первый опыт, как черновой набросок для истории Нерчинской каторги, подлежащий дальнейшей коллективной проработке. Фамилии из мартиролога, встречающиеся в тексте книжки, отмечены знаком °).

Абрамов, Павел Васильевич—декабрист; полковник; ком. Казанского полка. Род. в 1791 г. Окончил 1-й кадетский корпус. Член Союза Благоденствия и Южного общества. В 1826 г. пригов. к кат. на 12 лет, по конфирм. срок сокращен до 8 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1832 г. в Акшинскую крепость Иркут. губ. Умер 5 ноября 1836 г.

Авербах, Иуда Самойлович — род. 21 декабря 1884 г. в г. Климовичи Могил. губ., в евр. семье; рабочий-кожевник; принадл. к орган. „Бунда“. На военной службе в 1906 году работал в воен.-рев. орган. в Ник.-Уссур. Судился в 1907 г., 4 октября, военно-окружным судом. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Горном Зерентуе и Кутомаре. Убит 21 июля 1914 г. в Кутомарской тюрьме часовым.

Александров, Диомид Александрович—ткач из Петерб. Революционер-семидесятник. В 1875 г. суд. особым присутствием сената по делу Дьякова, Сирякова и др. За распростр. прокл. между рабочими фабр. Чешера и солд. Моск. гвард. полка осужден на 9 л. каторги, которую отбывал в Новобелгород. тюрьме и на Каре. В Якутской обл. на поселении с 1884 г. Умер в Якутске 31 дек. 1925 г. 74 лет от роду.

Алексеев, Петр Алексеевич — род. 14 января 1849 г. (по официальным документам в 1851 г.), в семье бедного крест. в деревне Новинской, Сычевского у., Смолен. губ. По профессии—ткач. Один из первых народников-пропагандистов. Арест. 4 апреля 1875 г. в Москве, в доме Корсак, вместе с Бардиной, Джабадари и др. Судился 21 февраля 1877 г. по „процессу 50-ти“. На суде 10 марта произнес знамен. историч. речь. Пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал в Печенежской и Новобелгор. центр. тюрьмах, а весной 1881 г. перев. на Кару. Срок окончил в 1884 г. и отправлен на посел. в Якут. обл., где убит якутами с целью грабежа в августе 1891 г.

Алешкер, Лейба-Мовша Лейвикович—род. в начале 80-х г. в Витебск. губ., в семье раввина. Первоначально готовился быть раввином, но, познакомившись с рев. движ., стал анарх. Судился в Одессе 15 сент. 1905 г. по делу анарх.-ком. за лаборат. бомб, хранение взрывчатых веществ и покушение на убийство провокатора. Воен.-окр. судом приговорен к смертн. казни, замен. 15 г. кат. Заключение отбывал на Нерчинской каторге. Находясь в Акатуе, в 1907 году, 20 августа ударил бутылкой, наполненной песком, по голове тюремного надзир., нанесшего ему оскорбление. За этот поступок Алешкер был предан военному суду в Иркутске и приговорен к смертной казни через повешение, но по конфирм. казнь заменена бесср. кат. Он отличался необыкновенной выносливостью и силой. Вечный бунтарь, он не подчинялся тюремному режиму принципиально и проводил этот принцип со строгой последовательностью. Принимал участие во всех тюремных протестах и голодовках. В конце 1912 г. в Кутомарской тюрьме подвергся сильному избиению по приказу нач. тюрьмы Головкина и выслан в Горный Зерентуй. В 1913 г., как неподч., перев. на „исправление“ в Рижский централ. Освоб. по амн. 1917 г. Позднее примкнул к „толстовцам“. Умер, но неизвестно—когда и при каких условиях.

Ананьина, Мария Александровна—род. 1849 г. в крест. семье в Пермской губ. Воспит. в приюте принца Ольденбург. Впоследствии служила земской акуш.-фельдш. в Парголове. На квартире Марии Александровны собирались народовольцы—Лукашевич, Новорусский, Ульянов и др. Арест. 3 марта 1887 г. вместе с Новорусским и дочерью за участие в подготовке покушения на Александра III. Судилась особым присутствием сената 15-16 апреля 1887 г. по процессу „второе 1 марта“ вместе с Шевыревым, Ульяновым, Генераловым и др. Пригов. к 20 г. кат. На Кару прибыла в 1888 г. В 1897 г. перев. в Акатуй, где и умерла 25 января 1899 г.

Андреевич 2-й, Яков Максимович—декабрист., подпор. 8-й арт. бриг. Член общества Соедин. Славян. Осужден в 1826 г. на бесср. кат., по конфирм. срок сокр. до 20 лет. Заключ. отбывал в Шлиссельбурге и в Нерч. рудниках. На посел. вышел в 1839 г. в Верхнеудинск, где и умер в больнице 18 апреля 1840 г.

Анненков, Иван Александрович — декабрист, поруч. Кавалергард. полка. Род. 5 марта 1802 г. в Москве. Сын отставного капитана. Образов. получил в Моск. унив. Служил юнкером в Кавалергард. полку. Чл. Северного общества. Арест. 19 декабря 1825 г. Пригов. к кат. на 20 лет, сокращ. на 15. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в Иркут. губ. Умер в 1878 г. в Н.-Новгороде.

Ануфриев, Александр Варфоломеевич—род. 20 ноября 1884 г. в селе Щукино, Ардат. у., Симб. губ. в крест. семье. Находясь на военной службе, принимал участие в рев. деят. как соц.-рев. Арестов. и судился в октябре 1907 г. по делу Ник.-Уссур. военной орган. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Горном Зерентуе и Кутомаре. Освоб. по амн. 1917 г. Умер на род. от туберкулеза.

Арбузов, Антон Петрович—декабрист, лейт. Гвард. экипажа. Воспит. в Морском корпусе. Член Северного общества. Заключен в Алексеевский равелин 15 декабря 1825 г. Пригов. к смертной казни, замен. по конфирм. вечной кат. Срок сокращен до 20 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в Енис. губ. Умер в 1843 г.

Армфельд, Наталья Александровна, по мужу Комова—род. в 1850 г. в Москве, в семье ген. По сведениям Брешковской—дочь профессора. Оконч. институт. В рев. движ. участв. с начала 70-х г. Народница-пропаганд. Первый раз арест. в 1874 г. в Орл. губ; выслана на родину к матери. Вторично арест. в 1875 г.; выслана админ. в Костром. губ., откуда возврат. в 1877 г. и жила у матери. В 1878 г. перешла на нелег. положение и бежала. Третий раз арест. 11 февраля 1879 г. в Киеве, в доме Коссаровской, где было оказано вооруж. сопрот. Судилась Киевским военно-окружным судом 7 мая 1879 г. по делу Брантнера, Свириденко, Дебогория-Мокриевича и др. Приг. к 14 г. 10 месяцам кат. Заключ. отбывала на Каре. Умерла в сентябре 1887 г. в вольной команде на Нижней Каре от бугорчатки.

Архангельский, Александр Иванович—род. в первой половине 60-х годов в Нижегор. губ., в дух. семье. Учился в дух. семин. Народоволец. Арест. в 1891 г. в Казани за участие в покуш. на казан. губ. Полторацкого. Судился в 1892 году военно-окружным судом вместе с Кочурихиным-Мелковым. Пригов. к 15 годам кат., сокращенной на 12 лет. Заключение отбывал в Акатуе. На поселении был в Забайкальской области. Принадлежал к соц.-демократам. Умер на курорте возле Читы в 1922 г.

Бабайлов, Иннокентий Сильверстович—род. в Чите в 1883 г. Учился в Чит. гор. уч., которое окончил в 1900 г. В 1904 году вступил в Чит. орган. соц.-дем. (б). Арест. в 1907 г. Судился в 1908 г. по делу соц.-дем. орг.; пригов. к 5 годам. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Алгачах. На посел. был в Забайк. обл. Умер 28 января 1925 г. Член Общ. политкат.

Багряновский, Корнелий Феликсович—род. в 1860 г. в Вол. губ. Поляк. Сын двор. Служ. почт. чин. Арест. 24 апреля 1879 г. в г. Жит. Судился в том же году 7-14 июля Киевским военно-окружным судом по делу Горского, Бельчанского и др. За попытку экспроприации и за намерение освободить из-под стражи Зуброницкого приговорен к 6 годам 8 месяцам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1884 г. в Якут. обл., откуда неудачно пытался бежать. Был перев. в Верхоянск, где застрелился 31 июля 1896 года.

Баламез, Андрей Михайлович—родился в 1860 г. в Кишиневе, в купеческой семье. Болгарский подданный. Учился в Одесском реальном училище. Примыкал к народникам-бунтарям. Арест. в 1878 г. Судился 22 июля—5 августа в 1879 г. Одесским военно-окружным судом по делу Чубарова, Лизогуба и Давиденко. При допросе выдал Чубарова и др., в чем на суде раскаивался. Приговорен к 20 годам каторги. Заключение отбывал на Каре, за побег откуда в 1882 г. приговорен к 10 годам. В 1888 г. подал прош. о пом. Позже уехал в Болгарию, где и умер.

Баллод, Петр Давидович — род. 1 декабря 1839 г. в Риге, в семье пастора. Окончил Рижскую дух. семин., а затем мед.-хирург. акад. в Петербурге, откуда в 1858 г. перешел на естеств. фак. Петерб. унив. Был близок к центральному рев. кружку Зайчневского и Аргиропулло. Арест. 15 июня 1862 г. Суд. по делу Д. И. Писарева. Пригов. к 15 годам кат., сокращ. на 7 лет. Заключ. отбывал в Александр. зав. На посел. был в Якут. обл., затем переехал на Амур. Умер 23 января 1918 г.

Барятинский кн., Александр Петрович—декабрист. Штаб-ротмистр, ад'ютант главноком. 2-й армии. Родился в 1798 г. Воспитание получил в иезуитском пансионе. Член Южного общества. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Позже срок сокращен до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. был в Тобольске. Умер в 1844 г.

Басаргин, Николай Васильевич—декабрист, поруч., ст. ад'ют. 2-й армии, род. в 1799 г. в семье помещика. Член Южного общества. Пригов. к бесср. кат., замен. 20 годами. Срок сокр. до 15, а затем до 10 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в Тобольскую губ. Умер в 1861 г. в Москве.

Батагов, Галактион Емельянович—род. в 1852 г. в Кременчуге, в семье мещанина. Рабочий-столяр. Арест. в Харькове в 1881 г. по делу рев. пропаг. Судился 3 апреля 1883 г. Одес. военно-округ. судом по проц. Стрельникова (дело Дзвонкевича, Дрея, Попова и др.) Приговорен к 15 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. В 1892 г. вышел на посел. в Читу, где и умер в 1913 году.

Бахтин—судился за оскорбление офицера. Пригов. к 15 г. кат. 10 апреля 1908 г. бежал из Александр. централа вместе с Ильинским, Туром, Минаевым и др. Арест. и судился военно-ок-

ружным судом в Иркутске. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Умер на Нерч. кат.

Бебих, Иван Иванович—(нелег. Абрамов, Василий Михайлович) в рев. среде известен под кличкой „Днепр". Род. в Киев. губ. Один из активн. членов Харбинской (Дальневосточной) группы анарх.-коммун. Участв. во многих рев. предпр. Летом 1907 г. бросил бомбу в магазин Зингера в Харбине, с целью принудить хозяев пойти на уступки бастующим служ. Арест. в Ник.-Уссур. в 1908 г. за рев. экспр. Судился в том же году во Владивостоке военно - окруж. судом. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Кутом. тюрьме, где и умер от воспаления легких зимой 1912 г.

Белоцветов, Гавриил Васильевич—род. в 1852 г. во Владим. губ., в семье свящ. Студ. Яросл. Демид. лицея. Арест. в марте 1877 г. по делу рев. пропаг. Судился 9-10 апреля 1880 г. Моск. окружным судом. Пригов. к 4 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. В 1883 г. ушел на посел. в Якутск. обл., позже переехал в Минусинск, где служил делопроизв. гор. управы. Позже вернулся в Россию, где и умер.

Беляев 1-й, Александр Петрович—декабрист. Мичман Гвард. экипажа. Род. в 1803 г. Уч. в Морском кад. корпусе. Пригов. к кат. по 4-му разр., сокращ. до 12 лет, а затем до 8. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1832 г. в Иркут. губ. Затем перев. в Минусинск. Умер в Москве в 1885 г.

Бендюгов, Павел—рабочий из города Николаева. Судился в Одессе в 1906 г. по делу нелег. типогр. Каторгу отбывал в Горном Зерентуе и Кутомаре. На поселении был в Забайк. Покончил самоуб. в 1919 г. в Верхнеудинске. Причины смерти не выяснены.

Берзин—полит. кат. Заключение отбывал в Нерчинской каторге. Умер на посел. в Баргузине. Подробных сведений не имеется.

Бестужев, Михаил Александрович—декабрист, штабс-капитан лейб-гвард. Моск. полка. Род. 22 сентября 1800 г. Учился в Морском корпусе. Член Северного общества. Пригов. к бесср. кат., сокращ. до 20 лет. Заключ. отбывал в Шлиссельбурге и Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в Селенгинск. Умер в 1871 г. в Москве.

Бестужев, Николай Александрович—декабрист. Кап.-лейт. 8-го флотского экипажа. Род. 13 апреля 1791 г. в Петербурге. Образ. получил в Морском корпусе. Член Северного общества. Приговорен к бесср. кат., сокращ. до 20 лет, а затем до 15 и 13. Заключ. отбывал в Шлисс. и Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в Селенгинск, где и умер 15 мая 1855 г.

Бечастнов, Владимир Александрович—декабрист, Прап. 8-й артил. бриг. Род. в 1802 г. Учился в Рязан. гимн. и во 2-м кадетск. корп. Член общества Соедин. Славян. Пригов. к смертной казни, замен. по конфирм. бесср. кат., позже срок сокращен

до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в Иркут. губ., где и умер в 1859 г.

Бибергаль, Александр Николаевич—родился в 1854 году в Керчи, в еврейской семье. Учился в Керченской гимназии, а затем в Петербургском ветеринарном институте. Арестован в декабре 1876 г. в Петербурге на Казанской площади за участие в демонстрации. Судился 18 — 25 января 1877 г. сенатом. Приговорен к 15 г. каторги. Заключение отбывал на Каре, куда прибыл в 1878 г. По манифесту 1884 г. срок каторги был сокращен и Бибергаль вышел на поселение в Забайкальскую обл. Позже переехал на Амур, где служил на золотых приисках. Последние годы жил в Москве. Умер в ночь с 21 на 22 декабря 1925 года.

Блюмберг—урож. Прибалт. края. Принадл. к группе „лесных братьев". Каторгу отбывал в Зерентуе. Покончил самоуб. весной 1909 г. после неудачного побега с кирпичных сараев.

Бобохов, Сергей Николаевич—анарх.-народник; род. в 1858 году в Сарат. губ. Учился в Сарат. гимн. Ушел из 6-го класса и занялся самообраз. для подготовки себя к роли пропаг. В 1875 г. поступил в ветерин. инст. в Петрограде, откуда исключен за участие в студ. беспор. и выслан админ. в Саратов, а оттуда в Мезень, Арханг. губ. Из ссылки бежал в ноябре 1878 г.; при аресте стрелял в полиц. Военным судом 12 марта 1879 г. пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал на Каре. Покончил самоуб. 16 ноября 1889 г. вместе с Калюжным, протестуя против телесного наказания, примененного к Сигиде.

Бобрищев-Пушкин 2-й, Павел Сергеевич—декабрист. Пор. квартирм.части. Род. 12 июля 1802 г. Учился в Мурав. школе колонновож. Член Южного общества. Пригов. к кат. на 12 лет, сокращ. до 8. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1832 г. в Красноярск. Умер в 1865 г. в Москве.

Богданович, Флориан Григорьевич—род. в 1849 г. в Варш. губ.; двор.; приват-доц. Львовского унив.; учился в Цюрихском политехн. Участник польского восст. в 1863 г. Арест. в 1876 г., но выпущен на поруки в 1877 год. Вторично арест. в 1879 г. в Киеве. Судился 10 июня 1879 г. Киевским воен.-окр. судом, осужд. на 4 года кат. На Кару прибыл в 1880 г. Срок заключ. окончил в 1883 г. и сослан в Якут. обл., а через несколько лет выслан заграницу по хлопотам родных, как иностр. поддан. Умер 14 июня 1894 г. в Лемберге.

Богданов, Захар—род. в 1846 г. в Новгор. губ., в крест. семье. Грамоте выучился на военной службе. Арест. в 1875 г. Судился 20 окт. 1876 г. по проц. Е. С. Семяновского. Пригов. к 6 годам кат. На Кару прибыл в 1877 г. В вольную ком. вышел в 1879 г.; в 1881 г. увезен в Нерч. округ, где вскоре умер.

Богомолец, Софья Николаевна, урожденная Присецкая—род. 17 сентября 1856 г. в мест. Ковалевке, Зеньковского уезда, Полтавской губ., в семье помещика. Оконч. гимн. и училась на медицинских курсах. Арест. 4 января 1881 г. в Киеве. Судилась

26 мая 1881 г. Киевским военно-окружным судом по проц. „Южно-русского рабочего союза“ вместе с Ковальской, Щедриным и др. Пригов. к 10 г. кат. По дороге на Кару 16 февр. 1882 года бежала вместе с Ковальской из Иркутской тюрьмы. Была 28 февр. поймана, за что прибавл. 5 лет. Прибыла на Кару в 1882 г., откуда увезена в Иркутск в 1883 г. За бунт в Иркутской тюрьме прибавл. 1 год с перев. в разряд испытуемых на весь срок. В 1885 г. вновь возвращ. на Кару. Умерла на Нижн. Каре 10 января 1892 г. от бугорчатки.

Бойченко Степан (нелег.), наст. фам. Филатов, Филипп Михайлович.—Род. в Яросл. губ., в крест. семье, в 1852 г.; слесарь. Примыкал к южным бунтарям. 1-й раз арест. в 1877 г. и выслан на родину. Вторично арест в 1879 г. в Киеве Суд. Киевским военно-окружным судом 12 и 26 июля 1880 г. Пригов. к 15 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1891 г. в Якут. обл. Позже вернулся в Россию, где и умер.

Бондаренко, Иван—урож. Киевской губ., крест. Суд. в 1907 г. во Владив. за военное восст. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. Убит на Казакове при побеге из тюрьмы приблизительно в 1914 г.

Борисов 1-й, Андрей Иванович—декабрист. Отставной пор. Род. в 1798 г. Основатель и член общества Соединенных Славян. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в Верхнеуд. округ. Страдал псих. болезнью. Покончил самоуб. в 1854 г.

Борисов 2-й, Петр Иванович—декабрист. Подпор. 8-й артил. бриг. Брат предыдущего. Род. в 1800 г. Основ. и член общества Соединенных Славян. Пригов. к смертной казни, замен. вечной кат. Срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в Иркут. губ., где скоропостижно умер в 1854 г. в деревне Малой Разводной.

Бригген, фон-Дер, Александр Федорович—декабрист. Отставной полк. Род. в 1792 г. Член Союза Благоденствия. Пригов. к кат. раб. на 2 года. Срок сокр. до 1 года. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1828 г. в гор. Пелымь, Тобольской губ. Умер в 1859 г. в Петербурге.

Брильон, Израиль Нисонович—еврей; урож. Могил. губ. Член боевой орган. п. с.-р. 17 августа 1905 г. бросил бомбу в Могил. губ. Клингенберга. Судился 7 марта 1906 г. Киевской суд. пал. Пригов. на 8 лет кат. Заключ. отбывал в Бутырках, Александр. централе, на Амурской колесной дороге, в Зерентуе, Кадае и Кутомаре В 1912 г. подвергся истязанию розгами за неподч. тюр. реж. Срок окончил в 1913 г. На посел. был в Забайк. обл., откуда бежал в Америку. Возвратился из эмиграции летом 1917 г., работал в рядах п. с.-р. Казнен на станции Пограничное в июле 1918 г. по приказу атамана Калмыкова. Автор книги „На каторге“.

Бубновский, Николай Николаевич, (нелег. Федор Предтеченский)—род. в 1853 г. в Подол. губ., в семье крест. По профессии слесарь. В рев. движ. участ. с начала 70-х годов. Привлекался по делу Заславского, но не был разыскан. Позже примыкал к южным террористам, группировавшимся вокруг Осинского. Принимал участие в изгот. взрывч. снарядов. Арест. весной 1879 г. в Киеве вместе с Ароном Гобстом (Федоровым). Судился 15 июля 1879 г. На суде отказ. от всяких показ. и защиты. Пригов. к 12 годам кат. (по сведениям Балабанова—на 20). Заключ. отбывал на Каре, куда прибыл в 1880 г.; в вольную команду вышел в 1883 г. На посел. отправлен в 1890 г. в Читу. Позже вернулся в Европ. Россию, где и умер.

Буцинский, Дмитрий Тимофеевич—род. в 1855 г. в Курской губ., в семье свящ. Учился в Харьк. унив. на мед. фак. Участвовал в уб. харьк. губерн. Кропоткина. Арест. в Киеве в 1879 г. Судился 12-26 июля 1880 г. Киевским военно-окружным судом; на суде признал свою принадлежность к „Н. В." Пригов. на 20 лет кат. Заключ. отбывал на Каре, откуда в 1882 г. летом увез. в Петропавл. креп., а затем 4 августа 1884 г. в Шлисс., где и умер от чахотки 4 июля 1891 г.

Быдарин, Алексей Александрович—род. в 1854 г. в семье чиновника, в Пермской губ. Сельский учитель. Арестов. в 1874 г. Судился в июне 1877 г. по делу рев. проп. Пригов. к 11 годам кат. Заключ. отбывал в Новобелгор. центр. тюрьме, затем переведен в 1882 г. на Кару. На поселен. вышел в 1883 г. в Забайк. обл., откуда за побег переведен в Якут. обл. 20 сентября 1886 г. бежал вновь и был задержан в Тобольске. Подал прош. о помил. и возвратился в Россию. Умер.

Бычков, Александр Иванович—род. в 1862 г. в Киев. губ. Сын инж. Воспит. получил в Киевской гимназии. Занимался организацией рев. кружков и народовольческой пропагандой. Арест. в мае 1881 г. в Киеве. Судился Киевским военно-окружным судом в 1883 г. Пригов. к ссылке на посел. в Верхоленск, откуда бежал в 1887 г. Арест. вновь в 1888 г. в Москве, снова бежал и снова арест. там же. Судился в 1891 г. Петерб. окружным судом за побеги. Приговорен к 3 годам кат. и 40 плетям; плети были отменены. Отправлен в Акатуй, а затем переведен на Кару. На посел. вышел в декабре 1892 г. в Якут. обл. Позже вернулся в Россию. Жил в Харькове. Умер 27 сент. 1925 г. в Харькове. Член Общества политкат.

Вагжанов, Александр Петрович—род. в 1877 г. в гор. Твери, в крест. семье. Рабочий-ткач. В рев. движ. принимал участие с 1893 г. в орган. соц.-дем. Был депут. II Госуд. Думы. Аресту подвергался 4 раза: в 1894 г., в 1896 г., в 1902 и 1907 г.г. Судился по делу соц.-дем. фракции II Госуд. Думы. Пригов. к 4 годам кат. Заключ. отбывал в Акатуе. Срок закл. окон. в 1911 г. Посел. в Забайк. обл. После Октябрьской рев. принимал участие

в строит. советской власти. Арест. в 1919 г. в Чите; казнен в мае того же года по приказу атамана Семенова.

Вадковский, Федор Федорович—декабрист. Прап. Нежин. конно-егерского полка. Член Северного и Южного обществ. Пригов. к смертной казни, замен. по конфирм. бесср. кат. Срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На поселение вышел в 1893 г. в село Манзурку, Иркутской губ. Умер в 1844 г. в селе Оеке.

Вайсбрут, Яков—род. в конце 90-х годов в Варшаве, в бедной евр. семье; фабричный рабочий. В рев. дв. с 1904 г. в группе анарх.-комм. Арест. в Лодзи в 1906 г. за хран. взрывч. вещ. Судился 22 ноября 1906 г. Варш. военно-окружным судом вместе со Скомским, Гранатштейном и др., пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал в Тоб. централе, откуда перев. в Нерч. кат.; перед отправкой подвергся порке розгами за нелег. переписку. В Кутомару прибыл в 1911 г. Умер.

Валуев, Петр Прокопьевич—род. в Одессе в 1854 г. Сын мещанина; унтер-офицер. По проф. маляр-живоп. В рев. движ. участ. с 1880 г. в „Рабочей группе пропагандистов“ партии „Народная Воля“. Арест. в 1883 г. Судился в том же году 28 марта-3 апреля по „процессу Стрельникова“ вместе с Дзвонкевичем, Дреем, Батаговым и др. Пригов. к смертной казни, замен. 4 годами кат., которую отбывал на Каре. На посел. был в Забайк. обл. Умер 26 декабря 1918 г. в Чите.

Васильев, Николай Васильевич—род. в 1845 г. в семье чиновника. Учился в гимназии, откуда вышел из второго класса; затем был вольносл. Петерб. унив. 31 августа 1862 г. у Васильева был произведен обыск, обнаруживший много нелег. рукоп., написанных его рукой. Дело Васильева рассматривалось в комиссии Голицына и 24 января 1863 г. состоялся приговор, присуд. его к смертной казни, замен. 10 годами каторги. Заключ. отбывал в Александр. зав. На поселении был в Якут. обл., где покончил самоуб. в 1888 г. в Амге.

Васильев, Василий — флейтист Преображенского полка. Род. в 1799 г. Арест. 19 ноября 1820 г. за написание воззвания к преображ. от восставших семеновцев. Пригов. к смертной казни, замен. 100 ударами плетей и ссылкой на бесср. кат. в Нерч. рудн. Умер.

Васильев, Владимир Львович—род. в 70-х годах. Рабочий-токарь по металлу. В рев. движ. с 1903 г. в п. с.-р.; участник вооруж. восст. в г. Александр. в 1905 г. Судился Одесским военно-окружным судом в 1906 г. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Горном Зерентуе и Кутомаре. Участв. во многих тюр. протестах и голод. 21 сентября 1912 г. подвергнут порке за неподч. тюр. реж.; подвергся избиению со стороны тюремщиков. Умер 22 сентября 1912 г. от побоев в Кутомаре.

Веймар, Орест Эдуардович—род. в 1845 г. в Петербурге, в семье герм. подд. Сын купца. Окончил мед.-хирург. акад. Врач-окулист. Во время турецкой войны в 1877-78 г.г. завед. лазаретом, за что награжден орденом Анны и несколькими георгиевскими крестами. Участв. в побеге кн. Кропоткина, которого увез на лошади. Арестован 2 апреля 1879 г. Судился 6-24 мая 1880 г. (дело Коленкиной, Ад. Михайлова и др.). Пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал на Каре; в 1885 г. вышел в вольную команду, где и умер 31 октября 1885 г.

Виташевский, Николай Александрович—родился в 1857 г. в Одессе. Учился в реальном уч. Народник-бунтарь. Арест. 30 янв. 1878 г.; при аресте оказал вооруж. сопрот. Судился 20-24 июля того же года Одесским военно-окружным судом по проц. И. Ковальского. Пригов. к 4 годам кат. Заключ. отбывал в Новобелгор. централе и на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Якут. обл. В 1906 г. был арест. в Петерб. и вместо админ. ссылки уехал за границу. Умер в Москве 21 июня 1918 г.

Властопуло, Николай Лукич—род. в 1858 г. в двор. семье. Воспит. в юнкер. училище. Был произв. в офицеры. Арест. в 1879 г. в Кишиневе. Судился 26 марта 1880 г. по делу Геллиса в Одессе („дело 19-ти“). Пригов. на 15 лет. кат. По дороге на Кару бежал, пойман и пригов. к бесср. кат. Подал прошение о помил. в 1888 г. Вышел на посел. в Амурскую обл. В 1907 г. вернулся в Россию. Умер.

Водовозов, Давид—род. в евр. семье. Призванный на военную службу, служил в Красноярске, где участв. в вооруж. восст. в 1907 г. Осужден на бесср. кат. Заключ. отбывал в Горном Зерентуе и Кутомаре. Умер зимой 1914 г. от туберкулеза в Кутомаре.

Войнаральский, Порфирий Иванович (Ларионов)—внебрачный сын княгини Кугушевой. Род. в 1840 г. в Пенз. губ. Окончил Моск. унив. В 1861 г. был сослан админ. в Арханг. губ. за студ. беспорядки. По возвращении был мировым судьей и председ. с‘езда мировых судей Сарат. губ. Один из первых народников-пропагандистов. Пожертвовал все свое состояние (40.000 р.) на рев. цели. Арест. в 1874 г. В 1876 г. пытался бежать из Дома предвар. заключ. Судился в 1878 г. „по процессу 193-х“. Пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал в Новоборисоглебской централке и на Каре. Срок заключ. окончил в 1885 г.; сослан на посел. в Якут. обл. Вернулся в Россию, где работал, как социалист-революционер; умер в 1898 г. в г. Купянске.

Волкин—род. в евр. семье. Судился в Одессе в 1906-1908 г.г. за принадлежность к револ. партии. Приговорен к кат., которую отбывал в Горном Зерентуе. После разгрома советской власти в Сибири Волкин служил у атамана Семенова прапорщиком под фамилией Валяева. Лично участвовал в казнях, порках и насилиях над трудовым населением. Отличался необыкновенной жестокостью. Убит 2 ноября 1918 г. тов. Иваном Григорьевым по постановл. Читинской боевой дружины с.-р. максималистов.

Волков, Николай Николаевич—род. в 1842 г. Почт. служ. Арест. в 1862 г. в связи с делом студ. Васильева по распростр. нелег. литер., в том числе и прокламации „Граждане! Долго и много мы спали“. Судился в январе комиссией Голицына и 24 января 1863 г. приговорен к смертной казни, которую 23 марта того же года заменили 10 годами кат. Заключение отбывал в Петровском заводе. Умер.

Волконский кн., Сергей Григорьевич—декабрист. Ген.-майор. Род. 8 дек. 1788 г. Сын члена Государств. совета. Восп. в иезуит. панс. в Петерб. Член Союза Благоденствия и Южного общества. Арест. 7 января 1826 г. Пригов. к смертной казни, замен. по конфир. на 20, 15 и 10 лет. Заключение отбывал в Нерч. рудниках, откуда переведен на посел. в 1835 г. в Петровский завод. Амнист. в 1856 г. Умер 28 ноября 1865 г. в Черниг. губ.

Волошенко, Иннокентий Федорович—сын обер-офицера; род. в 1848 г. Учился в Одес. унив., но не кончил. Принадлежал к группе южных бунтарей. Арест. 24 янв. 1879 г. в Киеве. Суд. 7 мая того же года Киевским военно-окружным судом по делу Валерьяна Осинского и С. А. Лешерн. Пригов. к 16 годам кат. Сослан на Кару; за побег из Иркут. тюрьмы присужден еще к одиннадцати годам. В 1882 г. увезен в Петропавл. креп.; обратно привезен в 1884 г. Срок окончил в 1890 г. и остался добровольно вместе с женой, затем ушел в Акатуй, куда перевели жену (Ивановскую). Посел. отбывал в Забайк. обл. В 1906 г. вернулся в Россию. Умер в 1908 г. в Полтаве.

Вольф, Фердинанд (Христиан) Богданович—декабрист. Штаб-лекарь при главной квартире 2-й армии. Член Южного общества. Пригов. к бесср. кат., замен. по конфирм. на 20 лет. Срок сокр. до 15 и до 10 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в село Уриковское, Иркутской губ. Умер 24 дек. 1854 г. в Тобольске.

Воробьев, Аким— урож. Орлов. губ.; крест. Призванный на военную службу, был записан в матросы Черномор. флота. Познакомившись с революцион., принял участие в подпольной работе, примкнув к п. с.-р. Принимал активное участие в Черномор. восстании в 1905 г., от ареста уцелел случайно. Арестован в 1907 г., как один из активных участ. и иниц. подготовл. восст. Пригов. к бессрочной кат. Заключ. отбывал в Зерентуе, где убит часовым во время прогулки весной 1910 г.

Выгодовский, Павел Фомич—декабрист. Чин. канц. волын. губ. Род. в 1802 г. Член общества Соединенных Славян. Осужден по 7-му разряду. По конфирм. срок сокр. до 2 лет, а затем до 1 г. Заключение отбывал в Нерч. рудн. На поселение вышел в 1828 г. в гор. Нарым, Томской губернии. В 1854 г. арест. в ссылке за „ослушание и дерзость против местного начальства“ и заключен в Томский тюр. замок. В 1855 г. пригов. за это к 100 ударам плетьми и к ссылке на посел. в Иркут. губ. (Плети были отменены). Умер.

Гантимуров, Яков Васильевич—казак, урож. Забайк. обл. Призванный на военную службу, служил писарем войск. хозяйств. правления. Арест. карат. экспед. ген. Ренненкампфа. Судился военно-полевым судом 10 марта 1906 г. Пригов. к смертной казни, замен. кат. на 6 лет. Заключение отбывал в Акатуе и Зерентуе. После рев. 1917 г. работал в рядах п.с.-р. Убит в 1922 г. в Забайк. при неизв. обстоятельствах.

Гаранжа—судился по делу соц.-рев. Умер в Горном Зерентуе в 1909 г. Сведений нет.

Геккер, Наум Леонтьевич—род. в 1861 г. в Бахмуте, Екатерин. губ. Окончил Берд. гимн. Народник-пропагандист; чернопеределец. Арестован в апреле 1881 г. Судился Одесским военно-окружным судом в ноябре 1882 г. Пригов. к 10 годам кат. Заключение отбывал на Каре; в вольную команду вышел в 1888 г. В связи с телесным наказ. Сигиды покушался на самоуб. в 1889 г. Вышел на посел. в 1891 г. в Якут. обл. По окончании ссылки вернулся в Одессу, где и умер в 1920 г.

Геллис, Меер Яковлевич—род. в 1852 г. в Одессе (по другим сведениям в 1857 г.). Учился в Одесской гимн. или коммер. уч. Наборщик. Арест. в мае 1879 г. в Кишиневе по делу революц. кружка и распростран. проклам. Судился 26 марта — 1880 г. Одесским военно-окружным судом вместе с Минаковым, Властопуло и др. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал на Каре, откуда в мае 1882 г. перев. в Петропавл. креп., а затем 2 августа 1884 г. — в Шлисс., где и умер 10 октября 1886 г.

Герасимов, Василий Герасимович—род. в 1852 г. в Петербурге. Воспит. в воспит. доме; рабочий-ткач. Арестован в 1875 г. Суд. 17 июля 1875 г. по делу Сирякова и Дьякова. Пригов. к 9 г. кат. работ. Заключ. отбывал в Борисоглебской и Белгор. центр. и на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Якут. обл., где и умер 28 марта 1892 года в якутской больнице.

Гершуни, Григорий Андреевич (Герш Ициков)—род. в 1870 году в г. Шавли, Ковен. губ. По образ. провизор-бактериолог. Основатель и признанный вождь боевой орган. п.с.-р. Член центр. ком. партии. Организатор убийства уфимского губернатора Богдановича, министра Сипягина, покушения Качуры на харьк. губ. Оболенского, покуш. на Победоносцева и др. Арест. 13 мая 1903 г. в Киеве. Судился 18-25 февраля 1904 г. Петербургским военно-окружным судом вместе с Ремянниковой, Вайценфельдом и др. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Шлисс., в Бутырках и Акатуе, откуда бежал 13 октября 1906 г. Умер в Швейцарии 3/16 марта 1908 г.

Глебов, Михаил Николаевич—декабрист. Коллежский секретарь. Член Северного общества. Осужден по 5 разр. По конфирм. пригов. в кат. на 10 лет, сокращ. до 6 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На поселен. вышел в 1835 г. в село Кабанское, Верхнеуд. округа. Умер 19 октября 1851 г. в Кабанской слободе.

Голиков, Василий Тимофеевич—род. в 1842 г. в Смол. губ., в мещанской семье. Воспит. в Рославльском уездном училище. Служил на железной дороге. Принадлежал к народовольческому кружку. Арест. в Одессе в июле 1881 г. по делу рабочих кружков. Судился в 1883 г. 28 марта—3 апреля по процессу Стрельникова. (дело Дзвонкевича, Дрея, Валуева и др.). Пригов. к 4 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. В 1884 г. по маниф. вышел на посел. в Забайк. Позже вернулся в Симферополь, где умер в 90-х годах.

Горбачевский, Иван Иванович—декабрист. Подпор. 8-й артил. бриг. Род. 22 сент. 1800 г. Учился в Витеб. гим., затем поступил на военную службу. Член общества Соединенных Славян и Южного. Осужден по 1-му разряду к смертной казни, замененной бесср. кат. Срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На поселение вышел в 1839 г. в Петровский завод. Умер 9 января 1859 г.

Горинович, Василий Елисеевич—род. 6 янв. 1858 года в Житомире (по свед. Дейча в Киеве). Окончил Глуховский учит. инстит. Член южных рев. кружков. Арест. в мае 1882 г. в Москве. Судился 14 августа 1883 года в Киеве военно-окружным судом по процессу Бычкова, Левинского, Богдановича и др. Пригов. на 8 лет кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1888 г. в Якут. обл. Позже вернулся в Россию, где умер 19 сентября 1913 года.

Григорьев, Николай Петрович—род. в 1822 г.; дворянин, сын ген.-майора. Учился в пажеском корпусе, который окончил в 1839 г. Служил офиц. в конно-гренад. полку. Принадлежал к рев. кружку Петрашевского и Дурова. Пригов. военно-судной комиссией к расстрелу в 1849 г. Выводился к столбу на Семеновском плацу. По конфирмации казнь заменена на 15 лет кат. Заключ. отбывал в Тобольске, а затем в Шилкинском заводе, Нерч. округа. На поселение вышел в 1856 г., а затем по ходатайству родных привезен в Нижний-Новгород. Умер.

Громницкий, Петр Федорович—декабрист. Пор. Пенз. пех. полка. Род. в 1798 г. Воспит. во 2-м кад. корпусе. Член общества Соединенных Славян. Осужден по 2-му разр. и по конфирм. пригов. к кат. раб. на 20 лет. Срок сокр. до 15 и 10 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в село Бельское, Иркут. губ. В 1842 г. отдан под надзор местной полиции за сношение с Луниным. Умер 5 мая 1851 г. от чахотки.

Гроссман, Роза Львовна (по мужу Прибылева)—родилась в 1859 г. в семье врача. Училась в Одесской частной гимн., а затем на мед. курсах в Петерб. Арест. в 1882 г. Судилась в апреле 1883 г. по „процессу 17-ти“ народов. вместе с Грачевским, Ю. Богдановичем, Прибылевым и др. Пригов. к 4 годам кат. Заключение отбывала на Каре. На посел. вышла в 1885 г. в Якут. обл. В конце 80-х годов вернулась в Россию, вторично была сослана в Красноярск. Умерла 2 августа 1900 года в Петербурге от рака.

Гуревич, Александр Самойлович—род. в 1867 году в семье купца. Учился в Моск. гимн. и в загран. полит. В начале 1880 г. примкнул к партии „Народная Воля“. В 1887 г. привлекался по делу Зарудного и Терешковича. Участвовал в устройстве народов. типогр. и в перевозке ее из Тулы в Москву. Арестован в 1887 г. В мае 1888 г. выслан админ. на 5 лет в Якут. обл., где 22 марта 1889 г. участ. в вооруж. сопрот. полит.-ссыльных в доме Монастырева. Судился военным судом. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Вилюйске и Акатуе. В 1895 г. вышел на посел. в Иркут. губ. По возвр. в Россию работал в п.с.-р. В 1906 г. выслан в Нарымский край. По окончании ссылки жил в Благовещенске, где умер в 1914 году.

Гурцман, Бенедикт Файвелевич—еврей, урож. Польши. Член Польской соц.-дем. раб. партии. Арест. в Варшаве при захвате нелег. типогр. жандармами. Вместе с М. Каспржаком оказал вооруж. сопрот. Судился 2 августа 1905 г. Варш. военно-окружным судом. Пригов. к 15 годам кат. Заключение отбывал в Зерентуе. Умер на посел. в Забайк. области.

Гюлумянц, Аршалуйс—армянин, родился в Армавире, в семье священника. Принадлежал к партии «Дашнакцутюн». Будучи на военной службе, работал в Киевской воен. орган. Арест. 17 окт. 1905 г. за участие в воен. восст. Судился в марте 1906 г. по этому делу. Пригов. к 4 г. кат. 10 апреля 1908 г. бежал из Александр. централа вместе с Ильинским и Шмидтом. Арест., он был присужден к смертной казни, замен. кат. без срока. Переведен в Нерч. каторгу. Умер от чахотки в конце 1912 г. в Кутом. тюрьме.

Давыдов, Василий Львович—декабрист. Отставной полк. Род. в 1792 г. Воспит. в пансионе аббата Николя. Участвовал в отечеств. войне. Член Южного общества. Осужден по 1 разр. По конфир. пригов. к бесср. кат. Срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в гор. Красноярск, где умер 24 октября 1855 г.

Данилов, Виктор Александрович—род. в 1851 г. в двор. семье. Учился в Харьк. унив. (по другим данным, в Цюрихском полит.). Занимался пропаг. среди сектантов. Арест. в 1874 г. Судился по «процессу 193-х» в 1878 г. Оправдан. Вторично арест. в 1879 г. в Харькове. Суд. по процессу Сыцянко. Вновь оправдан. Третий раз арест. в 1881 г. там же; судился в 1882 г. 28 января, по делу распростр. проклам. Пригов. к 4 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. ушел в 1885 г. в Якут. обл., откуда бежал в 1886. Вновь арест. в Москве 5 октября и возвращен в Сибирь. За бунт в Иркут. тюрьме, 21 окт. 1887 г., пригов. к 8 год. кат., срок отбывал в Александр. централе. На посел. вышел в 1888 г. в Якут. обл., откуда в 1904 г. вернулся в Россию. В 1905 г. арест. в Харькове и выслан из пределов Харьк. губ. Умер 25 января 1916 г.

Данциг, Сарра Наумовна—родилась в 1870 г., в семье врача. Окончила Черниг. гимн. и повивальный инст. в Петербурге. Примык к с.-д. Арест 25 янв. 1901 г. в Петерб. по делу «Союз борьбы»

и органи3. «Искры». Привлекалась по делу Ногина, Андронова и др. в мае и окт. 1902 г. В 1903 г. вступила в п. с.-р. Судилась 2 раза: в мае и октябре 1907 г. За хран. взрыв. вещ. и нел. типогр. с.-р. осужд. к 9 год. кат. Заключ. отбыв. в Акатуе и Мальц. На поселение вышла по амн. 1913 г. в Забайк. обл. Умерла после Февр. революции.

Девяткин, Иван Михайлович—минер. Суд. во Владивостоке в 1907 г. за вооруж. восст. Пригов. к бесср. кат. Умер в Акатуе, кажется, в 1909 г.

Джабадари, Иван Спиридонович—род. в 1852 г. в двор. семье, в Тифлисе. Восп. в Мед.-хирург. акад., но курса не кончил. Эмигр. за границу, в Цюрих, где сблизился с рев. кружком учащ. молод. В Россию вернулся в 1874 г. Занимался рев. пропаг. среди рабочих. Арест. 4 апреля 1875 г. вместе с Бардиной, Алексеевым, Здановичем и др. Судился в феврале 1877 г. по «процессу 50-ти». Пригов. к пяти г. кат. Заключение отбывал в Новобелгор. центр. и на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Забайк. обл. Позже вернулся в Россию. Умер на Кавказе в 1913 году.

Дзвонкевич, Николай Николаевич—род. 18 апреля 1842 г. в Черниг. губ., в богатой помещ. семье. Учился в Киев. унив., откуда исключен в 1863 г. за участие в освоб. арест. поляков-повст. В 1877 г. был волонт. в Сербской войне; ранен. Арест. 23 июля 1881 г. в Симферополе. Судился 28 марта 1883 г. по процессу Стрельникова. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. 17 апреля 1883 г. отправлен на Кару; по дороге бежал, но был арест. и избит. В 1890 г. подал заявление о переводе в Шлиссельбург, получил отказ и переведен в Акатуй, а затем в Горный Зерентуй. В 1892 г. вышел на пос. в Минусинск. В Россию вернулся в 1898 г. Умер 22 января 1909 г.

Диковский, Сергей Дорофеевич—род. в 1857 г. в Симферополе, в семье свящ. Воспит. в Одесской дух. сем. и унив. Народный учитель. Арест. в Киеве в феврале 1880 г. Судился военно-окружным судом 12—26 июля 1880 г. Пригов. к 20 годам кат. Срок заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1892 г. в Якут. обл., откуда переехал в Тунку, Иркут. губ. Умер в 1900-х годах.

Дитянин, Тарас Алексеевич—род. в 1889 г. в Ижевске, Вятской губ. Рабочий-слесарь. В рев. движ. с 1904 г. в п. с.-р. Судился в Сарапуле в 1906 г. окружным судом за рев. экспр. Пригов. к 6 годам кат. Заключ. отбывал в Вятской тюрьме и Алгачах. На посел. вышел в 1912 г. в Забайк. обл. После Февр. рев. вернулся в Ижевск. Примкнул к с.-р. максим. и принимал участие в строительстве советской власти. Арест. в ноябре 1918 г. в Ижевске чехо-словаками. Расстр. за принадл. к максим.

Добромильский, Юзеф—род. в Кишиневе, в семье врача. По профессии наборщик. В рев. движ. с 1905 г. Судился в Кишиневе по делу анарх.-ком. Пригов. к 15 годам кат. Срок. заключ. отбывал на Нерч. кат. Освоб. по амн. 1917 г. Вновь арест. в 1918 г. в Чите, в период семеновщины. Пригов. к 20 годам каторги, а затем расстр. семеновцами без суда.

Долгушин, Александр Васильевич—род. в 1848 г. в г. Таре, Тоб. губ. Сын гор. судьи. Учился в местной гимн.,—не кончил. В 1866 году поступил вольносл. в Петерб. технолог. инст. Арест. в янв. 1869 г. по Нечаевскому делу. Судился в 1871 г. суд. пал.—оправдан. По освоб. организовал рев. кружок. Арест. 16 сентября 1873 г. Судился 9—15 июля 1874 г. Пригов. на 10 лет кат. Заключ. отбывал в Новобелгор. централке. Здесь написал брошюру «Заживо погребенные». По дороге на Кару, находясь в Красноярской тюрьме, помогал побегу Малявского из тюрьмы. Дал пощечину смотрителю тюрьмы, за что прибавлено еще 10 лет кат. В июне 1883 года перев. в Петроп. креп., а оттуда 4 августа 1884 года—в Шлисс. Умер 30 июня 1885 г. от бугорчатки легких.

Долгушин—студент. Член партии соц.-рев. Судился 26 апреля 1906 г. Казан. суд. пал. за рев. экспр. Приговорен к кат., которую отбывал в Зерентуе. Умер в 1910 г. от побоев после неудачного побега из вольной команды.

Дубровин, Евгений Александрович—род. в 1856 г. в Пензе. Сын мещанина. Учился в гимн., а затем в Мед.-хирург. акад. Принадлежал к сарат. рев. кружку. Первый раз арест. в 1877 г., но освобожден. Способствовал сношению Нечаева из Петропавловской крепости с Исполнительным Комитетом «Народной Воли». Арест. в 1882 г. Судился в том же году по процессу нечаевских солдат. Приговорен к 4 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1885 г. в Баргузин. Позже переехал в Томскую губ., где ходатайствовал о допущении держать экзамен на врача, указав в своем заявлении, что в революции он человек случайный. Затем вернулся в Россию, где и умер в 1920 г. в Николаеве.

Дулембо, Генрих Юлианович—род. в 1848 г. в Варшаве в двор. семье; рабочий мыловар. зав. Учился в гимн., но не кончил. Арест. в Варшаве в 1879 г., но в 1881 г. освоб. Вторично арест. 1 янв. 1884 г. по делу «Пролетариата». Судился 20 декабря 1885 г. по процессу Куницкого, Варынского и др. Пригов. к 13 годам каторги. Заключ. отбывал на Каре, откуда перев. в 1890 г. в Акатуй. На посел. вышел в 1893 г. в Якут. обл., затем жил в Чите. В 1906 г. был арест. Ренненкампфом, но освоб. Вернулся в Россию. Умер в Варшаве в 1913 г.

Дыскин, Соломон Моисеевич—род. в 1885 г. в Мстиславском уезде, Могил. губ.; по профессии—мясник. Взятый на военную службу, принимал участие в рев. работе среди солдат. Арест. и судился в 1907 г. в Ник.-Уссур. по делу военной орган. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Кутомаре и Горном Зерентуе, откуда ушел на постройку Амурской железной дороги, где убит в 1914 г. конвоиром.

Езерская, Лидия Павловна (урожденная Казанович)— род. в 1868 или 69 г. в Могил. губ., в семье богатого помещ. Окончила Минскую гимн. Член крест. союза п. с.-р. Первый раз арест. 29 янв. 1904 г. в Москве, по делу Серафимы Клитчоглу. Судилась 30 марта 1905 г. Моск. суд. пал. вместе с Ривкиным и Крумбюгелем. Пригово-

рена к 1 году крепости. По освоб. эмигрир. в Швейцарию. Возвратившись в Россию, покушалась 29 октября 1905 года на могилевского губ. Клингенберга. Судилась 7 марта 1906 г. Киевской суд. пал. Пригов. к 13 г. и 6 месяцам каторги. Заключ. отбывала в Акатуе и Мальц. тюрьме. Освобожд. в 1909 г. по «богодульской комиссии». Выслана в Забайк. обл., откуда в 1912 г. переведена в Якут. обл. Умерла 1 октября 1915 года от бронхиальной астмы.

Емельянов, Иван Пантелеймонович—род. в 1860 г. в Бессарабии, в семье причетника; рабочий-столяр. Воспит. в Петерб. ремесл. уч. Участвовал в покуш. на цареуб. 1 марта 1881 г. Арест. 14 апр. 1881 г. Судился сенатом в 1881 г. по «процессу 20-ти» народов. Приговорен к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключение отбывал в Петропавл. крепости и на Каре. В 1889 г. подал прош. о помил., освобожден и поселился в Хабаровске, где и умер в 1910 г.

Ентальцев, Андрей Васильевич — декабрист. Подполк. Род. 1788 г. Воспит. в петерб. пансионе Мейера. Член Южного общества. Осужден по 7 разр. и по конфирм. приговорен в кат. раб. на 2 года. Срок сокр. на 1 год. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1828 г. в Березов, Тобол. губ. Умер 25 янв. 1845 г. в Ялуторовске.

Ермолов, Петр Дмитриевич—род. в Пенз. губ., 1847 г. По др. свед. в 1845 г. Сын двор., студ. Моск. унив. Принадлежал к рев. кружку Каракозова. Судился 24 сент. 1866 г. по Каракоз. делу. Пригов. к 20 г. кат., сокр. на 10 лет. Заключ. отбывал в Александр. зав. На посел. вышел в Якут. обл. в 1872 г. В Россию вернулся в 1884 г., где и умер.

Ефремов, Василий Степанович—род. в 1845 г. в Курске, в семье дьякона. Учился в Харьк. ветер. инст. Арест. в 1878 г. за попытку освоб. Фомина-Медведева. Судился Харьк. военным судом 3 июля 1879 г. Приговор. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал на Каре. По маниф. каторга сокращ. до 12 лет. В 1889 г. вышел на посел. в Якут. обл., затем переселил. в Иркутск, где занимался литературой. В 1905 г. вернулся в Россию в Москву, где умер 17 июля 1915 г.

Жуков, Владимир Иванович—род. в 1859 г. в Полт. губ., в двор. семье. Учился в Харьк. ветер. инст., был исключен за беспорядки. Примыкал к кружку Ионова в Киеве. Арест. в 1880 г. в Измаиле. Судился 2—26 июля того же г. Приговорен к 7 г. кат. Заключ. отбывал на Каре, где и умер 18 июля 1884 г. от бугорч.

Жуков, Семен Абрамович — род. в крест. семье. Боцман Черном. флота. Примыкал к соц.-рев. Участвовал в Черном. восст. 1905 г. Судился военно-окружным судом. Пригов. к 15 г. кат. Заключ. отбывал в Смолен. централе, Шлисс. и на Нерч. кат. Умер от воспал. легких в Кутом. тюрьме в августе 1914 г.

Завалишин, Дмитрий Иринархович — декабрист. Лейт. 8-го флот. экипажа. Род. 13 июля 1804 г. в Астрахани, в семье нач. каз. войска. Воспит. в Морском корпусе. Член Северного общества. Осужден по 1-му разряду. По конфирм. пригов. к кат. раб.

без срока. Срок. сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в Читу. По амн. 1856 г. вернулся в Россию. Умер 1892 г.

Загибалов, Максимилиан Николаевич — род. 14 окт. 1843 г. в семье помещ., в Мокш. у., Пенз. губ. В 1860 г. окончил Пенз. гимн. и поступил на мед. фак. Моск. унив. Принадлежал к рев. орган. «Ад». Арест. в апреле 1866 г. Судился 24 сент. 1866 г. по делу Каракозова. Пригов. к 10 годам кат., сокращ. до 6 лет. Заключ. отбывал в Александр. зав. На посел. отправлен в 1872 г. в Якут. обл. По ман. 1883 г. вернулся в Россию. В 1905 г. арест. снова и пригов. админ. на 5 лет в Нарымский край. Скрылся и, перейдя на нелегальное положение, жил в Сибири, в Омске. Умер 5 сент. 1920 г.

Загорецкий, Николай Александрович — декабрист. Пор. квартирм. части. Род. в 1796 г. Воспит. в Моск. унив. и Муравьевской школе колонновож. Член Южного общества. Осужден по 7 разряду. По конф. пригов. к кат. на 2 года. Срок сокращ. до 1 года. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На поселен. вышел в 1828 г. в Витимскую слободу, Иркут. губ. Умер в Москве в 1885 г.

Зайднер, Александр Николаевич — род. в 1859 г. в евр. куп. семье, в Мелитополе. Учился в Николаевском реальном училище; не кончил. Арест. в 1878 г. в Одессе. Судился 25 июля—5 авг. 1879 г. военным судом по делу Чубарова, Лизогуба и др. Пригов. на 10 лет кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1885 г. в Забайк. обл. Умер в Чите в 1891 г.

Зайчневский, Петр Григорьевич — род. 18 сент. 1842 г. в семье полк. Учился в Орл. гимн. и Моск. унив. По взглядам принадлежал к якобинцам. Был главным организ. рев. кружка. Арест. 29 августа 1861 г. в Москве. Сидя в тюрьме, написал известную прокламацию «Молодая Россия». Приговорен к каторге. Заключение отбывал в Александр. зав. На посел. был в Усть-Куте. В 1869 г. переехал в Пенз. губ., а в 1876 г. восстановлен в правах. За рев. деят. арест. вторично в 1877 г. и выслан в Олонецкую губ., а затем в Арханг. Вернулся из ссылки в 1885 г. В 1887—88 г. г. организ. с Арцыбушевой рев. кружки в Орле и Курске. 3-й раз арест. в 1888 г. и 22 февраля 1890 г. выслан в Вост. Сиб. на 4 года. По возвращении из ссылки поселился в Смоленске, где умер в 1896 г.

Зданович, Георгий Феликсович — родился в 1855 г. в двор. семье, в Кутаисской губ.; осетин. Учился в Моск. унив.; не кончил. Принадлежал к моск. кружку соц. Заведывал перевозкой нелег. литер. из-за границы. Арест. 19 сент. 1875 г. в Москве. Судился 14 марта—5 апреля 1877 г. «по процессу 50-ти». Пригов. на 6 лет 8 мес. кат. Заключ. отбывал в Новобелгор. центр. и на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Иркут. губ. Позже, получив права, уехал на Кавказ. Умер.

Зезюкевич, Константин Михайлович — арест. в 1906 г. карат. эксп. Ренненкампфа. Судился в том же году в Чите по Борзинскому делу. Пригов. к кат. Заключ. отбывал в Акатуе, отку-

да бежал в конце 1906 г. Эмигр. за границу. После Февр. рев. жил около Владивостока. Убит бандитами.

Златопольский, Лев Соломонович — род. в 1848 г. в Елисаветграде. Учился в Петерб. технол. инст., не кончил. В 1876 г. скрылся от ареста. Примкнул к народов.; участв. в подготовке покуш. на Александра II. Арест. 29 января 1881 г. Судился по «процессу 20-ти» народов. 8—15 февр. 1882 г. Пригов. к 20 г. кат. раб. Заключ. отбывал в Петропавл. креп. и на Каре. На посел. вышел в 1892 г. (по Дейчу в 1898) в Забайк. обл. Умер в феврале 1907 г. в Чите.

Змиев, Владимир Андреевич — почт. служ. Арест. в янв. 1906 года карат. эксп. Ренненкампфа. Судился военно-полевым судом в марте того же года. Пригов. к кат. Заключ. отбывал в Акатуе; на посел. был в Якут. обл., где, по слухам, покончил самоуб.

Золотарев, Митрофан (нелегальный М. Подшивалов) — урож. Моск. губ. Анарх.-ком. Судился в 1906 г. в Москве за экспр. Пригов. к 12 г. кат. Заключ. отбывал в Александр. центр., затем перев. на постройку Амурской колесухи, откуда бежал в 1910 г. Жил нелегально в Харбине, где участв. в орган. об'един. группы с.-р., анарх. и соц.-дем. Арест. в окт. 1910 г. по указанию провокатора. Пригов. к 4 г. кат. за побег. Умер в Горном Зерентуе в 1913 году от саркомы.

Зубарев, Павел Семенович — род. 7 марта 1885 г. в Пушкарской слободе, Белгород. у., Курской губ., в крест. семье. Рабочий-жестянник. На военной службе примыкал к п. с.-р. и работал в воен. орган. Судился 4 окт. 1907 г. военно-окружным судом в Ник.-Уссур. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. Покончил самоуб. 5 января 1917 г., повес. на собств. рубахе в карцере.

Зубковский, Афанасий Андреевич — род. в 1855 г. в Миргороде, Полт. губ., в семье свящ. Учился в Киев. унив. Арест. в 1879 г. за участие в уб. харьк. губ. Кропоткина. Судился в окт. 1880 г. по «процессу 16-ти» террор. Пригов. к 15 г. кат. Закл. отбывал в Петропавл. креп. и на Каре. Подавал прош. о помил. На посел. вышел в 1886 г. в Тобол. губ. Умер весной 1924 г. в Томске.

Зубржицкий, Ян Фадеевич — род. в г. Кальварии, Сувалкской губ. в 1861 г., в крест. семье. Железнодор. раб. Арест. в 1879 г. в Житомире. Судился в том же году 3-го июля по делу Бильчанского за экспр. почты и вооруж. сопрот. при аресте. Пригов. к 20 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. По ман. 1891 г. сокращ. одна треть срока. На посел. вышел в 1892 г. в Якут. обл., где и умер в 1924 г. 4 марта.

Зубрилов, Василий Петрович — род. в 1852 г. в Донской обл., в семье помещ. Учился в Ворон. гимн., а потом в Петровско-Разум. акад. Арест. в 1876 г. за распр. прокл. и рев. пропаг. Судился 2 мая 1879 г. в Урюпинской станице. Пригов. к 4 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. отправлен в 1892 г. в Якут.

обл. Вернулся в Россию в 1897 г. Убит в Ростове-на-Дону в 1917 г. с целью грабежа.

Зунделевич, Аарон Исаакович — род. в 1854 г. в Вилен. губ., в евр. семье. Учился в Вилен. раввинском уч. Член орган. «Земля и Воля». Был одним из главных основат. нелег. типогр. Арест. в 1879 г., 28 окт. в Петерб. Судился военно-окружным судом в 1880 г. по «процессу 16-ти» террор. Пригов. к бесср. кат. Закл. отбывал в Петроп. креп., на Каре и в Акатуе. По ман. 1894 г. бесср. кат. зам. на 20 лет. На посел. вышел в 1898 г. в Забайк. обл. Затем вернулся в Россию и эмигр. в Лондон, где и умер 30 августа 1923 г.—Соц.-дем.

Зухенброт, Абрам—род. в Варш. в средине 80-х г.г., в евр. семье. По профессии — булочник. Принадл. к Польской соц. партии (П. П. С.). За рев. деят. на военной службе осужден в кат. раб. на 4 г. Заключ. отбывал в Зерентуе, Кадае и Кутомаре. На посел. вышел в 1913 г. Покончил. самоуб. в Кударе, в баргуз. ссылке.

Иванайн, Карл Иванович—финн, род. в 1854 г. в Финляндии. Учился в приход. уч., слесарь. Первый раз арест. в 1874 г. по «делу 193-х»; выпущенный на поруки, бежал за границу. Вторич. арест. в 1876 г. и сослан админ. в Пудож, Олонецк. губ., откуда выслан в Вост. Сибирь. Возвращен с дороги в 1880 г. Третий раз арест. 1881 г. в Харькове, но бежал из участка, затем через полтора месяца вновь арест. в Москве. Судился в Одессе военно-окружным судом 3 апреля 1883 г. по «делу 27-ми» (проц. Стрельникова). Пригов. к 15 г. кат. Заключ. отбывал на Каре, где утоп. в 1887 г. в озере на Нижней Каре.

Иванов, Игнатий Кириллович — род. в 1859 г. в г. Пирятине, Полт. губ., в семье свящ. (по другим сведениям, в семье офицера). Студ. Киев. ун.; видный член кружка киевских террор. Арест. 25 фев. 1880 г. с бомбой в руках. Судился в Киеве в том же году 12—26 июля по делу Попова, Юрковского и др. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал на Каре, откуда летом 1882 г. увез. в Петроп. креп.; оттуда 6 июля 1883 г. в Казан. леч., а затем в Шлисс., где умер 21 февраля 1886 г.

Иванов, Илья Иванович — декабрист. Провиантский чин. 10 класса. Род. в 1800 г. Член общества Соединенных Славян и секретарь. Осужден по 4 разр. По конфирм. пригов. к кат. на 12 лет. Срок сокр. до 8 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1832 г. в с. Верхне-Острожное, Иркут. окр. Умер скороп. 26 декабря 1838 г.

Иванов, Павел Осипович — род. в 1854 г. в Киев. губ., в двор. семье. Студ. Киев. ун. Заним. пропаг. среди рабочих. Один из деят. членов Киев. «Южно-русс. раб. союза». Арест. в 1881 г. в Киеве. Судился в том же году 26—29 мая по проц. Ковальской, Щедрина и других. Пригов. к 20 годам кат. За побег из Краснояр. тюрьмы пригов. еще к 15 годам, а за побег между Читой и Карой еще на 20 лет, — всего на 55 лет. В 1890 г. перев. в Акатуй, а затем в вольную ком. в Кадаю. Умер в 90-х г.г. от тифа в Кадае.

Ивашев, Василий Петрович — декабрист. Ротм. Кавалерг. пол. Род. 13 сент. 1794 г., чл. Южного общ. Осужд. по 2-му разр. По конф. срок. заменен на 20 лет кат., затем сокр. до 15 и 10 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в г. Туринск, Тобол. губ., где умер 28 дек. 1840 г.

Ильинский, Сергей Николаевич — род. в Москве в 1886 г., в двор. семье. В рев. движ. с 1904 г. Первый раз арест. в Москве в декабре 1905 г., на митинге в доме Фидлера, но был освобож. Принадл. к боев. орган. п. с.-р., по приг. которой убил 9 дек. 1906 г. члена Государ. совета, графа Игнатьева, в Твери. При аресте пытался покончить самоуб., ранив себя в грудь. Судился в 1907 г. Приговорен к смертной казни, замен. кат. на 11 лет 8 мес. Заключ. отбывал в Александр. центр., откуда 10 апреля 1908 г. совершил вооруж. побег. Арест. и военным судом пригов. к смертной казни через повеш. В ожидании казни принял яд, но был спасен тюремной админ. Смертная казнь зам. бесср. кат. Перев. в Нерч. кат., где принадлежал к числу непримир. протест. против тюр. реж. Участв. во многих голодовках, из которых одна продолж. 30 дней. В конце 1913 г. перев. в Яросл. централ на исправление, где покончил самоуб. 7 мая 1914 г.

Ильяшенко-Куценко, Севастьян Емельянович — род. в 1849 г. в Полт. губ., в крест. семье. Жел.-дор. маш. Арестов. в 1876 г. в Одессе за перев. нелег. лит. из Лондона, за что пригов. админ. к одному году заключ. и запрещению плавания на парох. Вторично арест. в 1880 г. в Киеве. Судился в том же году 12—26 июля военным судом по процессу Игната Иванова, Попова, и др. Пригов. к 15 г. кат. Заключ. отбывал на Каре, где и умер 18 августа 1890 г. (по Дейчу 1889 г.) от чахотки.

Ионов, Всеволод Михайлович — род. в 1855 г., по свед. ж. «Каторга и Ссылка» в 1851 г., в г. Астрахани, в семье чин. Студ. Петерб. технол. инст. Народник-пропагандист. Арест. в 1875 г. Суд. сенатом в 1878 г. Пригов. к пяти годам кат. Заключ. отбывал в Новобелгор. центр. и на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Якут. обл. Вернулся в Россию в 1911 г. Умер в Киеве 2 февраля 1922 г.

Ишутин, Николай Андреевич — сын потом. поч. гражд. Род. в 1840 г. в Пенз. губ. Окончил Пенз. гимн., затем поступил в Моск. унив. Принадл. к рев. кружку «Организация». Арест. в 1866 г. Судился в том же году по делу Каракозова. Пригов. к смертной казни, заменен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Шлисс., Александр. зав., Алгач. тюрьме, откуда переведен на Кару, где умер в декабре 1878 г. (по другим свед. 5 янв. 1879 г.).

Казанцев, Степан — урож. Вятской губ. Токарь Мотовилих. зав. Принадлежал к п. с.-р. Служил матросом в Балт. флоте, откуда был осужден в дисципл. бат. в Бобруйск на 1½ года. Судился за вооруж. восст. в дисцип. батальоне 22 ноября 1905 г. Пригов. к смертной казни, замен. 15 г. кат. Заключ. отбывал в Александр. централе, на Амурской колесухе, Зерентуе и Кутомаре. На посел. вышел в 1913 г. По слухам, умер.

Казачковский, Евстафий Осипович — род. в 1853 г. в семье свящ. Учился в Подол. семин., но не кончил. Арест. в 1879 г. в Киеве. Судился в том же году 16 окт. военно-окружным судом по проц. Крыжановского, Шпиркана и др. Пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. По маниф. сбавлена треть срока. На посел. вышел в 1884 г. в Якут. обл. Бесследно исчез во время поездки на Витимские золотые приска. Есть предположение, что убит с целью грабежа.

Калашников, Александр Васильевич — род. в двор. семье. Принадл. к боев. орган. п. с.-р. и участвовал во многих террор. актах. Студ. унив. Судился в окт. 1906 г. за покуш. на коменд. Севаст. Неплюева. Пригов. к 7 г. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. На посел. вышел в 1912 г. в Забайк. обл. В период гражд. войны примыкал к белогвардейцам. Умер.

Калюжный, Александр Андреевич — род. в 1857 г. в Николаеве, Херсонской губ. Учился в Николаевском мор. уч. Мичман. Арест. в 1878 г. в Одессе. Судился 22 июля—5 августа 1879 г. военно-окружным судом по процессу Чубарова, Лизогуба, Давиденко и др. Пригов. к 10 г. кат. За побег из Иркутской тюрьмы 7 февр. 1880 г. по пути на Кару прибавлено еще 10 лет. По маниф. сбавлена треть срока. В 1888 г. подал прош. о помил., получил все права и освоб. Умер.

Калюжный, Герман — урож. Киев. губ. На военной службе примыкал к воен. орган. во Владивостоке. Судился там же в 1907 г. за вооруж. восст. и за покуш. на ген. Селиванова. Приговорен к бессроч. кат. Заключ. отбывал в Алгачах. В тюрьме принадл. к числу протест. В период борьбы с тюр. админ. поконч. самоуб. 22 февр. 1911 г., порез. стеклом. Умер от зараж. крови.

Калюжный, Иван Васильевич—сын купца, род. в 1858 г. в Лебедине, Харьк. губ. Студ. Харьк. унив. Арест. в 1878 г. за участие в студ. волнен. и выслан админ. в Сольвычегодск, откуда бежал 20 марта 1880 г. Примкнул к партии «Народная Воля». Один из главных сотрудн. Ю. Богдановича в деле орган. Красного Креста. Завед. нелег. паспорт. бюро. Арест. 23 марта 1882 г. в Москве. Судился сенатом 25 апреля 1883 г. по «проц. 17-ти» народов. Пригов. к 16 годам кат. Заключ. отбывал на Каре, где покончил самоуб. в связи с наказ.Сигиды, протестуя против порки полит. Умер 15 ноября 1889 г.

Калюжная, Мария Васильевна—сестра Ивана Калюжного, род. в 1864 г. в Лебедине, Харьк. губ., в куп. семье. Училась в Харьк. и Роменской гимн. Не кончила. Примыкала к народов. Арест. в 1882 г. в Одессе в типогр. «Народной Воли». Выслана админ. в гор. Ахтырку к матери, откуда скрылась. 8 августа 1884 года покуш. на жандарм. полк. Катанского. Судилась в том же году 29 августа военным судом. Пригов. к 20 г. кат. Заключ. отбывала на Каре, где была одной из неприм. протест. Отравилась 6 ноября 1889 г. вместе с Ковалевской и Смирницкой, в связи с наказанием Сигиды. Умерла 7 ноября.

Каплан, Фанни Ефимовна (настоящая фамилия Ройдман)—род. в Волын. губ. в 1890 г., в семье учителя. По профессии мо-

дистка. Принадл. к группе анарх.-ком. Арест. в 1906 г. во время взрыва бомбы на квартире. Судилась в том же году военно-полевым судом. Приговорена к бесср. кат. Заключ. отбывала в Акатуе и Мальц. тюрьме. В тюрьме стала соц.-рев. Амнист. в 1917 г. 30 августа 1918 г. покуш. на жизнь В. И. Ленина и расстреляна.

Капульский, Иссер Абрамович—род. в 1885 г. в г. Дуброве, Сокольского у., Гродн. губ., в евр. семье. Сапожник. Примыкал к соц.-рев. На военной службе работал в военной орган. в Ник.-Усcур. Арест. в 1907 г. Судился в том же году 4 октября военным судом. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе, Кадае и Кутомаре. Освоб. по амн. 1917 г. Убит белогвард. в Елисаветграде в 1919 г.

Кардашов, Степан Мартынович—род. в 1853 г. в двор. семье; армянин. В 1871 г. окончил в Тифлисе межевое уч. Позже уехал в Дрезден в полит. инст. Принадл. к рев. кружку народн.-пропаг. Арест. в 1875 г. в Москве. Судился в 1877 г. «по проц. 50-ти». Пригов. к 5 годам кат. Заключ. отбывал в Борисоглеб. центр., а затем на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Селенгинск. Умер.

Карпович, Петр Владимирович—род. 3 октября 1875 г. в Новозыбк. у., Черниг. губ. Внебрачный сын помещ. Учился в Гомел. и Слуцкой гимн. В 1895 г. поступил в Моск. унив., а в 1898 г. перешел в Юрьевский, из которого искл. в 1899 г. за студ. волнения, как один из руков. «союзного совета дерптских об'един. землячеств». 14 февраля 1901 г. убил министра нар. просв. Боголепова. Судился 17 февраля 1901 г. Пригов. к 20 годам кат. Заключ. отбывал в Шлисс., откуда в 1905 г. перев. в Акатуй. В тюрьме определился, как соц.-рев. Срок окончил в 1907 г. Высланный на посел., бежал с дороги и эмигр. за границу. В 1917 г. утонул в Немецком море, возвращаясь в Россию на судне, которое было взорвано немецкой подводной лодкой.

Касторов, Кронид Владимирович («Степняк»)—род. 18 сент. 1879 г. в Семир. обл., в семье псалом. Учился в Бийском дух. уч. Был учителем церк.-приход. школ в Благовещенске. Член п. с.-р. В 1906 году работал в Ник.-Уссур. в военной орган. Арест. в июле 1907 г. Судился во Владивостоке в 1908 г. военно-окружным судом. 26 сент. того же года присужден к бесср. кат. Заключ. отбывал в Акатуе и Алгачах, откуда переведен в Псковский централ, а затем во Владим., где умер в 1917 г. за месяц до амн.

Квятковский, Тимофей Александрович — род. в 1852 г. в купеч. семье, в г. Тюмени (по другим сведениям, в Томске). Студ. техн. инст. Народ.-пропаг. За границей примыкал к рев. кружку Жебунева. Арест. в 1875 г. в Туле, но удачно бежал из-под домаш. ареста. Вторично арест. в 1877 г. Судился в 1878 г. по «проц. 193-х». Пригов. к 9 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. В 1883 г., по слухам, подал прош. на высоч. имя и получил все права. Умер.

Киреев, Иван Васильевич — декабрист. Прап. 8-й арт. бригады. Род. в 1803 г., в семье тульского помещ. Воспит. в кадет. корп. Член общества Соединенных Славян. Осужден по 2-му разряду. По конф. пригов. к 20 годам кат. Срок сокр. до 15 и 10 лет. Заключ.

отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в Минусинск, Енис. губ. Умер в 1866 г. в Туле.

Кириенко, Иван Иванович — род. в конце 70-х г.г., член II Государ. Думы. Судился в 1907 г. по делу соц.-дем. фракции. Пригов. к каторге на 4 года. Срок заключ. отбывал в Нерч. кат., на посел. был в Забайк. обл. Расстрелян в Омске в конце 1918 г. колчаковцами.

Кириллов — матрос Черном. флота. Судился в Севаст. в 1905 г. за военное восст. Пригов. к бесср. кат. Чел. необыкн. чуткий и впечатл. В ночь с 14 на 15 сент. 1912 г. покончил самоуб., протестуя против издеват. нач. Кутом. тюрьмы Головкина над полит. кат. Вечером 14 сент. принял испорч. морфий. Мучился всю ночь и наутро принял стрихнин. Умер около 3 часов дня 15 сент., промучившись около 12 часов.

Кларк, Борис Павлович—род. 5 февр. 1889 г. в Балаганске, Иркут. губ., в семье полит. ссыл. Арест. в начале 1906 г. карат. эксп. Ренненкампфа вместе с отцом. Судился военно-полевым судом в марте 1906 г. Пригов. к смертной казни, по малолетству замен. бесср. кат., которая по конф. сокр. до 10 лет. Заключ. отбывал в Акатуе, откуда бежал 13 сент. 1906 г. В 1907 г. арест. вторично во Владивостоке, под фамилией Зубрицкого, за вооруж. восст. Посланный в Читу для опознания, бежал с поезда и уехал в Австралию. В период 1917 г. вернулся в Россию. Команд. рев. Аргунской казачьей сотней. Убит в бою с белыми 20 августа 1918 г. при эвак. Читы.

Кленов, Василий Дмитриевич—род. в 1855 г. в Одессе. Наборщик. Принадл. к группе южных бунтарей. Участвовал в устройстве типограф. кружка Ковальского. Арест. 30 янв. 1878 г. При аресте оказал вооруж. сопротив. Судился 20-24 июля того же года Одесским военным судом по проц. Ковальского. Пригов. к 4 годам кат. Заключ. отбывал в Белгород. центр. и на Каре. На посел. ушел в 1883 г. в Ирк. губ., затем переведен в Якут. обл., переехал в 1895 г. в Россию, где и умер в феврале 1912 года.

Клещев, Александр Федорович — род. 22 апреля 1859 г. в Верхнеисетском зав., Перм. губ., в семье рабочего. Учился в гор. уч. В дальнейшем служил в банке. Был выслан админ. из Иркутска по делу п. с.-р. Арест. во Владивостоке в 1906 г. Судился военно-окружным судом в 1907 г. Пригов. к 8 годам кат. Заключ. отбывал в Алгачах. На посел. вышел в 1915 г. в Забайк. обл. Умер 28 февраля 1924 г. в Петрограде.

Кобылянский, Людвиг Александрович—род. в 1859 г. в Варшаве (по сведениям Осмоловского, в Волынской губ.). Слесарь. Принимал активное участие в партии «Пролетариат». Арест. в 1878 г. в квартире Варынского, но удачно бежал и скрылся за границу. В дальнейшем примкнул к землевольц. Участв. в уб. харьк. губ. Кропоткина 9 февраля 1879 г. Арест. в Киеве 21 августа того же года. Судился по «процессу 16-ти» народов. Петербургским военным судом. Пригов. к 20 годам кат. Заключ. отбывал в Петропавл. креп. и на Каре, откуда в 1882 г. увезен вновь в Петропавл. крепость, а затем перев. в Шлиссельбург, где умер 3 января 1886 года.

Ковалевская, Мария Павловна (урожд. Воронцова)—род. в августе 1849 г. в Екатерин. губ., в семье помещ. Оконч. Одесский инст. Была активным членом группы южных бунт.-народ. Арест. 11 февраля 1879 г. в Киеве на Жилянской улице. Судилась 30 апреля 1879 г. по проц. Брантнера, В. Свириденко, Дебогория-Мокриевича и др. Пригов. на 14 лет 10 месяцев кат. Заключ. отбывала на Каре. В тюрьме принадлежала к числу акт. протест. В 1881 г. по болезни увезена через Красноярскую тюрьму в Минусинск, где в ссылке находился ее муж; по выздоровлении вновь возвращена на Кару в 1882 г. Вторично увезена в Иркут. тюрьму в 1883 г., как протестантка, откуда возвращена в 1887 г. Отравилась 6 ноября 1889 года после наказания Сигиды, протестуя против истязания полит. Умерла 7 ноября 1889 г.

Ковалев, Павел Архипович—род. в 1857 г. в куп. семье, в гор. Херсоне. Учился в реальном уч., но не кончил. Арест. в 1878 г. Судился 5 августа 1879 г. по проц. Чубарова, Давиденко и Лизогуба. Пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. ушел 1885 г. в Баргузин, а затем переехал в Иркут. губ. В 90-х годах вернулся в Россию. Умер.

Ковалик, Сергей Филиппович—род. в 1846 г. в Зеньковском у., Полт. губ., в семье каз. офицера. Оконч. Петерб. университет. В Киеве вместе с Дебогорием-Мокриевичем и др. устраивал рев. кружки. Был избран миров. судьей. С 1871 г. чайковец и бакунист. Арест. в 1874 г. на Волге за пропаганду среди крестьян. Осужд. по «проц. 193-х» на 10 лет каторги. Отбывал ее в Белгородской тюрьме, затем на Каре, где был арбитром для примирения политкаторжан после смерти П. Г. Успенского в 1881 г. На посел. в Верхоянск вышел в 1883 г. С тех пор и до 1898 г. С. Ф. деятельно участвует в изучении быта инородцев Якутской обл., сотрудничает в ирк. газетах, псевд. «Старик». Участвует в экспедиции на Олекме и Витиме и выпускает свой труд «Верхоянские Якуты». С 1898 жил возле Минска. После Октябрьской революции читал здесь лекции по матем. и участвовал в общ. жизни. Член Общества политкаторжан. Умер в Минске 26 апреля 1926 г. скоропостижно от артериосклероза.

Козубовский—урож. Польши; рабочий-столяр. Принадлежал к польской соц.-дем. партии. Присужден к 8 г. кат. Заключ. отбывал в Алгачах; на посел. был в Баргузине, Забайк. обл., где и умер от горловой чахотки около 1915 г.

Козырев, Алексей Николаевич—род. в 1846 г. в Костроме. Происходил из дух. звания. Учился в Яросл. лицее. Организовал вместе с Антушевым рев. кружок и занимался пропаг. среди рабочих. Арест. в Ярославле в 1877 г. Судился в Москве 9-10 апреля 1880 года военным судом (дело Антушева и Белоцветова). Пригов. к 10 годам кат.; за побег с пути прибавлено еще 7 лет с переводом в рудники, кат. отбывал на Каре. После примен. маниф., вышел на посел. в Якут. обл. в 1892 г., затем перес. в Иркутск, где в 1900 г. вновь арест. за хранение шрифта. Умер в Иркутске в том же году.

Колбаса, Михаил—политкаторжанин, умер от чахотки в Акатуе, в 1908—9 г.г.

Коленкина (по мужу Богородская), Мария Александровна—родилась в 1852 г., в Темрюкском уезде, в мещанской семье. Училась на акушерских курсах в Киеве. Примыкала к кружку киевских бунтарей. Ходила в «народ». Привлекалась к „процессу 193-х", но не была разыскана. Арестована в Петербурге 12 октября 1878 г. вместе с А. Малиновской по делу организ. „Земля и Воля". При аресте оказала вооруженное сопротивление. Судилась 24 мая 1880 г. по процессу доктора О. Веймара, Трощанского и др. Приговорена к 10 г. каторги, которую отбывала на Каре. На поселение вышла в 1886 г. в с. Тунку, Иркутской губ. В ссылке вышла замуж за ссыльного Богородского. Умерла 31 октября 1926 г. в Иркутске.

Комарницкий, Степан (наст. фам. Парфенов Николай)—судился в Красноярске в 1908 г. выездной сессией Иркут. военно-окруж. суда по делу нелег. типогр. партии с.-р. Пригов. к 4 годам кат. Заключ. отбывал в Кутомаре и Зерентуе. На посел. вышел в 1912 г. в Якут. обл.

Комов, Алексей Иванович—род. в 1853 г. во Владимирской губ., в крест. семье. Принадл. к кружку «Самарцев». Служил писарем в Шуйской местной команде. Первый раз арест. в 1874 г. за рев. проп. среди рабочих; освоб. Вторично арест. в 1877 г. «по проц. 193-х». По суду оправдан. Третий раз арест. в 1878 г. Судился Одесским военно-окружным судом 22 июля—5 августа 1879 г. по проц. Чубарова и Лизогуба; пригов. к 15 годам кат. Отбывал каторгу на Каре. По маниф. срок сокр. на 4 года. На посел. вышел в 1889 г. в Якут. обл., откуда переехал в Благовещенск. Умер.

Кон—анарх.-федер., судился в 1906 г. по делу читинских федерал. Пригов. к кат. В Чит. тюрьме Кон являлся одним из иниц. резни между соц. и анарх., за что на каторге был бойкот. полит. Умер скороп. По слухам, отравлен полит.

Корешков, Федор Николаевич—род. в средине 80-х г.г. в Пермской губ., в Верхотурском у., в семье рабочего. Учился в Иркут. гор. уч. В рев. движ. участв. с 1905 г. в п. с.-р. Судился в Иркутске в 1907 г. по делу уб. жандармского ротм. Гаврилова. Пригов. к 20 г. кат. Заключ. отбывал в Горном Зерентуе, где в 1910 г. покушался на самоуб. в связи со смертью Созонова. 10 июня 1914 года бежал из Кутом. тюрьмы вместе с Лышковским, обезоружив надзирателя. Настигнутый погоней, застрелился из револьвера, отнятого у надзирателя.

Корнилович, Александр Осипович — декабрист. Штабс-капитан Гвард. генер. штаба. Род. около 1795 г. Воспит. в Одесском лицее и в училище для колонновожатых. Член Южного общества. Осужден по 4-му разр. По конф. пригов. в кат. на 12 лет. Срок сокр. до 8 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. В 1832 г. перев. в армию на Кавказ. Умер в 1834 г.

Корольков, Александр Васильевич—суд. во Владивостоке военно-окружным судом по делу партии соц.-рев. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Алгач. тюрьме. Умер 27 февр. 1913 г.

Костюрин, Виктор Федорович—род. в 1853 г. в Дубоссарах, Хер. губ., в двор. семье. Студ. Одес. унив.; народник-пропаг. Арестован в 1877 г. в Одессе, откуда бежал в том же году при помощи Фроленко. Вновь арест. в Херсоне в 1878 г.; судился по «проц. 193-х.». Пригов. к ссылке. В 1879 г. был привлечен по делу Малинки и Дробязгина. Судился 3 декабря. Пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1885 году в Якут. обл.; в 90-х г.г. перес. в Тобольск. В 1906 г. админ. выслан в Сургут, Тобольской губ. Умер 2 июня 1919 г.

Кравец, Архип—рабочий из Екатерин. Судился Одесским военно-окружным судом по делу анарх.-ком. Пригов. к 20 годам кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. Освобожден, кажется, в 1912 г. «богодульской комиссией». Умер от тифа после Окт. переворота, при эвак. гор. Екатеринослава перед наступлением белогвард.

Кравцов, Василий Христофорович—род. в 1848 г. в купеческой семье, в Волынской губ. Учился в Киевском унив., затем служил в Одесской городской думе. Арест. в 1878 г. в Одессе. Судился военно-окружным судом в 1879 г. по проц. Чубарова и Лизогуба. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал на Каре. По ман. 1883 г. срок сокр. на 10 лет. На посел. вышел в 1888 г. в Якут. обл. В 1901 г. вернулся в Россию. Умер в 1923 г.

Красовский, Андрей—род. в 1822 г. в Орл. губ., в двор. семье. Подпол. гусар. полка. Посланный в июне 1862 г. с Житомирским полком для усмир. крест. волнений, Красовский 17 июня 1862 г. выпустил проклам., в которой призывал солдат не бить крестьян и не стрелять в них. Арест. по доносу и преданный суду 11 октября 1862 г., он был приговорен к смертной казни, замен. политической смертью и ссылкой в кат. на 12 лет. Сидя в тюрьме, Красовский получил от своих солдат письмо, в котором они писали, что они не все подлецы, выдавшие его, и благодарили его за любовь к солдату и народу. Заключение отбывал в Александ. зав., откуда бежал в 1868 г.—неудачно: в 17 верстах найден его труп с признаками самоуб.

Красовский, Владислав Владиславович — род. в 1849 г. в Варшаве, в польской мещ. семье; учился в военной гимназии—не кончил. Рабочий-слесарь. Принадл. к южным бунтарям-народн. Занимался пригот. взрывч. снар. Арест. весной 1879 г. в Киеве. Суд. Киевским военно-окружным судом 15 июля 1879 г. Пригов. к смертной казни, зам. бесср. кат. По маниф. срок сокр. до 20 л. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1891 г. в Забайк. обл. Жил в Чите, где и умер в 1922 г.

Кречетович, Илья—род. в 1847 г. в двор. семье, в Житомире. Учился в Киевском юнкерском уч. Арест. в 1879 г. в Киеве. Судился в том же году 7—14 июля по процессу Горского и других. Приговорен к 4 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в

1883 г. в Иркутскую губ., затем переехал в Красноярск. По слухам, умер.

Кривоносенко, Иван Семенович—род. в 1858 г. в Чите. Служил тюремным фельдшером в Акатуе, в период пребывания там народов. Якубовича (Мельшина). Распропагандир. политическими, примкнул к соц. движ. Работал в рядах п. с.-р. Арест. в Чите в феврале 1906 г. карат. эксп. Ренненкампфа. Военно-полевым судом пригов. к смертной казни, замен. 20 годами кат. Срок заключ. отбывал в Акатуе и Зерентуе. Освоб. по болезни, по постан. «богодульской комиссии». После Февр. рев. примкнул к народным соц. Умер в 1920 г.

Кривошеин, Александр Иванович—род. в 1859 г. в Херс. губ., в двор. семье. Учился в реальном уч. Прап. 54-го пехотного Минск. полка. Участв. в Русско-турецкой войне; награжден солдатским «Георгием», а также орденом Анны 4-й степени за храбрость. Арест. в дек. 1879 г. Судился Одесским военно-окружным судом 26 марта—1 апр. 1880 г. по делу Геллиса, Властопуло и др. («проц. 19-ти»). Приг. к 4 годам кат. Заключ. отбывал на Каре, где и умер в вольной команде в Усть-Каре в 1881 г.

Кривцов, Сергей Иванович—декабрист. Подпор. Гвард. конной артил. Род. в 1802 г., в семье помещика. Воспит. в Швейцарии в землед. инст. Член Северного общества. Осужден по 7 разр. По конфирм. пригов. к кат. на 2 года. Срок сокр. до 1 года. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1827 г. в Туруханск. Позже переведен рядовым на Кавказ. Умер в 1864 г. в Орл. губ.

Круковская, Юлия Осиповна (по мужу Бубновская)—род. в 1846 г. в Черниг. губ., в двор. семье. Окончила гимн. Учительница; служила надзират. в детском приюте. Арест. в 1877 г. в Киеве по Чигиринскому делу и приговорена к ссылке на посел. По конфир. сената от 6 мая 1880 г., ссылка была заменена на 13 лет 8 месяцев кат. Заключ. отбывала на Каре. На посел. вышла в 1890 году. Умерла в Забайк. обл.

Крыжановский, Никандр Федорович — род. в 1856 г. в Подольской губ., в семье свящ. Воспит. в дух. семин. Арест. в 1879 г. в Киеве по делу ограбления почты. Судился в том же году 16—20 октября, вместе с Казачковским, Шпирканом и другими. Пригов. к смертной казни, зам. 20 г. кат. По дороге на Кару бежал 2 августа 1880 г. и 9 августа арестован вновь. Пригов. к бесср. кат. В 1882 году вторично бежал из Карийской тюрьмы, но через несколько дней арест. В 1883 год увезен в Петроп. крепость, а оттуда в Шлисс.; здесь умер в 1885 г., по другим сведениям, впоследствии отправлен на Сахалин.

Крюков I-й, Александр Александрович — декабрист. Поручик Кавалерг. полка. Род. в 1794 г. в семье ниж. губ-ра. Член Южного общества. Осужден по 2-му разряду. По конфирм. пригов. в кат. на 20 лет. Срок сокр. до 15 и 10 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в с. Онашино, Енис. губ. После амн. 1856 г. выехал на родину. Умер в 1867 г. в Брюсселе, в Бельгии.

Крюков 2-й, Николай Александрович — декабрист. Поручик квартирм. части. Род. в 1800 г. Восп. в Муравьевской школе колоннов. Член Южного общества. Осужден по 2-му разр. По конфирм. пригов. к 20 годам кат. Срок сокр. до 15 и 10 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1836 г. в с. Онашино, Енис. губ. Умер в 1854 г. в Минусинске.

Куликовский, Петр Александрович—учился в Московск. учит. инст. Народн. учитель. Принадл. к п. с.-р. Участвовал во многих террор. предпр. Арест. 11 июня 1905 г., бежал, а 28 июня того же года убил моск. градон. графа Шувалова. Судился военно-окружным судом 23 июля 1905 г. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Акатуе и Зерентуе. На посел. вышел в 1911 г. по «богодульской комиссии». Ссылку отбывал в Якут. обл., где остался после рев. 1917 г. Участник Уфимского госуд. совещ. В период гражд. войны был на стороне белых. В марте 1923 г. взят в плен советскими войсками в отряде ген. Пепеляева. Покончил самоуб.

Кутитонская, Мария Игнатьевна — род. в 1855 г. в двор. семье. Училась в частной гимн. в Одессе. Заним. рев. пропаг. на юге России. Арест. в 1878 г. в Одессе, но вскоре освоб. на поруки. Вторично арест. в 1879 г. Судилась 22 июля—5 августа военным судом по проц. Лизогуба, Чубарова и Давиденко. Пригов. к 4 годам кат. Заключ. отбывала на Каре. На посел. вышла в 1882 г. в г. Акшу, Забайк. обл., откуда бежала. 16 сентября 1882 г. пок. на забайк. губ. Ильяшевича. Судилась военным судом 17 ноября того же года. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Умерла в Иркут. тюрьме от чахотки в 1887 г.

Кюхельбекер, Михаил Карлович—декабрист. Лейт. гвард. экип. Воспит. в Морском кад. корпусе. Член Северн. общества. Осужден по 5 разр., по конфирм. пригов. к кат. на 8 лет; срок сокр. до 5 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1831 г. в Баргузин. Умер в 1859 г. в Баргузине.

Лаговский, Николай Константинович—статистик Самарской земской управы. Покушался 8 марта 1901 г. на обер-прокур. св. синода Победоносцева по личн. иниц. Судился 27 февраля 1902 года. На допросе заявил, что сочувствует п. с.-р. Пригов. к 6 годам кат. Заключ. отбывал в Акатуе. Умер.

Лебедева, Татьяна Ивановна — род. в 1854 г. в Богородске, Моск. губ. Окончила Моск. Никол. ин. Учительница. Первый раз была арест. в 1874 г. Обвинял. по делу уб. шпиона Рейнштейна. Судилась в 1878 г. по «проц. 193-х». В наказание вменено предвар. заключ. Примкнула к народов.; принимала участие в террор. пред. Испол. Ком. «Н. В.»: во взрыве близ Одессы и в подкопе под Кишиневское казнач. Арест. 4 сент. 1881 г. Судилась 15 февраля 1882 г. по «проц. 20-ти» народ. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывала на Каре, где и умерла в 1887 г. 19 июля.

Левенсон, Елена Дмитриевна (урожд. Домбровская)— род. в 1855 г. в Херс. губ. Училась в Одес. гимн. и на высших женских курсах. Арест. в 1880 г. в Киеве. Судилась в том же году 12—26 июля

по проц. Игната Иванова, Юрковского и др. Пригов. на 6 лет. кат. Заключ. отбывала на Каре. На посел. вышла в 1881 г. в г. Баргузин Забайк. обл., затем вернулась в Россию, где, по слухам, умерла.

Левенталь, Лев Григорьевич—род. в 1856 г. в гор. Кальварии, в евр. семье. Студ. Моск. ун. Землеволец. Арест. 19 ноября 1878 г. в Петерб. на вокзале. Судился в 1880 г. по проц. доктора Веймара. Пригов. к 6 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1884 г. в Якут. обл. В 1898 г. вернулся в Россию, работал, как земский статистик. Умер в 1910 г. в Польше.

Левченко, Никита Васильевич—род. в 1858 г. в Севастополе, в мещ. семье; наборщик. Примыкал к группе южных рев. Участв. в освобождении Дейча и Бохановского из Киевской тюрьмы. Арест. в 1879 г. Судился 12—26 июля 1880 г. Киевским военно-окружным судом по делу Юрковского, Игната Иванова и др. Пригов. к 15 годам кат. Заключ. отбывал на Каре и в Акатуе. За побег с Кары в мае 1882 г. прибавлено 10 лет. На посел. вышел в 1895 г. в Якут. обл. В 1905 г. вернулся в Россию. Жил в Саратове, работал в п. с.-р. Член учредительного собрания. Умер летом 1921 г.

Лешерн фон-Герцфельд, Софья Александровна—род. в 1840 г. в Новгор. губ., в семье ген.-майора. Народница-пропаг. Арест. в 1874 г. в Саратове. Судилась в 1878 г. «по проц. 193-х.». Пригов. к ссылке на посел. По ходат. фрейлины императрицы, ссылка была отменена. По освобож. из тюрьмы Лешерн примкнула к группе южных бунтарей. Арест. 26 янв. 1879 г. в Киеве. Судилась военным судом 7 мая того же года по проц. Валерьяна Осинского и Волошенко. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывала на Каре. По маниф. 1891 г. бесср. кат. заменена 20 г. На посел. вышла в 1894 г. в г. Селенгинск, Забайк. обл., где умерла в 1898 г.

Лейбазон, Симон Шлеймович, мещ. г. Кронштадта,—род. 25 авг. 1885 г. в семье евр.-кантониста. Актер. Член п. с.-р. На военной службе заним. рев. пропаг. Судился 21 сентября 1907 г. в селе Раздольном за принадл. к п. с.-р. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Акатуе и Кутомаре. В ночь на 18 авг. 1912 г. покончил самоуб. посредством отравления, протестуя против порки, примен. Головкиным к полит. заключ.

Лисовская, Антонина Игнатьевна—род. в 1858 г. в Волын. губ., в двор. семье. Ее отец был сослан в Сибирь за польское восстание 1863 г., а затем перев. в Вологду. Окончила Устюжскую гимн., а затем училась на высших женских курсах в Киеве. Член партии «Народная Воля». Участв. в подкопе под Кишин. казнач. Арест. в июне 1882 г. в Петерб., под фам. Милошевич. Судилась 25 апреля 1883 г. по «проц. 17-ти» народов. (дело Ю. Богдановича, Прибылева и др.). Пригов. к 10 г. кат. Заключ. отбывала на Каре, где умерла в 1885 году от чахотки.

Лисовский, Николай Федорович—декабрист. Поручик Пенз. полка. Член общества Соединенных Славян. Осужден по 7 разр. По конфирм. пригов. к кат. раб. на 3 года. Срок сокр. на 1 г.

Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1828 г. в Туруханск, Енис. губ. Умер скоропостижно в 1844 г. в ссылке.

Лисиш, Станислав (нелег. Федор Петрович Лышковский)— род. в конце 80-х г.г. в Варшаве, в семье железнодор. служ. Учился в Тюменском реальном уч. Член партии с.-р. Арест. в Красноярске в 1906 г. на консп. кварт., где готовились бомбы. Судился 8 окт. 1906 г. военно-полевым судом за принадл. к боевой орган. п. с.-р. Пригов. к 15 г. кат. Зключ. отбывал в Акатуе и Кутомаре. 10 июня 1914 г. бежал из тюрьмы, обезоружив надзир. Настигнутый погоней, покончил самоуб. из рев., отобр. у надзирателя.

Лихарев, Владимир Николаевич—декабрист. Подп. квартир. части. Род. в 1800 г. Учился в Мурав. школе колонновож. Член Южного общества. Осужден по 7 разр. По конфирм. пригов. в кат. на 2 года. Срок сокр. на 1 год. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1828 г. в Кондинск, Тобол. губ. В 1837 г. определен рядовым на Кавказ. Убит в 1840 г. в битве с горцами.

Лозянов, Павел Тимофеевич—род. в 1857 г. в Таврич. губ., в семье причетника. Восп. в семин., не кончил. Принадлежал к Киевскому террор. кружку. Арест. в 1879 г. Судился военным судом 12—26 июля 1880 г. по проц. М. Р. Попова, Игната Иванова и др. Пригов. к 13 г. 4 месяцам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1892 г. в Якут. обл. Умер. в 1903 г.

Локтев, Анисим (настоящая фамилия Фомичев) — урож. Николаев. у., Самар. губ. На кат. осужден по делу соц.-рев. Заключ. отбывал в Алгачах. Освоб. по амн. 1917 г. Умер от тифа в Крыму в 1918 г.

Локоть, Владимир, депутат Государственной Думы — судился на кат. по делу п. с.-р. Умер. на Нерч. кат. Подробных сведений нет.

Локшин, Хаим Менделевич — род. 5 янв. 1885 г. в м. Шумяч, Климович. у., Могил. губ. Служ.-приказч. Член орган. «Бунда». Судился в октябре 1907 г. по делу Ник.-Уссур. военной орган. Пригов. к бесср. кат. Умер в Горном Зерентуе в 1909 г. в больнице.

Лорер, Николай Иванович — декабрист. Майор Вятского пех. полка. Род. в 1795 г. Восп. в двор. полку. Член Южного и Северного общ. Осужден по 4 разр. По конфир. пригов. к кат. на 12 лет. Срок сокр. на 8 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1832 г. в Курган, Тобол. губ. В 1837 г. определен рядовым на Кавказ. Умер. в 1873 г. в Полтаве.

Лунин, Михаил Сергеевич—декабрист. Подполк. л-гв. Гродн. гусар. полка. Род. в 1783 г. Восп. дома. Участв. в отечеств. войне, член Союза Спасения, а затем Союза Благод. и Сев. общества. Позже член Южного общества. Осужден по 1 разр. По конфир. пригов. к кат. на 20 лет. Срок сокр. до 15 и 10 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. был в с. Уриковском, Иркут. губ. Вторично арест. в 1841 г. за писание «возмутительных» статей. Закл. в Акат. тюрьму, где умер в 1845 г.

Лурий, Александр Григорьевич—род. в 1857 г. в гор. Вильне, в еврейской семье; рабочий-переплетчик. Учился в гимназии, но курса не кончил. В революционном движении с 1878 г. Примыкал к Южной группе народников-бунтарей. Арест. в Одессе в 1879 г. Там же судился военно-окружным судом 25 июля 1879 г. по «проц. 28» вместе с Чубаровым, Лизогубом и другими. Пригов. к 6 годам кат. Заключ. отбывал на Каре, где после побега Мышкина подвергся избиению. На посел. вышел. в 1883 г. в Якут. обл. Умер 15 ноября 1924 г. в Иркутске.

Львов, Федор Николаевич—член кружка «петрашевцев». Род. 11 августа 1823 г. в Рязан. губ., в двор. семье. Оконч. 1-й моск. кад. корпус. В 1848 г. произв. в штабс-кап. Участв. на офиц. собраниях Момбели, через которого познак. с Петрашевским. Арест. 29 апреля 1849 г. Постановлением военно-судной комиссии пригов. к расстрелу, зам. на 12 лет кат. Заключ. отбывал в Тобольске, в Шилкинском заводе, а затем перев. в серебро-плавильный завод. По маниф. 26 августа 1856 г. вышел на посел. Умер 23 мая 1885 г. в Петерб.

Люблинский, Юлиан Казимирович — декабрист. Двор. Волын. губ. Один из основ. общества Соединенных Славян. Осужден по 6 разр. По конф. приговорен к каторге на 5 лет, срок сокращен до 3 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1829 г. в Тункинскую креп., Иркут. губ. Умер в Петерб. в 1873 г.

Люстиг, Фердинанд Осипович—род. в 1854 г. в Таврич. губ., в семье австр. колониста. Студ. технолог. инст. Служил артилл. офицером. Оказывал содействие народов., но членом партии не был. Арест. в 1881 г. Суд. в 1882 г. по «проц. 20-ти» народов. Пригов. к 4 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1885 г. в Иркут. губ. Затем вернулся в Россию, где и умер.

Мазаев, Тимофей — умер на Нерч. кат. Подробных сведений нет.

Макаров, Хрисанф Иванович («Костя») — род. в конце 80-х годов в Забайк. обл., в семье народного учителя. Окончил учит. семин. Первоначально был последов. Толстого, к которому ездил однажды в Ясную Поляну; затем примкнул к партии соц.-рев. Арест. осенью 1908 г. в Амурской обл. Судился в конце 1909 г. военным судом в Благовещ. Пригов. к 8 г. кат. Из тюрем бежал 3 раза: первый раз из тюрьмы на юге России, второй раз в Хабаровске от конвоя и 3-й осенью 1912 г. из Алгачей. Арест. при последнем побеге, он подвергся избиению и возвращен в Алгачи. В тюрьме был одним из непримир. и упорнейших протест. Выдерживал длит. голодовки (30 суток). Как неподчин., был переведен в Александр. централ летом 1915 или 16 г. Покончил самоуб., повес. на кандальном ремне в пути на этапе.

Макаровский, Моисей Пейсахович—род. 31 янв. 1885 г. в м. Богуславе, Каневского уезда, Киев. губ., в евр. семье. Фармацевт. На военной службе принимал участие в рев. раб. Арест. в Ник.-Уссур. в 1907 г. В октябре того же года судился военно-окруж-

ным судом по делу воен. орган. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Алгачах. В 1913 г. перев. во Владимир. централ, где умер в 1914 г.

Малавский, Владимир Евгеньевич — род. в 1853 г. в Волын. губ., в двор. семье. Студ. Киев. унив. Арест. в 1877 г. по делу Чигирин. заговора, хотя никакого отношения к делу не имел. Судился 8—10 июня 1879 г. суд. пал. в Киеве. Пригов. к ссылке на посел., но при утверждении приг. сенат от 6 мая 1880 г. ссылку заменил 20 г. кат. По пути на Кару Малавский в 1881 г. бежал, был пойман и приг. еще к 15 г. В 1882 г. с Кары переведен в Петропавл. кр., а оттуда в 1884 г. в Шлисс., где умер 16 марта 1886 г. от чахотки.

Маньковский, Мечислав Константинович—род. в 1862 г. в Галиции. Учился в нач. уч. Столяр. Арест. в 1883 г. в Варш. Судился 20 дек. 1885 г. Варш. военным судом по проц. «Пролетариата», вместе с Варынским, Бардовским, Коном и др. Пригов. к 16 годам кат. Заключ. отбывал на Каре, в Акатуе и Зерентуе. По оконч. срока кат. выслан за границу, как иностран. подд., где и умер

Мартыновский Сергей Иванович — род. в 1859 г., в двор. семье. Землемер. Учился в гимназии и в Константиновском межевом институте, которого не кончил. В рев. движении принял участие с 1875 г., ведя революционную пропаганду на Побединских каменно-угольных копях, где работал в качестве шахтера. Был членом организации «Земля и Воля». После Липецкого с'езда примкнул к народовольцам. Арест. 4 декабря 1879 года в Петербурге. Судился 25—30 октября. 1880 года, по «проц. 16-ти» народов., вместе А. Квятковским и Пресняковым. Пригов. к 15 г. кат. За побег в 1881 г. с этапа около Нижнеудинска по пути на Кару—прибавлено еще 6 лет. Был на Каре. По маниф. 1891 г. вышел на посел. в Забайк. обл., в Читу В. 1903 г. вернулся в Россию; примкнул к РС-ДРП. Умер в ночь с 2 на 3 июля 1926 г. в Кисловодске.

Марцинский, Иосиф—род. в Варш., в польской семье. Рабочий. Принад. к п. п. с. Суд. в Варшаве военно-окружным судом. Пригов. на 15 лет кат. Заключ. отбывал в Тобольске, а затем перев. на Нерч. кат.: был в Зерентуе и Алгачах. Освоб. по амн. 1917 г. Примыкал к п. с.-р. Казнен в 1919 г. белогвард. на ст. Оловянная, в Сибири.

Маслов, Николай Иванович — нелег. (наст. фам. установить не удалось) — род. в серед. 70-х годов; служ. Арест. в Хабар. в 1907 г. по делу п. с.-р. Судился в апреле 1908 г. военно-окружным судом во Владивостоке. Пригов. к бесср. кат. По дороге в Тобол. централ бежал 1 сент. 1909 г. Вновь арест. 11 сентября. В Тобол. Маслов принадлежал к числу протест. и в 1910 г., как непод., был перев. на Нерч. кат. Участв. во всех тюр. протестах и голод. В Зерентуе в ноябре 1910 г. пок. на самоуб. в связи со смертью Созонова, вскрыв себе вены. Во время усмирения Головкиным Кутом. тюрьмы, Маслов покон. самоуб. в ночь на 18 авг. 1912 г.

Меженин, Петр Иванович—учит. На кат. осуж. по делу партии соц.-рев. Заключ. отбывал в Нерч. кат. Амнист. в 1917 г. После

Окт. рев. вошел в состав партии левых эс-еров. После падения советов арест. в Красноярске колчаковцами в 1919 г. Умер в тюрьме от тифа; по друг. свед. казнен.

Мельников, Михаил Михайлович—род. в 1878 г. Мещ. г. Селенгинска, Забайк. обл. Учился в г. Троицко-Савске в реальном уч. В 1897 г. поступил в горный инст., но курса не кончил. В нач. 1900 г. был админ. выслан, как неблагон. Принадлежал к боев. орган. п. с.-р. Имел прикоснов. к уб. мин. внутр. дел Сипягина. Арест. 26 января 1903 г. Судился 18—25 февр. 1904 г. вместе с Гершуни. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. В Шлисс. закл. 20 апреля 1904 г., затем перев. в Акатуй 30 янв. 1906 г., откуда бежал. Умер в России после Февр. рев.

Минаев, Михаил Васильевич—род. в 1884 г. в селе Балабине, Екатериносл. губ., в семье крест. Рабочий-сверлильщик. В рев. движ. с 1905 г. Сочувств. эс-ерам. Суд. в Екатериносл. 19 нояб. 1906 г. военно-окружным судом. Пригов. на 6 лет кат. Заключ. отбывал в Алгачах и Зерентуе. На посел. был в Иркут. губ. Амнист. в 1917 г. Умер в 1922 г.

Минаков, Егор Иванович—род. 10 апреля 1854 г. в Одессе, в семье чин. Студ. Одесс. унив. Арест. в Одессе в 1879 г. за покуш. на уб. шпиона Гоштофта. Осужд. в том же году на 12 лет. кат. Вторично судился 26 марта—1 апреля 1880 г. по процессу Геллиса. Срок каторги увеличен до 30 лет. По дороге на Кару бежал с пути, за что пригов. к бесср. кат. в 1881 г. Вторично бежал из Карийской тюрьмы 11 мая 1882 г., но был пойман. В 1883 г. увезен в Петроп. креп., откуда в 1884 г. перев. в Шлисс., где казнен 21 сентября 1884 г. за пощечину тюремщ.

Мирский, Лев Филиппович—род. в 1858 г. в двор. семье, в Киевской губ. Окон. гимн. В 1877 г. поступил в Мед.-хирург. акад. В 1878 г. арест. по подозрению в участии в рев. движ., но в янв. 1879 г. освоб. на поруки. 13 марта 1879 г. по личной иниц. стрелял в шефа жанд. Дрентельна. Арест. 6 июля 1879 г. в Таганроге. Судился в ноябре. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Первонач. сидел в Алекс. равел. Петропавл. креп., а затем перев. на Кару. В 1895 г. вышел на посел. В 1906 г. судился карат. эксп. Ренненкампфа. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключение отбывал в Акатуе. На посел. вышел по «богодульской комиссии». Умер в Верхнеудинске в 1919—20 г.г. После Февр. рев. выяснилось, что Мирский выдал сношения Нечаева с волей из Петропавловской крепости.

Миронов, Иван Ефимович—род. в 1882 г. в Корсунском у., Киев. губ.; сын крест., член 2-й Государ. Думы. Судился в 1907 г. по делу соц.-дем. фракции. Пригов. к 4 годам кат. Был на Нерч. кат. Срок заключ. окончил в 1911 г. На посел. был в Верхнеуд. у., Забайк. обл. Примыкал к меньш. Расстрелян при неизвестных обстоятельствах во время наступления чехов на Верхнеудинск в авг. 1918 г.

Митьков, Михаил Фотиевич—декабрист. Полк. л.-гв. Финлянд. полка. Член Северного общества. Осужден по 2 разр.; по конфирм. пригов. к кат. на 20 лет. Срок сокр. до 15 и 10 лет. За-

ключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в село Ольхинское. Умер в Красноярске 25 окт. 1849 г.

Михайлов, Михаил Илларионович — род. в 1829 г. Его отец был креп. помещ. Аксаковых, но, будучи отпущен на волю, поступил на службу и дослужился до чина надвор. сов. Михаил Илларионович получил дом. образ. Служил в Нижегородской губ. В отставку вышел в 1852 г. в чине губ. секрет. Затем переехал в Петерб., где занялся литер. трудом. Был близок с Добролюбовым, Чернышевским и Шелгуновым. Принимал участие в редак. и распростр. проклам. «К молодому поколению». Ездил в Лондон к Герцену, откуда привез в Россию 600 экз. этой прокл. 1-й обыск у Михайлова был произв. 1 сентября 1861 г., в связи с делом Аргиропуло и Зайчневского. Арест. 14 сент. по обвинению в составл. вышеуказ. прокл. Не желая никого впутывать, он взял на себя все дело и сознался в сост. прокл. Судился 18 окт. 1861 г. Пригов. об'явлен 5 дек. того же года — кат. на 12½ лет, которую сокр. до 6 лет. 14 дек. над Михайловым был совершен обряд «гражданской казни». Его привязали на площади к позорному столбу и прочли приговор, а на другой день увезли в Сибирь. Заключ. отбывал сначала в Тобольске, а затем на Нерч. кат., в Кадаин. тюрьме, где умер 3 августа 1865 г.

Михайлов, Павел Яковлевич—урож. гор. Томска. Член партии соц.-рев. Суд. в городе Иркут. в 1907 г. вместе с Корешковым по делу уб. жандарм. ротм. Гаврилова. Присужден к 5 годам кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. В тюрьме принадл. к числу протест. и несколько раз покуш. на самоуб. (в Зерентуе в 1910 г. и в Кутомаре в 1912 г.). На посел. вышел в конце 1913 г. в Якут. обл. После Февр. рев. был членом учред. собрания и членом Сибирской областной думы. В 1918 г. был одним из основ. Сибирского союза эс-еров. Казнен 31 янв. 1920 г. на Байкале в числе 30 человек по приказу атамана Семенова (убит колотушкой).

Мозган, Павел Дмитриевич—декабрист. Подпор. Пенз. пех. полка. Член общества Соедин. Славян. Осужд. по 4 разр.; по конфир. пригов. к кат. на 12 лет. Срок сокр. до 8 лет. Заключ. отбывал в Петроп. креп. и Нерч. рудн. На посел. вышел в 1832 г. в Ачинский округ, Енис. губ. В 1838 г. зачислен рядовым на Кавказ. Убит в бою с горцами в 1843 г.

Момбели, Николай Александович — род. 12 февр. 1823 г. в Новозыбкове. Двор. Прап. лейб-гвард. Моск. полка. Зимой 1847—48 г. г. устраивал у себя литерат. вечеринки, где собирались офицеры. В 1848 г. участв. вместе с Петрашевским в составлении тайного общества. Был членом Дуровского кружка. Арест. по делу Петрашевского. Пригов. к расстрелу. По конфир. получил 15 лет кат. Заключ. отбывал в Тобольске и Александр. зав., Нерч. горного округа. На посел. вышел по маниф. 1856 г. Умер в 1902 г.

Мотков, Осип Антонович—род. в 1847 г. в семье вольноотпущ. двор. чел. Образов. получил в Тамбовской гимн. Принадлежал к тайному рев. обществу «Ад», организов. Ишутиным и Каракозовым. Арест. по делу покуш. Каракозова. Судился верх. судом 24 сент.

1866 г. Пригов. к кат. на 8 лет, сокр. до 4 лет. Благодаря юнош. годам и неопытности, Мотков, не будучи злостным пред., дал на следствии и суде откров. показ. По дороге на кат. пытался бежать, но был задержан 23 апр. 1867 г. Заключ. отбывал в Александр. зав. Умер 11 дек. 1867 г. в иркут. больнице.

Муравский, Митрофан Данилович («Дед», «Отец Митрофан»)—род. в 1835 г., по другим источник. в 1837 г., студ. Харьк. унив. Искл. за участие в бесп. и в 1860 г. сослан на родину, где и продолжал рев. деят. После первого обыска он был арест. в 1862 г. и увезен в Петерб., где просидел 2 года в Петроп. Затем в 1863 г. его осудили на 8 лет кат., которую он отбывал в Александр. зав. По оконч. срока, был посел. в Оренбурге, где примкнул к кружку народн.-пропаг. (оренбуржцев). Ходил в народ. Третий раз арест. в Челяб. в 1875 г. Суд. по «проц. 193-х» в 1878 г. Пригов. к 10 г. кат. Заключ. отбыв. в Харьк. центр., где умер от истощения.

Морозов, Василий Калинович—рабочий, урож. Полтавы, с.-д., суд. в Екатериносл. в 1906 г. по делу вооруж. восстания на ст. Александровск 14 дек. 1905 г. Осужд. на 10 л. каторги. Отбывал ее в Горн. Зерентуе. Здесь в больнице и умер от туберкулеза в конце 1909 г. или в начале 1910 г.

Муравьев, Александр Михайлович—декабрист. Корнет Кавал. полка. Род. 19 марта 1802 г. Воспит. дома. Член Северного общества. Осужден по 4 разряду; по конфир. пригов. к кат. раб. на 12 лет. Срок сокр. до 8 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. В 1832 г. подлежал освоб., но добровольно оставался в тюрьме до окон. срока работ родного брата. На посел. вышел в 1835 г. в село Уриковское, Иркут. губ. Умер в 1853 г. в Тобольске.

Муравьев, Артамон Захарович—декабрист. Полк. Род. в 1794 г. Воспит. в Моск. универ., а затем в Муравьевском училище колоннов. Член Союза Благод. и Южного общества. Осужден по 1-му разр. По конфирм. пригов. к бесср. кат. Срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Александр. заводе, в сент. 1826 г. отправлен в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в село Елань, Иркут. губ. Умер в 1846 г. в ссылке.

Муравьев, Никита Михайлович — декабрист. Кап. Гвард. генер. штаба. Род. в 1796 г. Сын сенатора. Учился в Моск. унив. Член Союза Спасения. Один из основателей Союза Благод. Автор проекта конст. и член Верховной Думы Сев. общества. Осужден по 1-му разряду. По конфирм. пригов. к 20 г. кат. Срок сокр. до 15 и 10 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в село Урик., Иркут. губ., где умер 28 апреля 1843 г.

Муханов, Петр Александрович — декабрист. Штабс-капитан л.-гв. Измайл. полка. Род. в 1798 г. Воспит. в Муравьевском учил. колоннов. Член Союза Благод. Осужден по 4-му разряду; по конф. приг. на 12 лет кат. Срок. сокр. до 8 лет. Заключ. отбывал в Выборгской креп. и Нерч. рудн. На пос. вышел в 1832 г. в Братский Острог, Иркут. губ. Умер 19 февр. 1854 г. в Иркут.

Мышкин, Ипполит Никитич—род. в 1848 г. в Новгор. губ. Сын солдата. Учился в военно-топограф. уч. Стенограф. К рев. движ. примкнул в начале 70-х годов. 12 июля 1875 г. пытался освоб. Чернышевского из Вилюйска, но был арест. При отправке в Якутск бежал 20 июля, но вновь арест. 31 янв. 1876 г., заключ. в Петропавл. креп. Судился 18 сентября 1877 г. по „проц. 193-х“. На суде произнес знамен. речь. Пригов. от 23 янв. 1878 г. присужден к 10 г. кат. Заключ. отбывал в Новобелг. и Андреевской центр., откуда пытался бежать через подкоп. В 1880 г. отправлен на Кару. За речь, произнесенную над гробом умершего в Иркут. тюрьме рез. Дмоховского, Мышкину прибавлено еще 15 лет. В мае 1882 г. Мышкин бежал с Кары, но был арест. во Владивостоке и вновь привезен на Кару. В 1883 г. его перевели в Трубецкой бастион Петропавл. крепости, а оттуда 4 авг. 1884 г. в Шлисс., где 25 дек. он бросил тарелкой в смотрителя тюрьмы Соколова. За это казнен 26 янв. 1885 г.

Нагорный, Осип Иванович—род. в 1857 г. в Полт. губ. в семье казака. Вольнослуш. Петербург. унив. Член рабочего народовольческого кружка. Арест. в 1881 г. в Петерб. за рев. пропаг. в рабочих народов. кружках. Судился военным судом 13—14 сент. 1882 г. за уб. шпиона Прейма. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал на Каре, в Акатуе и Зерентуе. На посел. вышел в 1899 г. в Забайк. обл. В 1905 г. вернулся в Россию, где умер около 1914 г.

Нарышкин, Михаил Михайлович—декабрист. Полк. Тарутинского пех. полка. Род. в 1798 г. Член Союза Благод. и Северного общества. Осужден по 4 разр.; по конфир. пригов. к кат. на 12 лет. Срок сокр. до 8 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1832 г. в Курган, Тобол. губ. В 1837 г. опред. рядовым на Кавказ. Умер в 1863 г. в Москве.

Неизвестный, Семен (нелегальный, настоящая фамилия Хижняков)—род. в Таганроге. В 1905 г., будучи матросом, принимал участие в вооруж. восст. на броненосце „Георгий Победоносец“. После восст. уехал в Ростов-на-Дону, где был известен в рев. кругах под псевдонимом „Бекас“. Первоначально примыкал к соц.-дем., а в 1906 г. стал анарх. Арестов. в Харькове за экспр. и пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Александр. централе, откуда весной 1908 г. бежал во время вооруж. побега. Был арест. и пригов. к смертной казни. По конфир. пригов. казнь заменили кат. Умер в Горном Зерентуе.

Нейман, Августа Карловна—принадлежала к соц.-дем. Арест. в мае 1906 г. Судилась в 1907 г. военным судом в Петерб. по делу воен. орган. РС-ДРП. Пригов. к 4 годам кат. Заключ. отбывала в Мальц. тюрьме. На посел. вышла в апреле 1911 г., в село Творогово, Забайк. обл. Умерла летом 1911 г. от дизентерии.

Николаев, Петр Федорович—род. в 1845 г. в двор. семье. Ок. Моск. унив. Один из стар. деятелей рев. движ. Примыкал к кружку Каракозова и состоял членом «Организации». Арест. в

1866 г. Судился 24 сент. 1866 г. Пригов. к кат. на 8 лет. Заключ. отбывал вместе с Чернышевским в Александр. зав. На посел. был в Якут. обл. В середине 80-х г.г. верн. в Россию. В 1888 г. привлекался к дознанию за укрыват. нелег. Золотова и др., но был освобожден. В 1894 г. арест. по делу „Народного Права". Выслан админ. в Одессу на 3 года. Умер 18 ноября 1910 г. (по другим источникам, в Чернигове в 1912 г.).

Новицкий, Митрофан Эдуардович—род. в 1854 г. в Трубч. у., Орл. губ. (по сведениям Осмоловского, в Харьк. губ.). Учился в Харьк. гимн., откуда перешел в ветерин. инст., но курса не кончил. Ходил „в народ" для пропаг. рев. идей. Арест. в 1875 г. и выпущен под надзор полиции. Втор. арест. в Москве в 1882 г. и увезен в Саратов для выяснения личности. 16 авг. 1882 г. неудачно пытался бежать из Сарат. тюрьмы при помощи Райко и Поливанова. Судился 23 сент. 1882 г. в Саратове военным судом. Пригов. к смертной казни, замен. на 12 лет кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1889 г. в Якут. обл. По возвращении в Европ. Россию умер 27 дек. 1920 г.

Обнорский, Виктор Павлович—род. в 1854 г. в Вологод. губ., в крест. семье (по друг. свед., в Кронштадте). Рабочий-слесарь. Образ. получил в уездном уч. В рев. движ. принял участие с начала 70-х г.г. Ездил в 1874 г. за границу, где близко сошелся с „набатовцами". В России имел связь с кружком „чайковцев". По возвр. в Россию в 1878 г. был вместе с Халтуриным одним из основ. «Северно-русского раб. союза». Арест. в 1879 г. Судился в Петерб. воен. судом 11 июля 1880 г. вместе со Смирновым и Петерсоном. Пригов. к 10 годам кат. Был на Каре. Подавал прошение о помиловании. На посел. вышел в 1884 г. в Читу. Умер в г. Кузнецке в больнице, в 1920 г.

Оболенский кн., Евгений Петрович—декабрист. Пор. л.-гв. Финлянд. полка. Род. 3-го апр. 1796 г. в Новом-Миргороде. Член Союза Благод. и Сев. общества. Осужден по 1 разр.; по конф. пригов. к бесср. кат.; срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в Верхнеуд. округ, Иркут. губ. Амнист. в 1856 г. Умер в Калуге 26 февр. 1865 г.

Одоевский кн., Александр Иванович—декабрист. Корнет л.-гв. конного полка. Род. 26 ноября 1802 г. Член Сев. общества. Осужден по 4 разряду. По конф. пригов. к кат. на 12 лет. Срок сокр. до 8 лет. Заключ. отбывал в Петропавл. креп. и Нерч. рудн. На пос. вышел в 1832 г. в Иркут. губ. В 1837 г. определен рядовым на Кавказ. Умер в 1839 г.

Опрыжко, Григорий—род. в 1848 г. в Херсонской губ. Унт.-оф. Арест. в Николаеве в 1878 г. В том же году судился Одесским военным судом за распростр. рев. лит. Пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал в Андреевской централке и на Каре. В 1881 г. подал прош. о помил. Умер в 1882 г. в карийском тюремном лазарете.

Орлов, Павел Александрович—род. в 1856 г. в двор. семье. Учился в Оренб. гимн. Народник-пропагандист. Вместе с Муравским входил в состав кружка оренбуржцев. Арест. в 1879 г. Судился в 1878 г. по „проц. 193-х". Оправдан, но выслан администр. в Арханг. губ., откуда вскоре бежал. После вторичного ареста выслан в Восточную Сибирь, но удачно бежал из вагона. В Киеве примкнул к террор.-землев. Арест. в февр. 1879 г. на Жилянской улице; при аресте оказал вооруж. сопрот. Судился 7 мая по проц. Дебогория-Мокриевича, Ковалевской и др. Пригов. на 8 лет кат. По дороге на Кару 20 авг. 1880 г. пытался бежать, за что получил еще пять лет. В 1882 г. увезен с Кары в Петропавл. креп., откуда вновь переведен на Кару в 1884 г. На посел. был в Якутске, где убит в январе 1890 г. якутами с целью грабежа.

Осмоловский (Савченко), Григорий Федорович—род. в 1858 г. в Херсоне, в семье чин. Учился в Херсон. учит. семин. Был почт. чин. и сельским учит. Арестован 25 апреля 1879 г. в Кишиневе. Судился 26 марта 1880 г. Одесским военным судом по делу Геллиса. Пригов. на 15 лет кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в Якут. обл. в 1890 г. Был городским головой в г. Николаеве в период рев. 1917 г. Умер 23 сент. 1917 г.

Ошко, Иван Спиридонович—род. в 1886 г. в Нижне-Днепровске, Екатериносл. губ., в семье раб. Окончил железнодор. ремесл. уч. Слесарь. В рев. дв. с 1903 г. в группе соц.-дем., потом примкнул к эс-ерам. Судился в 1904 г. военным судом в Одессе за взрыв парохода с террор. целью. Пригов. к бесср. кат., сокращ. по маниф. до 15 лет. Заключ. отбывал в Горном Зерентуе, Акатуе и Кутомаре. В 1912 г. покуш. на самоуб. в Кутом. тюрьме. Освоб. по амн. 1917 г. После окт. перев. работал в партии левых эс-еров. Член ВЦИК'а. Арест. в 1919 г. в Верхнеуд. и казнен по прик. атам. Семенова.

Панов, Николай Алексеевич—декабрист. Пор. л.-гв. Грен. полка. Род. в 1803 г. Член Сев. общества. Осужден по 1 разр.; по конф. пригов. к бесср. кат., сокр. до 20, 15 и 13 лет. Был в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в Жилкинскую волость, Иркут. губ., где и умер в 1850 г.

Пашковский, Тит Ильич—род. в 1857 г. в польской семье; фармацевт. Принадл. к группе лиц, с котор. вели сношения члены народов. террор. кружка Шевырева и др. и оказывал содействие Канчеру, при его посещ. Вильны, а также помог бежать Говорухину. Арест. в Вильне в 1887 г. Судился в том же году 15-19 апр. по проц. „второго 1-е марта". Пригов. к смертной казни, замен. кат. на 15 лет. Был на Каре. На посел. вышел в 1893 г. в Якут. обл., где в 1895 г. пок. самоуб.

Паэгли, Ян Янович—род. в начале 90-х г. в Вольмарском уезде, Курлянд. губ., в семье крест. Учился в латышской нач. школе. Котельщик-чеканщик. Принадл. к боевой орган. соц.-дем. Арест. в 1906 г. в Риге, где подвергся пытке со стороны известного Гре-

гуса. Суд. 28 мая 1906 г. по „проц. 36-ти“ (дело Грюнштейна, Вербы, Захарова и др.). Пригов. к 12-ти годам кат. за напад. на конных город. и за принадл. к партии. 10 апр. 1908 г. бежал из Александр. централа вместе с Ильинским, Минаевым и др. Арест. через несколько дней, Паэгли был присужден военным судом к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. Амнист. в 1917 г. После окт. перев. вступил в орган. левых эс-еров. Был руковод. лево-эсер. боевой дружиной, готов. покуш. на Деникина. Арест. в Харькове летом 1919 г. и замучен белогвард.

Перенсон (Берендсон), Адольф Густавович—род. 19 окт. 1885 г. в дер. Колга, Ревельского у., Эстляндской губ. Студ. Пет. ун. Член РС-ДРП (больш.). Судился в 1908 г. в Петерб. по делу соц.-дем. Пригов. к 5 годам кат. Срок заключ. отбывал в Шлисс., Зерентуе, Кутомаре. На посел. вышел в авг. 1912 г. в Енис. губ. После Февр. рев. был членом Красноярского исполкома. Арест. в августе 1918 г. белогв. Казнен, как заложник, в 1919 г. в Красноярской тюрьме вместе с Богратом, Вейнбаумом и другими.

Пестов, Александр Семенович—декабрист. Подп. 9-й артил. бриг. Член общества Соед. Славян. Осужден по 1 разр.; по конфир. пригов. к бесср. кат. Срок сокр. до 20 и 15 лет. Заключ. отбывал в Шлисс. и Нерч. рудн. На посел. вышел в Петровский зав., где умер в 1833 г.

Петрашевский (Буташевич), Михаил Васильевич—род. 1 ноября 1821 г. в Петерб., в семье врача. Двор., в 1839 г. ок. Алекс. лицей, а в 1841 г. Петерб. унив. Собирал на своей квартире молодежь, где проповедывал соц. учение. Арест. 23 апреля 1849 г. Пригов. военно-судной комиссией к расстрелу и был выведен к столбу 22 дек. на Семеновском плацу. По конфир. получил бесср. кат. Заключение отбывал в Тобольске и Шилкинском зав., Нерч. окр. На посел. вышел по маниф. 1856 г. Жил в Иркутске, откуда сослан в Енис. окр. Умер в Енис. губ. в ночь с 6 на 7 дек. 1866 г.

Петров, Егор Алексеевич, — род. в 1871 г., отставн. канцелярский служащий, член II Государственной Думы. Судился в 1907 г. по делу соц.-дем. фракции. Пригов. к 5-ти г. кат. Заключ. отбывал в Горн. Зер. и Кутомаре. На посел. вышел в 1911 г. в Забайк. обл. После Февр. рев. примыкал к соц.-дем.—интерн. Был народным судьей в Верхнеудинске. Умер в Иркутске в конце 1918 или начале 1919 года.

Пирогов, Вячеслав Никитич — род. 4 марта 1882 г. в Екатериносл. губ., в семье крест.; офицер, участ. Русско-японской войны. В рев. дв. участвовал с 1904 г., в рев.-офиц. союзе в Чите и в п. с.-р. В начале 1906 г. бежал в Японию от карат. эксп. Ренненкампфа. Арест. 17 июля 1907 г. в селе Раздольном, Примор. обл. Судился военно-окружным судом во Владивостоке по делу Ник.-Уссур. воен. орган. три раза был пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Акатуе, Зерентуе, Кутомаре и Александр. центр. Участв. во всех тюр. прот. и голод. В Кутомаре при Головкине покуш. на самоуб. После Февр. рев. работал в рядах п. с.-р. Убит

белыми в январе 1921 г. в Кубано-Черном. обл. О нем смотри В. Короленко «Бытовое явление». Изд. «Русское Богатство».

Письменова, Татьяна Семеновна—урож. Забайк. обл. Тесно была связана с полит. кат. и ссылкой. Примыкала к партии соц.-рев. Судилась в 1908 г. в Чите по делу забайк. федер. Пригов. к 4 годам кат. Заключ. отбывала в Мальц. тюрьме. На посел. вышла в 1911 г. в Усолье, Иркут. губ., где умерла в большой нищете от истощения, 50-ти лет от роду.

Плаце—прибалтийский революционер. Осужден на кат. за принадл. к группе «лесных братьев». Заключ. отбывал в Нерч. кат.: в Зерентуе и Кутомаре. Покончил самоуб. в 1910 г. в Кутомаре, после его избиения тюремщиками.

Повало-Швейковский, Иван Семенович—декабрист. Полк. Сарат. пех. полка. Род. около 1790 г. в семье помещ. Воспит. в Моск. унив. благор. пансионе. Член Южного общества. Осужден по 1 разряду; по конфирм. пригов. к бесср. кат.; срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в Курган, Тоб. губ., где и умер 10 мая 1845 г.

Поджио, Александр Викторович — декабрист. Отст. полк. Итальянец. Род. в 1797 г. Член Южного общества. Осужден по 1 разр.; по конфирм. пригов. к бесср. кат.; срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Закл. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в село Усть-Кудинское, Иркут. губ. Впослед. вернулся в Россию, где умер в 1873 г.

Помазанный — каторжанин, умер от туберкулеза в 1911 г. в Кутомаре. Подр. свед. нет.

Попко, Григорий Анфимович—род. 12 апреля 1852 г. в Кубанской обл., в семье свящ. Учился в Ставроп. дух. семин., затем в Петр.-Разум. акад. и Одес. унив. Был близок с кружком Заславского. В 1876 г. ездил в Париж в качестве делегата одесского кружка на рев. с'езд. Вернувшись, примкнул к южным бунтарям, принимал близкое участие в террор. предпр. кружка Осинского. 25 мая 1878 г. убил жанд. фон-Гейкинга в Киеве. Арест. в Одессе в августе 1878 г. Судился в 1879 году (25 июля—5 августа) военным судом в Одессе по процессу Лизогуба, Чубарова, Давиденко. Пригов. к бесср. кат. По дороге на Кару бежал в февр. 1880 г. из Иркут. тюрьмы, но был арест. и присужден к 2 годам кандал. срока и на 3 года прикован к тачке Умер на Каре 20 марта 1885 г. от водянки.

Попов, Анатолий Владимирович (наст. фам. Бритман или Казаков?)—доктор. Был студ. Цюрих. унив. Принадл. к соц.-дем. больш. Судился в Петерб. по делу воен. орг. Пригов. к 8 годам кат. Заключ. отбывал в Зерентуе, где пользовался большой популярн. Освоб. по «богодульской комиссии» и солан в Баргузин, Забайк. обл., откуда бежал. Вновь арест. в Петерб., но успел бежать из участка. Эмигр. за границу в Париж. В период империал. войны был добров. на франц. фронте, где и убит в 1915 г

Попов, Моисей Степанович—род. в 1855 г., турецкий поддан. Рабочий-резчик по дереву. Арест. в Одессе в 1881 г. Судился там же военным судом в 1883 г. по «делу 27-ми» (проц. Стрель-

никова). Пригов. к бессроч. кат. Заключ. отбывал на Каре. По маниф. 1891 г. срок сокр. до 10 лет. Посел. отбывал в Забайк. обл. Подавал прош. о помил. Умер.

Попов, Михаил Родионович—род. 14 ноября 1851 г. в дер. Глафировке, Донской обл., в семье свящ. Окончил Мариуп. дух. уч. Студ. Мед.-хирург. акад. Ходил «в народ» для пропаг. Был одним из активных членов «Земли и Воли» и участ. Воронежского с'езда в 1879 г. Арест. 22 февр. 1880 г. в Киеве. Судился в том же году военным судом по «делу 21-го» (Игнат Иванов, Юрковский и др.). Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал на Каре, откуда в 1882 г. перев. в Петропавл. креп., а затем в 1884 г. в Шлисс. Амн. в 1905 г. Жил в Ростове-на-Дону, где умер 4 января 1909 г.

Преображенский, Алексей Иванович—род. в 1852 г. в Курской губ., в семье свящ. Учился в Курск. дух. учил. и семинарии. Принадлежал к землевол. Принимал некоторое участие в уб. харьк. губ. Кропоткина. После раскола «Земли и Воли» принадлежал к кружку М. Р. Попова, в состав которого входили народов. и черноперед. Затем был одним из активных деятелей «Южно-Русского раб. союза» в 1880 г. Арест. 4 янв. 1881 г. в Киеве. Суд. 26—29 мая 1881 г. по проц. «Южно-Рус. раб. союза» вместе с Ковальской, Щедриным, Ивановым и др. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1896 г. в Забайк. обл. В 1900 г. выехал в Иркутск, где и умер в 1902 г.

Прошьян, Прош Перчевич—род. в 1883 г. на Кавказе, в семье арм. свящ. Студ. Одес. унив. Арест. в 1906 г. в Одессе за попытку устройства 4 июня 1905 г. массового побега полит. заключ. из тюрьмы посредством взрыва стены. Судился 21 сент. 1905 г. военным судом. Пригов. к 6 годам кат. Был в Акатуе и Зерентуе. По окончании кат. бежал с посел. и занялся парт. эсер. работой. Вскоре арест. вторично и приговорен к кат., которую отбывал в Бутырской тюрьме, откуда за непокорность выслан в Яросл. централ. На посел. вышел по манифесту 1913 г. Из ссылки бежал и уехал за границу. В период империал. войны вел интерн. пропаг. Из эмиграции вернулся в 1917 г. Один из гл. основ. партии лев. с.-р. Был арест. правит. Керенского и исключен из партии, но по настоянию 7-го совета партии принят вновь. Потом исключен вторично за пропаг. социальной революции. После Октября—народный комиссар почт и телеграфов, член ВЦИК и ЦК левых эс-еров. Главный организ. уб. графа Мирбаха. Умер 16 декабря 1918 г. в московской больнице.

Прыжов, Иван Гаврилович—род. в 1829 г. Слушатель Моск. унив. Служил в управе благочиния. Принадл. к тайному обществу «Народной Расправы», основ. Нечаевым. Арест. 27 ноября 1869 г. в Петерб. Судился в 1871 г. Петер. окружным судом по делу Нечаев. загов. Пригов. к 12 годам кат., которую отбывал в Петровском заводе. Умер по выходе на поселение в 1885 году. Автор «Истории кабаков в России», «Нищие на св. Руси» и др.

Пухальский, Сигизмунд Павлович—род. в средине 80-х годов в г. Пултуске, Варшав. губ. Член «боевой орган.». П. П. С.

В 1906 г. арест. за рев. экспр. в Прушкове. Судился в Варш. 7 февр. 1907 г. военно-окружным судом. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Варшаве и Тобольске, где проявил себя, как стойкий и неприм. протест. против тюремщ. В 1910 г., как неподч., перев. в Горный Зер., где покуш. на самоуб. в связи со смертью Созонова. 19 августа 1912 г. поконч. самоуб. в Кутомаре во время издеват. Головкина над политкат., отрав. во время обыска.

Пущин, Иван Иванович—декабрист. Коллеж. асс. Род. 4 мая 1798 г. Сын сенат. Воспит. получил в лицее. Член Союза Благод. и Север. общества. Осужден по 1-му разр. По конфир. пригов. к бесср. кат. Срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Шлисс. креп. и Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в гор. Туринск, Тоб. губ. По амн. 1856 г. вернулся в Европ. Россию. Умер 3 апреля 1859 г.

Распопов, Лаврентий—род. в крест. семье. К партии не прин. Арест. в 1906 г. в Чите за восст. 2-го Вост.-сиб. сап. бат. Судился в июле того же года военным судом. Пригов. к 10 г. кат. Заключ. отбывал в Акатуе, Зерентуе и Алгачах. В тюрьме сочувствовал п. с.-р. Был одним из ярых протест. против тюремного режима. Покончил самоуб. в Акатуе в 1909 г., перерезав себе бритвой горло.

Репин, Николай Петрович—декабрист. Штабс-кап. л.-гв. Финл. полка. Род. в 1796 г. Член Север. общества. Осужден по 5 разр. По конфир. пригов. на 8 лет кат., сокр. до 5. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. был с. Верхоленске, Иркут. губ., где сгорел в доме во время пожара в 1831 г.

Рехневский, Фаддей Юльевич—род. в 1862 г. в двор. семье. Окончил Петерб. унив. Будучи членом польск. рев. парт. «Пролетариат», состоял посредником между «Народной Волей» и «Пролетариатом». Арест. в 1884 г. в Киеве. Судился 20 декабря в 1885 г. в Варшаве военным судом по процессу «Пролетариата» (дело 29-ти). Пригов. к 14 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1891 г. по маниф. Жил в Забайк. В 1906 г. переехал в Иркутск, где был арестован за участие в митингах, а затем вернулся в Польшу, где и умер в Варшаве в 1916 г.

Рогачев, Дмитрий Михайлович — род. в Орл. губ. в 1851 г., в двор. семье. Народник-пропаг. Окончил артил. уч. и был произв. в офицеры. В 1873 г. поступил рабочим на Путил. завод с целью рев. пропаг. Ходил с пропаг. «в народ». Был арест. в Тверской губ., но бежал. Вторично арест. в 1876 г. в Петер. Судился 15 сентября 1877 г.—23 января 1878 г. по «проц. 193-х». Приг. к 10 г. кат. Заключ. отбывал в Харьк. центр., а затем перев. на Кару, где умер 24 января 1884 г. от воспал. легких.

Родин, Петр Алексеевич—род. в 1859 г. в Самар. губ. Сын крест. Учился в гим., но не кончил. Первый раз арест. в 1876 г. в Казани: отдан под надзор родит. Вторично арест. в 1878 г. в Ростове за участие в попытке освобождения Фомина-Медведева. Судился Харьк. военным судом в 1879 г. (дело Ефремова). Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал на Каре, где и покон. самоуб. в 1881 г., отрав. спичками.

Розен барон, Андрей Евгеньевич — декабрист. Поруч. л.-гв. Финл. полка. Род. 3 ноября 1799 г. в Эстляндской губ. Учился в Нарвском нар. училище и в 1-м кад. корпусе. Член Сев. общества. Осужден по 5 разр., по конфир. пригов. к кат. раб. на 10 лет. Срок сокр. до 6 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в Курган, Тоб. губ. В 1837 г. опред. рядовым на Кавказ. Умер в 1884 г. в селе Викнине, Изюмского уезда, Харьковской губ.

Розенберг, Индрик Земеневич — урож. Прибалт. края; рабочий-токарь. Принадлежал к партии соц.-рев. Арест. карат. эксп. Ренненкампфа в начале 1906 г. на ст. Хилок. Судился военно-полевым судом. Пригов. к каторге, которую отбывал в Акатуе. На посел. был в Забайк. обл. После Февр. рев. работал в п. с.-р. Умер.

Россикова, Елена Ивановна (урожд. Виттен) — род. в 1849 г. (по сведениям Прибылева, в 1847 г.). Учительница. В нач. 60-х годов имела в Одессе школу, где были открыты первые курсы для женщин. Принадлежала к кружку якоб. в Одессе. Была хозяйкой конспир. квартиры, где находилась нелег. типограф. и куда собирались южные бунтари. В янв. 1878 г. в кварт. Россиковой, в ее отсут., товарищами было оказано вооруж. сопрот. жандармам (Ковальский, Свитыч, Виташевский). Скрывшись после вооруж. сопрот., Россикова участв. 3 июня 1879 г. в похищ. денег из Херсон. казнач. Арест. в том же году. Судилась 10—14 января 1880 г. в Одессе военным судом. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывала на Каре. В 1883 г. увезена в Иркутск, откуда возвращена обратно на Кару в 1887 г. В тюрьме принадл. к числу неприм. протест. В 1890 г. сошла с ума; в 1893 г. перевез. в Иркут. тюрем. больницу, где и умерла.

Рубисов, Степан Миронович — матрос. Участник вооруженного вост. во Владив. в 1907 г. По своим взглядам примыкал к анарх. Судился военным судом во Владив. Пригов. к кат., которую отбывал в Зерентуе. Амнист. в 1917 г. Убит семеновцами на ст. Манчжурия в 1917 г.

Ребицкий, Ян Осипович — род. в 1842 г. в польской двор. семье, в Волынской губ. Техник-металлург. Жил в Одессе по паспорту турец. поддан. Христофора-Яни Рывицкого. Член «Южно-русского рабоч. союза» Заславского. Арест. в Одессе в 1875 г. Судился сенатом в 1877 г. по делу Заславского. Приговорен на 5 лет кат. Заключ. отбывал в Борисогл. центр. тюрьме, а затем на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Якут. обл., откуда в 1899 году бежал. Умер.

Рыжков, Петр Павлович — урож. гор. Скопина, Рязанской губ.; рабочий-механик. Принадлежал к РС-ДРП (больш.). 27 августа 1907 г. организовал напад. на почт. поезд на станции Тайга с целью экспр. денег на рев. нужды. Был арест. по указанию одного участника. Судился военным судом в Томске. Пригов. к смертной казни, зам. бесср. кат. Заключ. отбывал в Алгачах, Зерентуе и Кутомаре, среди угол. Обладая огромной силой воли, он вел упорную борьбу с тюремщ., за что подвергался постоянным карцерам и всевозм. лишениям. Умер 8 или 9 октября 1914 г. в Кутомарской тюрьме от паралича.

Рычков, Петр Павлович—род. в начале 80-х годов в городе Чите. Сын мещ. Принадлежал к соц.-рев. Служил помощн. ком. на пароходе. Арест. в 1907 г. в Хабаровске. Судился в апреле 1908 г. Владивост. военным судом по проц. инженера Окунева и других. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. Покончил самоуб. в ночь на 18 авг. 1912 г. в Кутом. тюрьме, во время протеста против издеват. нач. тюрьмы Головкина над полит. кат. Первонач. принял яд, но, не уверенный в его действии, вскрыл себе вены пероч. ножом.

Рябчинский, Стефан (нелег.)—урож. города Лодзи. Рабочий. Судился в Лодзи по делу рев. экспр. Приговорен к смертной казни, замен. 15-ю г. кат. Закл. отбывал в Зерентуе. Первый раз бежал с работы на кирпичном сарае в 1908 г., но был пойман и избит. Через некоторое время пытался бежать вторично. Убит при побеге.

Санковский, Николай — род. в 1851 г. в Брест-Литовске. Учился в гимназии, но не кончил. Был вольноопред. в пех. полку. За наруш. дисцип. присужден на год. тюрьмы. В 1876 году участв. добров. в войне против турок. К револ. партии не принадлежал. 3 ноября 1881 г. по личной иниц. стрелял в шефа жанд. Черевина, но промахнулся. Судился военным судом 8 янв. 1882 г. Приговорен к смертной казни, замен. кат. без срока. Заключ. отбывал на Каре и в Акатуе. Здесь в пылу борьбы с тюремной админ. он бросил чайником в нач. тюрьмы Архангельского, за что посажен в карцер. Опасаясь телесного наказания, отравился в ночь на 13 ноября 1890 г.

Сарычев, Гордей Алексеевич—род. в 1851 г. в Калужской губ. Крестьянин. Служил на военной службе, а затем городовым в Одессе. Арест. в 1877 г. Судился в 1878 г. военным судом по процессу Фомичева—оправдан. Вторично арест. в 1883 г. Судился 3 апр. по «процессу 27-ми». Пригов. к 6 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1885 г. в Якут. обл., где умер 18 октября 1887 г. в якут. больн.

Свистунов, Петр Николаевич—декабрист. Корнет Кавалерг. полка. Родил. в 1803 г. Воспит. сперва в пансионе, а затем в Паж. корп. Член Южного общества. Осужден по 2-му разр.; по конфирмации пригов. к 20 годам кат., сокр. до 15 и 10 лет. Заключ. отбывал в Петропавл. креп. и Нерч. рудн. На посел. был в селе Идинском, Иркутской губ., затем переехал в Тобольскую губ. Умер 15 февр. 1889 г. в Москве.

Свитыч-Иллич, Владислав Станиславович—род. в Могил. губ. в 1852 г. в польск. двор. семье. Уч. в Могил. гимн. Вольноопред. Первый раз арест. в Очакове в 1877 г.; бежал из Херс. тюрьмы. Примкнул к южным бунтарям. Вторично арест. в Одессе в 1878 г. При аресте был ранен во время вооруж. сопрот. (дело Ковальского). Пригов. к 8 годам кат. Заключ. отбывал в Белгор. центр. тюрьме, а затем на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Якут. обл. Впоследствии переехал в Иркутск. В 1900-х годах вернулся в Европ. Россию. После Февр. рев. выяснилось, что Свитыч выдал подкоп на Каре. Умер.

Селяев—забайк. казак. Арест. в начале 1906 года карат. эксп. ген. Ренненкампфа за участие в освоб. из Акатуя матросов, осужд. за восст. в 1905 г. Судился военно-полевым судом в марте 1906 г. Приговорен к смертной казни, замен. кат. Умер в Зерентуе в 1908 году (приблизительно).

Семеняк, Алексей Никитич—род. 16 марта 1885 г. в селе Городищ., Киевской губ., Черкасского у., в семье крест. По взглядам примыкал к эс-ерам. Судился в 1907 г. военным судом по делу Ник.-Уссур. военной орган. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. Умер в Зерентуе в 1915—16 г. г.

Семяновский, Евгений Степанович—род. в 1850 г. в семье врача. Кандидат прав Петерб. унив. Принадлежал к народникам-лавристам. Арест. в 1875 г. за распростр. нелег. литер. и пропаг. в войсках. Судился в 1876 году сенатом. Пригов. к 12 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. В 1879 г. выпущен в вольную команду. В конце 1880 г. послед. распоряж. Лорис-Меликова о заключ. всех вольноком. в тюрьму, после чего Семяновский покончил самоуб. в ночь с 31 дек. 1880 г. на 1 янв. 1881 г.

Сергеев, Петр (нелег.).—Принадлежал к соц.-рев. Судился 8 октября 1906 г. в Красноярске военно-полевым судом за принадл. к боев. орган. п. с.-р. и хран. взрывч. вещ. (дело Стасенко и Лышковского). Пригов. к 15 г. кат. Заключ. отбывал в Акатуе и Зерентуе, где убит в 1908 г. при побеге с кирпичных сараев.

Серно-Соловьевич, Николай Александрович—род. в 1833 г. в двор. семье. Отставной надв. сов. Образ. пол. в гимн. и Александр. лицее. Один из первых основат. общества «Земля и Воля» и его активный член. Арест. 7 июля 1862 г. Судился в том же году за сношение с лондонскими пропагандистами и по делу нелег. изданий и за укрыват. рев. Кельсиева. Пригов. к 12 годам кат., замен. 30 марта 1865 г. ссылкой на посел. (Лемке. «Политические процессы шестидесятых годов»). По сообщению Муравского, Серно-Соловьевич отбывал кат. в Александр. заводе. Умер в Иркутске 10 февр. 1866 г.

Серов, Василий Матвеевич—род. в 1878 г. в г. Хвалынске, Сарат. губ. Сын крест. Учился в городском уч. Был учителем в Аткарске. В рев. движ. участв. с 1902 г. в РС-ДРП. Первый раз был арест. в 1904 г. и выслан админ. в Саратов под надзор полиции. В 1907 г. был избран во II Госуд. Думу. В этот же период ездил на соц.-дем. с'езд в Лондон. После разгона Думы был арест. и пригов. к 5 годам кат. Заключ. отбывал в Зерентуе, где был в вольной команде учителем. На посел. вышел в 1912 г. в Мысовск, Забайк. обл. После Февр. рев. был предс. Верхнеуд. исполк. Арест. в Чите белогвард. и замучен 4 сент. 1918 г.

Сигида (Малоксиано), Надежда Константиновна—род. в 1862 г. в Таганроге, в греч. семье. Окончила гимн. Учительница в гор. уч. Была членом партии «Народная Воля» и хозяйкой конспират. кварт., где находилась типогр. Арест. 23 янв. 1886 г. в Таганроге при захвате полицией народовольческ. типографии. Суд. 9 дек. 1887 г. по делу Оржиха. Пригов. к 8 годам кат. Заключ. отбывала на Каре,

где в связи с известной карийской историей дала пощечину смотр. тюрьмы Масюкову. Наказана 100 ударами розог 6 ноября 1889 г. После наказ. приняла яд и умерла в ночь на 7 ноября.

Сидорчук, Петр Корнильевич—род. в Житомире 16 янв. 1884 г. в бедной семье. Ближ. друг Егора Созонова. В 1900 г. окончил двухкл. Житом. гор. уч. Служил секрет. в Житом. окружном суде. В этот же период примкнул к рев. движ. и уже в 1904 г. был в рядах п. с.-р. 25 апреля 1905 г. по постан. орган. убил в Житомире организатора евр. погромов, пристава Куярова. При аресте подвергся избиению: ему выбили один глаз и без медиц. помощи бросили в тюремный карцер. Судился военным судом 16 июля 1905 г. Пригов. к повеш., замен. по конфир. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Акатуе. На посел. вышел осенью 1910 г. Из ссылки бежал в Италию. По прибытии в Италию арест. итальянским правит., по указанию русских шпионов. После месячного тюремного заключ. был освоб. 14 (1) июня 1911 г. Сидорчук утонул, купаясь в море. Похоронен в местечке Кави.

Синегуб, Сергей Силович—род. в 1851 (по др. данным—1853) г. в Екатеринослав. губ. Сын пом. Учился в Петерб. технолог. инст. Поэт. Один из первых народников-пропаг. Принадлежал к кружку чайковцев. Арестован в 1873 году. Судился по «процессу 193-х». Приговорен к 9 г. каторги. Заключ. отбывал на Каре. В 1880 году вышел на посел. в Читу, затем жил в Благовещенске и Томске. Умер в окт. 1907 г. от разрыва сердца.

Сиряков, Алексей Иванович—род. в 1855 г. в семье свящ., в Вологодской губ. Окончил Волог. гим. Студ. Петерб. унив. В 1874 г. вел рев. пропаг. на фабрике Чешера. Арест. в 1875 г. Суд. 17 июля того же года сенатом по делу Дьякова и других. Пригов. на 6 лет кат. 25 октября над Сиряковым и его товарищами был совершен обряд гражд. казни. Заключ. отбывал в Новобелгор. центр., а затем на Каре. На посел. вышел в 1882 г. По дороге в ссылку обыскан и задержан в Верхнеуд. Нанес оскорбление полиц. чин., за что заключен в тюрьму. В ссылку пришел в 1883 г. в Якут. обл. Заболел психич. в 91 г.; в 1893 г. выздор. и вернулся в Европ. Россию. Умер.

Слонов—рабочий, анарх. Судился военным судом в Чите в 1907 г. за экспр. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Алгачах. Амнист. в 1917 г. Убит в 1922 г. бандит.

Смецкий, Александр Иванович—суд. в 1907 г. в Красноярске по делу воен. восст. Пригов. к кат. Убит на Казак. золотых промыслах угол. арест.

Смирницкая, Надежда Семеновна—род. в 1852 г. в семье свящ., в Киевской губ. Принадл. к «Народной Воле». В 1879 г. была сосл. админ. в Сольвычегодск, откуда бежала в феврале 1880 г. вместе с Калюжным и Франжоли. В Москве вместе с Калюжным была хозяйкой конспир. кварт., где помещ. паспорт. бюро «Народной Воли». Арест. 23 марта 1882 г. Судилась в 1883 г. сенатом по «проц. 17-ти» народов. (дело Юрия Богдановича, Прибылева, Теллалова и др.). Пригов. к 15 г. кат. Заключ. отбывала на Каре. Принадлежала к

числу активных протест. Покончила самоуб. 6 ноября 1889 г. в связи с истязанием Сигиды, протестуя против порки полит. Умерла 7 ноября.

Соболь, Андр. Мих.—род. в 1888 г. Осужден 5 июля 1906 г. Виленским военно-окр. судом вместе с Бернштейном на 4 г. кат. раб. Был на «Колесухе», затем в Горн. Зерентуе. С 1911 г. в эмиграции. В 1917 г. вернулся в Россию. Писатель. Застрелился 7 июня 1926 г. в Москве.

Созонов, Егор Сергеевич—род. 6 мая 1879 г. в с. Петровском, Вятской губ., Уржумского у., в зажиточной старообрядческой семье. Сначала учился у старообряд. начетчиков, а затем в гимн., по оконч. которой поступил в Моск. унив. В рев. движ. с 1901 г. Принимал участие в студ. сходках, за что был арест., исключен из унив. и выслан на родину. В 1902 г. вступил в члены «Уральского союза соц.-дем. и соц.-рев.». По делу этого союза он был арест. и заключен в Уфимскую тюрьму. В 1903 г. его выслали в Якут. обл., но по дороге он бежал 11 августа и уехал за границу. Там примкнул к п. с.-р. и вступил в боевую орган. 15 июля 1904 г. убил мин. внутр. дел Плеве. Судился 30 ноября того же г. суд. пал. Пригов. к бесср. кат. В Шлиссел. заключен 24 янв. 1905 г., по упразд. которого перев. в Нерч. кат. Покончил самоуб. 28 ноября 1910 г. при нач. Зерент. тюрьмы Высоцком.

Соколов, Александр Александрович — род. в Курской г., в семье свящ. Студ. II курса филол. фак. С.-р., затем анархист. Судился в Киеве в 1906 г. по делу анарх. Каторгу (15 лет) отбывал сперва в Шлиссельб., затем в Алгачах и Зерентуе, где покончил самоубийств. в 1913—14 г.г., брос. в пустую шахту.

Союзов, Иван Осипович—род. в 1852 г. в Моск. губ., в Дмитр. уезде. Столяр. Член Моск. соц. кружка. Арест. в 1876 г. в Харькове. Судился в 1877 г. сенатом по «проц. 193-х». Пригов. к 9 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1882 г. в Читу, где и убит в 1904 г. с целью грабежа.

Спандони-Басманджи, Афанасий Афанасьевич—род. в 1853 г. в Херс. губ. Сын купца. Учился в Одесской гимн.; был вольносл. унив. Примыкал на юге к кружку якобинцев. После демонстрации по поводу суда над Ковальским, был выслан админ. в Устюг, затем привлечен к дознанию по делу Чубарова, Лизогуба в 1879 г. и выслан в Верхоленск. По возвр. из ссылки примкнул к «Народной Воле». Был членом Исполн. Ком. Арест. 10 янв. 1883 г. Судился военным судом в С.-Петербурге в 84 г. по «процессу 14-ти» (дело В. Фигнер, Ашенбреннера и др.). Приговорен на 15 лет кат. Заключ. отбывал на Каре и в Акатуе. На посел. вышел в 1894 г. в Забайк. обл. Позже переехал в Одессу, откуда в 1905 г. выслан админ. в Вологду на 3 года. Умер 15 октября 1906 г. от паралича сердца.

Спешнев, Николай Александрович—род. в 1821 г. в двор. семье Курской губ. Помещик. Учился в Александр. лицее. Был за границей в Швейцарии и Австрии, где вращался в польских патриот. кружках. По возвращ. в Россию вошел в состав кружка Пет-

рашевского. Принимал участие также в делах кружка Дурова и Кашкина. По убеждению был сторонник насильств. захвата власти. Арест. по делу Петрашевского; пригов. к расстрелу. По конфир. казнь была заменена 10 годами кат. Заключ. отбывал в Тоб. тюр. и Александр. зав. На посел. вышел по маниф. 1856 г. в Забайк. В 1861 г. вернулся в Россию. Умер 17 марта 1882 г.

Спиридов, Михаил Матвеевич—декабрист. Майор Пенз. пех. полка. Род. в 1796 г. в семье сенатора. Член Южного общества. Осужден по 1 разр. По конфир. пригов. к бесср. кат., сокращ. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в Красноярск, где и умер 21 дек. 1854 г.

Старынкевич, Иван Юльевич—род. в 1862 г. в двор. семье; сын ген.-майора. Арест. в 1881 г. в Москве за передачу прокл. товарищу. Судился Моск. военным судом в том же году. Пригов. к 20 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. В 1891 г. по царскому маниф. срок был сокр. на $^1/_3$. На поселение вышел в 1893 г. в Забайк. обл. В 1905 г. вернулся в Россию; был арест. в Саратове, но освоб. В 1906 г. эмигр. за границу, откуда вернулся после Февр. рев. Член п. с.-р. Умер в Москве 6 янв. 1920 г.

Стахевич, Сергей Григорьевич—род. в 1843 г. Сын чин. Учился в гимн. и в Мед.-хирург. акад. в Петербурге. Арест. 4 марта 1863 г. по делу общества «Земля и Воля» за распростр. проклам. «Льется польская кровь». Судился сенатом в январе 1864 г. Пригов. к 6 годам кат., которую отбывал в Акатуе и Александр. зав. На посел. вышел в Иркут. губ. В Европ. Россию верн. в 1892 г. Умер 13 мая 1918 г. в Петрограде.

Стеблин-Каменский, Ростислав Андреевич—род. в 1858 г. в Полтаве, в двор. семье. Сын полицейм. Будучи гимназ., привлек. к дознанию по полит. делам 1875—1876 гг.; затем привлек. по «делу 193-х». Был подвергнут 5-месяч. заключ. и 1 месяцу тюрьмы по приг. суда. По освоб. из тюрьмы примкнул к южным терр. Арест. в 1879 г. в Киеве на Жилянской улице, где было оказано вооруж. сопрот. (дело Свириденко, Дебогория-Мокриевича и др.). Судился 7 мая военным судом в Киеве. Пригов. к 10 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. В 1885 г. вышел на посел. в Якут. обл., откуда переехал в Иркутск. Поконч. самоуб. 27 июля 1894 г.

Степанов, Николай Федорович («Никита»)—род. в 1882 г. в Киеве. Учился в Киевской дух. семин. До окт. 1905 г. сост. членом РС-ДРП, а затем перешел к анарх.-ком. Арест. в 1906 г. и выслан админ. в Тоб. губ., где в связи с подгот. террор. акта на тоб. губ. был вновь арест. и пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал в Горном Зерентуе. Амнист. в 1917 г. В период колчак. работал нелег. в Благовещ., где был одним из главных руковод. «Централ. операт. революц. штаба». Арест. в октябре 1919 г. японцами. Судился 21 окт. военно-полевым судом и расстрелян в 4 часа дня 22 окт. 1919 года в Благовещ.

Стефанович, Яков Васильевич—род. в 1853 г. в семье свящ. в Черниг. губ. Студ. Киевского унив. С 1874 г. жил нелег., как

разыскиваемый по «делу 193-х». Ходил «в народ». Арест. в 1877 г. за орган. Чигиринского заговора. Бежал из Киевской тюрьмы вместе с Дейчем 27 мая 1878 г. После раскола «Земли и Воли» принадл. к «чернопередельцам», а затем вступил в «Народную Волю». Втор. арест. в Москве, в 1882 г. Суд. по «проц. 17-ти» народов. Пригов. к 8 годам кат. В 1891 г. вышел на посел. в Якут. обл. Умер 1 апреля 1915 г. в Черниг. губ. В тюрьме написал записки о русской эмиграции по предл. Плеве.

Стояновский, Михаил Львович—род. в 1867 г. в гор. Харькове. Студ. юрид. фак. Петерб. унив. Принадлежал к «Народной Воле». Арест. в феврале 1889 г. в Петерб. по делу Софьи Михайловны Гинсбург. Судился 30 окт.—1 ноября 1890 года военным судом. Пригов. к смертной казни, замен. кат., которую отбывал в Акатуе. На посел. был в Минус. у. В 1905 г. был амнист. Умер в 1908 г. в Бахмуте от туберк.

Странден, Николай Павлович—род. в 1843 г. в двор. семье, в Саратовской губ. Студ. Моск. унив. Принадлежал к рев. кружку Каракозова. Судился 24 сент. 1866 г. Приговорен к 20 годам кат. Заключ. отбывал в Александр. зав. На посел. вышел в 1872 г. в Якут. обл. В 1884 г. выехал в Пензу. Умер.

Сутгоф, Александр Николаевич — декабрист. Пор. л.-гв. Гренад. полка. Род. 4 дек. 1801 г. в Киеве. Воспит. в Моск. унив. пан., а затем в частном панс. в Киеве. Член Сев. общества. Осужден по 1 разр. По конфир. пригов. к бесср. кат. Срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На пос. вышел в 1839 г. в Жилкинскую вол., Иркут. губ., откуда переехал в Малую Разводную. Позже был восстан. в правах. Умер в 1872 г.

Сухинов, Иван Иванович—декабрист. Пор. Александр. гус. полка. Род. в 1797 г. в Александр. у., Херс. губ. Член Слав. общества, участник восст. Черниг. полка. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Горном Зерентуе, где в мае в 1827 г. пытался поднять восст. заключ. Пригов. к смертной казни 13 августа того же года. Покончил самоуб. 1 декабря того же года.

Тамбовцев, Николай Яковлевич—род. в 1876 г. в гор. Тетюши, Казан. губ. Учился в дух. акад. в Казани. В рев. движ. с 1903 г. в п. с.-р. Судился 26 апреля 1906 г. Казанской суд. пал. Приг. к 6 годам кат. Заключение отбывал в Зерентуе. После Окт. рев. служил в тюр. вед. Умер в 1922 г. в Чите.

Тархов, Юрий Александрович—род. в 1853 г. в Арзамасе, Нижег. губ. Сын двор. Воспит. в Нижег. военной гимн. и Констант. училище. Служил артил. офицером в Таганроге. Арест. 6 июня 1879 г. по доносу унтер-офицера Щетинина за укрыват. Льва Мирского, стрелявшего в ген. Дрентельна. Судился 17 ноября 1879 г. по проц. Мирского. Пригов. к 10 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1884 г. в Забайк. обл. В Россию вернулся в 1896 г.; принимал участие в орган. Всеросс. крест. союза, за что в 1907 г. сослан админ. в Тоб. губ. По возвр. из ссылки жил в Нижег. губ. Умер в сент. 1922 г.

Терентьев, Михаил Дементьевич—род. в 1853 г. в Херс. губ. Народный учитель. Арест. в 1875 г. в Одессе. Судился сенатом в 1877 г. вместе с Тефтулом за рев. пропаг. Пригов. к 9 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. На пос. вышел в 1881 г. в Забайк. обл., откуда за близкое сношение с Кутитонской, стрелявшей в губ. Ильяшевича, выслан в Якутск. Впоследствии вернулся в Европ. Россию. Погиб на Кавказе в горах, сорвавшись в пропасть.

Тефтул, Иван Ильич — род. в 1851 г. в Севастополе. Сын мещ. Золотых дел мастер. Арест. в Одессе 1875 г. за рев. пропаг. Судился в 1876 г. вместе с Терентьевым. Пригов. к 10 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Забайк., затем в Якут. обл., где и умер 11 декабря в 1891 г. в больнице.

Тизенгаузен, Василий (Вильгельм-Сигизмунд) Карлович—декабрист. Полк. Полт. пех. полка. Род. в 1781 г. Воспит. в 1-м кад. корпусе. Член Южного общества. Осужден по 7 разр. По конфир. пригов. к кат. на 2 года, сокращ. на 1 год. Заключ. отбывал в Петроп. креп. и Нерч. рудн. На посел. вышел в 1828 г. в Сургут, Тобольской губ., но по болезни оставлен в Тобольске. Позже переехал в Ялуторовск. По амн. 1856 г. возвр. в Россию. Умер в 1857 г. в Нарве.

Тихонов, Яков Тихонович — род. в 1851 г. в Смоленской губ., в семье крест. Рабочий-ткач. В 1875 г. привлекался за пропаг. среди рабочих. В 1877 г. сослан админ. в Пинегу, откуда бежал. Вторично арест. в Москве в 1878 г., а в 1879 г. бежал из Сретенской части. Примкнул к «Народной Воле». Участв. в покуш. на Александра II под Александр. 18 ноября 1879 г. Судился 25—30 октября 1880 г. по «проц. 16 террор.» (дело Квятковского и Преснякова). Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Петропавл. и на Каре, где и умер от чахотки в 1882 г.

Тищенко (Березнюк), Иван Иванович—род. в 1845 г. в Таврич. губ., в крест. семье. Матрос. Арест. в 1878 г. в Харькове за попытку освобож. Фомина-Медведева. Судился военным судом в Харькове в 1879 г. Пригов. к бесср. кат. За побег в февр. 1880 г. из Иркутской тюрьмы срок кат. стали считать с 80-го года, прибав. 2 г. канд. срока и приг. к 3 годам тачки. В 1890 году перев. в Акатуй. В 1895 г. вышел на посел. в Забайк. обл. Умер после Февр. революции.

Толмачев, Степан — будучи на военной службе, примыкал к военной орган. Судился в 1907 г. военным судом за вооруж. восст. Пригов. к кат. Заключ. отбывал в Алгачах, где и умер. Подробн. неизвестны.

Торсон, Константин Петрович — декабрист. Кап.-лейт. флота. Воспит. в морском корпусе. Член Сев. общества. Осужден по 2-му разряду. По конф. пригов. к 20 г. кат., сокр. до 15 и 10 лет. Заключ. отбывал в Петропавл. креп. и Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. Умер в 1851 г. в Селенгинске.

Третьяков, Дмитрий Матвеевич — род. в 1855 г. в Енисейске. Анарх.-федер. Арест. в 1906 г. по делу читинских федер.

В тюрьме являлся одним из участн. резни между соц. и фед., в которой было ранено несколько человек и убит полит. Бердман. Судился в Чите военным судом по делу Кона и Андреева. Каторгу отбывал в Алгачах и Зерентуе. На кат. был бойкот. большинством полит. за читинскую резню. На посел. был в Якут. обл., откуда бежал. После Февр. рев. вступил в РКП и участвовал в работе активно. Арест. в 1919 г. в Красноярске и расстрелян белыми, как заложник.

Тринитатская, Екатерина — род. в 1853 г. в семье унтер-офицера. Училась в Самарской гимназии и на фельдш. курсах. Служила фельдш. Первый раз арест. в 1879 г. в Чернигове и привлечена в качестве свидет. по «проц. 16-ти террор.». Впоследствии принимала участ. в Южной народов. орган., где работала наборщицей в нелег. типографии в Таганроге. Арест. в янв. 1886 г. Судилась сенатом 22 декабря 1887 г. по делу Оржиха. Пригов. к смертной казни, замен. на 12 лет кат. Заключ. отбывала на Каре, где заболела психически. Увезена в Иркутск, где и умерла.

Трощанский, Василий Филиппович—род. в 1846 г. в г. Оргееве, Бессарабской губ., в семье чин. Студ. технолог. инст. Первоначально арест. в 1867 г.; суд. пал. пригов. к 1 году тюрьмы за составл. прокл. В 1868 г. выслан в Вятку, затем перев. под надзор в Курск, а несколько позже в Орел, как неблагон. Потом снова выслан в Пинегу, а затем в Холмогоры, откуда бежал в 1878 г. В том же году арест. в Петерб. Судился военным судом в мае 1880 г. по процессу доктора Веймара. Пригов. к 10 годам кат. Был на Каре. На посел. вышел в 1886 г. в Якут. обл., где умер 27 янв. 1898 г.

Трубецкой кн., Сергей Петрович—декабрист. Полк. Род. 29 авг. 1790 г. Член Сев. общества и его коренной думы. Был намечен в диктаторы. Осужден по 1 разр. По конфир. пригов. к бесср. кат. Срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в село Алек Иркут. губ. По амн. 1856 г. восст. в правах, без княж. титула. Умер 22 ноября 1860 г. в Москве.

Турович, Иван Васильевич—род. в 1858 г. в Подольской губ. Сын причетника. Образ. получил в дух. уч. и Подол. сем., откуда в 1878 г. исключен за неблагонад. Принадлежал к народов. кружку Шпиркана и др. Занимался распростр. нелег. литерат. Арест. в 1879 г.; на следствии оговорил своих товарищей. Судился 20 окт. 1879 г. по делу Крыжановского, Шпиркана и др. Пригов. к 6 год. кат., которую отбывал на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Забайк. обл., откуда в 1897—98 г. г. переехал в Зап. Сиб. Позже вернулся на родину, где и умер.

Тютчев, Алексей Иванович — декабрист. Кап. Пенз. пех. полка. Сын пом. Член общества Соед. Славян. Осужден по 1 разр. По конфир. пригов. к 20 г. кат., сокр. до 15 и 10 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в Енис. губ., откуда переведен в Минус. окр. Умер 24 янв. 1856 г.

Удалов, Николай Ефимович—род. в 1882 г. в дер. Ленки, Ржевского у. Тверской губ. Сын крест. Находясь на военной службе, занимался рев. пропаг., за что и арест. в 1907 г. в Ник.-Уссур.

Судился в окт. того же года военно-окружным судом по делу военной орг. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал на Нерч. кат. Умер в Алгачах в 1914 г.

Успенский, Петр Гаврилович—род. в 1843 г. в Нижегор. губ. Сын двор. Учился в Петербургском университете. Активный член нечаевской орган. Арест. 26 ноября 1869 г. за участие в уб. студ. Иванова. Судился 1 июля 1871 г. суд. пал. по делу нечаевского заговора (Кузнецов, Прыжов, Николаев). Пригов. к 15 годам кат. Заключ. отбывал в Александр. зав., затем на Каре. Убит здесь 27 декабря в 1881 г. товарищами, ошибочно заподозренный в сношениях с тюремным начальством и в предательстве.

Уфлянд, Михаил Аркадьевич—род. в 1861 г. в Минске, в евр. мещ. семье. Учился в Минской гимн. и Харьк. унив. Как член Харьк. народов. кружка, был в сношениях с первомарт. 1887 г. Арест. в марте 1887 г. в Екатериносл. по делу Бражникова и сослан админ. в Якут. обл., где 22 марта 1889 г. участвовал в вооруж. сопрот. полит. ссыльных в доме Монастырева. Судился военным судом. Пригов. к 20 г. кат., которую отбывал в Вилюйске и Акатуе, в 1895 г. вышел на посел. Позже вернулся в Петербург. Умер в 1922 г.

Фаленберг, Петр Иванович — декабрист. Подполк. квартирмейст. части. Род. 20 мая 1791 г. в Риге. Учился в Лесном корпусе. Член Южного общества. Осужден по 4 разр. По конфир. приг. к 12 годам кат. Срок сокр. до 8 лет. Заключение отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1832 г. в Троицкий завод, а затем в село Шуш., Енис. губ. В 1856 г. восстан. в правах. Умер 13 февр. 1873 г. в Белгороде.

Фомичев, Григорий Иванович—род. в 1854 г. в Херс. губ., в семье дьячка. Учился в Новоросс. унив. Впервые арест. в Одессе в 1877 г. по делу воен.-рев. кружка; оправдан. Втор. арест. в 1878 г. Судился Одесским военным судом в 1879 г. (дело Чубарова, Лизогуба, Попко и Кутитонской). Пригов. к бесср. кат. За побег из Иркут. тюрьмы прибавлено 2 года испытуемых и 3 года тачки. Заключ. отбывал на Каре, в Акатуе и Зерентуе в вольной команде. Подавал прошение о помиловании. По маниф. 1889 г. бесср. кат. заменена 20 годами. На посел. был в Забайк. обл. Умер в России после Февр. рев.

Фонвизин, Михаил Александрович — декабрист. Отст. ген.-майор. Род. в 1788 г. Брат писателя Фонвизина. Воспит. в учил. святого Петра и в Моск. унив. благор. панс. Член Сев. общества. Осужден по 4 разряду. По конфир. приг. к 12 годам кат., сокращ. до 8 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1832 г. в Енисейск, позже в Красноярск и Тобольск. Умер 30 апр. 1854 г. в Моск. губ.

Фондаминский, Матвей Исидорович — род. в 1866 г. в м. Шклове, Мог. губ., в евр. куп. семье. Образование получил в Моск. реальном уч. и Петр. ак. Член партии «Народная Воля». Арест. в Москве в 1886 г. по указ. Зубатова. В 1888 г. выслан админ. в Якут. обл. на 10 лет. Участв. 22 марта 1889 г. в вооруж. сопрот. полит. ссыльных в доме Монастырева. Судился военным судом. При-

гов. к 20 годам кат., которую отбывал в Вилюйске и Акатуе. На посел. вышел в 1895 г. Умер в 1896 г.

Франжоли, Николай Афанасьевич—род. в 1856 г. в Херсонской губ. Австрийский подданный. Учился в Херсонск. гимназ., но не кончил. В рев. движ. с начала 70-х годов. Арест. в 1879 г. в Херсоне по делу экспр. денег из Херс. казнач. Судился 10—14 января 1880 г. военным судом в Одессе (дело Е. Россиковой). Пригов. к 4 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Читу. В Россию вернулся в 1889 г. Умер, по слухам.

Фриденсон, Григорий Михайлович—род. в 1854 г. в евр. куп. семье. Окончил Белосток. реальное уч., затем поступил в Моск. техн. уч., откуда уволен, как неблагон. Арест. 24 янв. 1881 г. Судился в 1882 г. сенатом по «процессу 20-ти» народов. (дело Фроленко, Александра Михайлова, Баранникова и др.). Пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1886 г. в Забайк. обл., оттуда переехал в Иркутск. После каторги принадлежал к п. с.-р. Умер в Екатеринбурге в 1912 г.

Фролов, Александр Филиппович—декабрист. Подпор. Пензенск. пех. полка. Род. в 1804 г. в Севаст. Член общества Соед. Славян. Осужден по второму разр.; по конфирм. пригов. к кат. на 20 лет, срок сокр. до 15 и 10 лет. Был в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в с. Шушинское, Минус. окр. По амн. 1856 г. восстан. в правах. Жил в Керчи. Позже переехал в Москву, где умер 6 мая 1885 г.

Фрумкина, Фрума Мордуховна—род. в 1873 г. в Борисове, Минской губ., в зажит. евр. семье. Акушерка. В рев. движ. участв. с серед. 90-х годов. Первоначально принадл. к орган. «Бунда», по делу которого была арест. осенью 1898 г. в Лодзи и выслана админ. под надзор полиции в Витебск на один год. В 1903 г. примкнула к партии эс-еров. 6 апр. 1903 была арест. в Киеве по делу эсер. типогр. Сидя в тюрьме, совершила пок. во время допроса на жанд. генерал-майора Новицкого 27 мая 1903 г. Судилась 14 июня того же года Киевской суд. пал. Пригов. к 11 годам кат. Заключ. отбывала в Петропавл. креп. и Горн. Зер. По маниф. 1905 г. срок сокр. на 5½ лет. В ответ на это Фрумкина подала заявл. властям об отказе от маниф. По амн. того же года, срок сокр. еще на 2 года и в июне 1906 г. она вышла на посел. в Забайк. обл., откуда бежала. 28 февр. 1907 г. была арест. в Большом театре в Москве по указанию провокаторши З. Жученко, по подозрению в подготовке покуш. на ген. Рейнбота. Сидя в Моск. пересыльной тюрьме, Фрумкина 30 апреля 1907 г. стреляла в тюремной конторе в тюремщика Багряцова. 25 июня 1907 года пригов. к смертной казни и повешена в ночь с 10 на 11 июля в Бутырской тюрьме.

Харченко, Семен (нелег. Иванов Андрей)—родом из Украины. Судился в Красноярске в 1908 г. по делу Орестовой, Петрова-Селектора и др. за участие в нелег. типогр. Приговорен к 6 годам кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Алгачах, где во время тюремной истории подвергся избиению: поломано ребро и разбита голова. Умер весной 1912 г. в тюрьме от туберк. Принадлежал к п. с.-р.

Хмелев, Николай Адрианович—род. в начале 80-х годов. Инж.-электрот. Арест. карат. эксп. ген. Ренненкампфа 23 января 1906 г. в Чите, по делу почт.-тел. союза. Судился в марте того же года военно-полевым судом (дело Замошникова, Мейлупа, Костерева и др.). 13 марта приговорен к смертной казни, зам. бесср. кат. Заключ. отбывал в Акатуе, Зерентуе и Алгачах. Освоб. по «богодульской комиссии» в 1909 г. На посел. был в Якут. обл. Амнист. в 1917 г. Эс-ер. Умер после Окт. рев.

Хрущов, Николай Егорович, он же Троицкий—род. в 1858 г. в Тамб. губ., в семье мещ. Медник. Арест. в Киеве в 1879 г. Судился военным судом 12—26 июля 1880 г. (дело Юрковского, Попова и др.). Пригов. к 12 г. кат. В 1882 г. бежал вместе с Мышкиным; задержан во Владивостоке, за что присужден еще к 12 г. В 1889 г. подал прош. о помил. и выслан на посел. в Забайк. обл. Умер.

Целлер, Иоган Бернардович—род. в Таврической губ., Мелитоп. у. Сын крест. Кузнец. В рев. движ. участвовал с 1905 г. Судился 26—29 июля 1907 г. военно-морским судом в Севаст. за рев. пропаг. среди нижних чинов флота. Пригов. к смертной казни, замен. вечной кат. Заключ. отбывал в Акатуе и Алгачах, где и умер в 1913 г.

Цицианов, Александр Константинович—род. в 1850 г. в Тифлисе. Грузинский князь. Учился в Тифлисской гимн. и по оконч. ее в 1871 г. уехал в Цюрих. Вернувшись в Россию, поступил в Моск. унив. Примыкал к моск. кружку соц. Арест. в авг. 1875 г. При аресте оказал вооруж. сопрот. вместе с Верой Любатович. Судился в 1877 г. сенатом по «процессу пятидесяти» (дело Бардиной, Алексеева, Здановича и др.). Пригов. к 10 годам кат. Заключ. отбывал в Новобелгор. центр. и на Каре. На посел. вышел в 1883 г. в Киренск, где тяжело заболел психически и умер в 1885 г.

Цукерман, Лейзер Иосифович—род. в 1852 г. в Виленск. губ., в религиозной евр. семье. Учился в евр. дух. уч. Евр. писатель. Примкнул к «Народной Воле», где работал в качестве наборщика в тайной типогр. Арест. 17 янв. 1880 г. в Саперном переулке, где была типогр. При аресте оказал вооруж. сопрот. Судился 25 октября 1880 г. по «процессу 16-ти террор.» (дело Ширяева, Преснякова и Квятковского). Пригов. к 8 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. На поселение вышел в 1885 г. в Якут. обл., где в 1887 г. 18 июля покончил самоуб., бросившись в Амгу.

Черкасов барон, Алексей Иванович—декабрист. Пор. квартирм. части. Род. в 1799 г. в семье помещ. Воспитывался в Муравьевской школе колоннов. Член Сев. общества. Осужден по 7 разр. По конфирм. пригов. к 3 годам кат., сокращ. на 1 год. Заключ. отбывал в Петропавл. креп. и Нерч. рудн. На пос. вышел в 1828 г. в г. Березов, Тобол. губ. Позже зачислен рядовым на Кавказ. Дослужился до чина прапорщика. Умер в апреле 1855 г.

Чернышев граф, Захар Григорьевич—декабрист. Ротм. Кавалерг. полка. Род. в 1796 или 1797 г. Воспитывался дома, а затем в Муравьевской школе колоннов. Член Сев. общества. Осу-

жден по 7 разр. По конфир. пригов. к 3 годам кат., сокр. на 1 год. Заключ. отбывал в Петропавл. креп. и Нерч. рудн. На посел. вышел в 1828 г. в гор. Якутск. Позже определен рядовым в Нижегор. полк. Умер за границей в Риме, в мае 1862 г.

Чернышевский, Николай Гаврилович—род. 12 июля 1828 г. в Саратове; сын протоиерея. Учился в дух. сем., а затем окончил ист.-фил. фак. Моск. унив. в 1850 г. Учит. в Сарат. гимн. Позже перевелся учит. в Петерб. кад. корпус. С 1854 г. один из главн. сотруд. журнала «Современник». В начале 60-х годов — признанный вождь соц.-рев. интел., в среде которой пользовался громадным авторитетом. Арест. в июле 1862 г. Сидя в Петропавл. креп., написал роман «Что делать?». Пригов. к 7 годам кат. за составление рев. проклам. 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади над ним был совершен обряд «гражданской казни». Каторгу отбывал в Кадае, Александровском заводе, а затем сослан в Вилюйск, Якут. обл. По окончании ссылки в 1883 г. возвратился в Европ. Россию. Умер в ночь на 17 октября 1889 г. в Саратове.

Черствов, Иван — солдат. Член военной орган. п. с.-р. Судился в Омске военным судом. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. На каторге принадлежал к числу протест.; участвовал в тюремных прот. и голод. В 1913 г. в Кутомаре подвергся порке розгами, при чем во время экзек. тело его посыпали солью. После порки 2 раза покушался на самоуб.: первый раз вскрыл себе вены стеклом, второй раз пытался повес., но был вынут надзирателем из петли. Умер летом 1914 г. от туб. горла в Кутомаре.

Чикоидзе, Михаил Николаевич — род. в 1852 г. в Тифлис. губ., в груз. семье. Двор. Учился в Тифл. межевом уч., окончив которое, поступил в Михайл. артил. уч.; не кончил. Ездил за границу в Париж и Цюрих, где сблизился с русскими соц. Арест. в 1875 г. в Москве. Судился в 1877 г. по «процессу 50-ти» (дело Бардиной, Любатович, Цицианова и др.). Приговорен к ссылке на пос. В 1881 г. бежал из Киренска. Примкнул к партии «Народная Воля». Арест. в 1882 г. Судился Киренским окружным судом за побег. Пригов. к 3 годам кат. Был на Каре. На посел. вышел в Якут. обл. в 1885 г. В 1895 г. переехал в Курган, где и умер в 1897 г. 24 ноября.

Чистохин, Гавриил Иванович—род. в начале 80-х годов в Чите. Сын мещ. На военной службе участвовал в рев. движ. Арест. карат. эксп. ген. Ренненкампфа в начале 1906 г. Судился военно-полевым судом; 10 марта 1906 г. пригов. к смертной казни, замен. 15 г. кат. Заключ. отбывал в Акатуе, Алгачах и Кутомаре. Освоб. по амн. 1917 г. Умер в псих. лечебн. в Томске летом 1917 г.

Шаганов, Вячеслав Николаевич — род. 27 сент. 1839 г. в куп. семье, в Орловской губ. Окончил Моск. ун. В 1865 г. занимал должность суд. следов. Принадлежал к рев. кружку Каракозова. Арест. в 1866 г., суд. 24 сент. того же года по делу Д. Каракозова. Пригов. к 12 г. кат., сокращ. до 6 лет. Заключ. отбывал в Александр. зав. На посел. вышел в Якут. обл. в 1871 г. По окончании ссылки вернулся в Россию. Умер 28 августа 1902 г. во Владимире.

Шехтер (по мужу Доллер), Софья Наумовна—род. в 1856 г. в евр. семье, в Одессе. Училась в Одесской гимн., а позже на акуш. курсах в Петерб. Член партии «Народная Воля». Арест. в Киеве в 1880 г. Судилась военным судом в том же году по «процессу 21» (дело Попова, Юрковского, Игната Иванова и др.). Пригов. к 6 годам кат. Заключ. отбывала на Каре. На пос. вышла в 1884 г. в Якут. обл. В 1900-х годах вернулась в Европ. Россию. В 1903 г. выслана админ. из Одессы в Вологду по делу соц.-рев. Умерла в Петрогр. 2 января 1920 г.

Шимков, Иван Федорович—декабрист. Прап. Сарат. пех. полка. Род. в селе Михновке, Полт. губ. Член общества Соед. Славян. Осужден по 4 разр. По конфир. пригов. к кат. на 12 лет, сокращ. до 8 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На пос. был в Батуринской слободе, Верхнеуд. окр. Умер в 1836 г. там же.

Шинкман, Исай Аронович—род. 23 декабря 1872 г. в евр. семье. Врач. В рев. движ. с 1905 г., в партии эс-еров. Арест. в начале 1906 г. карат. экспед. Ренненкампфа в Верхнеудинске. Судился 26 февр. того же года военно-полевым судом (дело Мирского и Окунцова). Приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Закл. отбывал в Акатуе. На посел. вышел в 1911 г. по «богодульской комиссии». Ссылку отбывал в Якутске, откуда переехал в Нижнеудинск. После Февр. рев. был членом Харбинского совета рабоч. депут. Умер 17 марта 1924 г. от паралича сердца.

Шишко, Леонид Эммануилович — род. в 1852 г. в двор. семье. Артилл. офицер. Народник-пропаг. Принадлежал к кружку Чайковского. Арест. в 1874 г. за пропаг. в народе. Судился сенатом в 1878 г. по «проц. 193-х» (дело Мышкина, Ковалика, Рогачева и др.). Приговорен к 9 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. В 1879 г. выпущен в вольную команду, но в 1881 г. возвращен обратно в тюрьму. На посел. был в Забайк. обл., откуда в 1887 г. переехал в Томск. Из ссылки бежал в 1889 г. Видный член партии эс-еров. Умер в Париже в 1910.

Шнейдер, Иоганн — рабочий, осужд. в Екатериносл. за вооруж. восстание в Александровске 14 дек. 1905 г. на 4 года каторги, отбывал в Горном Зерентуе—в тюрьме и в вольной ком. Умер на поселении в с. Кабанском, Посольск. вол., Баргуз. у., Забайк. обл. после 1913 г.

Шмидт, Александр Владимирович — род. 12 марта 1883 г. в Тульской губ. В 1901 году оконч. Тульское реальное уч., затем поступил в Лесной ин. в Новой Александрии, из кот. исключен в 1905 г., как неблагон. В рев. движ. с 1903 г. Принадл. к партии эс-еров. В августе 1906 г. вступил в боевую орган. п. с.-р. Арест. в окт. Судился в 1907 г. по делу Ауэрбаха, Огороднего и других. Пригов. к 11 г. и 8 мес. кат. 10 апр. 1908 г. бежал из Александр. центр. вместе с Мошкиным и Ильинским. Арест. в тайге, подвергнут избиению и приговорен к смертной казни, замен. бессроч. кат. Умер 1 мая 1914 г. от чахотки в Алгач. тюрьме.

Шпиркан, Маркел Яковлевич—род. в 1857 г. в Могилеве, в двор. семье. Учился в Каменец-Подольской гимн., а затем в Киев. унив. Арест. в Каменец-Подольске в 1879 г. по делу народов. типогр. Судился в том же году Киевским военным судом (дело Крыжановского). Пригов. к 6 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. На посел. ушел в Якут. обл. в 1883 г. В 90-х годах вернулся в Россию, где умер, приблизительно, в 1918 г.

Штейнгель барон, Владимир Иванович—декабрист. Отст. подполк. Род. 13 апр. 1783 г. Учился в морском корпусе. Член Сев. общества. Осужден по 3 разр. По конфир. пригов. к кат. на 20 лет, сокращ. до 15 и 10. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в село Елань, Иркутской губ. Затем перевелся в Ишим и Тобольск. По амн. 1856 г. выехал в Россию. Умер в 1862 г. в Петербурге.

Штольтерфот, Вера Эдуардовна — род. приблиз. в 1883—4 г. г. в Москве. Ее отец, по происх. швед, занимался музыкой, мать—герм. подданная. 12-ти лет Штольтерфот уехала в Германию, где и получила образ. Возврат. в Россию, примкнула к рев. движ., вступив в боевую орган. п. с.-р. Арест. по указанию Азефа 8 февраля 1906 г. на конспир. квартире, где была динам. маст. Судилась Петерб. суд. пал. 11 сент. 1906 г. вместе с Другановым. Приговорена к 15 годам кат. Заключ. отбывала в Мальц. и Акатуе. Амнист. в 1917 г. После Окт. рев. член партии левых эс-еров, а затем рев. комм. В 1919 году уехала в Германию для участия в спарт. движ. По слухам, утонула в Рейне в том же году.

Штурман, Григорий—заключение отбывал в Нерч. кат. На посел. вышел в 1909 г. в Забайк. обл. Умер в Баргузине. Подробности неизвестны.

Шумилова, Александра Матвеевна—род. в 1888 г. в Оренбургской губ., в каз. семье. Окончила двухклас. школу. Рев. деят. занималась на Урале в группе «лесных братьев». К партии не принадлежала. Судилась по делу «лесных братьев». Приговорена к 15 годам кат. Заключ. отбывала в Мальц. тюрьме и Акатуе. Амнист. в 1917 г. Умерла после Февр. рев. в Ново-Николаевске.

Щедрин, Николай Павлович—род. в 1854 г. в Петропавл., Акмолинской обл. Двор. Уч. в Омской воен. гимн., а затем в Петерб. универс. — не кончил. Учитель. В 1876 г. примкнул к землевольцам. Ездил в Сарат. губ. для устройства местных рев. поселений. После раскола «Земли и Воли» в 1879 г. вступил в «Черный Передел». В конце 1880 г. основал вместе с Ковальской «Южно-русский рабочий союз» в Киеве. Арест. в 1880 г. Судился Киевским военным судом 26—29 мая 1881 г. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. По пути на Кару, в Иркут. тюрьме дал пощечину ад'ют. ген.-губ. Соловьеву за грубое обращ. с полит. заключ. женщинами. Судился военным судом. Пригов. к смертной казни, замен. прикован. к тачке без срока. 15 июля 1882 г. увезен в Алексеевский равелин, а в 1884 г. в Шлисс., где в 1895 г. сошел с ума. Переведен в 1896 г. в Казанскую психиатр. леч., где и умер в 1920 г.

Щепин-Ростовский князь, Дмитрий Александрович — декабрист. Штабс-капитан л.-гв. Моск. полка. Род. в 1798 г. Воспит. в морском корпусе. Член Сев. общества. Осужден по 1 разр. По конфир. пригов. к бесср. кат. Срок сокр. до 20, 15 и 13 лет. Заключ. отбывал в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1839 г. в село Тасеево, Канского окр. Позже переехал в Иркутск и Тобольск. По амн. 1856 г. выехал в Россию. Умер. в 1859 г. в Яросл. губ.

Юрасов, Дмитрий Алексеевич—род. в 1843 году в Пенз. губ., в двор. семье. Студ. Моск. ун. Принадлежал к рев. кружку Каракозова. Судился 24 сент. 1866 г. Пригов. к каторге без срока, сокр. до 10 лет. Заключ. отбывал в Александр. зав. На посел. был в Якут. обл. Вернулся в Россию в 1885 г. Умер.

Юрковский, Федор Николаевич («Сашка-инженер»)—род. в 1851 г. в семье морского офицера. Двор. Учился в Технолог. инст. и Мед. ак. В 1879 г. арестован, но освобожден. В том же году участв. в подкопе под Херс. казнач. Арест. в 1880 г. в Киеве. Судился в том же году военным судом по «проц. 21» (дело М. Попова, Игната Иванова и др.). Пригов. к 20 годам кат. Заключ. отбывал на Каре. За побег из тюрьмы в 1882 г. присужден еще к 10 годам кат. Весной 1884 г. переведен в Петропавл. креп., а затем в Шлисс., где и умер 31 авг. 1896 г.

Юшневский, Алексей Петрович — декабрист. Ген.-интенд. 2-й армии. Род. в 1786 г. Воспит. в Моск. унив. Член Союза Благоденствия и член Южного общества. Осужден по 1 разр., по конфирм. пригов. к вечной кат. Срок сокращен до 20, 15 и 13 лет. Был в Нерч. рудн. и в Шлисс. креп. На посел. вышел в 1839 г. в дер. Кузминскую, близ Иркутска. Позже переведен в Малую Разводную. Умер 10 янв. 1844 г. в Оеке.

Яковлев, Александр Александрович — род. 14 окт. 1885 г. в Краснослободске, Пенз. губ. Сын учителя. В 1903 г. окончил Курскую гимн. и поступил в Моск. унив. Член п. с.-р. В 1905 г. участвовал в дек. вооруж. восст. в Москве. В начале 1906 г. вступил в «Центральный боевой отряд» п. с.-р. 11 апреля 1907 г. покуш. неудачно на полк. Римана, явившись к нему на квартиру под видом князя Друцкого-Соколинского, где и был схвачен, не успев выстрелить. Суд. 7 мая 1907 г. военным судом вместе А. Гоцем, Павловым и др. Пригов. к 8 годам кат., которую отбывал в Зерентуе и Кутомаре. На посел. вышел в 1912 г. осенью в Забайк. обл. В тюрьме принадлежал к числу акт. протест., был политическим стар. в Зерент. тюрьме. Еще находясь в заключ. и позже в ссылке, стал проявлять себя, как талантливый литератор и поэт. Из ссылки бежал за границу во Францию. Во время империал. войны вступил добров. во франц. армию. Погиб 12 апр. 1916 г. в бою в Шампаньи. Оставил после себя неизд. записки «По этапам Нерч. кат.».

Якубович (Мельшин), Петр Филиппович — род. в 1860 г. в Валдайском у., Новгородской губ. Дворянин. Поэт-литерат. Окончил ист.-фил. фак. Принадлежал к партии «Народная Воля». Арест. 15 ноября 1884 г. в Петерб. Судился Петербург. военным су-

дом в 1887 г. (дело Лопатина, Саловой, Конашевича). Пригов. к 18 годам кат. Заключ. отбывал на Каре и в Акатуе. На посел. вышел в 1891 г. в гор. Курган. Позже вернулся в Петербург. Написал записки о каторге: «В мире отверженных». После кат. был близок к партии народных соц. Умер 17 марта 1911 г.

Якушкин, Иван Дмитриевич — декабрист. Отст. кап. Род. 28 дек. 1796 г. Посещал Моск. унив. Член Союза Благоденствия и член Сев. общества. Осужден по 1 разр. По конфир. пригов. к 20 г. кат. Срок сокр. до 15 и 10 лет. Был в Нерч. рудн. На посел. вышел в 1835 г. в Ялуторовск. По ман. 1856 г. переехал в Москву, где и умер в 1857 г.

Ясенко, Иван Степанович — род. в 1877 г. в гор. Могилеве, в семье крест. Слесарь. В рев. движ. участвовал с 1902 г. Первонач. в партии соц.-рев., а с 1905 г. в партии соц.-дем. Арест. за участие в вооруж. восст. в гор. Александровске. Судился 19 ноября 1906 г. военно-окружным судом в Екатерин. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Горном Зерентуе и Кутомаре. Освоб. по амн. 1917 г. Умер 16 авг. 1923 г. в Александровске.

Яцевич, Николай Васильевич — род. в 1861 г. в Полтав. губ. Сын свящ. Учился в Полт. гимн. и Харьк. ветерин. инст. В 1876 г. привлекался к дознанию по полит. делам. В 1878 г. участв. в вооруж. попытке освоб. Фомина-Медведева из Харьковской тюрьмы. Был арест. Судился 3—6 июня 1879 г. Харьк. военным судом (дело Ефремова). Приговорен к 15 г. каторги. За побег из Иркутской тюрьмы прибавлено еще 14 лет. Заключ. отбывал на Каре. На посел. вышел в 1891 г. в Забайк. обл. Позже вернулся в Европ. Россию, где и умер в 1910 г.

И. Жуковский-Жук.

Примечания

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Большинство настоящих примечаний составлено на основании архивных документов (обвинительных актов, судебных приговоров, статейных списков, анкет) и печатных материалов („Былое“, „Минувшие Годы“, „Голос Минувшего“, „Каторга и Ссылка“, Л. Дейч — „Шестнадцать лет в Сибири“, Осмоловский — „Карийцы“, М. Кротов — „Якутская ссылка“, „Большая Энциклопедия“ под редакцией Южакова, „Алфавит декабристов“ под редакцией Модзалевского и Сиверса и др.).

Часть примечаний написана со слов самих участников или их современников и проверялась автором на основании доступных ему печатных материалов и источников.

Примечания с № 68 по № 74 включительно составлены А. В. Прибылевым к статье С. Богданова „Смерть П. Г. Успенского“ и включены сюда для удобства читателя. Все примечания пронумерованы в тексте, в двойных скобках ( ).

В некоторых случаях автор был в затруднительном положении, так как источники указывали разные даты одного и того же события. В таких случаях автор старался придерживаться архивных данных.

Весьма ценные указания при составлении настоящей работы даны были автору товарищами: М. В. Брамсоном, Г. Богомоловым, Е. Н. Ковальской, Б. П. Козьминым, Ф. Я. Коном, В. В. Леоновичем, Н. М. Ростовым, С. Я. Штрайхом и др., которым автор приносит свою искренною признательность.

[1]) Акатуйская тюрьма наход. в 586 верстах от Читы, при Акат. рудн., открытом в 1815 г. при кряже, разделяющем реки Газимур, Унду и Онон-Борзю. При рудн. было построено в 1832 г. 2 камен. флигеля и один дерев. В них помещались ссыльные рабочие, присылавшиеся в Акатуй из Александр. и Газимурского зав. для рудн. работ. Акат. тюрьма считалась одной из самых строгих по режиму тюрем. В ней содержались секретные и цепные, т.-е. прикован. цепью к стене, арестанты. Например, в 30-х годах девятнадцатого столетия здесь находился полк. польских войск Петр Высоцкий, участн. польского восст., которого в 1839 г. пытался освободить ссыльный Хлопицкий. Первыми полит. обитателями Акатуя были польские повстанцы и декабристы Лунин и др. С годами тюрьма пришла в негодность, и в 1889 г. правительство построило новую дерев. тюрьму, рассчитан. на 104 чел., хотя в действительности в ней содержалось гораздо больше. Так, по докладу нач. гл. тюр. упр. Хрулева, в 1909 г. в Акатуе было 224 мужчины и 1 женщина. В 1907 г. была построена баня, прачечная, кухня и хлебопекарня, а тюремные бараки обнесены новой каменной оградой. Из деятелей 70—80-х годов

сюда были переведены из Кары 113 мужчин, в сентябре 1890 г.: Березнюк, М. Диковский, Дулемба, Дзвонкевич, Зунделевич, Пав. Иванов, Левченко. Маньковский, Нагорный. Санковский, Спандони, Чуйко, Якубович.— В 1897 г. в мае переведены с Кары остатки вольной команды: Ананьина, Ивановская. с мужем, Волошенко, Майер и Якимова с мужем Диковским, и несколько позже привезены Кочурихин, Архангельский — за покуш. на казан. губерн., и Лаговский — за покуш. на Победоносцева. Из революционеров эпохи 1905 г. здесь находились матросы, осужденные за восст. на „Пруте“ и освобожд. в конце 1905 г. революц. казаками. В 1906 г. сюда прибыли представители русского террора: Созонов, Сикорский, Гершуни, Карпович, Куликовский, Спиридонова, Измайлович, Биценко, Прошьян, Фиалка, Езерская, Сидорчук и др. Отсюда же было совершено и несколько блестящих побегов—Гершуни, Замошникова, Чистохина и др. С историей Акат. тюрьмы связано несколько кровавых эпизодов: покуш. Санковского на нач. тюрьмы Архангельского, покуш. анархиста Алешкера на тюремного надзир., вызвавшее смертный приговор покушавшемуся, замененный бесср. каторгой, и, наконец, знаменитый „бородулинский“ режим, державший полит. закл. долгое время под угрозой избиений, издеват. и расстрелов. В 1911 г. Акатуй был превращен в специальную женскую тюрьму, просуществовавшую до рев. 1917 г. Летом 1917 г. Акат. тюрьма была ликвид. и полуразрушена. В настоящее время все тюремные постройки Нерч. каторги переданы волисполкомам для культ.-просвет. нужд.

²) К о р ф—барон, приамурский ген.-губ. Слыл за либерала во время управления Приамур. краем. Устраивал в Хабаровске с‘езды „сведущих людей“ для выслушивания их мнений о местных нуждах. С именем Корфа связана тяжелая Карийская трагедия, начавшаяся с оскорбления и насильственного увоза с Кары полит. каторж. Е. Ковальской, протеста-голодовки М. Калюжной, Н. Смирницкой и М. Ковалевской и наказания 100 ударами розог полит. кат. Н. К. Сигиды в ноябре 1889 г. по распоряжению Корфа. Это событие, в свою очередь, вызвало самоуб. наказанной Сигиды и 5 полит. кат.: С. Бобохова, И. Калюжного, Смирницкой, Ковалевской и Калюжной. См. книгу Л. Дейча „16 лет в Сибири“, а также книгу „Карийская трагедия“, Госиздат 1920 г., и ст. А. Фомина под таким же заглавием в настоящем сборнике.

³) Т о л с т о й, Дмитрий Андреевич, граф., род. в 1823 г. Окончил Царскосельский лицей. В 1848 г. служил при министерстве внутр. дел; в 1853 году директор канцел. морского минист.; в 1861 г. управ. департ. народ. просв., а затем назначен сенатором; в 1865 г.—обер-прок. св. синода. с 1866 по 1880 г. министр народ. просв. В мае 1882 г. назначен министром внутренних дел и шефом жандармов. Умер в 1899 г.

⁴) Начальник Нерч. каторги.

⁵) М е т у с—нач. Нерч. кат.; прославился применением репрессий к полит. кат. в Акатуе и Алгачах. Убит по постановлению п. с.-р., 28 мая 1906 года, членом „боев. орган.“ А. Щукиной (наст. фам. Козловская), впоследствии осужд. на кат. по другому делу.

⁶) М а л ь ц е в с к а я т ю р ь м а расположена в семи верстах от Горного Зерентуя и в 12 верстах от уездного города Нерч. завода. Тюрьма деревян.; построена в 1898 г. с расчетом на 100 чел., но вмещала вдвое более. Здание одноэтажное с каменной оградой. Из полит. закл. здесь содержались вначале Айзенберг, Фрумкина и супруги Ройзман, осужд. по делу романовцев, а с 1907 по 1911 г.—Измайлович, Спиридонова, Биценко, Терентьева, Каплан, Шакерман, Горовиц, Биневская, Эрделевская, Фиалка и др В 1911 г. тюрьма превращена в „богодульскую“. Ликвидирована после 1917 г.

⁷) А л е к с а н д р о в с к а я т ю р ь м а (Александр. завод), построена в районе Нерч.-зав. горного округа почти одновременно с Акатуйской, в 1832 г. Расположена в Александр. заводе, в 548 в. от Читы. Тюрьма дерев. В ней содержались угол. кат., работавшие в Акатуйском и других ближайших серебр. рудниках. Здание тюрьмы рассчитано на 80—100 чел.; заключ. вмещалось свыше 200. В 1909 г. в Александр. зав. содерж. 401 мужч. и 9 женщ. Здесь

содержались декабристы, польские повстанцы, петрашевцы, Н. Г. Чернышевский и каракозовцы—Ишутин, Загибалов, Юрасов, Странден, Ермолов и Николаев. После рев. 1905 г. Александр. тюрьма была превращена в „богодульскую" (богадельня), а затем совершенно ликвидирована, как место заключения. При ней находилось лишь несколько угол. кат. внетюремн. разряда.

[8]) Измайлович, Александра Адольфовна, род. в 1878 г. в Петербурге, в семье воен. ген. В рев. движ. с 1902 г., как деятельница п. с.-р. и ее „боевой орган." Квартира, где проживала А. Измайлович вместе со своей сестрой Екатериной, была главным очагом эсеровской орган. в Минске. 14 января 1906 г. вместе с И. П. Пулиховым участвовала в покуш. на минского губ. Курлова и полицм. Норова. При аресте подверглась сильному избиению. 16 февраля 1906 г. по пригов. воен. суда присужд. к смертной казни через повешение. По конфирмации пригов. Пулихов был казнен, а Измайлович смертная казнь заменена бесср. кат. Заключ. отбывала в Акатуе и Мальцевской тюрьме. Освобождена в 1917 г. по февральской амн. После Октябрьской рев. принимала активное уч. в строительстве Советской власти. Одна из основательниц партии левых эс-еров-интернационалистов и член ее Ц. К. О ней см. ее статью „Из прошлого", „Каторга и Ссылка", № 7 1923 г. и № 1 (8) 1924 г.

[9]) Биценко, Анастасия Алексеевна, род. в 1875 г. в Бахмут. уезде, Екатериносл. губ., в крест. семье. Деятельница п. с.-р., член „летучего боевого отряда". 22 ноября 1905 г. убила по пригов. п. с.-р. ген. Сахарова в Саратове, за усмирение крест. волнений. 3 марта 1906 года пригов. воен.-окр. судом к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключение отбывала в Акатуйской и Мальцевской тюрьмах. Освобождена в 1917 году по амн. После Октябрьской рев. член Ц. К. левых эс-еров-интернац. Участвовала в мирных перегов. с Германией в Брест-Литовске. В середине 1918 года была одной из основат. партии рев. коммунистов, а затем вступила в Р. К. П. Член О-ва политкат.

[10]) Давидович, Нетта, член партиии соц.-рев. Судилась в 1906 г. в Одессе. За принадлежность к Одесской боевой дружине п. с.-р. пригов. к кат. Заключение отбывала в Акатуе.

[11]) Фиалка, Ревекка Моисеевна, род. в м. Тимковичи, Минской губ., портниха. Член боевой дружины п. с.-р. Судилась вместе с Гальпериным в Одессе в 1905 г. воен.-окр. судом за лаборат. бомб и хранение взрывч. веществ. Приговорена к 15 г. кат., сокращ. на 5 лет. Заключ. отбыв. в Акат. и Мальц. тюрьмах. На посел. вышла в конце 1909 г. в Баргузин, Забайк. обл. В настоящее время член О-ва политкат.; беспарт.

[12]) Спиридонова, Мария Александровна, род. в 1884 г. в Тамбове, в дворян. семье. Училась в гимназии, откуда была исключена за участие в сходке семинаристов. Одна из виднейших деятельниц п. с.-р. и член „летучего боевого отряда". 16 января 1906 г. убила по пригов. Тамбов. комитета п. с.-р. вице-губер. Луженовского, известного усмирителя крест. волнений. При аресте подверг. избиению и издеват. со стороны полицейского пристава Жданова и казачьего эсаула Аврамова, вызвавших взрыв широкого возмущения и протеста в России и за границей. 11 марта 1906 г. пригов. воен. суд. к смертной казни через повешение, которая под влиянием широкой агитации была заменена бесср. кат. Заключ. отбывала в Акатуйской и Мальцевской тюрьмах. Освоб. в 1917 г. по амн. Одна из главных основат. партии левых эс-еров-интернац. и член Ц. К. После Октябрьского переворота принимала акт. участие в советском строительстве, была членом Ц. И. К. и участницей С'ездов Советов. В 1918 году была одной из вдохновительниц убийства германского посла Мирбаха.

[13]) Школьник, Мария Мордуховна, род. в 1885 г. в г. Сморгони, Виленской губ. В рев. движ. с 1900 г. Первый раз была арест. в 1903 г. в Одессе по делу нелег. соц.-дем. типографии „Искра", в которой она не принимала участия, принадлежа к п. с.-р. Приговорена к ссылке на посел. в Сибирь, откуда бежала. 1 января 1906 г. покуш. вместе с Шпайзманом по пригов. боев. орган. п. с.-р. на черниг. губ. Хвостова, ранив его взрывом бомбы.

Пригов. воен. суд. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывала в Акат. и Мальц. тюрьмах. Летом 1911 г. удачно бежала из Иркут. тюр. больницы, где находилась на излечении. Эмигрировала за границу в Америку. В настоящее время член О-ва политкат.

[14]) Зерентуйская тюрьма (Горный Зерентуй) расположена в Нерчинском горно-завод. округе на кабинетской земле, при руднике Зерент., открытом одновременно с Благодатским в 1825 г. Тюрьма находится при селении Горный Зерентуй, в 624 в. от Читы. В числе первых полит. кат. здесь были декабристы: Соловьев, Модзалевский и Сухинов, поднявшие в 1828 г. вооруж. восст., окончившееся казнью восставших. Позже сюда были присланы польские повстанцы. Первоначально здесь были небольшие дерев. бараки, где помещались ссыльные, работавшие в рудниках. С годами тюрьма разрушалась и пустела, по мере того, как прикрывались рудничные работы. В 1883 г. серебро-свинцовые работы возобновились, в 1885 г. началась постройка новой камен. двухэтажной тюрьмы, законченная в 1889 г. Тюрьма рассчитана на 340 чел., в действительности же здесь содержалось до 800 чел. Из деятелей 70—80-х годов здесь одно время находились Е. Н. Ковальская, В. Маньковский, Дзвонкевич, Нагорный, М. Гоц, Эстрович, Брагинский, Л. Фрейфельд, Фомичев. Позже Кочурихин, Фрумкина, Вайценфельд и др. После рев. 1905 г. число полит. доходило в Зерентуе до 500 чел., составлявших один общий коллектив, живший на коммунальных началах. Из выдающихся рев. деятелей здесь были Созонов, В. Серов, Сидорчук, Пирогов, А. Попов (Бритман) и др. При тюрьме находилась вольная команда для полит., которыми была устроена школа для обучения детей местного населения. До 1910 г. режим в тюрьме был хороший, и Зерент. тюрьма считалась одной из „отбитых". В ноябре 1910 г., с приездом нового нач. Высоцкого, в тюрьме был введен строгий режим, против которого полит. закл. была начата борьба, окончившаяся смертью Созонова. При преемнике Высоцкого—Ковалеве режим в тюрьме почти не изменился, голодовки и протесты были обычным явлением, например, голодовка Ильинского и Макарова, продолж. до 30 дней. В 1917 году тюрьма была закрыта.

[15]) Алгачинская тюрьма, как место заключ., сущ. с давних времен. Еще при Петре Великом сюда посылались ссыльные для работы в череб.-свинц. руд. Тюрьма расположена в конце села Алгачей, в районе Нерч. завод. горного округа, в 583 верстах от Читы и в 7 вер. от сереб. рудника Покровского. Первые полит. заключ. здесь были польские повстанцы 1830-1863 г. г., затем в конце 60-х годов сюда был переведен из Александр. зав. каракозовец Ишутин. С годами деревянные постройки бараков приходили в негодность и разрушались. Распоряжением главного тюремного управления постройка новой тюрьмы начата в 1885 г. и окончена в 1890 г. Тюрьма деревянная, состоит из трех бараков для арестантов, тюремного лазарета, церкви и небольшого одиночного корпуса. Она рассчитана на 300 чел. По отчету главного тюремного управления в ней в 1909 г., содержалось 754 мужч. и 8 женщ. После эпохи 1905 г. из видных револ. здесь были: Созонов, Ильинский, Тахчогло, Макаров, Окунев и др. В 1907 г., в бытность начальн. тюрьмы известного Бородулина, в Алгач. тюрьме был установлен суровый режим, и применялись избиения над полит. заключ. Результатом этого было убийство Бородулина. При нач. тюрьмы Ефтине, пытавшемся поддерживать бородулинский режим, полит. закл. за неподчин. режиму содержались в холодных карцерах по месяцу и более. Преем. Ефтина Адамович не уступал ему в жестокостях. При нем было много голодовок и протестов, во время одного из которых покончил самоуб. полит. кат. Калюжный, 22 февраля 1911 г. В 1912 г. Алгач. полит. тюрьма пережила ряд тяжелых репрессий, вызванных приезд. губ. Кияшко, когда был наказан розгами полит. Бродский, сошедший с ума, и начались массовые попытки покушений на самоуб.: Рыжкова, Итунина, Флорова, Гречко. После рев. 1917 г. тюрьма ликвид.

[16]) Шматченко (по-тюремному „Шмак") до прибытия на Нерчин. кат. был нач. Барнаульской тюрьмы, где ввел строгий режим. Будучи нач. Акат. тюрьмы, вел с полит. постоянную борьбу.

[17]) Забелло, Николай Львович—полковник. В 1905 г., по слухам, участвовал в усмирении восст. в Бобруйском дисципл. батальоне. С 1908 г. по 1913 г. был нач. Нерч. кат. С полит. закл. старался ладить, опасаясь мести. В период империал. войны был в действующей, затем в Красной армии. Умер.

[18]) Окунцов, Иван Кузьмич, забайкальский казак. Директор Верхнеудинского реального училища. Арестован в начале 1906 г. карат. экспед. ген. Ренненкампфа. Военно-полевым судом в марте 1906 г. приговорен к смертной казни вместе с Мирским и Шинкманом. Казнь по конфирмации заменена бессрочной каторгой. Из Акатуя бежал летом 1906 г. Эмигрировал в Америку, где основал русскую „либеральную" газету бульварного оттенка, которую большинство русских эмигрантов бойкотировало. От революции Окунцов совершенно отошел и превратился в хулителя всех социалистов.

[19]) Замошников, Алексей Дмитриевич, род. 1866 г. в г. Чите, в семье купца; электротехник-телеграфист; арест. в Чите в марте 1906 г. Временным военным суд. генер. Ренненкампфа за организацию почтово-телеграфного союза и стачечного комитета приговорен к смертной казни, замен. бессроч. катор. Заключ. отбывал в Акатуе, откуда бежал 4 августа 1907 г. в Японию. Вернулся из эмиграции после Фев. рев. Беспарт., член О-ва политкат.

[20]) Чистохин, Всеволод, уроженец г. Читы, Забайкальской области. На военной службе занимался революц. деят. В 1905 году участв. в освобож. из Акатуя матросов, осужд. за восстание на „Пруте". Арест. в начале 1907 г. карат. эксп. Ренненкампфа. Военно-полевым судом в Чите 10 марта 1906 г. приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Из Акатуя бежал летом 1906 г в Австралию.

[21]) Кияшко—генерал-лейтенант, кубанский казак. С 1912 по 1917 год был забайк. губ. При нем произошло уравнение политич. с угол. осенью 1912 года, когда в Кутомарской и Алгачинской тюрьмах произошел ряд самоубийств среди полит. заключ. При врем. правительстве Кияшко несколько раз подвергался аресту по постановлению Ташкентского совета раб. деп., но был освобожден. Незадолго до Октябрьского переворота был назначен команд. войсками Туркест. воен. окр. Убит в Туркестане в сентябре—октябре 1917 года во время беспорядков.

[22]) Балябин—надзиратель Зерент. тюрьмы, хорошо относившийся к политическим. Оба его сына учились в школе вольнокомандцев В. Плескова и Р. Малецкого. Оба Балябины были соц.-дем. (большевики). В 1918 г. участвовали в борьбе против белогвард. В Амурской области были замучены по приказу атамана Семенова в Макавеевском застенке.

[23]) Черевков, Тихон Павлович—старший надзиратель Зерент. тюрьмы. С полит. заключ. был в наилучших отношениях. Ранее служил фельдфебелем в конвойной команде.

[24]) Петров, Федор Сергеевич—военный фельдшер. Соц.-дем. (большевик). Судился по делу Кронштад. вооруж. восстания. Приговорен к 6 годам кат. Заключ. отбывал в Акатуе, Зерентуе и Кутомаре. При начальнике тюрьмы Высоцком подвергся порке розгами за то, что ударил наручниками тюремщика, сопровождавшего его в карцер. После наказания пытался сжечь себя, но был спасен. На поселении был в Забайк. обл. В настоящее время кооператор. Член ВКП.

[25]) Кутомарская тюрьма построена в 1889 году, в конце деревни Кутомары, в сырой нездоровой местности. Она расположена в 642 верстах от Читы, вблизи серебро-свинцового рудника, открытого в 1764 г. Тюрьма состояла из нескольких небольших одноэтажных деревянных бараков, где содержались арестанты, работавшие на большом серебро-плавильном заводе, находящемся вблизи тюрьмы. Теперь завод заброшен и полуразрушен. Тюрьма была рассчитана на 100 человек. В прежнее время полит. заключ. сюда не ссылали. Начиная с 1907-8 года сюда было заключено несколько чел., судившихся за военное вооруженное восстание. В 1906-7 г. г. тюрьма была расширена. Старое здание снесено и построено 3 новых дерев. барака на 110, 130 и 170 человек. При нач. тюрьмы Ковалеве Кутомара прославилась своим жестоким режимом и избиениями (1909-10 г. г.) как уголовных так и полит., из которых некоторые, например Плаце, покончили самоуб. Пер-

вая большая партия полит. прибыла в Кутомарскую тюрьму из Горного Зерентуя в конце 1910 г. после самоуб. Созонова. В 1912 г., при нач. тюрьмы Головкине, здесь разыгралась кровавая драма на почве борьбы полит. закл. с тюремщиками, когда Брильона подвергли порке розгами, что вызвало ряд самоуб. полит. закл. (Маслов, Лейбазон, Рычков, Пухальский, Кириллов, Васильев). После революции 1917 года тюрьма ликвидирована.

[26]) Высотский—до прибытия на Нерч. кат. был нач. в Николаевских арестант. ротах Пермской губ., где держал заключенных в ужасных условиях. В конце 1910 г. был назначен в Горный Зерентуй в качестве усмирителя. При нем покончил самоуб. Е. Созонов, в связи с применением Высотским розог к политич. В 1911 году был переведен нач. тюрьмы во Владивосток. Арест. в 1917 г. во Владивостоке, но был освобожден. Затем арест. вторично и, по слухам, убит в арест. вагоне уголовными в 1918 году, когда отправлялся этапом в Петроград.

[27]) Гарин, Владимир—пом. нач. Зерентуйской, Алгачинской и Казаковской тюрем. Сын нач. Алгачин. и Акат. тюрем. Злой и недалекий человек. Полит. заключ. притеснял во всем.

[28]) Сломянский, Моисей Файвелевич— род. в 1885 г. в г. Гродно, в еврейской семье; токарь-металлист. В револ. движении с 1905 г. в п. с.-р., а затем с 1905 максим. Много раз подвергался аресту и администр. высылке. На военной службе занимался револ. деят. среди солдат. Арест. в 1907 году в Никольск-Уссурийске. Военным судом по делу военной организации приговорен к бессрочной каторге. В Зерентуе подвергся порке при Высотском за неподчинение режиму. После переведен в Алагчи. Освобожден по амнистии 1917 г. Член О-ва политкат., беспарт.

[29]) Кунени (наст. фам. Коренев), Кирилл Александрович—род. 26 дек. 1885 г. в г. Ряжске, Рязанской губ. Дворянин, журналист. В рев. движении с 1904 г. в п.с-р. В 1905 г. был членом Иркут. стач. комитета. Арестован карат. экспед. Ренненкампфа, но бежал из вагона. Вторично арест. в апреле 1906 г. в Иркутске и вновь бежал с гауптвахты. Третий раз арест. в 1907. Иркутским военным судом в 1908 г. присужден на 5 лет. кат. В Зерентуе покушался на самоубийство в 1910 году, в связи со смертью Созонова. Затем переведен в Кутомару. Срок каторги окончил в 1913 г. Был на поселении в Якутской области, откуда бежал в 1914 г. После Октябрьской революции член партии левых с.-р., в 1922 году выбыл из состава партии.

[30]) Одинцов, Николай—рабочий, соц.-дем. В 1908 г. по делу Хабаровской военной орган. приговорен к бессроч. катор. Заключ. отбывал в Горн. Зер. и в Кутомаре. В Зер. при Высотском покушался на самоуб., вскрыл себе вену на руке. Остался жив с парализованной навсегда рукой. Освобожден по амн. 1917 г. Член В. К П.

[31]) Чемоданов, Геннадий Николаевич—штабс-капитан, нач. конвойной команды в Кутомаре, а затем врем. нач. Зерентуйской кат. тюрьмы в 1909—10 году. При нем полит. закл. жили в свободных условиях: получали посылки, даже нелегальную литературу, ходили без оков и т. д. В 1914 г. был в действующей армии. Недавно написал свои воспоминания о Нерчинской каторге, изд. О-вом политкат.

[32]) Сементовский—инсп. главного тюр. упр. Часто посещал Нерч. кат. Арест. в 1923 году в Тифлисе. Осужден Верх. судом к 10 годам заключения, как вдохновитель тюремных репрессий к полит. закл.

[33]) Ковалев, А. А.—нач. Иркутской, Александровской, Кутомарской и Зерентуйской тюрем. Бывший офицер, исключенный из полка за растрату. На поприще тюремной деят. обнаружилась его деспотическая натура. При нем широко практиковались избиения уголовных и политиков, осужд. по уголовным статьям. В войну 1914 г. К. был мобилизован. После октябрьского переворота служил в одном из советских учреждений в Москве. В 1923 году арест. и осужден на 5 лет тюрьмы условно, по приговору Верховного суда.

[34]) Андреев, Дмитрий—рабочий, соц.-дем. В Томске в 1907 г. за рев. экспр. почтового поезда на ст. Тайга пригов. к смертной казни, замен. бессрочной кат. Срок закл. отбывал в Кутомаре, Алгачах и Горном Зерентуе.

в тюрьме не подчинялся режиму, за что много раз подвергался карцеру, а затем перев. в Алекс. централ. Освобожден по амн. 1917 г. Член ВКП.

[35]) Итунин, Исаак—родился в 1884 г. в мест. Шумяч, Климовического у., Могилевской губ. Принадлежал к соц.-дем. В октябре 1907 г. в Никольск-Уссурийске по делу военно-револ. орг. приг. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключение отбывал в Акатуе, Алгачах, Кутомаре и Зерентуе, откуда, как неподчиняющийся тюр. реж., был перев. в Алекс. централ. Амнистир. в 1917 г. Член ВКП.

[36]) Тахчогло, Дмитрий Дмитриевич—род. в 1887 г. в Херсоне, в дворянской семье. Окончил физ.-мат. фак. Петерб. унив. В рев. движении с 1896 г. в РСДРП. Арест. 1 мая 1905 г.; при аресте оказал вооруж. сопрот., ранив пристава. 4 сент. 1905 г. военно-окр. судом в Екатеринославе пригов. к смертной казни, замен. кат. на 15 лет. Выслан в Тобол. цент. В тюрьме принадлежал к числу непокорных. В 1908 году покушался на самоуб., вскрыл себе вены. Как неподчин. реж., перев. на Нерч. кат. в 1910 г., откуда высл. в Алекс. центр. Срок закл. окончил в 1914 году. В настоящее время беспарт.; член О-ва политкат.

[37]) Козин—подпор.; офиц. Кутом. конвойной команды. Воспитывался в Иркутском юнкерском уч., не окончив которого уехал в 1904 г. добровольцем в Порт-Артур. Вынес всю осаду и плен, был ранен и награжден 4 георг. крестами. Служа затем в конв. ком., участвовал вместе с Ковалевым в избиениях заключ.

[38]) Рейзнер, Виктор Карлович—род. 11 ноября 1887 года в г. Колпино, Петерб. губ., в семье рабочего. Член п.с-р. Арест. 7 окт. 1905 г. за убийство агента Петерб. охран. отд. Попова. В марте 1906 г. суд. пал. вместе с В. Яковлевым, Кайске и др. пригов. к 6 годам и 8 мес. кат. Закл. отбывал во Владим., Алекс. центр. и на Амурской колесухе, откуда бежал 13 февраля 1910 г. Жил нелегально в Харбине под фамилией И. Белокопытова. Был одним из главных инициаторов и организаторов „Об'единенной группы эс-еров и эс-деков", просуществовавшей около 10 мес. и выпустившей один номер нелег. журн. „Светоч". Арест. 8 окт. 1910 г. по указ. провокатора. В 1912 году пограничным окруж. судом за побег с каторги пригов. к 4 годам кат. и отправлен в Г. Зерентуй, где в 1912 году подвергся порке за неподчинение режиму; покушался на самоуб., был спасен. Амнист. в 1917 году. Беспарт., член О-ва политкат.

[39]) Головкин, Александр Иосифович—крест. Орловской губ. Служил писарем в Нежинском гусарском полку, затем сыщиком в охранке, откуда за „усердие" был назначен пом. нач. Орловской кат. тюрьмы. Был нач. арестант. команды на постройке Амурской ж. д., откуда переведен в Кутомару в качестве усмирителя тюрьмы, где широко применял к полит. избиения и порку. В начале 1914 г. взят в действующую армию. Арест. в 1925 г. в Иркутске. В июне 1926 г. расстрелян, как бывший тюремщик-палач, по приговору Моск. губ. суда. Процесс этот привлек к себе усиленное внимание московских рабочих, переполнявших зал суда.

[40]) Фон-Куббе—немец. Был тюр. инсп. в Орловском централе, где с его ведома производились систематические избиения заключ. В дальнейшем был назначен инсп. Нерч. кат.

[41]) Евтин—нач. Нерч. кат.; ранее был нач. Алгачинской, а затем Казаковской тюрем. Отличался жестокостью: массовые порки заключенных производились в присутствии его и его жены. В начале рев. 1917 г. был арест. по постановлению Совета солд. деп., но освобожден. В 1919 году был в числе приближенных барона Унгерна, в качестве интенданта белогвард. отрядов. В том же г. расстрелял собственноручно 9 быв. полит. кат. на прииске „Лопатиха". После ликвидации атамановщины скрылся в Харбине.

[42]) Иванов, Степан Иванович—род. в 1890 году в Николаевске на Амуре, в семье почт.-телегр. служ. Учился в реальном. училище в Хабаровске. Здесь и арест. 17 дек. 1907 г. по делу п.с.-р. 1 авг. 1908 г. Приамурским воен.-окр. судом приг. к бессрочной кат., замененной на 15 лет. В ноябре 1909 г. бежал из вагона по пути на кат., но пойман и присужден еще к 5 годам. Заключ. отбывал в Акатуе, Г. Зерентуе и Кутомаре. Освобожден по амн.

1917 г. В 1923 г. участвовал в Иркутском с'езде по ликвидац. ПС-Р. Член О-ва политкат.

[43]) Судаков—амурский казак. Служил пом. нач. Чит. тюрьмы, а затем переведен в 1912 г. в Кутом. тюрьму на ту же должность. Отличался жестокостью: собственноручно порол и избивал арест. В период войны 1914 г. мобилизован.

[44]) Каблуков—старший пом. нач. Зерент., а затем Кутом. тюрем. Чел. спокойного и выдержанного характера. Избиения в тюрьмах не допускал; к полит. относился хорошо.

[45]) Апрелков—старший надз. Кутом. кат. тюрьмы; забайк. казак, наружностью своей напоминавший скопца. Необыкновенно жестокий и тупой, он был одним из главных сподвижников нач. тюрьмы Головкина, собственноручно избивая заключ. В 1922 г. он занимал пост секретаря профес. союза горнор. на прииске „Козлиха", откуда его через некоторое время выгнали, установив его прошлое.

[46]) Казенас, Осип Фабианович—уроженец Литвы. Служил тюремным фельдшером на Нерч. кат. В бытность свою в Кутом. отличался необыч. черствостью и формализмом. При освидетельствовании арестант., предназнач. для порки, не считался ни с какой болезнью и освобождал от наказания лиц, только еле-еле дышащих. Сам присутствовал при экзекуциях, нажил большое состояние на арест. лекарстве, которым спекулировал.

[47]) Мошкин, Павел Николаевич—б. член п.с.-р, урож. г. Алатыря, Симб. губ. Судился за убийство жел.-дор. жандарма в Алатыре. Приговорен к смертной казни, замен. каторгой без срока. 10 апреля 1908 г. бежал из Алексан. централа. Арест. в тайге. Вновь пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отб. в Зерентуе и Кутомаре, откуда в 1913 г. перев. в один из российских центр. Амнист. в 1917 г. Член ВКП. О нем см. кн. Брильона „На каторге".

[48]) Хрулев—внебрачный сын севастоп. ген. Студент Петербург. унив. Имел некоторое отношение к студенч. движ., от которого отшатнулся после взрыва Зимнего дворца, произвед. С. Халтуриным, и стал ярым приверженцем самодерж. Прославился, как прокурор Харьк. суд. пал. С 1908 г.—нач. гл. тюр. упр. При посещении тюрем обращался к полит. на „вы" или же в третьем лице. Довольно терпеливо выслушивал жалобы и просьбы заключ., обещая удовлетворить, но никогда ничего не исполнял.

[49]) Гарин—нач. Алгач., а затем Акат. тюрем, до этого был пом. нач. в Александр. центр. Чел. недалекого ума и слабого характера, благодаря чему надзиратели имели возможность обращаться с заключ., как хотели, наказывая их по своему желанию. При нем полит. голодали несколько раз в Алгачах и часто попадали в карцер.

[50]) Малиновский, Георгий—политкат. Урож. Иркут. губ., рабочий-металлист. По делу соц.-рев. пригов. к кат. Заключ. отбывал в Алгачах и Зерент., откуда перев. в Александр. централ, как протестант. По окончании срока кат., находился на посел. в Якутске, где во время рев. был комиссаром вр. правительства.

[51]) Бергман, Иоган Христофорович—род. в 1881 г. в Курлянд. губ. Латыш, почт.-тел. служ. В рев. движении с 1904 г. Примыкал к п. с.-р. Арест. в январе 1906 г. карат. эксп. Ренненкампфа. Военно-полевым судом 13 марта 1906 г. по делу Чит. почт.-тел. союза приг. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключ. отбывал в Акатуе, Алгачах, Горном Зерентуе, откуда, как протестант, был отправлен в Александр. централ. Амнист. в 1917 г. В период колчак. участвовал в партиз. войне. Член В. К. П.

[52]) Ладейщиков, Иван. За военное восст. пригов. к бесср. кат. Примыкал к п. с.-р. На кат. был одним из актив. протест. Участв. во многих голод., из которых одна длилась 30 дней. В 1913 г. выслан из Алгачей на „усмирение" в Яросл. централ. Амнист. в 1917 г.

[53]) Сутурин—урож. Забайк.; пом. нач. Алгач. тюрьмы. Чел. недалекого ума, отличался грубостью и постоянными бессмысленными придирками к заключ. В 1912 г., во время пребыв. в Алгачах губ. Кияшко, Сутурин по

своему усмотрению подверг порке розгами полит. Б. Бродского, который после экзекуции покуш. на самоуб.

54) Адамович—нач. Алгач. тюрьмы, специально присланный для усмирения полит. в 1913 году. Собственноручно порол заключ., когда не было палача, а надзир. отказывались.

55) Бродский, Борис Ильич—урож. г. Ростова н/Дону, еврей, торгов. служ. Принадлежал к партии соц.-рев. На военной службе занимался револ. деят. среди солдат. В 1908 г. Омским военно-окр. суд. за принадл. к военной орган. пригов. к 8 годам кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Алгачах. В 1912 г. подвергся истязанию розгами за неподчинение тюрем. режиму, во время проезда губ. Кияшко. Как неподчин., был перев. в Александр. централ, где и окончил срок кат.

56) Гречко, Иван Антонович — урож. Обл. Войска Донского, жел.-дор. машинист. В Чите в 1907 г. за вооруж. экспр. и сопрот. при аресте пригов. к бесср. кат. В тюрьме принадл. к числу неподчин. тюремн. реж. Положение его было особенно тяжелое, т.-к. он был осужд. по уголов. статьям. Участв. во многих голод. Освоб. по амн. 1917 г.

57) Тимошенко, Емельян Никифорович—род. в 1884 г. в Волын. губ., в с. Мижилески. Учился в приход. школе. На военной службе заним. распр. литер. среди солдат, за что арест. в 1907 г. и пригов. к двум годам крепости, но, как солдат, перев. в дисципл. бат. Здесь Тимошенко вновь принялся за печат. на гектографе прокламаций. В 1909 г. пригов. на 9 лет кат. Заключ. отбывал в Алгачах. Срок окончил в 1914 г.; посел. отбывал в Баргуз. у. Освоб. по амн. 1917 г.

58) Огороднов, Филипп—в Твери по делу орган. п. с.-р. приговорен к 15 годам кат. В апреле 1908 г. бежал из Александр. центр., но был арест. в тайге. Военным судом в Иркутске пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Алгачах. Амнист. в 1917 г. Беспарт.

59) Фролов, Григорий Никитич—род. в 1886 г. в с. Сухареве, Уфимской губ., сын крестьянина; столяр. В рев. дв. с 1905 г. Первоначально в РС-ДРП, а затем в боев. орган. п. с.-р. 21 июля 1906 г. убил бомбой Самарского губ. Блока. 12 февраля 1907 г. воен.-окр. суд. приг. к смертной казни, замен. кат. на 20 лет. Заключ. отбывал в Акатуе, Алгачах и Зерентуе, в тюрьме был ближайшим другом Е. Созонова. Участв. во многих протестах и голод., несколько раз покуш. на самоуб. Амнист. в 1917 г. Член Об. политкат., беспарт.

60) Седлецкий, Александр Карлович—род. 22 мая 1885 г. в Сокольском у., Гродн. губ., в крест. семье. Принадл. к п. с.-р. В 1907 г. военным суд. в Никольск-Уссурийске, за принадл. к воен.-рев. орган., пригов. к бессрочн. кат. Заключ. отбывал в Гор. Зерентуе и Алгачах. Освоб. по амнистии 1917 г. Беспартийный.

61) Шатский, Иван—крест. Рязан. г., бондарь, работ. на астрах. рыбных промыслах. На кат. осужден по соц.-дем. делу. Заключ. отбывал в Алгачах. Срок окончил в 1913 г. и сослан на посел. в Верхнеудинск. После Февральской рев. работ. в кооп. По слухам, покончил самоуб. осенью 1922 г. в Верхнеудинске.

62) Бух, Николай—родился в 1853 г. в Уфе, в семье дворянина. Учился в медицинской академии. Член партии „Народная Воля“. Арестован в 1880 г. в Петербурге, в Саперном переулке, при вооруженном сопротивлении в типографии „Народной Воли“. Судился военно-окружным судом в 1880 г. по „процессу 16 народовольцев“. Приговорен к 15 годам каторги. Заключение отбывал на Каре. В 1890 г. подал прошение о помиловании. Живет в Харькове.

63) Якимова-Диковская (Кобозева, она же „Баска“), Анна Васильевна—род. в 1856 г. в Вятской губ., в семье свящ. Воспитывалась в епархиальном уч. Сельская учит. Народница-пропаганд. Арест. в мае 1875 г. Суд. с окт. 1877 по 1878 г. по „процессу 193-х“; судом оправдана, выслана адм. в Вятскую губ., откуда в феврале 79 г. бежала. После раскола „Земли и Воли“ примкнула к народовольцам. Участвовала под именем Кобозевой в подкопе на Малой Садовой, где была заложена мина для взрыва при проезде

Александра II. Арест. в Киеве в апреле 1881 г. В 1882 г. по „проц. 20-ти“ пригов. к смертн. казни, замен. бесср. кат. Закл. отбывала в Петропавлов. крепости, на Каре и в Акатуе. По манифесту 1894 г. бесср. кат. заменена 20 г. На посел. вышла в августе 1899 г. в Забайк. обл., откуда бежала в декабре 1904 г. Примкнула к п. с.-р. Арест. 23 августа 1905 г. в поезде на ст. Орехово-Зуево. 7 окт. 1906 г. осуждена на 8 м. без зачета предвар. заключения и возвращена в ссылку. Член О-ва политкат.

[64]) Властопуло, Николай—род. в 1858 году, в семье дворянина. Учился в Одесском юнк. учил. Одно время был наборщиком, затем поступил на военную службу и был произведен в офицеры. Арест. в 1879 г. в Кишиневе. Военным судом по делу Геллиса в 1880 г. пригов. к 15 годам, а за побег с дороги—к бесср. кат. В 1888 г. подал прош. о помил. и вышел на посел. Служил у винно-заводчика Пьянкова (бывшего чернопередельца), и нажил большое состояние в г. Николаевске-на-Амуре. В 1907 г. вернулся в Россию.

[65]) Сарандович-Подбельская, Екатерина Петровна—родилась в 1858 г. в дворянской семье. Училась в Одесской гимназии. Арестована в феврале 1879 г. в Киеве, в доме Коссаровской, где при аресте оказано было вооруженное сопротивление. Судилась военным судом по делу М. Ковалевской, Дебогория-Мокриевича, Свириденко, Армфельд и др. Приговорена к 4 годам каторги. Заключение отбывала на Каре. На поселение вышла в 1882 г. в Забайкалье, откуда переехала в Якутскую область.

[66]) „Кара“ и „Кукиш“—рукописные тюремные журналы, издававшиеся полит. закл. на Каре. Наибольшей известностью пользовался журнал „Кара“, просуществ. около $1^1/_2$ лет (1881—1882 г.г.). Его ред. были Н. Яцевич, Игнат Иванов, М. Позен. Главное место в журнале уделялось теории и практике револ. движ., напр., статья Юрковского: „Как я упразднил Херсонское казначейство“, в которой автор выдвигает казенные экспр., как один из рев. методов борьбы с самодержавием. Другой автор, Мышкин, в статье о рев. работе высказывается за усиление пропаг. в различных слоях общества. Г. Зданович посвящает свою статью револ. работе в Грузии. В этом же журнале помещались беллетр. произв. Н. Позена „Наследство нигилиста“, В. Костюрина „Гнездо террористов“ и др., а также воспоминания о револ. деятел. Попко, Кашинцева и др. В числе постоянных сотрудн. этих журналов встречаются популярные имена революционеров: Мышкина, М. Попова, Е. Минакова, Р. Стеблина-Каменского, Ф. Богдановича и др. Когда в связи с репрессиями на Каре администрация стала отбирать книги, тетради и бумагу, — журнал был тщательно запрятан, а затем был передан в вольную команду Вере Павловне Рогачевой (Карповой) для отправки на волю. Она долго хранила эти документы, но во время одного из обысков принуждена была их сжечь. См. подробн. в ст. Зильберштейна в сборн. № 2 „Кандальный звон“, издан. Одесск. отдел. Общ. политкат. 1925 г.

[67]) О каком Калюжном говорится в донесении, неизвестно, так как на Каре было трое Калюжных: Александр Мефодиевич, Иван Васильевич и Александр Андреевич (мичман).

[68]) Успенский, Петр Гаврилович — нечаевец, арест. в 69 году. Судом Петерб. судебн. палаты в 71 году пригов. к 15 г. кат. работ, так как признал свое участие в орган. „Народной Расправы“ и в уб. Иванова. С 72 г. Успенский содержался в Александр. заводе, а в 75 году перев. на Кару. В 79 г. был выпущен в вольную команду, 1 янв. 1880 г. снова заключ. в тюрьму, где и умер 27 декабря 1881 г.

[69]) Юрковский, Федор Николаевич,—по взглядам индивидуалист-якобинец, главный участник подкопа под Херсонское казначейство в 1879 году, через который было извлечено больше миллиона рублей денег. Не состоя членом партии „Народная Воля“, он был тесно связан с большинством, если не со всеми членами „Исполнительного Комитета“ и оценивался ими, как крупная революционная величина. В 80 г. он осужден на 20 лет каторжных работ, отправлен на Кару, но в 82 г. снова увезен в Петербург, заключен в Петропавловскую, а затем в Шлиссельбургскую крепость, где и умер в 1896 году.

70) Яцевич, Николай Васильевич, в 79 г. осужден на 15 лет кат. за попытку освободить из тюрьмы Медведева-Фомина. На Каре Яцевич, несмотря на свою молодость, пользовался большим уважением и влиянием, благодаря своим выдающимся способностям и спокойному, миролюбивому характеру. В 1891 г. он вышел на посел., в 1900 г. вернулся в Россию, в 1910 г. умер от туб. Если бы Н. В. Яцевич не поддался, к сожалению, слишком обычной на Руси слабости-болезни, от него можно было бы ожидать больших научных социально-философских трудов. Это было мнением большинства его тов. по тюрьме.

71) Иванов, Игнатий Кириллович,—один из влиятельных и талантливых деятелей киевского кружка М. Р. Попова. С гибелью Иванова партия и освободительное движение вообще понесли большую потерю. К сожалению, тяжелые тюремные условия, при слабой, неустойчивой физической организации Иванова, отозвались на его здоровье, частью психическом, очень сильно и в конце-концов рано свели его в могилу. В 80 г. Иванов был приговорен к смертной казни, замен. бесср. кат., в 82 г. он был увезен с Кары в Петербург, заключен в Алексеевский равелин, откуда перев. в Казанскую лечебницу для умалишенных, в 84 г. вывезен в Шлиссельб. крепость, где и умер в 1886 году.

72) Овчинников, Александр, уголовный, распропагандированный в тюрьме Избицким. В 79 г. он был пригов. к смерти, замен. 20 г. кат. В 86 г. на Каре Овч. выдал администрации остатки подкопа 82 г., подал прошение о помил., перев. в другую тюрьму и в 88 г. вышел на посел. в Забайк. область (г. Акша).

73) К январю 80 г. в Карийской тюрьме находились только Бибергаль и недавно погибший Бобохов; все остальные карийцы жили на воле, в „вольной команде". 1 января 80 г., по распоряжению Лорис-Меликова, все вольнокомандцы вновь были заключ. в тюрьму без всякого видимого повода (что вызвало самоуб. Семяновского накануне нового года). Об этом моменте и говорит здесь автор.

74) Александра Ивановна—жена П. Г. Успенского, а Виктор Петрович—их сын, впоследствии врач, член и секретарь Государств. Думы второго созыва.

75) Ковальская, Елизавета Николаевна—внебрачная дочь крепостной крестьянки и полковника Солнцева (носила фамилию отца). Род. в 1852 г. в Харьк. уезде. Окончила Харьк. гимназию. В рев. движении с начала 70-х г. После разделения „Земли и Воли" вошла в „Черн. Пер.". В 1880 г. основала вместе с Щедриным (тоже чернопередельцем) „Южно-русский рабочий союз" в Киеве. Арестована в том же году. Осуждена Киевск. воен. судом по делу „Южно-русск. раб. союза" на бессрочную каторгу (судились Щедрин, Преображенский Алексей, Богомолец, Павел Иванов, Кашинцев Иван, Доллер, Кизер, Присецкая и Кузнецова). В 82 г. за побег из Иркут. тюрьмы вместе с Богомолец прибавлено 10 лет испытуемых. На Кару привезена в 1882 году. За бунты на Каре увезена в Иркутскую тюрьму (вместе с Богомолец, Россиковой и Ковалевской) в 1884 г. В том же году осенью бежала из тюрьмы. Арестована, приговорена к 90 плетям, приговор не был выполнен, срок увеличен. В 1888 г. за столкновение с ген.-губ. Корфом переведена в Верхнеудинскую тюрьму. За новую попытку к побегу в 1890 г. отправлена в Горно-Зерентуйскую тюрьму. Сделала неудачное покушение на жизнь Бобровского. По манифесту бессрочн. кат. заменена 20-летней. Выйдя замуж за австрийского подданного Мечислава Маньковского, была вместе с ним (как иностранная подданная) выслана из России в Австрию в 1903 г. Вошла в партию с.-р. в 1904 г. и в том же году вышла из партии, разойдясь на программе maximum. Вступила в группу максималистов, зародившуюся в Женеве после конференции с.-р. 1904 г. В 1907 г. арестована в Париже в связи с убийством Леонтьевой франц. гражданина, на которого ей указали, как на министра Дурново. По окончании процесса Леонтьевой — освобождена. В 1909 г. издавала с группой максималистов в Париже журнал „Трудовая Республика". В конце 17 г. возвратилась в Россию, служила в револ. архиве в Ленинграде

научным сотрудником. Работает в редакц. колл. „Каторги и Ссылки". Член Об-ва политкаторжан.

[76]) Бобровский — смотритель угол. Карийской тюрьмы, необыкновенно грубый и злой чел. Прославился издевательством над полит. заключ. Е. Н. Ковальской 11 авг. 1888 г. и приведением в исполнение телесного наказания над заключ. Н. К. Сигидой 6 ноября 1889 г. Впоследствии был перев. помощником нач. Нерч. кат., где на него покушалась привезенная из Верхнеудинска Е. Н. Ковальская. Умер от чахотки.

[76a]) Добрускина, Генриэтта Николаевна,—род. в 1862 г. в Рогачеве, Могил. губ. Оконч. Могил. гимназию, затем слушат. Бестужевских курсов. В 1883—84 г.г. участвовала в „Молодой Нар. Воле". Арестована 16 октяб. 84 г. в Ростове н/Д. Судилась по проц. Г. Лопатина в июне 1887 г. Казнь заменена Добрускиной, Саловой, Якубовичу и др. каторгой, отбыв. на Каре. В 1890 г. в вольной команде вышла замуж за А. Ф. Михайлова. В 1895 г. на поселении в Витиме и возле Читы, а с 1900 г.—в Чите, где вела школу для детей рабочих и затем заним. красно-крест. работой. Участвовала в побеге Карповича, убийстве нач. каторги Метуса и т. д. С 1907 г. вернулась в Одессу, а затем в Ростов н/Д., где заним. общ. работой.

[77]) Мельников, Павел—род. в 1858 г. в Петерб. Учился в коммерч. уч. Первый раз привлекался по уг. делу. Вторично арест. в 1881 г. в Петерб., вместе с Санковским, за участие в покуш. на ген. Черевина. Пригов. к 20 г. кат. Заключ. отбывал на Каре. В 1888 г. подал прош. о помил., в 1889 г. поселен в Амурской обл., откуда бежал в Америку. Выдавал себя за народовольца. О нем см. Л. Дейча „16 лет в Сибири".

[78]) Архангельский,—нач. Акат. кат. тюрьмы 90-х годов. В арестант. мире был известен под кличкой „шестиглазый" за то, что носил одновременно очки и пенснэ. О нем см. П. Якубович-Мельшин „В мире отверженных".

[79]) Кадаинская тюрьма (Кадая) находится при Кад. серебрян. руднике, открытом в 1757 г.; позже здесь были открыты зол. россыпи. Тюрьма расположена в конце села Кадаи, в районе Нерч. горно-зав. округа, в 667½ верстах от Читы. В рудниках и на приисках работали ссыльные, присланные за участие в пугачевском восстании. Из полит. заключ. здесь были польские повстанцы, М. И. Михайлов (поэт), а много лет спустя народоволец О. Нагорный, чернопер. Е. Ковальская, член Ю.-Р. Р. С. Павел Иванов, народов. Берман Л., М. Эстрович, Якубович-Мельшин, Березнюк-Тищенко, А. Болотина и др. По дороге в Кадаю виднеются деревянные кресты кладбища, где похоронены Михайлов, Иванов и польские повст. В 1893 г. на месте полусгнивших бараков построена новая дерев. тюрьма, рядом с которой в 1906—7 годах выстроена новая каменная тюрьма, старые же здания обращены в хозяйств. постройки. По вместимости тюрьма рассчитана на 100 чел., но содержалось свыше 200. Из полит. заключ. эпохи 1905 г. здесь содержались: Капульский, Ройтман, Зухенброт, Губельман, Кравец и др., выслан. из Зерентуя после самоуб. Созонова в 1910 г. Последние годы тюрьма была превращена в богодульскую (богадельня). После revол. 1917 г., как место заключения, тюрьма не функц.

[80]) Берман, Леонид Лазаревич—род. в 1868 году. В револ. движении с 1884 —1886 г.г., в Рыбинске и уезде. Был членом кружка партии „Народная Воля". Сослан администр. в Якут. обл., где 22 марта 1889 г. участвовал в вооруж. сопрот. В том же году по делу Зотова, Гаусмана и др. за вооруж. сопрот. пригов. к 8-ми годам кат. Заключение отбывал в Вилюйске, Акатуе и Кадае. Член О-ва политкат.

[81]) Эстрович, Михаил Борисович—род. в 18 9 г. в г. Двинске. Служащий. В рев. движ. с 1886 года. Примыкал к народов. Арест. в мае 1887 года в Луганске, выслан администр. в Якут. обл. на 4 года. В 1889 году военно-судной комиссией за вооруж. сопрот. в Якутске пригов. к 8 годам кат. Заключение отбывал в Вилюйске, Акатуе, Кадае и на Каре. На посел. был в Киренском уезде.

[82]) Болотина, Анисья Давыдовна — род. в Могилевской губ., в евр. семье, художница. Арест. в Москве в середине 80-х годов по делу „Народной

Воли". В 1887 г. администр. сослана в Колымский округ, Якутск. обл. по делу Губаревой. 22 марта 1889 г. участв. в вооруж. сопрот. в Якутске. Пригов. к бесср. кат. Первоначально содерж. в Вилюйске, затем на Каре, а позже в Кадае. В начале 1894 г. каторга заменена посел. Эмигрировала в Лондон, где живет до сих пор. О ней см. сб. „Якутская трагедия". Издание О-ва политкаторжан.

[83]) Брагинский, Марк Абрамович — род. в 1865 году в Таганроге. В рев. движ. с 1882 г. С 1883—1884 г.г. в Петербурге, в студенч. подп. кружках. С 1885 по 1886 г. в орган. „Народной Воли". В 1887 г. выслан администр. в Якут. обл. на 5 лет. В 1889 г. вместе с Зотовым, Гаусманом и др. пригов. к 20 годам кат. Заключ. отбывал в Вилюйске, Акатуе и Горном Зерентуе. На посел. вышел в 1894 г. Эмигрир. за границу в 1903 г. в Париж, где был представ. группы п. с.-р. В настоящее время член ВКП и Общества политкаторжан.

[83а]) Гассох, Вера Самойловна, по мужу Гоц,—родилась в Одессе, член партии „Народная Воля". В 1887 г. сослана администр. в Колымск, Якутск. обл. В 1889 г. участвовала вместе с тов. в вооруж. сопрот. в Якутске 22 марта. Вместе с Зотовым, Гаусманом, Коган-Бернштейном и др. пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывала в Вилюйске, на Каре и в Горном Зерентуе. В 1894 г. кат. заменена посел. По маниф. возвращена в Россию. Эмигрировала во Францию, где живет до сих пор.

[84]) Перли (Брагинская), Полина Исаевна—род. в 1866 г. в Одессе, в евр. семье. В рев. движ. с 1883 г. и в партии „Народная Воля". Выслана администр. в Якут. обл. на 5 лет по делу типографии Оржиха. В 1889 году участв. в вооруж. сопрот. в Якутске. Приговорена к 20 г. кат., сокращ. на 15 лет. Заключ. отбывала в Вилюйске, на Каре, в Алгачах, в Горном Зерентуе. На посел. была в Якут. обл. Член О-ва политкат.

[85]) Гуревич (по мужу Фрейфельд), Евгения Яковлевна—род. в 1871 г. в Москве, в семье ремесленника. В рев. движ. с 1886 г. в партии „Народная Воля". Была выслана в Якут. обл. в 1887 г. За участие в вооруж. сопрот. в 1889 г. пригов. к 10 годам кат., сокращ. на 6 лет, заключение отбывала в Вилюйске, на Каре и в Горном Зерентуе. На посел. была в Якутской обл. Член О-ва политкат.

[86]) Фрейфельд, Лев Владимирович—род. в 1863 г. в Павлоградском у., Екатериносл. губ., в семье купца; врач, в рев. движ. участв. в 1880 г. в партии „Народная Воля". 3 раза ссылался администр. в Арханг., Пермскую и Тобольскую губ. Судился в 1889 г. по процессу Софии Гинсбург. Приговор. к 10 г. кат. Заключение отбывал в Акатуе и Зерентуе. Всего в заключении пробыл 9 лет. На поселении был в Забайк. обл. После каторги принадлежал к п. с.-р. В настоящее время член О-ва политкат.

[87]) Терешкович, Константин Миронович — род. в 1868 г. в г. Бердичеве, в евр. семье. В рев. движ. с 1886 г. в партии „Народная Воля". Арест. в 1887 г. в Харькове и сослан администр. в Якут. обл. на 6 лет. В 1889 г. участв. в вооруж. сопрот. в Якутске, за что пригов. к 10 г. кат. Заключ. отбывал в Вилюйске, Акатуе и Зерентуе. На посел. вышел в 1894 г. в Забайк. обл. В 1898 г. эмигрировал за границу, где примкнул к п. с.-р. В наст. время член О-ва политкат., беспарт.

[88]) Игельстром, Андрей—подпоручик-сапер; сын и племянник генералов Игельстром, усмирявших польское восст. 1863 г. К рев. движ. примкнул под влиянием Степурина. Арест. в августе 1884 г. в Варшаве. В 1885 г. по делу 29-ти членов „Пролетариата" пригов. к ссылке на поселение. Жил в Минус. округе. По ходат. родных переведен в солдаты без права выслуги в течение 3-х лет. По истечении срока, вновь произвед. в офицеры, вышел в отставку. Жил в Финляндии, откуда писал корресп. в „Русские Ведомости" в продолжение ряда лет. О нем смотри брошюру Мазовецкого: Процесс „Пролетариата".

[89]) Кочурихин, Николай Иванович—род. в 1867 г. в г. Угличе. Учился в Рыбинской гимн. Был секретарем у. земства. В 1892 г. покушался на казанск. губерн. Военным судом пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключение отбывал в Акатуе; в вольной команде был в Зерентуе и Нерч.

заводе до 1903 г. В 1903 г. бежал. Вновь судился в 1907 г. Пермской судебн. пал. по делу конфер. п. с.-р. под фамилией Мелкова. Пригов. к 5 г. кат. С 1912 г. жил на посел. в Усть-Куте, Иркут. губ., откуда в 1913 г. бежал. Член О-ва политкат.

[90]) Славинский, Бронислав — род. в 1863 г. или в 1864 г. Окончил Варшав. гимн. Был студ. универ. в Варшаве. В конце 1883 г. примкнул к партии „Пролетариат". Арест. в июне 1884 г. в Варшаве. При аресте оказал вместе с Дембским и Яновичем вооруж. сопрот., во время которого успел бежать вместе с Дембским. Два года спустя Славинский был арест. в Прусской Польше в Познани за социал. агитацию и пригов. к тюремн. заключ., по отбытии которого был выдан России. Варшав. военно-окр. судом пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. В 1903 г. бежал из Нерчинского Завода в Америку, откуда вернулся в 1905 г. Примкнул к П.П.С. Во время раскола этой партии примкнул к „левице". О нем см. воспом. Ф. Кона „40 лет под знаменем революции".

[91]) Штильман, Абрам—рабочий, еврей. Резчик по дереву. Принадлеж. к боевой дружине п. с.-р. 19 января 1905 г. покуш. на одесского полицейм. Головина. Воен. суд. пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе, откуда бежал.

[92]) Рыбников, Михаил Константинович—род. в конце 80-х г. в Орловской губ., в мещ. семье. Член п. с.-р. Арест. на ст. Хилок карат. экспедиц. ген. Ренненкампфа. Военно-полевым судом 15 февраля 1906 г. пригов. к смертной казни, замен. 8 г. кат. Заключ. отбывал в Акатуе, Зерентуе и Кутомаре. На посел. вышел в 1913 г. в Якут. обл.

[93]) Клитчоглу (Межова), Серафима Георгиевна — род. в 1881 г. в Ростове н/Д. Окончила гимназию и высшие женские курсы. В рев. движен. с 1899 г. в парт. соц.-рев. В 1904 г. участвовала в боев. орган. для террор. акта над министром Плеве. Арест. по указанию Азефа в Петербурге и после годичн. заключ. сослана администр. в Арханг. губ., откуда бежала за границу. По возвращении в Россию, арест. вторично и сослана в Нарымский край, откуда по хлопотам отца переведена в Амурскую обл. В 1908 г. суд. в Благовещенске воен. суд. по делу п. с.-р., но была оправдана. Принимала деятельное участие в орган. побегов ссыльных тов. В настоящее время заним. просвет. деят.

[94]) Щукина, Анисья (настоящая фамилия Козловская)—член боевой орган. п. с.-р. По постан. орган. убила 28 мая 1906 г. в Чите нач. Нерчин. кат. Метуса. После покушения скрылась. Вторично суд. в 1908 г. в Красноярске Иркут. воен.-окр. суд., по делу Орестовой, Петрова-Селектора и др. Пригов. к 4 г. кат. Заключ. отбывала в Акатуе и Мальц. тюрьме. На посел. вышла в 1912 г. в Якут. обл., откуда бежала.

[95]) Трауберг, Альберт Давидович („Карл")—род. в г. Вендене 31 июля 1881 г. Учился в гор. уч. С рев. движ. познакомился в 1896 г. в Риге, приняв участие в редактир. гектограф. журн. „Первые шаги". Был членом Балтийского союза соц.-дем. В дальнейшем входил в орган. „Вперед", по делу кот. был арест. 17 января 1903 г. В тюрьме в августе 1904 г. подвергся избиению во время голод. Освоб. осенью 1905 г. После освоб. был членом Ц. К. Латышского Союза С.-Д. до 1906 г. Летом 1906 г. вступил в партию с.-р., а затем в Сев. боевой отряд. Орган. террор. акты на гл. воен. прокур. Павлова, нач. тюрьмы „Крестов" Иванова, Максимовского и др. Казнен 14/28 мая 1908 года.

[96]) Масокин, Федор—арест. 18 октября 1907 г. Член „Северного боевого отряда". Казнен 14/28 мая 1908 г. вместе с Траубергом. На допросе выдал товарищей.

[97]) Жандр, Георгий Павлович—род. в 1886 г. в г. Бежецке, Тверской губ., в крест. семье; техник. В рев. движ. участв. с 1904 г. в п. с.-р. Арестован в 1908 г. 20 марта 1909 г. судебн. пал. в Пскове по делу убийства нач. Алгач. тюрьмы Бородулина и за принадлежность к п. с.-р. пригов. к ссылке на посел., которую отбывал в Енис. губ. В 1910 г. с поселения бежал за границу, откуда вернулся после Февр. рев. Беспарт. Член О-ва потиткат.

93) Черлениовский, Петр Иванович—полк., прославился своими жестокостями на посту нач, Псков. кат. тюрьмы. До 1903 г. был пом. начальн. Варш. тюрьмы. В 1903 г. назначен нач. Псков. арест. рот. В 1907 г. был команд. для усмирения „голого бунта" в Смоленской кат. тюрьме. В 1908 г. назначен нач. Псковской кат. тюрьмы. В декабре 1911 г. голодовка 150 полит. кат. вызвала ревизию Псковского централа и перевод Черлениовского в Кострому нач. арест. рот. После перевода в Кострому он умер от разрыва сердца.

99) Щегловитов, Иван Григорьевич—род. в 1861 г. Оконч. учил. правовед. Сначала был прокур. Петерб. окружн. суда, а затем вице-директ. 1 департ. минист. юстиции. В дальнейшем был обер-прокур. уголов. кассац. департ. правит. сената. С 1907—министр юст. Прославился применением смертных казней к революц. Боев. орган. п. с.-р. устраивала на него 2 неудачных покушения: 18-го октября 1907 г. и 7 февраля 1908 г. Щегловитов много писал по юрид. вопросам и по криминол. Казнен после Октябрьского переворота.

100) Рогозинникова, Евсталия („Медвеженок") — урож. г. Красноуфимска, Уфимской губ. Училась в музык. консерв. Член Северного боевого отряда п. с.-р. Первый раз была арест. за сношение с агентами охранки, с целью взрыва охр. отд. Бежала из тюрьмы, симулировав сумасшествие. 15 октября 1907 г. убила нач. главн. тюр. упр. Максимовского. Казнена 18 октября 1907 г. на Лисьем Носу.

101) Ярославский (настоящая фамилия Губельман), Миней Израилевич—род. в 1878 г. в Чите, в семье ссыльного. В рев. движ. с 1898 г. в Р. С.-Д. Р. П. (больш.). Первый раз суд. в 1908 г. по делу подп. типогр. — оправдан. Второй раз судился в том же году военно-окружным судом в Петербурге по 102-й статье. Приг. к 5-ти годам кат., заключ. отбывал в Петербургск. перес. тюрьме, Бутырках и Горном Зерентуе. На поселении был в Якут. обл. В наст. время чл. коллегии Н.К. РКИ Староста О-ва политкат.

102) Боков, Орест Михайлович—род. в 1881 г. в Москве, в дворянской семье. В рев. движ. с 1905 г. в п. с.-р. 10 июля 1910 г. покуш. на коменд. г. Харбина полков. Дунтена. Суд. 24 февраля 1912 г. по делу Харбин. террор. кружка. Пригов. к 12-ти г. кат. Заключ. отбывал в Кутомаре и Зерентуе. Амнист. в 1917 г. Беспарт. Член О-ва политкат.

103) Губельман, Моисей Израилевич—вод. в 1884 г. в Чите. Служ. В рев. движ. с 1902 г. в Р.С.-Д.Р.П. Арест. в 1910 г. во Владив. Судился в Чите военно-окружным судом. Пригов. к 8 годам кат. Заключ. отбывал в Зерентуе, Кадае и Кутомаре. На поселении был в Забайк. обл. Член В. К. П. Член О-ва политкат.

104) Горбунов, Александр Леонтьевич—род. в 1884 г. в Иркутске в еврейской семье. В рев. движ. с 1903 г. в п. с.-р. Судился во Владивостоке 1 марта 1908 г. военно-окружным судом по 102-ой ст. Пригов. к бессроч. кат. Заключ. отбывал в Акатуе и Кутомаре. Освоб. по амн. 1917 г. Беспарт. Член О-ва политкат.

105) Зимин—матрос Черном. флота. Суд. в 1906 г. по делу лейтенанта Шмидта. Пригов. к 20 г. кат. Заключ. отбыв. в Зерентуе и Кутомаре. Амнист. в 1917 г.

106) Полубояринов, Георгий Васильевич — род. в начале 80-х годов в г. Иркутске; рабочий. Член п. с.-р. На военной службе заним. рев. деят. Участвовал 20 декабря 1905 г. в освоб. из Акатуя матросов, осужд. за восст. на „Пруте". Арест. карат. экспед. ген. Ренненкампфа. Суд. военно-пол. судом 10 марта 1906 г. Пригов. к смертной казни, замен. бесср. кат. Заключение отбывал в Акатуе, Зерентуе и Кутомаре. Амнист. в 1917 г. Беспарт.

107) Сошников, Петр Иванович—род. в серед. 70-х годов в Томской губ., торг. служ. В рев. движ. участв. с 1902 г. в п. с.-р. Арест. весной 1908 г. в Благовещенске на Амуре по делу Амур. группы п. с.-р. В сентяб. 1909 г. пригов. к 6 г. кат. Заключ. отбыв. в Горн. Зер. и Кутомаре. На посел. вышел в 1914 г. в Забайк. обл. В наст. время беспарт.

108) Сердюков, Василий Иванович—род. в 1864 г. в Кубанской обл., в казач. семье. Кузнец. В рев. движ. с 1904 г. в п. с.-р. Суд. в 1908 г. воен-

но-окружным судом по 102 статье. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Акатуе и Кутомаре. Амнист. в 1917 г. Член О-ва политкат.

109) Петров, Василий Никифорович (наст. фам. Хаим Селектор)—урож. Иркутска. Суд. в 1908 г. в Красноярске по дел. нелег. типогр. п. с.-р. Пригов. к 6 г. кат., срок отбывал в Алгачах и Зерентуе. На песел. вышел в 1913 г. в Якут. обл. После Февр. рев. раб. в рядах п. с.-р.

110) Медницкий, Константин—урож. Иркут. губ. Оконч. гор. уч. Суд. по делу Ирк. орг. п. с.-р. Пригов. к 6 г. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. На посел. вышел. в 1913 г. в Якут. обл.

111) Верба, Константин Петрович—род. в 1883 г. в Риге, в семье почт. чин.; конторщик. В рев. движ. с 1903 г. в Р.С.-Д.Р.П. (больш.). Арест. в январе 1906 г. в Риге. Суд. военным судом по процессу „36-ти". Пригов. к смертной казни, которая при вторичном разбир. дела была замен. 12-ю г. кат. Заключ. отбывал в Смоленске, Тобольске, Горном Зерентуе и Кутомаре. На кат. принадлежал к числу протест. В заключ. пробыл 11 лет 2 мес. Освоб. по амн. 1917 г. Беспарт. Член О-ва политкат.

112) Козлов, Иван Михайлович—род. в 1885 г. в Керенске, Пенз. губ. Почт.-тел. служ. В рев. движ. с 1904 г. Примыкал к п. с.-р. Арест. в августе 1907 г. Суд. в октябре того же года воен.-окруж. судом по делу Ник.-Уссур. воен. орган. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. Амнист. в 1917 г. После Февр. рев. был членом Всерос. Совета крест. деп. Бесп. Член О-ва политкат.

113) Зарецкий, Лазарь—политкат. Судился в Забайк. за фабрикацию бомб. Заключ. отбыв. в Кутом. На посел. вышел в 1914 г.

114) Оссовский, Моисей Ионович—род. в 1886 г. в Седлецкой губ., в евр. семье. Рабочий. В рев. движ. участв. с 1903 г. в орган. „Бунда", а с 1905 г.—в группе анарх.-ком. Арест. в марте 1905 г. в Белостоке. Судился 6 октября того же года Варш. военно-окружным судом за напад. на казачий отряд и принадл. к группе. Пригов. к смертной казни, замен. 15-ю г. кат. Заключ. отбывал в Мокотовском централе, Амурской колесухе, Зерентуе, Алгачах, Акатуе и Кутомаре. В начале 1914 г. отправлен на поселен. в Забайк. обл. Амнист. в 1917 г. Беспарт. Член О-ва политкат.

115) Тур, Григорий Матвеевич—род. в 1888 г. в Петербурге, в евр. семье. Рабочий. В рев. движ. с 1903 г. п. с.-р. Арест. в марте 1906 г. Суд. в Полтаве в 1906 г. военным судом, пригов. к 15-ти г. кат., сокращ. по несоверш. до 10 лет. В апреле 1908 г. бежал из Александр. централа вместе с Ильинским, но вскоре был арест. Судился военным судом. Пригов. к бесср. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе, Кадае и Кутомаре. Амнист. в 1917 г. В 1919 г. примкнул к Р. К. П. Член О-ва политкат.

116) Коткин, Ефим Юрьевич—род. в 1884 г. в Могил. губ., в евр. семье; служ. В рев. движ. с 1903 г. в п. с.-р. Арест. летом 1907 г. Судился в октябре того же года по делу Ник.-Уссур. воен. орган. Пригов. к смертной казни, замен. бессрочн. кат. Заключ. отбывал в Алгачах, Акатуе и Кутомаре. Амнист. в 1917 г. В 1919 г. вступил в Р. К. П. Член. О-ва политкат.

117) Малахов, Александр Алексеевич—род. в 1883 г. в Симб. губ., в семье крест.; служ. В рев. движ. с 1904 г. в п. с.-р. Суд. в Ник.-Уссур. в октябре 1907 г. военно-окруж. судом по делу воен. орган. Пригов. к бесср. каторге. Заключ. отбывал в Зерентуе и Кутомаре. Амнист. в 1917 г. Беспартийный. Член О-ва политкат.

118) Мейзерович, Григорий — урож. Иркут. губ. Судился по делу иркут. соц.-рев. Пригов. к 6 г. кат. Заключ. отбывал в Кутом. и Зерентуе. На посел. вышел в 1913 г. Отошел от всякой рев. деят. еще на кат.

119) Бланков, Исай Моисеевич—урож. Иркут. губ. Судился в 1908 г. в Чите по делу п. с.-р., пригов. к 6 г. кат. Заключ. отбывал в Зерентуе, Кадае и Кутомаре. На посел. вышел в 1913 г. в Якут. обл. В 1917 г. был членом Сибир. обл. думы и член п. с.-р.

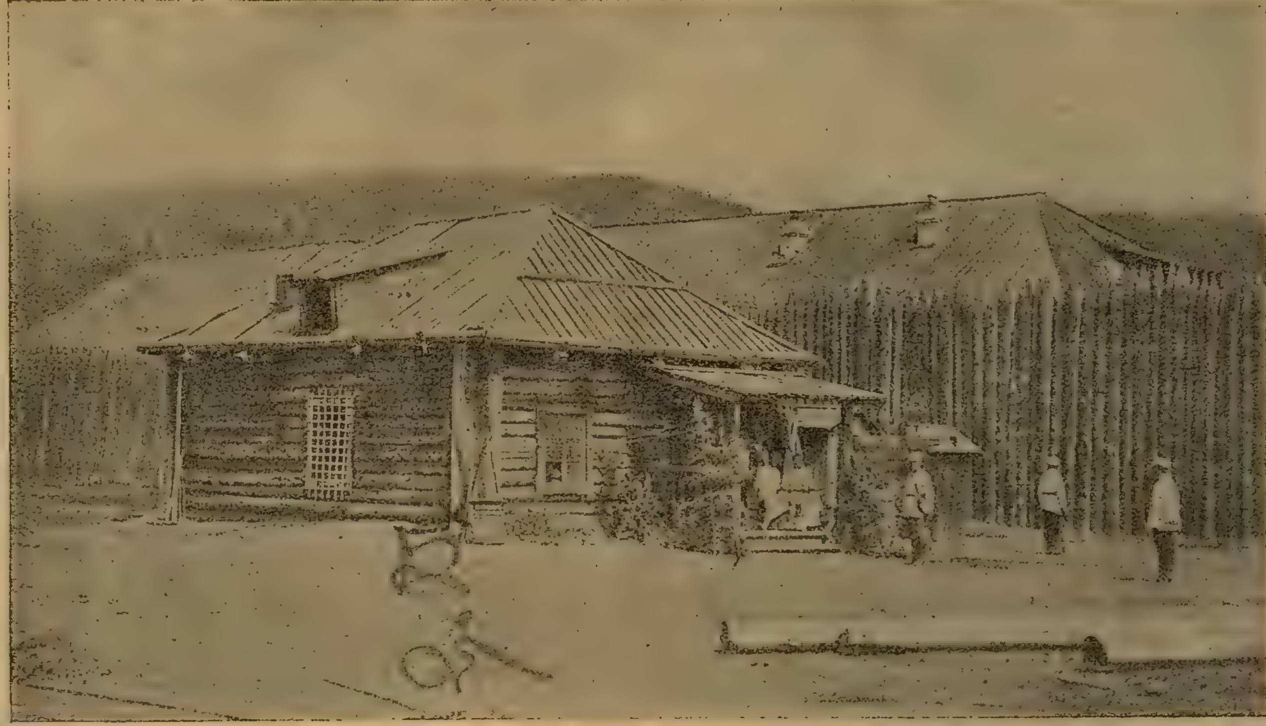
120) Жуковский-Жук, Иосиф Иванович — род. в феврале 1889 г. в Гродн. губ., Слоним. у., в крест. семье. Окончил гор. уч. В рев. движ. с 1905 г. в союзе с.-р. максим. Арест. 7 октября 1909 г. по делу Харбин. террор. кружка. Сидя в тюрьме, покушался 31 июля 1911 г. на прокур. Погра-

ничн. окруж. суда Иванова, ранив его 2 раза кинжалом. Первый раз 20 декабря 1911 г., пригов. к 12 годам кат. Вторично судился 24 фев. 1912 г. по делу террор. кружка; пригов. к 4 г. кат. Заключ. отбывал в К.. томаре и Зерентуе. Амнист. в 1917 г. После Февр. рев. работал в союзе с.-р. максим.; после Октябр. был членом Забайк. исполкома; участник борьбы с Семеновым и Колчаком на Амуре.

[121]) Аразов—урож. Кавказа. Кат. отбывал по угол. делу. Как бывший студ.-медик, он исполнял должн. фельдшера при тюр. лазар.

Вольная команда политических на Нижней Каре — „Куток“.

КАРИЙСКАЯ ЖЕНСКАЯ ТЮРЬМА

